РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1897.

ІЮЛЬ.— АВГУСТЪ.— СЕНТЯВРЬ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1897.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVIII-й. ІЮЛЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Маризъ Паулуччи въ погонѣ за тайными обществами въ Остзейскихъ губерніяхъ. . . . . 5—32

II. Герцогъ Ришелье въ Россіи. П. И. Майкова. . . . 33—49

III. Александръ I и Наполеонъ въ Эрфуртѣ. Гл. VI. (Окончаніе). Сообщ. В. П. Лачиновъ. . . . 51—68

IV. Изъ воспоминаній Михайловскаго - Данилевскаго. 1818 г. Гл. I—III. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. . . . 69—102

V. Къ біографіи Н. А. Полеваго. Сообщ. П. А. Шляпкинъ . . . . 103—107

VI Движеніе русскихъ войскъ отъ Москвы до Красной Пахры. Гл II. А. Н. Попова. Сообщ. Ц. Н Цуриковъ. . . . . 109—124

VII. Адмиралъ Егоръ Ивановичъ Колтовской. (Краткій біографическій очеркъ) П. Голубовскаго 125—138

VIII. Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго (Переписка его съ разными лицами). Сообщ. княгиня А. А. Голицина—графиня Остерманъ 139—163

IX. Мировой судъ въ Подоліи. (Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи). Окончаніе. Ив. Н. Захарьина (Якунина). 165—188

X. Историческія замѣтки. Г. М. . . . . 189—195

XI. Русскій путешественникъ прошлаго вѣка за границею (Собственноручныя письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 г.г.) . . . . . 197—224

XII. Записная книжка „Русской Старины“: «Сонъ» Стихотвореніе Аполлона Никифоровича Марина (стр. 50). — Рескриптъ Екатерины II кн. А. А. Вяземскому о формѣ одежды въ губерніяхъ для чиновниковъ и дворянства. 23-го окт 1782 г.— Объявленіе объ одеждѣ придворныхъ дамъ отъ 24-го окт. 1782 года. (108) — Желаніе Сената принести моленіе въ Казанскомъ соборѣ по случаю изгнанія непріятеля изъ Россіи. Сообщ. А. В. Безродный. (164) — Блюститель нравственности (Рапортъ казанскаго губ. прокурора Овцына министру юстиціи отъ 17 марта 1813 г.). Сообщ. А. В. Безродный (196).

XIII. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Сообщ. Л В Евдокимовъ. . . . 161—176

XIV. Библіографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ адмирала Егора Ивановича Колтовскаго. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1897.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1897 г.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Томъ девяносто восьмой.

Этотъ томъ Сборника содержитъ въ себѣ очень цѣнные матеріалы для біографіи императора Николая Павловича. На первомъ планѣ, по возможности, должны быть поставлены „Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I и къ исторіи его царствованія. Рожденіе и первыя два цать лѣтъ жизни (1796—1817 гг.)“, собранные, по приказанію императора Александра II, статсъ-секретаремъ барономъ М. А. Корфомъ. Трудъ этотъ, состоящій изъ предисловія и трехъ главъ, обнимающихъ собою разные періоды первыхъ годовъ жизни великаго князя Николая Павловича, былъ прочтенъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ и великими княгинями Анною и Маріею Павловнами, которые сдѣлали на поляхъ поднесеннаго экземпляра свои замѣчанія. Такимъ образомъ тѣ мѣста рукописи, противъ которыхъ не сдѣлано замѣчаній, должны считаться безусловно вѣрными, и трудъ барона Корфа, въ отношеніи достовѣрности приводимыхъ въ немъ свѣдѣній, получаетъ еще большее значеніе.

Въ предисловіи къ этимъ „Матеріаламъ“ читаемъ: „Недавно сказано, что исторіи не могутъ писать современники. Подъ перомъ ихъ, она, смотря по личному положенію, отношеніямъ и чувствамъ каждаго, вмѣсто правдивости и безпристрастія, почти всегда выходитъ или безусловнымъ хвалебнымъ гимномъ, или ослѣпленнаго страстями и предубѣжденіемъ хулою, панегирикомъ или сатирою. Но собираніе матеріаловъ для исторіи, напротивъ, должно лежать именно на обязанности современниковъ“, и далѣе: „Такъ точно изволитъ смотрѣть на сей предметъ государь императоръ Александръ Николаевичъ“.

Первый періодъ,—рожденіе и младенчество императора Николая I обнимаетъ время съ 1796 по 1802-й годъ. Еще въ началѣ апрѣля 1795 г. великій князь Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Гатчину и съ тѣхъ поръ почти не бывалъ уже въ Петербургѣ, даже не присутствовалъ почти ни на одномъ изъ важныхъ придворныхъ торжествъ и праздниковъ. Такъ изъ дворцовыхъ документовъ видно, что великаго князя не было при дворѣ ни 21-го апрѣля, въ день рожденія ея величества и празднованія именинъ дочери его великой княгини Александры Павловны, ни 27-го.

Императрица Екатерина II любила лично присутствовать при рожденіи своихъ внуковъ и внучекъ, но при рожденіи Николая Павловича она не присутствовала и прибыла на половину своего сына только послѣ увѣдомленія, полученнаго въ 8¾ ч. утра 25-го іюня 1796 года о томъ, что великая княгиня Марія Ѳедоровна благополучно разрѣшилась сыномъ. Это событіе произошло въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жила императрица и куда по времени предстоявшаго разрѣшенія переѣхала великая княгиня со своимъ супругомъ. О рожденіи великаго князя было объявлено въ Царскомъ Селѣ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Далѣе въ этой главѣ баронъ Корфъ описываетъ крещеніе великаго князя, говоритъ о лицахъ штата новорожденнаго и преимущественно о тѣхъ, о которыхъ сохранились подробности, а именно о госпожахъ Ливенъ, Адлербергъ и Лайонъ. Послѣдняя была приглашена лично самою императрицею занять мѣсто нянюшки и въ теченіе семи лѣтъ была при великомъ князѣ. За это время ей не разъ случалось поступать наперекоръ приказаніямъ не только гувернантокъ и графини Ливенъ, но даже самой императрицы Маріи Ѳедоровны. Такимъ образомъ, во время болѣзней своего питомца, когда ее пугалъ какой-нибудь неожиданный поворотъ недуга, она вдругъ рѣшалась измѣнить предписанія докторовъ и, взявъ на одну себя всю отвѣтственность, не предваряя о томъ ни одной изъ приставленныхъ дамъ, смѣло дѣйствовать по внушенію своего инстинкта и нѣкоторыхъ медицинскихъ познаній. Евгенія Васильевна Лайонъ до послѣднихъ дней своихъ гордилась тѣмъ, что хотя и была англичанкой, но первая учила великаго князя произносить русскія молитвы „Отче нашъ“ и „Богородицу“, первая также учила складывать персты для крестнаго знаменія. Николай Павловичъ былъ очень привязанъ къ своей нянѣ и сохранилъ свое уваженіе къ ней до самаго конца ея жизни.

Съ 1802 г. начинаютъ мало-по-малу заниматъ великаго князя ученьемъ, и ведется журналъ, ежедневно представляемый, въ видѣ рапорта дежурнаго кавалера, самой императрицѣ. Главный надзоръ за воспитаніемъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей былъ порученъ генералу М. И. Ламсдорфу. Вовсе не понимая воспитанія въ истинномъ, высшемъ его смыслѣ, онъ шелъ прямо наперекоръ всѣмъ наклонностямъ, желаніямъ и способностямъ порученныхъ ему воспитанниковъ. Великіе князья были постоянно какъ бы въ тискахъ: они не могли свободно и непринужденно ни встать, ни сѣсть, ни ходить, ни говорить, ни предаваться обычной дѣтской рѣзвости; это была система холодныхъ приказаній, выговоровъ и наказаній, доходившихъ иногда до жестокости. Николай Павловичъ въ особенности не пользовался расположеніемъ своего воспитателя. Онъ былъ характера строптиваго, вспыльчиваго, а Ламсдорфъ, вмѣсто того, чтобы умѣрять этотъ характеръ мѣ

Библиотека "Руниверс"

АДМИРАЛЪ ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ

КОЛТОВСКОЙ.

Библиотека "Руниверс"

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи «Русской Старины» изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ «Русской Старины» 1 руб., а для всѣхъ остальныхъ 1 руб. 50 коп.

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала «Русская Старина»: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что Указатель напечатанъ въ *ограниченномъ* числѣ экземпляровъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библіографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

Библиотека "Руниверс"

МАРКИЗЪ ПАУЛУЧЧИ

въ погонѣ за тайными обществами въ остзейскихъ губерніяхъ.

Въ настоящее время хотя и много напечатано матеріаловъ, проливающихъ свѣтъ на внутреннюю жизнь Россіи въ царствованіе Александра I-го, но они еще далеко не исчерпаны. Одною изъ интереснѣйшихъ эпохъ этого царствованія представляются двадцатые годы—періодъ обще-европейской реакціи, отразившейся и на нашемъ отечествѣ.

Давно уже извѣстно, что взгляды, привитые императору Александру I-му его воспитателемъ Лагарпомъ, шли прямо въ разрѣзъ тому общественному положенію, которое онъ занялъ, сдѣлавшись самодержавнымъ монархомъ. Требованія новаго званія, поддерживаемыя вѣковыми традиціями, были весьма трудно примиримы съ республиканскимъ складомъ идей. Тѣмъ не менѣе, въ первую половину своего царствованія, Александръ пытался примѣнять либеральные принципы, въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ,—на практикѣ. Небольшой кружокъ молодой русской интеллигенціи сочувственно на нихъ откликнулся; большинство же навряд-ли и могло понимать предпринимаемыя реформы; затѣмъ немало было и такихъ лицъ, которымъ всякое преобразованіе, всякое нововведеніе, выбивающее ихъ изъ наѣзженной колеи, было ненавистно.

Замершая при императорѣ Павлѣ общественная жизнь, съ восшествіемъ на престолъ его наслѣдника, снова очнулась и стала немного пошевеливаться. Нѣкоторыя ея проявленія кажутся теперь странными, какъ, напр., занятія нашихъ масонскихъ ложъ того времени, но тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

не менѣе и подобныя проявленія показывали, что мысль выпущена изъ сжимавшихъ ее тисковъ, и что ей предоставлена нѣкоторая самодѣятельность. Но черезъ какіе-нибудь два десятка лѣтъ все должно было перемѣниться.

Когда, съ паденіемъ Наполеона, улеглись бранныя тревоги, поглощавшія собою все вниманіе Европы,—естественнымъ образомъ снова выступило на первый планъ то возбужденіе умовъ, которое было наслѣдіемъ первой французской революціи. Стремленіе западныхъ правителей къ возстановленію до-революціоннаго порядка вещей встрѣтило сильную оппозицію въ распространившемся уже повсюду либеральномъ духѣ; но такъ какъ оппозиція эта не имѣла ни силы, ни возможности выражаться открыто, то сосредоточилась преимущественно въ тайныхъ обществахъ, сѣть которыхъ раскинулась по всей Европѣ.

На-ряду съ этимъ, вслѣдствіе разныхъ, болѣе или менѣе благопріятствующихъ, причинъ, сильно распространилась мода на мистицизмъ, нашедшій себѣ пріютъ отчасти въ масонскихъ, отчасти въ разныхъ піэтическихъ братствахъ. Всѣ эти общества и братства, основная цѣль которыхъ состояла въ усовершенствованіи существующаго порядка вещей, конечно были противны ярымъ реакціонерамъ, желавшимъ все поворотить на старый ладъ. Въ ихъ глазахъ подводились подъ одну категорію люди, стремившіеся къ преобразованіямъ въ политическомъ строѣ государствъ, съ тѣми, которые мечтали объ улучшеніяхъ въ бытѣ церковномъ и въ нравственномъ мірѣ человѣка. Всякое явленіе, выходившее изъ обыденныхъ, предписанныхъ рамокъ, казалось покушеніемъ на государственный переворотъ. Карбонаріевъ и піэтистовъ начали ставить чуть не на одну доску.

Съ воцареніемъ Александра I-го приливъ новыхъ идей въ Россію сталъ обильнѣе, и потому вышесказанныя явленія западно-европейской жизни повторились, до извѣстной степени, и у насъ. Появились тайныя общества, мистическія и піэтическія братства. Послѣднимъ, отчасти, покровительствовалъ и самъ государь. Масонскія ложи, напр., открывались съ разрѣшенія правительства, и состояли подъ непосредственнымъ контролемъ полиціи. Но съ тѣхъ поръ какъ Александръ I подпалъ вліянію Меттерниха и былъ смущенъ безпорядками, которые вызваны были происками разныхъ тайныхъ обществъ въ Западной Европѣ, настроеніе мыслей его—особенно со времени Лайбахскаго конгресса—сильно измѣнилось, и онъ сталъ подозрительно глядѣть на стремленіе общества ко всякаго рода самодѣятельности.

Въ близкихъ ко двору сферахъ, безъ сомнѣнія, скоро сдѣлалась извѣстною эта перемѣна въ умственномъ настроеніи властителя, и люди, враждебно относившіеся къ духу времени, не замедлили воспользоваться ею для всякихъ навѣтовъ на лицъ противной партіи и на

Библиотека "Руниверс"

общества, стремившіяся (конечно, иногда ложными путями) къ самостоятельной дѣятельности на благо человѣчества. Нѣтъ причинъ думать, чтобы всеподданнѣйшія докладныя записки сенатора Кушелева [1]) были единственными въ своемъ родѣ. Но если Кушелевъ написалъ ихъ по собственной иниціативѣ, то и правительство, съ своей стороны, внушало состоящимъ на его службѣ чиновникамъ разыскивать, въ предѣлахъ ихъ административныхъ раіоновъ, всякія тайныя общества.

Что такого рода внушенія существовали—это доказывается нижеприводимыми фактами, изъ которыхъ видно, къ какого рода дѣятельности побуждали они иныхъ администраторовъ, поставлявшихъ себѣ за долгъ—во что бы то ни стало открыть какое-нибудь тайное общество и придавать громадное значеніе такимъ фактамъ, опасность которыхъ была, въ сильной степени, создана ихъ собственнымъ воображеніемъ. Слѣпая ли ненависть ко всему выходящему изъ сферы казенныхъ предписаній и разрѣшеній, желаніе ли угодить высшимъ, ложное ли пониманіе даваемыхъ имъ внушеній, простая ли ограниченность ума—трудно сказать, что́ было причиною ихъ пессимистическихъ донесеній, обращавшихъ муху въ слона.

Къ числу подобныхъ документовъ относятся три докладныя записки, представленныя императору Александру I генералъ-адъютантомъ маркизомъ П а у л у ч ч и, управлявшимъ въ началѣ 1820-хъ годовъ Остзейскими губерніями.

Казалось, какое бы подозрѣніе могло коснуться этого края, гдѣ феодальные нравы дворянства и разныя привилегіи, которыми пользуется буржуазія, служатъ ручательствомъ за консерватизмъ этихъ сословій, и гдѣ крестьяне, въ то время, конечно, не смѣли помышлять о какихъ либо самостоятельныхъ попыткахъ къ улучшенію своего быта?—Однако и эти, вполнѣ повидимому надежныя, губерніи не были оставлены въ покоѣ.

Дѣло началось съ того, что маркизомъ Паулуччи получено было письмо князя Волконскаго (отъ 15-го ноября 1820 г.), написанное, вѣроятно, по высочайшему повелѣнію, судя по близости писавшаго къ государю,—о предполагаемомъ учрежденіи въ Ригѣ новой масонской ложи и о проникновеніи въ Россію эмиссаровъ отъ разныхъ тайныхъ обществъ.

---

[1]) Напечатанныя въ мартовской и апрѣльской книгахъ „Русской Старины", 1877 г. Томъ XVIII.

Библиотека "Руниверс"

I.

Послѣдствіемъ этого письма была первая докладная записка маркиза Паулуччи, отъ 19-го декабря 1820 г.

Онъ начинаетъ ее съ заявленія себя противникомъ всякихъ тайныхъ обществъ и, затѣмъ, докладываетъ государю, что по письму князя Волконскаго наложилъ запретъ и на двѣ существовавшія въ Ревелѣ франк-масонскія ложи—единственныя въ Остзейскомъ краю—хотя оныя и существовали въ силу разрѣшенія министра юстиціи и, «по отдаленности отъ Пруссіи и Польши, не могли имѣть никакихъ злокачественныхъ результатовъ».

«Я счелъ своимъ долгомъ—пишетъ маркизъ—пригласить директоровъ помянутыхъ ложъ, для дачи обязательствъ въ прекращеніи работъ оныхъ, впредь до новаго приказанія, при чемъ внушилъ имъ, чтобы о распоряженіи этомъ они не разглашали. Съ ихъ стороны получено мною формальное заявленіе, что они поспѣшили исполнить это приказаніе, и постараются, чтобы оное сдѣлалось извѣстнымъ только тѣмъ, кого касается».

Донося объ этомъ уничтоженіи ревельскихъ ложъ, Паулуччи счелъ, однако, долгомъ выгородить остзейское дворянство и буржуазію отъ всякаго подозрѣнія въ отсутствіи легальности,—дѣлая только легкіе извѣты относительно у ч е н а г о сословія.

«Зная духъ,—говоритъ онъ,—господствующій въ трехъ губерніяхъ, ввѣренныхъ моему управленію, я могу утвердительно говорить, что если бы тамъ и существовали масонскія ложи, то онѣ никогда не обратились бы въ ложи карбонаріевъ; но при этомъ я полагаю, что многія лица изъ ученаго сословія, особенно тѣ, которыя пріѣзжаютъ изъ-за границы, чтобы поискать счастія у насъ, не преминули бы, въ случаѣ существованія открытыхъ ложъ, воспользоваться этимъ для распространенія своихъ космополитическихъ идей.

«Не лишнимъ будетъ замѣтить, что дворянство сихъ губерній смотритъ на себя вообще какъ на главную цѣль, противъ которой направлены нападки фантазеровъ-космополитовъ. Члены этого дворянства, состоя на службѣ вашего величества, отличаются своимъ усердіемъ и преданностію вашей августѣйшей особѣ; дома же, у себя, мирно занимаются своими хозяйственными дѣлами. Что касается другихъ просвѣщенныхъ классовъ общества, то только въ Ригѣ, Ревелѣ, Митавѣ и Либавѣ они довольно многочисленны для того, чтобы лица, желающія привить имъ демагогическія идеи, могли разсчитывать, что трудъ этотъ не пропадетъ даромъ. Но Рига и Ревель, пользуясь старинными преимуществами, почитаютъ себя слишкомъ счастливыми для того,

Библиотека "Руниверс"

чтобы подобныя попытки могли повлечь за собою какія-либо послѣдствія. Рига, во время послѣдней войны (1812 г.), представила неоспоримыя доказательства своей преданности вашему императорскому величеству; а въ Ревелѣ, конечно, преобладаютъ тѣ же чувства, хотя благосостояніе онаго значительно уменьшилось. Митава и Либава заслуживаютъ такого же свидѣтельства по ихъ хорошему поведенію, особенно въ тѣ же пять мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ они были заняты непріятелемъ. Несмотря на то, что, вслѣдствіе особеннаго покровительства, оказываемаго въ послѣднее время жидамъ, буржуазія этихъ городовъ почти совершенно лишена возможности вести свою торговлю,—ихъ неудовольствіе нисколько не вліяетъ на привязанность къ правительству».

Почтивъ такимъ образомъ дворянство Остзейскихъ губерній и гражданъ городовъ: Риги, Ревеля, Митавы и Либавы, Паулуччи уже прямо переходитъ къ политической, якобы, неблагонадежности ученыхъ, пребывающихъ въ Дерптѣ (Юрьевѣ),—который онъ даже называетъ у ч е н о ю р е с п у б л и к о ю.

«Относительно управленія, господствующаго между учеными, писалъ Паулуччи, мнѣ невозможно дать такого же свидѣтельства, по той причинѣ, что они вообще проникнуты духомъ, господствующимъ въ германскихъ университетахъ, въ которыхъ многіе изъ нихъ обучались. Занимаясь безпрестанно литературными произведеніями, они первые знакомятся съ такъ называемыми возрождающимися идеями, которыми и наполнены ихъ умы. Да, впрочемъ, они и повсюду образуютъ собою партію либераловъ, вслѣдствіе зависти, питаемой ими къ привилегіямъ дворянства.

«Вообще, нечего опасаться поведенія обитателей какъ помянутыхъ четырехъ городовъ, такъ еще менѣе и другихъ городовъ, гдѣ буржуазія весьма малочисленна. Въ Либавѣ, Ревелѣ и Митавѣ общественное мнѣніе направляется дворянствомъ; что касается Риги, то смѣю льстить себя надеждою, что мое тамъ присутствіе оказываетъ подобающее дѣйствіе. Единственный городъ, который въ этомъ смыслѣ составляетъ исключеніе, есть Дерптъ (Юрьевъ). Эта ученая республика, находясь, по организаціи своей, въ полной независимости отъ губернскихъ властей, образуетъ особое государство, которое, однако, не въ состояніи прямо нарушать существующій порядокъ, но, по примѣру многихъ германскихъ университетовъ, ограничивается п о д г о т о в к о ю обучающагося тамъ юношества къ воспріятію утопическихъ идей.

«Могу по совѣсти поручиться, что общества, имѣющія въ виду, посредствомъ разныхъ махинацій, пропагандировать принципы карбонаріевъ, въ настоящее время здѣсь не могутъ имѣть никакого непосредственнаго вліянія».

Этимъ донесеніемъ и могъ бы ограничиться маркизъ Паулуччи,

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ болѣе, что она основана была, по собственнымъ его словамъ, «на точномъ изслѣдованіи нравственнаго состоянія обывателей балтійскихъ провинцій», но его смутили указанія князя Волконскаго на «несомнѣнныя извѣстія», полученныя изъ посольства нашего въ Неаполѣ, о проникновеніи, будто-бы, зловредныхъ эмиссаровъ въ названныя провинціи и объ образованіи тамъ тайныхъ сборищъ. И вотъ, Паулуччи задается мыслью такъ или иначе отыскать заговорщиковъ и указать на нихъ правительству. Для сего онъ считаетъ нужнымъ подробно развить свои взгляды на тайныя общества вообще.

Не отрицая первобытной чистоты намѣреній, которыми нѣкоторыя изъ сихъ обществъ вначалѣ руководились, онъ вслѣдъ засимъ различными примѣрами изъ исторіи, старается доказать, что всѣ они подпадали вліянію интригановъ и честолюбцевъ, пользовавшихся ими какъ орудіемъ для своихъ личныхъ преступныхъ цѣлей.

«Сильно ошиблись бы тѣ люди, — говоритъ онъ, — которые въ иныхъ ассоціаціяхъ усматривали бы только стремленіе къ добру (какъ, напримѣръ, въ библейскихъ обществахъ), между тѣмъ какъ въ другихъ видѣли бы только ядъ, ихъ проникающій. По моему мнѣнію, всѣ они [1]) стремятся къ одной цѣли—къ перемѣнамъ въ существующемъ порядкѣ, какъ политическомъ, такъ и религіозномъ; всѣ работаютъ надъ подготовкою революцій, а слѣдовательно и всѣ, безъ исключенія, не могутъ быть терпимы правительствомъ мудрымъ, не желающихъ ставить на карту свое спокойствіе и существованіе».

Упомянувъ затѣмъ о необычайномъ размноженіи тайныхъ обществъ по всей Европѣ; объ искусномъ дѣйствіи ихъ скрытыхъ руководителей, умѣющихъ извлекать для себя пользу изъ всевозможныхъ обстоятельствъ и не стѣсняющихся въ выборѣ средствъ, Паулуччи довольно неожиданно нападаетъ на учрежденіе, которому особенно покровительствовалъ самъ императоръ Александръ I.

«Изъ сказаннаго мною видно,—говоритъ онъ,—что я подозрѣваю, что библейскія общества обратились въ дѣятельное орудіе для иллюминатовъ, которымъ, посредствомъ сихъ обществъ, удастся незамѣтнымъ образомъ ввести измѣненія во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ и посѣять между народами зародыши непокорности и независимости».

Накинувъ, такимъ образомъ, тѣнь подозрѣнія и на процвѣтавшее у насъ въ то время библейское общество, маркизъ заключаетъ, что, по его мнѣнію, «е с л и извѣстія, полученныя изъ Неаполя, содержатъ

---

[1]) „Масонство всякаго рода. взаимное обученіе, библейскія общества, мистика, чрезмѣрное благочестіе, умѣренный католицизмъ принадлежатъ къ числу средствъ, которыми пользуются для уничтоженія всего существующаго". Примѣч. маркиза Паулуччи.

Библиотека "Руниверс"

въ себѣ достовѣрныя указанія, то есть только одна возможность сборищъ, скрывающихъ въ себѣ политическія цѣли, а именно,—если демагогамъ удалось укрыться въ собраніяхъ, учрежденныхъ для особаго рода богослуженія.

«Хотя видимая цѣль этихъ обществъ, состоитъ въ поднятіи религіознаго культа, что само по себѣ достойно уваженія, но при этомъ не безъ основанія слѣдуетъ опасаться, чтобы подъ личиною усердія и благочестія туда не проскользали эмиссары новыхъ ученій—политическихъ и религіозныхъ. Слѣдующія обстоятельства подали поводъ къ этому подозрѣнію.

«Доктрины, воспринимаемыя въ помянутыхъ обществахъ, имѣютъ отчасти такой характеръ, что не только не соотвѣтствуютъ требованіямъ гражданскаго порядка, но и могутъ побуждать невѣжественную толпу къ возстанію противъ существующихъ учрежденій и нарушенію общественнаго спокойствія. Такова, напримѣръ, доктрина, провозглашающая, что «усердныя и постоянныя молитвы могутъ омыть отъ всякаго грѣха»: она, естественнымъ образомъ, даетъ невѣждамъ поводъ вѣрить, что вслѣдствіе молитвъ всякій дурной поступокъ ихъ можетъ быть прощенъ. Такова, затѣмъ, доктрина, проповѣдующая, что надобно слѣдовать указаніямъ, заключающимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священнаго писанія, и дѣйствовать по вдохновенію, даруемому усердною молитвою. Доктриною этою легко можно злоупотреблять для оправданія всѣхъ предпріятій, подсказываемыхъ коварствомъ и жадностью, такъ какъ ни одинъ изъ членовъ ассоціацій не откажется вѣрить своему собрату, имѣя притязанія на то, чтобы и его собственному вдохновенію вѣрили. Вообще нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣтъ средства болѣе вѣрнаго для достиженія всякой цѣли, для осуществленія замысловъ коварства, корыстолюбія и злобы.

«Не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ этихъ именно религіозныхъ обществахъ работаютъ надъ введеніемъ перемѣнъ въ разныхъ церквахъ, что, напримѣръ, видно изъ попытокъ къ соединенію церквей лютеранской и реформатской, съ цѣлью ввести разныя модификаціи между латинской и протестантской церквами, при осуществленіи которыхъ (модификацій) неминуемо возникли бы расколы и между католиками, и между протестантами. Если бы эти планы приведены были въ исполненіе и власть перешла въ руки вожаковъ, нынѣ облекающихся покровомъ благочестія, тогда увидали бы, къ какимъ цѣлямъ они хотятъ направлять толпу! Особенно подозрительнымъ должно казаться то обстоятельство, что всѣ тѣ лица, которыя въ Германіи стоятъ во главѣ религіозныхъ общинъ и отправляются въ сѣверныя страны, объявляя, что предпринимаютъ этотъ путь, *покоряясь вдохновенію свыше*, что всѣ они, безъ исключенія, продолжительное время прожи-

Библиотека "Руниверс"

вали во Франціи, и именно въ Парижѣ, а это мѣсто, конечно, не изъ наиболѣе способствующихъ къ развитію религіознаго фанатизма въ иностранцахъ. Но со временъ французской революціи было много примѣровъ, что въ подражаніе мудрецамъ древней Греціи, отправлявшимся въ Египетъ для посвященія себя въ религіозныя мистеріи, новѣйшіе фанатики, желающіе посвятить себя политическимъ реформамъ, спѣшатъ ѣхать во Францію, гдѣ лица, возбудившія подозрѣнія въ своемъ отечествѣ, могутъ разсчитывать на пріютъ и покровительство».

Послѣ этихъ инсинуацій, обнаруживающихъ въ ихъ авторѣ такого человѣка, которому уже все начинаетъ казаться подозрительнымъ и грозящимъ опасностью государству, Паулуччи прямо переходитъ къ указанію на личности, заслуживающія, по его мнѣнію, особаго надзора.

«Долгомъ считаю,—говоритъ онъ,—представить вашему императорскому величеству мои подозрѣнія относительно обоихъ братьевъ Хейнлетъ (Heinlett), назначенныхъ директорами училищъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Оба они австрійскіе подданные, но давно уже проживавшіе въ Баваріи (нѣкогда главномъ гнѣздѣ иллюминатовъ). За ними потребно самое строгое наблюденіе. Называя себя «евангелическими католиками», они уже этимъ заявляютъ себя реформаторами, такъ какъ принадлежатъ собственно церкви латинской. Они, избравъ наименованіе «евангелическій католикъ», хотятъ показать, что уклоняются отъ ученія римской церкви, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вполнѣ раздѣляютъ мнѣнія и ученія церкви протестантской. Назначеніе подобныхъ сектаторовъ директорами общественныхъ учебныхъ заведеній должно имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ то, что многіе изъ учениковъ будутъ ими совращены, и что родители не въ состояніи будутъ хладнокровно смотрѣть на это.

«Если существующая въ Россіи терпимость относительно всѣхъ вѣроисповѣданій служитъ одною изъ лучшихъ похвалъ мудрости ея правительства, то нельзя же, однако, полагать, что терпимость эта можетъ доходить до покровительства всякимъ, вновь образуемымъ сектамъ; потому что, если правительство и не имѣетъ власти учреждать новыя вѣрованія, то въ его власти, такъ же, какъ и въ его интересахъ,—охранять тѣ вѣрованія, которыя въ государствѣ уже существуютъ. Если же, напротивъ того, вздумаютъ покровительствовать новымъ идеямъ въ религіи, то поселятъ смущеніе въ умахъ, что̀ весьма неполитично и вездѣ, а тѣмъ паче въ Россіи, такъ какъ у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо причинъ относиться къ этому предмету съ величайшимъ вниманіемъ.

«Замѣтнымъ образомъ распространяющаяся въ низшихъ сословіяхъ народа секта старовѣровъ, по проповѣдуемымъ ею ученіямъ, отнюдь не благопріятна для порядка и спокойствія въ государствѣ. Если кромѣ того возникнутъ расколы въ церквахъ латинской и протестантской, то

Библиотека "Руниверс"

навѣрное надобно будетъ опасаться событій, нарушающихъ общественное спокойствіе.

«Я долженъ вѣрить, что министры вашего императорскаго величества слишкомъ благоразумны и просвѣщенны для того, чтобы къ нравственнымъ задачамъ относиться слегка; они, конечно, знаютъ, что если покровительствуешь лицамъ, которыя измѣняютъ своимъ священнѣйшимъ обязанностямъ, то приготовляешь самое вѣрное средство для того, чтобы тебя самого предали. Если въ предметѣ, столь важномъ какъ религія, допускать производство перемѣнъ или преобразованій, то возможно ли порицать и препятствовать желанію измѣненій и нововведеній по другимъ предметамъ.

«Съ тою откровенностью, которую ваше императорское величество такъ хорошо умѣете цѣнить, и которою я передъ вами обязанъ какъ по мѣсту, которое имѣю честь занимать, такъ и по запросу, адресованному мнѣ отъ вашего имени,—я, послѣ всего вышеизложеннаго, долженъ заключить, что, по моему мнѣнію, необходимо принять слѣдующія мѣры:

1) Воспретить по всей Имперіи всѣ тайныя общества и сборища, потому что они представляютъ орудіе, которымъ плуты такъ же легко могутъ воспользоваться, какъ и честные люди. Ваше величество, какъ въ сердцѣ своемъ, такъ и въ мудрости своей найдете средство отнять у этой мѣры всякій характеръ гоненія.

2) Ваше императорское величество благоволите повелѣть, чтобы приняты были самыя дѣйствительныя мѣры къ строжайшему наблюденію за всѣми сборищами, соединяющимися для молитвъ, — на тотъ конецъ, чтобы они не стремились къ нововведеніямъ въ религіи и чтобы не могли въ нихъ проникнуть виды политическіе.

3) Братья Хейнлетъ, профессоры Ледебуръ (Le de-Buhr) и Хенци, также Госснеръ, Уде (Uhde) и Линдель, которымъ поручено возделывать дѣвственную ниву и которые всѣ называются «братьями странниками» или «Сіонскими братьями», должны подвергнуться самому тщательному надзору,—дабы съ точностью узнать не только предшествовавшія ихъ сношенія, но и тѣ, которыя они въ настоящее время имѣютъ какъ въ Россіи, такъ и за границею.

«Если лица, за которыми я, на первый разъ, прошу только строжайшаго и безпристрастнѣйшаго надзора, окажутся лишь горячими головами и энтузіастами, сердце коихъ, въ сущности, чисто,—то есть поводъ думать, что они игралище и орудіе въ рукахъ интригановъ, а въ такомъ случаѣ, заслуживая сами по себѣ сожалѣнія, они тѣмъ не менѣе опасны для порядка и общественнаго спокойствія.

«Я знаю, что донесеніе это, по важности своего содержанія, тре-

Библиотека "Руниверс"

буетъ болѣе подробныхъ разъясненій; но я намѣренъ представить таковыя, когда буду имѣть счастіе лично повергнуться къ стопамъ вашего величества.

«Если я слишкомъ распространился по сему вопросу, то льщу себя надеждою, что ваше императорское величество отнесетесь къ этому съ тою снисходительностью, которую всегда мнѣ оказывали, во вниманіе къ моему усердію. Если въ тайныхъ обществахъ я усматриваю болѣе зла, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, то вы простите меня, во уваженіе важности предмета и тѣхъ опасеній, которыя внушаетъ мнѣ духъ вѣка.—Впрочемъ, я чистосердечно выразилъ мои мнѣнія, почерпнутыя изъ исторіи, которая показываетъ, что всѣ революціи производимы были тайными обществами».

II.

Во второй докладной запискѣ, помѣченной 10-мъ апрѣля 1821 года (изъ Риги), маркизъ Паулуччи предается болѣе подробному развитію своихъ взглядовъ на религіозныя общины вообще и на существующее (по его убѣжденію) въ Остзейскихъ губерніяхъ особое мистическое согласіе, которое онъ называетъ «евангелическимъ обществомъ».

Общество это, по словамъ маркиза: «доселѣ еще чуждо политической закваски, но, однако, заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться весьма вреднымъ для общественнаго спокойствія и порядка».

Прежде чѣмъ представить какіе либо аргументы противъ членовъ указываемаго имъ общества, Паулуччи опять повторяетъ свое мнѣніе о вредѣ всякихъ религіозныхъ сектъ и о той опасности, которою онѣ, подкапываясь подъ установленную въ государствѣ религію, угрожаютъ самому государственному политическому порядку.

«По всему мною изложенному—пишетъ онъ,—ваше императорское величество могли убѣдиться, что я имѣю достаточно сильныя причины къ подозрѣніямъ противъ этой религіозной секты; а между тѣмъ, не могу сомнѣваться въ томъ, что гораздо легче проникнуть въ глубочайшія мистеріи другихъ тайныхъ обществъ, нежели хотя сколько-нибудь приподнять завѣсу, прикрывающую эту секту.

«При собраніяхъ другихъ тайныхъ обществъ, въ моменты, назначаемые для подготовки умовъ къ политическимъ реформамъ, искусный наблюдатель могъ бы еще усмотрѣть, къ чему они стремятся, но всѣ

Библиотека "Руниверс"

труды его будутъ безполезны въ собраніяхъ обществъ евангелическихъ, потому что всѣ подготовительныя средства, употребляемыя сими обществами, для осуществленія ихъ тайныхъ видовъ, имѣютъ совершенно особый характеръ. Въ подобныхъ собраніяхъ о всякихъ житейскихъ дѣлахъ безусловно умалчивается, и молитвы составляютъ ихъ единственное занятіе.

«Вообще, вся видимая цѣль піэтическихъ сектъ направлена только къ тому, чтобы покорить себѣ волю и разумъ человѣка и заставить его слѣпо повиноваться или собственному вдохновенію, или тому лицу, которое руководитъ имъ во спасеніе души.

«Будучи увѣренъ въ безплодности моихъ розысковъ, если основывать ихъ только на тщательномъ и тайномъ надзорѣ со стороны полиціи, я убѣдился, что мнѣ не остается инаго средства для уясненія себѣ тайныхъ крамолъ и политическихъ стремленій евангелическаго общества, какъ разсмотрѣніе корреспонденціи нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Вслѣдствіе сего я счелъ нужнымъ приказать начальнику почтъ въ Лифляндіи—вскрывать и передавать мнѣ всѣ письма, получаемыя и отсылаемыя директоромъ лифляндскихъ школъ Хейнлетомъ старшимъ, равно какъ и нѣкоторыми другими, указанными мною лицами, соблюдая, конечно, при исполненіи этого приказанія моего, величайшую предосторожность и глубочайшую тайну».

Сколь ни желательно было маркизу открыть грозящій общественному порядку заговоръ, но придуманная имъ радикальная мѣра не привела однако, къ ожидаемымъ результатамъ. Это обнаруживается нижеслѣдующимъ собственнымъ сознаніемъ его, равно какъ и выписками, представленными имъ изъ «перлюстрованныхъ» писемъ.

«Разъясненія, мною пріобрѣтенныя, — пишетъ Паулуччи, — **не могутъ служить положительнымъ доказательствомъ** того, о чемъ идетъ рѣчь, хотя, однако, даютъ самые основательные поводы къ **заподозриванію политическихъ цѣлей**. Не менѣе того, они весьма интересны въ другомъ отношеніи.

«Доказательствомъ сему можетъ служить содержаніе многихъ писемъ, которыя были мнѣ доставлены вышеозначеннымъ образомъ и копіи съ которыхъ повергаю на воззрѣніе вашего императорскаго величества.

«№ 1. Этимъ письмомъ сынъ негоціанта Таушница (въ Лейпцигѣ) удостовѣряетъ господина Хенци, находящагося въ Дерптѣ [1]),

---

[1]) „По статутамъ университета, теологическій факультетъ, въ случаѣ открытія профессорской вакансіи, имѣетъ право самъ предлагать лицо для замѣщенія оной. Тѣмъ не менѣе графъ Ливенъ заблагоразсудилъ самъ сдѣлать это замѣщеніе, и когда открылась вакансія на каѳедру экзегетики, обратил-

Библиотека "Руниверс"

что миссіонеры Штейнкопфъ и Блумгардъ, предназначенные для Германіи, весьма обрадовались, узнавъ, что онъ согласенъ заняться воздѣлываніемъ окружающей его дѣвственной почвы,—а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ, что Хейнлетъ старшій, пребывающій въ Ригѣ, состоитъ въ близкой связи съ Линделемъ и Госнеромъ и что онъ весьма друженъ съ Рённебергомъ (въ Лондонѣ)».

«№ № 2, 4, 5, 17 и 18. Изъ этихъ писемъ видно, что Хейнлетъ младшій отказался принять мѣсто директора училищъ въ Курляндіи по той причинѣ, что вмѣсто 4.000 руб. ассигнаціями, онъ разсчитывалъ получать ту же сумму чистымъ серебромъ; въ этихъ письмахъ онъ (Хейнлетъ) называетъ статскаго совѣтника Пезаровіуса [1]) замѣчательно-братолюбивымъ,—разсказываетъ, что любезный ему статскій совѣтникъ Поповъ [2]) обрадовалъ его своимъ визитомъ, и что онъ имѣлъ у князя Голицына разговоръ, продолжавшійся полтора часа; что графъ Ливенъ дѣйствительно былъ сначала недоволенъ его отказомъ отъ принятія мѣста директора училищъ въ Курляндіи, но что, однако, вслѣдствіе объясненій, ему представленныхъ, кончилъ тѣмъ, что призналъ этотъ отказъ за волю Провидѣнія.—Онъ (Хейнлетъ) извѣщаетъ, что князь Голицынъ предоставилъ ему, въ видѣ пенсіи, половину его содержанія, пока онъ не получитъ мѣсто, и что, вопреки нѣкоторымъ препятствіямъ со стороны министра финансовъ, онъ получилъ право безпошлиннаго провоза вещей, какъ для него, такъ и для его брата.

«Въ этихъ же письмахъ, г. Хейнлетъ сообщаетъ о непріятностяхъ, претерпѣнныхъ многими изъ ихъ друзей въ Мюнхенѣ; онъ увѣряетъ, что Госнеръ проповѣдуетъ въ Петербургѣ по два раза въ недѣлю, съ огромнымъ успѣхомъ; что Линдель не имѣетъ желаемаго успѣха въ Одессѣ, но что князь Голицынъ доставилъ ему и протекцію, и почетъ; говоритъ, будто одесскій губернаторъ объявилъ Линделю, что по занимаемой должности принужденъ ему покровительствовать, но что, какъ католикъ, долженъ ненавидѣть его, и, наконецъ будто Линдель такъ мало былъ увѣренъ въ томъ, что не подвергнется гоненіямъ, что

ся за рекомендаціями къ тюбингенскому профессору Флатту, который и указалъ ему на швейцарскаго уроженца Хенци. Этотъ Хенци, молодой человѣкъ 24-хъ лѣтъ, совершенно неизвѣстенъ въ литературномъ мірѣ и исповѣдуетъ реформатскую религію.

„Такимъ образомъ, интересы преобладающей въ балтійскихъ провинціяхъ лютеранской церкви предоставлены въ Дерптскомъ университетѣ на произволъ лица, исповѣдующаго религію реформатскую". Примѣч. Паулуччи.

[1]) Основателя газеты „Русскій Инвалидъ".

[2]) Извѣстный дѣятель по библейскому обществу, послѣдователь секты Татариновой и весьма близкій человѣкъ къ князю А. Н. Голицыну.

Библиотека "Руниверс"

вынужденъ былъ принять отъ полиціймейстера охранительный эскортъ изъ пяти казаковъ.

«Говоря о себѣ лично, г. Хейнлетъ младшій увѣряетъ, что во всякомъ вѣроисповѣданіи онъ съумѣетъ быть принятымъ и найдетъ для себя дѣятельность; кромѣ того, онъ упоминаетъ, что уже завязалъ сношеніе съ англичанами Патерсономъ и Хендерсономъ, но что сношенія эти прервались вслѣдствіе того, что онъ не заявилъ съ перваго же шага о своемъ искреннемъ желаніи перейти въ лютеранство, а что если бы это было сдѣлано, то они (лютеране), конечно, оказали бы ему содѣйствіе всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

«О графѣ Ливенѣ онъ отзывается, какъ о христіанинѣ съ весьма добрымъ сердцемъ, но съ нѣсколько преувеличеннымъ предпочтеніемъ къ своей церкви.

«№№ 8, 10, 14 и 15.—Г. Хейнлетъ (рижскій) заявляетъ графу Ливену, что наставленія для школъ слишкомъ сухи, но что онъ замѣнитъ ихъ энергическими изреченіями изъ Библіи. Говоря о себѣ самомъ, онъ сравниваетъ себя съ оленемъ, преслѣдуемымъ охотниками, и благодаритъ Бога за то, что Онъ даруетъ ему силы для бѣгства. Онъ увѣряетъ, что сатана находится повсюду, особенно же въ Ригѣ; но что, впрочемъ, есть тамъ и хорошіе люди, какъ, напримѣръ, госпожа Б л а у, г. В е с т е н х о л ь ц ъ и содержательница Петербургской гостиницы, т. е. все такія лица, которыя принадлежали къ сектѣ изувѣровъ, собиравшихся въ К о л ь з е н ѣ [1]).

---

[1]) „Скандалы, которые около конца 1814 г. происходили въ помѣстьѣ Кользенъ (въ Лифляндіи) и о которыхъ самыя точныя подробности доведены были до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, суть послѣдствія религіознаго фанатизма, возявшаго свое начало въ мистическихъ кружкахъ, основанныхъ г-жею К р и д н е р ъ, во время пребыванія ея въ Ригѣ, въ 1811 г., передъ отъѣздомъ за границу. Эта женщина очень хорошо изобразила свои наклонности въ романѣ „Валерія“, но, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, она съ преувеличеннымъ рвеніемъ предалась религіозному мистицизму. Желая увѣрить насъ, что посредствомъ постоянной молитвы достигла непосредственныхъ сношеній съ небесными силами, она въ 1810 г. основала въ Ригѣ тайное общество, которое по всему, что я о немъ могъ узнать, имѣло много сходнаго съ другими религіозными обществами, терпимыми еще и по сіе время, даже въ самой столицѣ. Члены этого общества занимались молитвами, колѣнопреклоненіями, пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ; тамъ читали и объясняли священное писаніе и взаимно преподавали другъ другу причастіе; тамъ утверждали, что религіозный человѣкъ можетъ, посредствомъ молитвъ, преклонить Божество къ дѣятельному и непосредственному вліянію на мірскія дѣла; что Всемогущій всегда являетъ Себя избранникамъ своимъ путемъ видѣній, вдохновеній и пророчествъ; что Онъ исцѣляетъ ихъ отъ неизлѣчимыхъ болѣзней и немедленно извлекаетъ ихъ изъ положеній самыхъ горестныхъ; что Онъ да-

Библиотека "Руниверс"

«Наконецъ, онъ упоминаетъ о томъ замѣчательномъ фактѣ, что во время пожара въ предмѣстьяхъ Риги всѣ дома, принадлежащіе истиннымъ христіанамъ, были пощажены огнемъ.

«№№ 7, 11, 12.—Г. Н и ц ъ (Nietz), арендующій участокъ земли въ Лифляндіи, пишетъ нѣкоему Р е н і у с у, живущему близъ Мемеля, а равно и профессору Г о ф м а н у, въ Берлинѣ, что, по его мнѣнію, Хейнлета преслѣдуютъ въ Ригѣ, гдѣ царь тьмы укрѣпляется;—что вообще въ Ригѣ все спитъ глубокимъ сномъ и что тамъ нельзя найти вѣры въ Іисуса Христа. Затѣмъ онъ, подобно новому Іереміи, предсказываетъ, что конецъ таковаго христіанства долженъ быть ужасенъ; указываетъ на то, что въ Италіи и Испаніи кары небесныя уже начались; что плачевная исторія Франціи не вразумила насъ, и что мы подвергнемся участи іудеевъ, которые тоже не хотѣли извлекать по-

---

руетъ имъ успѣхъ во всемъ, чего они не пожелаютъ, безъ всякой необходимости усилій со стороны самого человѣка.

„Въ началѣ декабря 1814 года многіе изъ членовъ этого тайнаго общества, которое, со времени отъѣзда г-жи Криднеръ, управлялось нѣкоею г-жею Блау, носившею титулъ „Сѣвернаго патріарха", отправились въ помѣстье Кольвенъ, дабы вполнѣ предаться мистическимъ упражненіямъ.

„Благочестивыя упражненія эти состояли въ соблюденіи многодневнаго, строгаго поста и наложеніи на себя всякаго рода эпитемій, для очищенія отъ грѣховъ. Подготовляя себя означеннымъ образомъ, члены сего общества скоро приходили въ такое состояніе, при которомъ разумъ уже не имѣетъ силы противиться напору воображенія, возбужденнаго фанатизмомъ.

„Безобразія, долженствовавшія отъ того произойти, дѣйствительно начались съ того момента, когда г-жа Р—цъ, директриса общества, заявила о нисшедшемъ на нее свыше вдохновеніи, по которому она должна изображать собою Спасителя міра. Другіе члены, тоже по вдохновенію свыше—приняли на себя роли: апостола Петра, новаго Адама, пресвятой Дѣвы, апостола Іоанна и пр.

„Двое домашнихъ животныхъ—голубь и кошка были умерщвлены и обращены въ пепелъ, что служило символомъ изгнанія лукаваго духа прелюбодѣйства и алчности. Кровь нечаянно поранившаго себя ребенка сосали, какъ бы кровь агнца Божія. Новый Адамъ привелъ себя въ такой видъ, какъ природа его создала, и все общество послѣдовало столь святому примѣру. Домашняя прислуга получила приказаніе признавать и боготворить новоявленнаго Іисуса Христа. Наконецъ, бракосочетаніе дочери г-жи Р—цъ съ апостоломъ Іоанномъ (сапожнымъ ученикомъ Б у ш е м ъ) уже готово было совершиться, когда слухъ объ этихъ безобразіяхъ дошелъ до меня. Я прекратилъ ихъ своевременно, такъ что они не могли имѣть пагубныхъ послѣдствій.

„Сдѣлавъ всѣ необходимые розыски, я постарался обратить заблудшихся на путь истины, при чемъ всячески щадилъ ихъ. Мною приняты были мѣры, чтобы остановить распространеніе этой секты и чтобы сдѣлать ее менѣе опасною,—однако, не въ моей власти состояло уничтоженіе и послѣдняго слѣда ея, что было бы легко сдѣлать въ то время, если-бъ заблагоразсудили послѣдовать моему мнѣнію, выраженному въ рапортѣ отъ 10-го іюля 1815 г., который былъ оставленъ даже безъ отвѣта".

Библиотека "Руниверс"

ученія изъ примѣровъ, преподанныхъ судьбами Израиля. Онъ заключаетъ тѣмъ, что истинные слуги Спасителя нашего, какъ напримѣръ Госнеръ, Линдель и нѣкоторые другіе рѣдкія личности, не должны притворяться, но что они обязаны, какъ передъ высшими, такъ и передъ низшими, предъ учеными и простяками обличать общее развращеніе и его страшныя послѣдствія, если не хотятъ сами сдѣлаться отступниками отъ Высшаго Существа.

«№№ 3, 12 и 21.—Г. Хорнъ, учитель въ Эрлангенѣ, въ письмѣ къ Хейнлету, называетъ его помазанникомъ Господнимъ (Gesalbter des Herr'n).

«В е с т е н х о л ь ц ъ (тотъ самый, который красовался въ скандальномъ кольбенскомъ дѣлѣ) посылаетъ Пезаровіусу 10 тетрадей напечатаннаго въ Страсбургѣ, въ 1809 г., духовнаго журнала, содержаніе коихъ вполнѣ мистическое, а г. М о р и ц ъ, служащій при Екатеринославской колоніи, увѣряетъ, что онъ всякое воскресенье съ большимъ успѣхомъ говоритъ проповѣди въ залѣ гимназіи; что аудиторія его состоитъ изъ протестантовъ, католиковъ и менонитовъ, и что епископъ сихъ послѣднихъ просилъ добыть для него статуты евангелической общины.

«№№ 6 и 9.—Графъ Л и в е н ъ увѣдомляетъ г. Хейнлета (рижскаго), что князь Голицынъ согласился на прибавку ему (Хейнлету) содержанія и выхлопоталъ разрѣшеніе свободнаго ввоза его вещей. Онъ приглашаетъ Хейнлета къ взаимному довѣрію, какъ во имя тѣхъ отношеній, въ которыя они поставлены, такъ и въ виду значительной важности обязанностей и работъ, которыя они соединенными силами должны вызвать къ жизни [1]). Онъ говоритъ, что убѣжденъ во враждѣ, питаемой къ нему въ Ригѣ, вслѣдствіе того что онъ принадлежитъ Іисусу Христу, и что Спасителя нашего, крестящаго духомъ и огнемъ, отвергаютъ и не признаютъ; что противъ него кричатъ не потому, что онъ католикъ, но потому, что онъ исповѣдуетъ Христа, который «Іудеямъ есть с о б л а з н ъ, Еллинамъ же—б е з у м і е»; что по этой именно причинѣ онъ желаетъ, чтобы Хейнлетъ открыто заявилъ себя протестантомъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, какимъ онъ, по сердцу, его считаетъ; что, впрочемъ, онъ (Хейнлетъ) напрасно затрудняется это сдѣлать, такъ какъ церковь, къ коей онъ принадлежалъ, объявила его еретикомъ,—и что благочестивые Госнеръ и Линдель, повидимому, не склонны къ охужденію подобнаго открытаго заявленія о перемѣнѣ вѣры.

---

[1]) „Должно быть работы ихъ и точно очень важны, если между двумя лицами, вполнѣ другъ другу чуждыми, порождаютъ довѣріе и фамильярность, которыя безъ этого были бы неестественны, хотя бы только по общественному званію и по существующимъ между ними служебнымъ отношеніямъ".

Библиотека "Руниверс"

«№ 22.—I. Р е н н е н б е р г ъ (въ Лондонѣ), который, какъ видно по письму № 1, состоитъ въ тѣсной связи съ Хейнлетомъ, Госнеромъ и Линделемъ, въ письмѣ своемъ къ профессору Хенци (въ Дерптѣ) извиняется въ своемъ долгомъ молчаніи, выставляя предлогомъ то обстоятельство, что на немъ одномъ лежитъ матеріальная часть иностранныхъ сношеній этой огромной машины (?), дѣйствія которой распространяются до концовъ земли. Онъ льститъ себя надеждою ясно доказать общему ихъ другу Ф е р б е р у всю важность вліянія Библейскаго общества на исторію нашего времени [1]); онъ замѣчаетъ, что сказанное имъ Ферберу о вліяніи слова Божія на направленіе общественныхъ и политическихъ отношеній, показалось тому чѣмъ то совершенно новымъ; наконецъ, онъ совѣтуетъ Хенци войти въ тѣсную связь съ библейскимъ обществомъ, такъ какъ черезъ него онъ можетъ сдѣлаться полезнымъ дерптской братіи, и входъ ему повсюду будетъ открытъ [2]).

«№ 23.—Письмо это посылаетъ г-нъ Х е н ц и его другу Ницу, въ Линденбергъ. Онъ извѣщаетъ послѣдняго, что надѣется скоро получить, черезъ Таушница, всѣ миссіонерскіе журналы, издаваемые въ Германіи, Швейцаріи и Англіи, и что его другъ Ренненбергъ пришлетъ ему полное собраніе всѣхъ донесеній, до сихъ поръ доставленныхъ англійскими библейскими обществами и разными церковными миссіями. Получивъ все это, онъ намѣренъ публично пригласить студентовъ къ присутствованію, одинъ разъ въ недѣлю, на лекціяхъ, въ продолженіе коихъ онъ намѣревается изложить о всемъ наиболѣе интересномъ въ царствіи Божіемъ.

«Онъ увѣряетъ своего друга, что надѣется составить небольшое миссіонерское общество, въ которомъ примутъ участіе жены дерптскихъ профессоровъ и даже нѣкоторые профессора.

«Хенци сообщаетъ своему другу, что его любезный кураторъ только что поручилъ ему одного бѣднаго, молодаго христіанина, подающаго большія надежды; что число аспирантовъ велико, но число избранныхъ мало. Онъ сообщаетъ ему также о случаѣ съ однимъ изъ его соотечественниковъ, г. Мейеромъ, покинувшимъ родителей, жену и семерыхъ дѣтей для того, чтобы послѣдовать за г-жею Краднеръ.

«Хенци повѣствуетъ о томъ, какъ г. Мейеръ, растративъ свое состояніе, кончилъ теперь тѣмъ, что открылъ глаза, и затѣмъ предается

---

[1]) „Какая прекрасная рекомендація этого общества для тѣхъ правительствъ, которыя желаютъ поддерживать порядокъ и общественное спокойствіе?!“

[2]) „Это напоминаетъ мнѣ ту эпоху, когда въ Австріи нельзя было достичь сколько-нибудь значительныхъ должностей, не будучи масономъ“.

Библиотека "Руниверс"

весьма интереснымъ размышленіямъ о помянутой женщинѣ, спрашивая себя: каковы плоды ея ученія? Въ заключеніе онъ говоритъ, что во время пребыванія г-жи Кридиеръ въ его отечествѣ онъ не могъ усмотрѣть другихъ плодовъ ея ученія, кромѣ внесенія безпорядка въ умы, праздности, разврата, лицемѣрія, плутовства, прикрытыхъ аффектированною набожностію, и что онъ не можетъ осуждать тѣ правительства, которыя отказываютъ въ пристанищѣ подобному апостолу. Онъ разсказываетъ также, что, во время прибыванія г-жи Кридиеръ въ Дерптѣ, она вскружила голову одному студенту, впавшему въ помѣшательство [1]). Вообще, содержаніе этого длиннаго письма весьма интересно.

«№№ 19 и 24.—Письма эти отъ г. Эвальда, изъ Цеслина (въ Гернгутѣ, въ верхней Лузаціи). Содержаніе ихъ доказываетъ, что тѣ мѣста, гдѣ распространяются моравскіе братья, ежегодно подвергаются поборамъ».

Изъ всей этой переписки маркизъ Паулуччи выводитъ слѣдующее заключеніе:

«Таковы, говоритъ онъ, свѣдѣнія, добытыя въ городѣ, который, по сознанію самихъ сектаторовъ, не можетъ быть однимъ изъ важныхъ мѣстопребываній означеннаго евангелическаго общества, потому что въ городѣ семъ царствуетъ духъ тьмы. Отказываясь отъ надежды раскрыть въ здѣшнихъ мѣстахъ истинную цѣль, къ которой стремится это тайное общество, я все-таки очевиднѣйшимъ образомъ увѣрился въ томъ, что у самаго подножія трона, равно какъ и при алтаряхъ греческой церкви, образовался центральный пунктъ дѣятельности, стремящейся къ возбужденію смуты и къ подкапыванію подъ ученіе всѣхъ церквей.

«Мы видимъ священниковъ-отступниковъ—каковы Линдель и Госнеръ, которые отрекаются отъ католической вѣры, не исповѣдуя открыто и вѣры лютеранской, но которые готовы принять лютеранство, если этимъ средствомъ могутъ сохранить за собою милости могущественнаго покровителя.

«Мы видимъ писателей, которые непонятными и темными фразами, почерпнутыми, впрочемъ, изъ натуральной философіи, объясняютъ таинства и догматы вѣры, какъ-бы преподанные намъ явленіями внѣшняго міра. Эти личности, на которыхъ просвѣщенные люди давно уже указываютъ, какъ на кандидатовъ въ дома умалишенныхъ, съумѣли, однако, въ этой новой алхиміи найти философскій камень для полученія пенсій, какъ, напримѣръ, Бадеръ (въ Мюнхенѣ), авторъ сочиненій: «Sätze aus der Bildungs-oder Begründungslehre des Lebens» и «Ueber den Blitz, als Vater des Lichts!»

---

[1]) „Фактъ этотъ буквально вѣренъ; юный студентъ, о которомъ идетъ рѣчь, зовется Болландъ; онъ уроженецъ м. Гробина, въ Курляндіи"-

Библиотека "Руниверс"

«Небезъинтересно и то, что видишь, какъ невѣжды, неспособные къ оказанію существенной пользы и презираемые въ собственномъ отечествѣ, не только занимаютъ въ Россіи (благодаря протекціи ихъ собратій, членовъ евангелическаго общества) такія должности, къ которымъ они вовсе не способны, но получаютъ пенсіи и разныя должности, какъ, напримѣръ, братья Хейнлетъ... То же самое можно сказать и о тѣхъ, коимъ поручено доставлять сюда изъ-за границы всѣ мистическія сочиненія, каковы, напримѣръ, иностранцы: Реніусъ и Гофманъ, и лифляндцы: Ницъ и Вестенхольцъ.

«Наконецъ, мы видимъ иностранцевъ, посланныхъ въ столицу и состоящихъ членами библейскаго общества, трудящимися надъ распространеніемъ очищенныхъ догматовъ религіи, какъ, напримѣръ, англичане: Патерсонъ и Хендерсонъ, которые, вѣроятно, не чужды и политики англійскаго правительства.

«Если, несмотря на все вышепредставленное, люди подобнаго закала дѣлаются ближайшими повѣренными первостатейныхъ сановниковъ государства; если князь Голицынъ, стоящій во главѣ господствующей церкви, и графъ Ливенъ, начальникъ всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеній въ балтійскихъ провинціяхъ, находятъ, что въ порядкѣ вещей назначать лицо реформатскаго вѣроисповѣданія, подобное г. Хенци, профессоромъ экзегетики въ лютеранскомъ Дерптскомъ университетѣ и довѣрять братьямъ-вѣроотступникамъ Хейнлетамъ (членамъ новой секты, не исповѣдующимъ ни католической, ни лютеранской религіи) управленіе школами двухъ губерній, покровительствуя имъ до такой степени, что при самомъ поступленіи на службу они получаютъ прибавку жалованья и пенсіи; если князь Голицынъ и графъ Ливенъ поддерживаютъ и покровительствуютъ всею своею властью миссіонеровъ, пребывающихъ въ Россіи только съ цѣлью введенія реформъ въ догматахъ церкви (каковы Линдель, Госнеръ и Хенци, тѣсно между собою связанные такъ же, какъ и ихъ собратія—англичане: Патерсонъ и Хендерсонъ, а равно и братья Хейнлеты, имѣющіе даже за границею своихъ помощниковъ, которымъ поручено доставлять имъ мистическія сочиненія); если, наконецъ, при покровительствѣ обоихъ вышеназванныхъ лицъ, вліятельныхъ въ россійской администраціи, вѣроотступникъ Госнеръ двукратно въ недѣлю говоритъ проповѣди въ столицѣ, а вѣроотступникъ Линдель, вопреки неудовольствію духовенства и публики, пользуется особеннымъ покровительствомъ, благодаря приказаніямъ князя Голицына, то какимъ образомъ послѣдствіямъ всего этого не сдѣлаться опаснымъ даже для спокойствія государства?!

«Когда Святѣйшему Синоду удастся снять покровы, скрывающіе всѣ сіи темныя продѣлки, и узнать о всѣхъ этихъ связяхъ и ихъ послѣдствіяхъ, то въ состояніи ли онъ будетъ питать довѣріе къ своему

Библиотека "Руниверс"

первому представителю? Въ состояніи ли онъ будетъ снести упрекъ, произнесенный графомъ Ливеномъ, что Іисусъ Христосъ для эллиновъ—безуміе? Сочтется ли это стремленіе къ отвращенію умовъ отъ догматовъ греческой церкви менѣе опаснымъ, нежели попытки іезуитовъ пріобрѣсти нѣсколькихъ прозелитовъ, за что они, какъ и подобало, были высланы изъ столицы?

«Господствующая церковь, безъ того уже много трудящаяся въ борьбѣ со старовѣрами, которые, въ видѣ разныхъ сектъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все болѣе успѣха среди народа, можетъ ли смотрѣть равнодушно, какъ отщепенство овладѣваетъ и самыми просвѣщенными классами, и что самыя солидныя и самыя священныя связи общественнаго порядка могутъ ослабѣть и даже совсѣмъ разрушиться? Справедливо ли предоставлять такой участи ту церковь, которая, конечно, болѣе всякой другой заслуживаетъ внутренняго спокойствія, сохраненнаго ею, благодаря удивительной вѣротерпимости, обнаруживаемой относительно другихъ вѣроисповѣданій.

«Если легко убѣдиться въ томъ, каковы должны быть результаты подобныхъ разногласій, то вѣрно тоже и то, что безъ скорыхъ и сильныхъ мѣръ къ ихъ совершенному пресѣченію мы не очень далеки будемъ отъ лицезрѣнія ихъ плачевныхъ послѣдствій, потому что во всякомъ духѣ реформъ есть извѣстная сила, которая, будучи разъ приведена въ движеніе, уже не зависитъ отъ того, чего мы желаемъ, но отъ того, чего требуетъ ходъ событій,—и тогда уже нѣтъ силъ ее остановить.

«Страннымъ должно казаться, что корифеи этого тайнаго общества находятся въ сношеніяхъ со всѣми пропагандистами и миссіями, съ моравскими братіями, съ библейскими обществами и даже съ франкъ-масонскими ложами [1]), хотя между этими корифеями существуетъ разногласіе въ мнѣніяхъ, которое нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что намѣренія у нихъ совсѣмъ иного свойства.

«Г. Хейнлетъ, находясь въ Петербургѣ и будучи недоволенъ замедленіями въ исполненіи своихъ желаній, рѣшается войти въ связь съ англичанами: Патерсономъ и Хендерсономъ; однако, онъ отказывается потомъ отъ этого намѣренія, не желая, согласно ихъ требованію, объявить себя совершенно въ пользу лютеранской религіи, и разсчитываетъ, что вслѣдствіе этого онъ не можетъ болѣе ожидать съ ихъ стороны содѣйствія, на которое разсчитывалъ. Графъ Ливенъ, увѣряя, что Госнеръ и Линдель съ нимъ согласны, приглашаетъ Хейнлета старшаго явно перейти въ лютеранство, а братъ упрекаетъ его за эту

[1]) „Статскій совѣтникъ Пезаровіусъ состоитъ мастеромъ въ одной изъ петербургскихъ ложъ“.

Библиотека "Руниверс"

нерѣшительность, замѣчая, что дѣло тутъ идетъ только о перемѣнѣ внѣшнихъ формъ, которыя доставили бы ему пріемъ и попраще для дѣйствія во всѣхъ церквахъ. Соображая эти кажущіяся противорѣчія, находимъ весьма замѣчательными слова лондонскаго корреспондента г-на Ренненберга (весьма близкаго друга Госнера, Линделя и Хенци), такъ какъ онъ говоритъ, что на немъ лежатъ иностранныя дѣла «этой огромной машины», вліяніе которой распространяется до концовъ земли. Тотъ же Ренненбергъ упоминаетъ о сильномъ вліяніи библейскаго общества на исторію нашего времени и о дѣйствіи слова Божія на всѣ отношенія—гражданскія и политическія и, наконецъ, онъ совѣтуетъ своему другу, Хенци, держаться библейскаго общества для того, чтобы доставить себѣ повсюду свободный доступъ [1]).

„[1]) Въ числѣ разныхъ мѣръ, принятыхъ мною для исполненія воли вашего величества, сообщенной мнѣ 15-го (27-го) сентября, черезъ князя Волконскаго, мнѣ пришлось поручить одному лицу (надежному по своимъ правиламъ и обладающему полною моею довѣренностью) постараться открыть, существуютъ ли въ Дерптѣ тайныя общества или политическіе эмиссары, и дать мнѣ отчетъ какъ въ этомъ, такъ равно и во всемъ, что могло бы повліять на общественный порядокъ. Такъ какъ это же лицо должно было, по собственнымъ дѣламъ, побывать въ Петербургѣ, то я, полагаясь на его скромность и искусство, счелъ нужнымъ воспользоваться симъ и поручилъ ему и тамъ обратить свое вниманіе на предметы, которые входили въ инструкцію, данную ему при отправленіи въ Дерптъ.

„Изъ собранныхъ имъ свѣдѣній видно, что разныя тайныя общества, распространенныя по Европѣ, нашли доступъ и въ нашу столицу. По его показаніямъ общества эти раздѣляются на иллюминатовъ, франкъ-масоновъ, мартинистовъ, моравскихъ братьевъ и мистиковъ.

„Если секты эти точно существуютъ, то нѣтъ причины сомнѣваться, что тамъ, какъ и повсюду, онѣ подчинены кругу неизвѣстныхъ руководителей (посвященныхъ), которые стремятся къ одной цѣли, но разными путями.

„Принадлежащими къ числу иллюминатовъ считаютъ слѣдующихъ лицъ, управляющихъ библейскими обществами: великій мастеръ Кошелевъ, князь Голицынъ, кураторъ Казанскаго университета Магницкій, статскій совѣтникъ Руничъ, Поповъ, Лабзинъ и Шубертъ, авторъ брошюры „Сердце человѣческое“, въ которой, при перечисленіи всѣхъ пороковъ, забыли назвать порокъ лицемѣрія.

„Масонскія ложи составлены, приблизительно, изъ всѣхъ военнослужащихъ, особенно изъ вышедшихъ въ отставку, а также изъ многихъ чиновниковъ всѣхъ министерствъ.

„Въ числѣ мартинистовъ и моравскихъ братьевъ указываютъ на г. Кошелева, графа Ливена, тайнаго совѣтника Фитингофа, статскаго совѣтника Пезаровіуса, князя Мещерскаго, а изъ числа дамъ: княгинь Голицыну и Мещерскую, госпожъ: Татаринову, Фитингофъ и Пезаровіусъ.

„Говорятъ, что г-жа Татаринова есть директриса общества, собирающагося въ Михайловскомъ дворцѣ. Я готовъ бы былъ не вѣрить всему, въ чемъ обвиняютъ это общество, если бы подобное же заблужденіе уже не проявля-

Библиотека "Руниверс"

«То, что говоритъ лифляндецъ Нацъ, рекомендуя Госнеру и Линдею давать совѣты даже высшимъ властямъ, равно какъ и его пророчества о бѣдствіяхъ, грозящихъ развращеннымъ христіанамъ, тоже заслуживаетъ вниманія.

«Впрочемъ, я отступилъ бы отъ правды, если, представляя очамъ вашего величества мои подозрѣнія относительно тайныхъ обществъ, осмѣлился оставить васъ въ неизвѣстности о томъ, что и въ балтійскихъ провинціяхъ есть лица, у которыхъ конституціонныя идеи, повсюду распространившіяся, равно какъ и извѣстія о революціяхъ, происшедшихъ въ Европѣ, распалили воображеніе до того, что они одобряютъ поведеніе солдатъ, которые, измѣнивъ своей присягѣ, самымъ священнымъ обязанностямъ и чести, присвоили себѣ право быть законодателями своего отечества. Впрочемъ, мнѣнія этихъ лицъ могутъ еще принять другое направленіе, если только будутъ разрушены тѣ пристанища, гдѣ таковыя мнѣнія могутъ получать пищу, а также и тѣ причины, которыя подаютъ наиболѣе поводовъ къ жалобамъ. Первыя (т. е. пристанища) составляютъ предметъ сего донесенія; вторыя же (т. е. причины) зависятъ, преимущественно, отъ общей администраціи и юстиціи во всемъ государствѣ, а также отъ воспитанія юношества. Ученія, разрушающія установленный политическій и религіозный порядокъ, наиболѣе преуспѣваютъ въ университетахъ и гимназіяхъ, гдѣ это тѣмъ болѣе легко для нихъ, что пылкое воображеніе юношества, сердце коего наиболѣе воспріимчиво ко всему доброму и справедливому, но которое не имѣетъ опытности, съ восторгомъ пріемлютъ новыя идеи и пристрастаются къ разсужденіямъ самымъ ложнымъ, самымъ неяснымъ, которыя, внушая юношѣ ненависть къ существующимъ учрежденіямъ и преувеличивая неразлучныя съ человѣческою природою злоупотре-

---

лось въ Пруссіи, при Фридрихѣ Вильгельмѣ II, и если бы оно не имѣло много сходства съ не менѣе скандальными сценами, происходившими въ Кольденѣ.

„Въ числѣ мистиковъ считаютъ, кромѣ иллюминатовъ, сенатора Габлица, тайнаго совѣтника Карнѣева, статскаго совѣтника Галахова, Штера, придворнаго доктора Либашица, коллежскаго ассессора Гёце и другихъ, менѣе замѣчательныхъ. Говорятъ также, что г-жа Криднеръ и Магницкій имѣютъ большое вліяніе на эту секту. Увѣряютъ также, что г-жа Криднеръ нѣсколько разъ говорила проповѣди, что г-жа Татаринова, княгини Мещерская и Голицына очень часто ее посѣщаютъ, равно какъ и князь Голицынъ, бывающій у ней, какъ говорятъ, по вечерамъ.

„Если показанія эти не буквально вѣрны, ниже основаны на фактахъ, правильно изслѣдованныхъ, то все-таки весьма прискорбно, что первые сановники государства могли подать поводъ къ подобнымъ разсказамъ; если же они вполнѣ ложны, то желательно было бы принять мѣры къ пресѣченію клеветъ, которыя могутъ имѣть лишь весьма дурное вліяніе на общественное мнѣніе".

Библиотека "Руниверс"

бленія, заставляютъ его думать, что онъ предназначенъ къ возрожденію человѣчества.

«Если указанія, заключающіяся въ семъ донесеніи, равно какъ и въ донесеніи отъ 19-го минувшаго декабря, и размышленія, которыми они сопровождаются, не кажутся еще достаточными для окончательныхъ выводовъ, то осмѣливаюсь все-таки считать ихъ довольно важными и полагаю, что ваше величество не найдете излишнимъ, если я признаю необходимымъ принятіе такихъ мѣръ, которыя способны остановить зло, мною предусматриваемое.

«Исторія преподаетъ намъ два важные урока: 1) что тайныя общества имѣли всегда самое дѣятельное вліяніе при революціяхъ и при значительнѣйшихъ перемѣнахъ, происходившихъ въ государствѣ, и 2) что нѣтъ ничего опаснѣе для общественнаго спокойствія, какъ смуты, подымаемыя въ религіозныхъ понятіяхъ.

«Если событія, которыя, къ несчастію, стали нынѣ обычнымъ явленіемъ, даютъ поводъ думать, что для большинства европейскихъ державъ теперь уже слишкомъ поздно воспользоваться первымъ урокомъ, то, къ счастію, нельзя того же сказать о владѣніяхъ вашего императорскаго величества, которыя еще представляютъ счастливое исключеніе и въ которыхъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, существуютъ побужденія руководиться вторымъ урокомъ, если бы даже и не было ни одного достаточнаго повода къ предположенію, что нѣкая невидимая рука старается, для политическихъ цѣлей, воспользоваться разногласіями во взглядахъ на религію.

«Есть, конечно, много основаній надѣяться, что до сихъ поръ тайныя общества не могли еще имѣть значительнаго вліянія въ Россіи; такъ что, если бы ихъ совсѣмъ запретить и если бы общественныя учебныя заведенія перестали составлять особую область, совершенно независимую отъ мѣстныхъ властей, то не было бы болѣе причинъ страшиться вліянія даже самыхъ хитрыхъ эмиссаровъ. Мѣра эта, впрочемъ, согласовалась бы и съ политическимъ принципомъ, основаннымъ на опытѣ,—что въ администраціи никогда не слѣдуетъ допускать половинной отвѣтственности, ибо таковая только благопріятствуетъ безпорядкамъ, злоупотребленіямъ и неисполненію законовъ.

«Кровь, пролитая въ религіозныхъ войнахъ и во времена смутъ, возбужденныхъ фанатизмомъ, должна была доказать намъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе, какъ отвращать умы отъ догматовъ, публично проповѣдуемыхъ въ храмахъ Божіихъ, и предавать ихъ на жертву мистическихъ уроковъ, преподаваемыхъ въ собраніяхъ безстыдныхъ святошъ, или на жертву обѣщаній, угрозъ и пророчествъ энтузіастовъ, хвалящихся тѣмъ, что состоятъ въ сношеніяхъ съ силами небесными.

«Сомнѣваюсь, чтобы когда-либо существовало общество болѣе опасное

Библиотека "Руниверс"

по послѣдствіямъ своей дѣятельности, нежели евангелическое согласіе (réunion évangélique), находящееся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ мистическими обществами, съ миссіями моравскихъ братьевъ, мартинистами и библейскими обществами и имѣющее связи, хотя менѣе явственныя, но не менѣе дѣйствительныя, съ обществами взаимнаго обученія, съ масонскими ложами и иллюминатами. Это евангелическое согласіе покровительствуетъ всѣмъ вышеназваннымъ обществамъ, какъ училищамъ, въ которыхъ подготовляются его новообращенные ученики и которые служатъ ему подспорьемъ. Оно, втайнѣ, обвиняетъ всѣ церкви въ ученіи, несогласномъ съ истиною, учитъ неповиновенію пастырямъ церковнымъ, подстрекаетъ къ вѣроотступничеству и, отрекаясь отъ главнаго христіанскаго принципа: терпимости и любви къ ближнему, заявляетъ, что всѣ иномыслящіе суть слуги сатаны; наконецъ—оно занимается основаніемъ новой церкви на развалинахъ всѣхъ прочихъ, уже существующихъ. Подобная, лицемѣрная и лукавая по своимъ принципамъ, секта, украшающая себя идеями реформъ, способными увлечь и уже увлекшими не одного праведника, стремится, значитъ, только къ тому, чтобы разрывать самыя могущественныя связи. Она неизбѣжно подкопается и подъ государственный строй, хотя-бы пружины его дѣятельности и не находились въ рукахъ политическихъ мечтателей

«Всѣ эти соображенія, способныя возбудить самую справедливую подозрительность правительства и основанныя какъ на современныхъ событіяхъ, такъ и на исторіи всѣхъ временъ, не могутъ не дать мнѣ **полнаго убѣжденія** въ необходимости для вашего величества принять во вниманіе, что непремѣнно нужно:

1) Чтобы всѣ собранія тайныхъ обществъ, какихъ бы ни было наименованій или цѣлей, были закрыты и уничтожены, дѣйствуя при этомъ съ тою умѣренностью, снисходительностью и благостью, которыя прирождены сердцу вашего величества.

2) Чтобы попечительство надъ общественными учебными заведеніями ввѣрены были верховной власти, отъ которой зависятъ всѣ прочія отрасли администраціи, дѣйствующей при этомъ такими мѣрами, какія я осмѣливался предлагать вашему величеству въ донесеніи моемъ отъ 19-го минувшаго декабря, за №№ 1071 и 1072.

«При выборѣ лицъ, назначаемыхъ управлять губерніями, слѣдовало бы обращать вниманіе на то, чтобы они, въ то же время, способны были наблюдать за источниками, изъ коихъ почерпается общественная нравственность, и чтобы они имѣли въ своемъ распоряженіи средства для вліянія: прямаго—на профессоровъ и наставниковъ университетовъ и гимназій, и косвеннаго—на самихъ учениковъ. Вліяніе это выразится какъ посредствомъ родительскихъ наставленій, такъ и посредствомъ протекціи, которую они могутъ оказывать молодымъ людямъ по оконча-

Библиотека "Руниверс"

ніи курса наукъ. Это вашему императорскому величеству сдѣлать было бы легче, чѣмъ избирать еще соотвѣтствующее число лицъ на мѣста попечителей учебной части.

3) Надобно не только не покровительствовать сектамъ, стремящимся къ реформамъ господствующей церкви и въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ, допущенныхъ и покровительствуемыхъ правительствомъ, — но необходимо, для общественнаго счастья и спокойствія, удалить всѣхъ тѣхъ, которые увлекаютъ къ подобнымъ заблужденіямъ, и, наконецъ,

4) Государственный интересъ требуетъ, чтобы, до полнаго удостовѣренія въ уничтоженіи всѣхъ обществъ, подвергалась особенному наблюденію (въ столицахъ и главныхъ городахъ имперіи) переписка членовъ евангелическаго общества, потому что—какъ я имѣлъ честь выше сего объяснить—это единственное средство для раскрытія ихъ тайныхъ намѣреній.

«Прямодушно повергнувъ на воззрѣніе вашего императорскаго величества все то, что я считалъ соотвѣтствующимъ приказанію, переданному мнѣ черезъ князя Волконскаго (отъ 15-го минувшаго ноября), я кончаю заявленіемъ, что во всемъ мною сказанномъ не было намѣренія кого-либо оскорбить. Горе тому, кто злоупотребляетъ довѣріемъ, которое должны вселять его заслуги и должность, имъ занимаемая, для того чтобы обижать другихъ!

«Я обязанъ говорить вашему величеству всю правду. Вы этого требуете и ожидаете отъ меня. Я нападаю на заблужденія, но сожалѣю объ отдѣльныхъ личностяхъ. Государь, я представляю вамъ не легкомысленныя обвиненія. Нѣтъ!—это опасенія всего общества, это — общее дѣло государя и государства».

III.

Въ третьей докладной запискѣ, отъ 14-го іюня 1821 года, маркизъ Паулуччи, выставляя уже въ видѣ доказаннаго положенія, что піэтическія и мистическія братства столь же вредны и опасны для государственнаго порядка, какъ и тайныя общества, старается накинуть тѣнь и на то существовавшее у насъ учрежденіе, въ которомъ ничего тайнаго не было и которое пользовалось покровительствомъ императора Александра I.

Послѣ довольно многословнаго вступленія, въ которомъ разсуждается о значеніи вышесказанныхъ братствъ, Паулуччи продолжаетъ такъ:

«Ваше величество дали мнѣ поводъ думать, что вы убѣждены въ справедливости всего изложеннаго мною въ предшествовавшихъ рапор-

Библиотека "Руниверс"

тахъ, за исключеніемъ лишь того, что касается **библейскаго общества**, которое яко бы неспособно повести къ опаснымъ результатамъ.

«Радуясь, что не вездѣ нахожу виновныхъ, и радуясь чести, которую это приноситъ человѣчеству, я желалъ бы убѣдиться, что общества, предназначаемыя для распространенія слова Божія, не подлежатъ никакой цензурѣ. Но дѣло представляется мнѣ иначе, когда я вижу, что они не получили бы столь сильнаго развитія безъ вліянія обществъ мистическихъ, и что послѣднія испортили ихъ, отвращая отъ настоящей, благородной цѣли, и обратили въ свои орудія. Такъ понимаютъ дѣло и такъ признаются сами участники мистическихъ обществъ, какъ напримѣръ Ренненбергъ, въ письмѣ къ профессору Хенци (за № 22), рекомендуя послѣднему тѣснѣе сблизиться съ библейскимъ обществомъ, дабы получить свободный доступъ повсюду.

«Благочестивыя намѣренія, которыми руководились при первоначальномъ учрежденіи библейскаго общества, теперь, благодаря этимъ нововводителямъ, уже не служатъ достаточными гарантіями, и правительство не можетъ не опасаться весьма зловредныхъ послѣдствій для своей прочности.

«Заключающіяся въ рапортахъ моихъ замѣчанія относительно важности и цѣлей религіозныхъ ассоціацій, занимающихся своею работою и усиливающихся у алтаря церквей католической и лютеранской, даютъ поводъ полагать, что онѣ (ассоціаціи) еще болѣе опасны для государственнаго спокойствія, нежели старовѣры, число которыхъ со дня на день чрезвычайно увеличивается. Замѣчанія эти пріобрѣтаютъ еще бо́льшее значеніе, если вникнемъ въ содержаніе нижеприведенныхъ писемъ.

«№ 1. Г. Буркгардтъ (изъ Герренхута) увѣряетъ г. Кампенгаузена, что г-жа Криднеръ продолжаетъ идти избраннымъ ею ложнымъ путемъ; она большая эгоистка,—говоритъ онъ,—и нельзя себѣ представить, чтобы князь Голицынъ принялъ ее благосклонно. Онъ (Буркгардтъ) увѣряетъ, что и у братьевъ Мортимеръ она не найдетъ хорошаго пріема. Онъ хвалится успѣхомъ, одержаннымъ въ Готѣ въ томъ смыслѣ, что кандидаты на пасторскія мѣста не имѣютъ надобности быть изъ числа окончившихъ курсъ въ университетѣ; при этомъ онъ замѣчаетъ, что слѣдовало бы еще постановить, что можно сдѣлаться пасторомъ и безъ предварительнаго экзамена, такъ чтобы отнять всякое вліяніе у гражданской власти и избраніе пасторовъ предоставить вполнѣ начальникамъ общинъ.

«Коль скоро такой шагъ будетъ сдѣланъ, то между лютеранами и реформатами водворится безпоповщина (?); съ уничтоженіемъ священства, утвержденнаго правительствомъ, падутъ также многія другія установленія и повелѣнія, которыя служатъ столько же для поддержа-

Библиотека "Руниверс"

нія самыхъ существенныхъ принциповъ религіи, сколько къ сохраненію связей церкви съ общественнымъ порядкомъ; мы увидимъ тогда наставниковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе въ Ѳедосѣевской сектѣ,— напр. Госнера и Линделя, за которыми Ницъ признаетъ право проповѣдывать нравственность сильнымъ міра сего (въ письмахъ №. №. 7, 11 и 20, приложенныхъ къ донесенію моему отъ 10-го апрѣля).

«Такимъ образомъ, народы, избавленные отъ подчиненія уставамъ церкви, могутъ быть приведены туда, куда уже нѣкогда приводили ихъ Іоаннъ Лейденскій и Ѳома Мюнцеръ.

«Этимъ же самымъ письмомъ г. Буркгардтъ извѣщаетъ, что Линделю было предложено объявить свое отдѣленіе отъ общенія съ римскою церковью.

«№ 2. Баронъ Кампенгаузенъ пишетъ г. Буркгардту, что лучше бы было (въ виду могущихъ произойти отъ того послѣдствій) назначить въ Ригу, директоромъ казенныхъ училищъ, вмѣсто г. Хейнлета, какого нибудь благочестиваго лютеранина.

«Замѣчаніе это даетъ право предполагать, что члены религіозной общины не согласны между собою, такъ какъ г. Кампенгаузенъ не одобряетъ назначенія Хейнлета директоромъ школъ въ Лифляндіи, между тѣмъ какъ графъ Ливенъ, въ двухъ письмахъ (№. №. 3 и 4), побуждаетъ этого благочестиваго евангелика-католика къ благодарности князю Голицыну, какъ человѣку, которому онъ обязанъ подаркомъ въ 2.000 рублей.

«№ 5.—Извѣстіе, заключающееся въ письмѣ г. Ница къ профессору Хенци, въ Дерптѣ, о томъ, что князь Голицынъ получилъ изъ Лондона предложеніе о принятіи мѣръ, дабы вѣрующіе съ 7-ми до 8-ми часовъ утра собирались для молитвы,—извѣстіе это порождаетъ слѣдующія соображенія:

а) совершенно невозможно исполнить подобный проектъ безъ помѣхи различнымъ условіямъ общественной жизни.

б) можно смотрѣть на проектъ этотъ, какъ на попытку привести въ дѣйствіе такія общія постановленія, которыя, съ теченіемъ времени, могутъ пріобрѣсти силу закона. Надобно сознаться, что въ планѣ новой религіи ничто, повидимому, лучше не придумано, какъ это первоначальное постановленіе, которое имѣетъ много привлекательнаго, выражая собою ту возвышенную мысль, что всѣ вѣрующіе, въ одну и ту же минуту, должны возносить молитвы свои къ Верховному Существу. Какъ скоро они достигнутъ какой-либо силы, тогда мы увидимъ, какъ изъ центральнаго пункта будутъ исходить такія предписанія, которыя будутъ вполнѣ соотвѣтствовать имѣющимся въ виду цѣлямъ.

«Считаю долгомъ просить ваше величество объ извѣщеніи меня,

Библиотека "Руниверс"

слѣдуетъ ли продолжать разсматривать письма лицъ, состоящихъ подъ моимъ надзоромъ въ Ригѣ, или же прекратить оное.

«По моему мнѣнію, инспектированіе писемъ въ Ригѣ можетъ идти только съ большими затрудненіями и слишкомъ поздно доставлять точныя свѣдѣнія относительно сношеній между начальниками разныхъ обществъ, мистическихъ и библейскихъ, замѣчательнѣйшіе члены коихъ желаютъ—говоря коротко—служить Богу молитвами и вѣрою, не дѣлая никакого добра, унижая и измѣняя уставы своихъ церквей, возбуждая колебанія совѣсти, смущенія и несогласія между членами сихъ церквей.

«По моему мнѣнію, для изслѣдованія всѣхъ развѣтвленій затѣваемой крамолы, самымъ вѣрнымъ средствомъ было бы инспектированіе писемъ въ самой столицѣ, если инспектированіе это можетъ быть поручено лицу вполнѣ надежному и безпристрастному.

«Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что пріобрѣтенныя доселѣ свѣдѣнія доставили уже достаточное количество доказательствъ злоупотребленія властію; обнаружили связи, если не преступныя, то, по крайней мѣрѣ, весьма неосторожныя, равно какъ и существованіе секты, большинство членовъ которой—хотя бы до сихъ поръ оно было только безсознательнымъ орудіемъ подготовляемаго зла—не въ состояніи, однако, оправдать скрытые побудительные принципы, которыми руководствуется (?).

«Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что мистицизмъ, библейскія общества, взаимное обученіе, видоизмѣненный католицизмъ и пр. и пр. не менѣе вредны для государственнаго благосостоянія, какъ и всякія другія тайныя общества, и что они предоставляютъ готовый матеріалъ для производства революцій. Это убѣжденіе мое находится въ связи съ другимъ: что революціонный духъ безспорно сильнѣе и опаснѣе теперь, нежели нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Опытъ не пропалъ для него даромъ, и вмѣсто того, чтобы выражаться въ волненіяхъ отдѣльныхъ кружковъ, онъ будетъ работать съ бо́льшею осторожностію, для возбужденія взрыва, который вмѣсто частнаго сдѣлается общимъ.

«Французская революція ни въ чемъ не сходствуетъ съ тѣмъ, что видѣли въ предшествовавшіе вѣка, и наступило наконецъ время правительствамъ убѣдиться въ томъ, что принципы, развившіе эту революцію, никогда нельзя будетъ угасить иначе, какъ принципами совершенно противоположными.

«Государь!—духъ, коимъ вы руководитесь, весьма часто оказывался искуснѣе самыхъ опытныхъ тактиковъ, глубже самыхъ ученыхъ политиковъ и справедливѣе самыхъ тонкихъ юристовъ; поэтому я на немъ основываю свою надежду, что ваше величество, мудро оцѣнивъ важность заключающагося въ моихъ рапортахъ, рѣшите также, какого рода мѣры будутъ наиболѣе соотвѣтствующими для того, чтобы поло-

Библиотека "Руниверс"

жить предѣлъ крамолѣ, ведущейся въ ущербъ религіи, престолу, общественному и личному спокойствію».

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что маркизъ Паулуччи, угнетаемый призракомъ революціи, постарался извлечь изъ контролированной имъ переписки все, чтб могло наиболѣе подтвердить высказываемыя имъ мнѣнія относительно піэтическихъ обществъ.

Причину преувеличенныхъ его опасеній (если устраннмъ мысль о всякихъ посторонннхъ побужденіяхъ съ его стороны) можно объяснять лишь тревожнымъ вообще состояніемъ умовъ тогдашняго общества и волненіями въ разныхъ мѣстахъ Европы.

Библиотека "Руниверс"

Герцогъ Ришелье въ Россіи [1]).

Съ давнихъ временъ въ провинціи Пуату во Франціи существовала скромная дворянская семья дю-Плесси (du Plessis), отрасль которой, въ концѣ XIV-го столѣтія, переселилась въ провинцію Туренъ (Touraine) и, вступивъ въ бракъ съ однимъ изъ членовъ семейства Клерамбо (Clérembault), пріобрѣла во владѣніе прекрасный замокъ Ришелье (richelieu—означаетъ богатое мѣсто), отъ котораго и получила свою фамилію. Одинъ изъ этихъ дю-Плесси-Ришелье въ 1542 году вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Франсуазъ де-Рошешуаръ (Rochechouart) и имѣлъ, между прочимъ, сына Франсуа, будущаго отца знаменитаго министра Людовика XIII, извѣстнаго кардинала Ришелье. Умирая въ 1642 году, кардиналъ передалъ какъ замокъ Ришелье, такъ и свое герцогское достоинство своему старшему внучатому племяннику Арману Ришелье, бывшему пэромъ Франціи, начальникомъ галеръ (т. е. флота) и генералъ-лейтенантомъ королевскаго флота и войскъ въ Левантѣ (на востокѣ). Его сынъ Луи Франсуа, крестникъ короля Людовика XIV и герцогини Бургундской (родился въ 1696 году и умеръ въ 1788 г.), былъ со-временемъ маршалъ Ришелье, пріобрѣвшій громкую извѣстность своими похожденіями и другими пороками распущеннаго вѣка, въ которомъ онъ жилъ. При дворѣ регента—истинной школѣ утонченнаго разврата,—маршалъ отличался многочисленны-

[1]) При изложеніи этого очерка мы пользовались какъ 54-мъ томомъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, такъ въ особенности вновь вышедшимъ сочиненіемъ Леона Круза-Кретэ (Le duc de Richelieu en Russie et en France 1766—1822 par Léon de Crouzaz-Cretet Paris. 1897), представляющимъ собою первую полную біографію герцога Ришелье. П. М.

Библиотека "Руниверс"

ми своими приключеніями и оказалъ самое гибельное вліяніе на несчастнаго короля Людовика XV, поддерживая его подъ игомъ такихъ любовницъ, какъ Шатору и Помпадуръ. Самъ маршалъ вступалъ въ законный бракъ три раза, при чемъ отъ втораго брака къ дочерью принца Гиза имѣлъ дочь и сына (герцога Фронзака). Сей послѣдній былъ самою ничтожною личностью, и только благодаря положенію своего отца, былъ сдѣланъ первымъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ. Онъ вступилъ въ бракъ въ первый разъ съ дѣвицею Отфоръ (d'Hautefort) и имѣлъ сына графа Шинонъ (будущаго министра при Людовикѣ XVIII).

Родившись въ 1766 г. въ Парижѣ, молодой графъ Шинонъ Арманъ-Эммануилъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ лишился матери. Отецъ не въ состояніи былъ заботиться о воспитаніи своего сына. Его тетки, графиня Эгмонтъ и герцогиня Эгильйонъ, старались всѣми силами доставить племяннику хорошее воспитаніе. По словамъ Шамфора, благодаря содѣйствію извѣстной актрисы того времени Софи Арну, которой герцогъ Фронзакъ не въ силахъ былъ что-либо отказать, обѣимъ теткамъ удалось поручить первоначальное воспитаніе юнаго графа Шинона извѣстному въ то время аббату Лабдану (Labdan), впослѣдствіи воспитателю несчастнаго герцога Энгіенскаго (разстрѣляннаго по приказанію Наполеона I). Восьми лѣтъ графъ Шинонъ былъ помѣщенъ въ училище Плесси (основанное кардиналомъ Ришелье) въ Парижѣ, отличавшееся всегда не только прекраснымъ и основательнымъ обученіемъ, но и строгостью принциповъ и чистотою нравовъ, господствовавшихъ въ училищѣ. Молодой Шинонъ скоро сдѣлался выдающимся ученикомъ; въ этомъ училищѣ онъ пріобрѣлъ всѣ рѣдкія и драгоцѣнныя качества, отличавшія его всю жизнь. Въ то время существовалъ обычай вступать въ бракъ въ чрезвычайно молодые годы — немедленно по окончаніи курса въ училищѣ или монастырѣ. Молодой графъ не избѣгнулъ этого обычая и, окончивъ въ 1782 году обученіе, имѣя всего около 15 лѣтъ, былъ обвѣнчанъ съ дѣвицею Розаліею Рошешуаръ [1]), которая была всего 12 лѣтъ и отличалась скорѣе безобразіемъ, нежели привлекательностью; этимъ объясняется, почему будущій герцогъ Ришелье никогда не жилъ со своею супругою, а только весьма изрѣдка навѣщалъ ее.

Въ самый день бракосочетанія молодой графъ Шинонъ, вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ Лабданомъ, отправился въ довольно продолжительное путешествіе по Европѣ, которое послужило ему не только способомъ для пріобрѣтенія разныхъ познаній и развитія своего характера, но дало возможность познакомиться съ выдающимися личностями той эпохи и установить съ ними сношенія. Въ Вѣнѣ графъ Шинонъ былъ

[1]) Это Розалія Рошешуаръ, двоюродная сестра графа Рошешуара, служившаго при Ришелье и оставившаго намъ любопытныя записки.

Библиотека "Руниверс"

очень обласканъ императоромъ Іосифомъ II, пріобрѣлъ расположеніе извѣстнаго принца де-Линя, министра Кауница, фельдмаршала Ласси и другихъ лицъ, которыя всѣ были очарованы скромнымъ и находчивымъ французомъ, свободно говорившимъ на многихъ языкахъ.

Возвратясь въ 1784 году въ Парижъ, графъ Шинонъ поступилъ младшимъ офицеромъ въ драгунскій полкъ королевы, а на слѣдующій годъ сдѣланъ первымъ камергеромъ. Эта должность заставляла его жить при дворѣ, но онъ чуждался шумной и веселой жизни Версаля, былъ до крайности застѣнчивъ съ дамами и являлся какимъ-то строгимъ пуританиномъ при дворѣ Людовика XVI; единственно, чѣмъ онъ увлекался, было фехтованье на шпагахъ.

Вскорѣ графъ Шинонъ опять отправился путешествовать; весь 1787 годъ и отчасти 1788 годъ онъ странствовалъ по Европѣ, снова посѣтилъ Вѣну, гдѣ и узналъ о смерти своего дѣда маршала Ришелье, послѣ чего отецъ его сталъ именоваться герцогомъ Ришелье, а онъ, въ свою очередь, принялъ титулъ своего отца [1]), именно герцога Фронзака. Наступившая затѣмъ французская революція застала его въ Парижѣ. Многія лица, преимущественно изъ аристократіи, удалились изъ Франціи, и въ числѣ ихъ былъ также и графъ Ришелье, поступавшій капитаномъ въ гусарскій полкъ Эстергази, стоявшій близъ Седана въ полномъ бездѣйствіи. Это было не по характеру Ришелье, который, по примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, желалъ поступить на русскую службу и писалъ о томъ императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ ожиданіи отвѣта онъ предпринялъ снова путешествіе по Германіи, посѣтилъ Вѣну (гдѣ бывалъ уже нѣсколько разъ) и въ этотъ разъ очень близко сошелся съ австрійцемъ, принцемъ де-Линемъ (сыномъ извѣстнаго современника Екатерины) и французомъ графомъ Ланжерономъ [2]) и съ ними вмѣстѣ отправился въ Россію 12-го ноября 1790 года въ армію князя Потемкина.

Прибывъ 21-го ноября въ главную квартиру армія, въ Бендеры, Ришелье встрѣтилъ тамъ своего соотечественника графа Роже Дама

---

[1]) Этотъ отецъ, герцогъ Фронзакъ, умеръ въ 1791 году и послѣ его смерти, сынъ его, прежній графъ Шинонъ получилъ титулъ герцога Ришелье и все его состояніе.

[2]) Ланжеронъ, авторъ извѣстныхъ записокъ, родился въ 1763 году, былъ въ Россіи съ 1796 года и участвовалъ въ войнѣ со Швеціей, подъ командою принца Нассау-Зингенскаго. Посѣтивъ послѣ этого снова Вѣну, Ланжеронъ опять пріѣхалъ въ Россію, участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1808—1810 годовъ, а также Отечественной войнѣ 1812 года, а затѣмъ былъ послѣ Ришелье генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края съ 1814 года. Онъ принималъ участіе въ Турецкой войнѣ 1829 года и умеръ отъ холеры въ 1831 г.

*

Библиотека "Руниверс"

(Roger de Damas), находившагося уже въ русской службѣ. Онъ представилъ вновь прибывшихъ соотечественниковъ Потемкину, который принялъ ихъ очень благосклонно. Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Бендерахъ, волонтеры отправились къ Измаилу, который въ то время осаждали русскія войска, и вскорѣ приняли участіе въ кровопролитномъ штурмѣ 22-го декабря, окончившемся паденіемъ крѣпости. За этотъ штурмъ Ришелье получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Императрица Екатерина писала Гримму: «Всѣ съ восторгомъ отзываются о герцогѣ Ришелье. Дай Богъ, чтобы онъ со-временемъ сдѣлался для Франціи тѣмъ же, чѣмъ былъ кардиналъ, не имѣя, однако, его пороковъ. Наперекоръ національному собранію, я хочу, чтобы онъ остался герцогомъ Ришелье и способствовалъ возстановленію монархіи»[1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ штурма Ришелье возвратился въ Бендеры и, несмотря на убѣжденія Потемкина остаться въ Россіи, вернулся 25-го января 1791 года въ Вѣну и затѣмъ въ Парижъ, куда онъ долженъ былъ отправиться, чтобы послѣ смерти своего отца привести немного въ порядокъ домашнія дѣла. Несмотря на колоссальное состояніе герцога Фронзака, приносившее до 500.000 ливровъ ежегоднаго дохода, его имѣнія, по расточительности герцога и полному неумѣнію вести денежныя дѣла, оказались обремененными громадными долгами. Сынъ его прежде всего позаботился объ уплатѣ этихъ долговъ, а затѣмъ остающіеся доходы предоставилъ въ полное распоряженіе своихъ сестеръ. Отказавшись отъ всякаго участія въ этихъ доходахъ, онъ довольствовался получаемымъ содержаніемъ отъ казны.

Пробывъ короткое время въ Парижѣ Ришелье отправился въ Англію, но скоро получилъ извѣстіе, что король Людовикъ XVI требуетъ его къ себѣ. Онъ поспѣшилъ обратно въ Парижъ, гдѣ всѣ находились уже въ смятеніи, свобода и даже жизнь королевскаго семейства была въ опасности; эмигранты толпами покидали столицу и собрались въ Кобленцѣ, Майнцѣ, Аахенѣ и т. д. Послѣ самаго краткаго пребыванія въ замкѣ Куртейль у своей супруги, Ришелье, узнавъ объ арестованіи короля, немедленно прибылъ въ Парижъ, но затѣмъ рѣшился, въ августѣ 1791 года, отправиться въ Россію. Побудительныя причины этой поѣздки остаются до сего времени невыясненными; можно предполагать, что онъ не желалъ быть свидѣтелемъ тѣхъ неистовствъ и кровавыхъ сценъ, которыя стали происходить въ его отечествѣ. Какъ бы то ни было, Ришелье, не желая считаться эмигрантомъ, испросилъ себѣ 27 іюля 1791 года у національнаго собранія дозволеніе отправиться въ Россію и уже 6-го ав-

---

[1]) См. книгу Пэнго: Французы въ Россіи (Pingaud – Les français en Russie . 158.).

Библиотека "Руниверс"

густа писалъ своей супругѣ изъ Дабурга, что съ горестью думаетъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя предстоятъ его дорогому отечеству.

Ришелье прибылъ въ Петербургъ и былъ представленъ императрицѣ Екатеринѣ II принцемъ Нассау-Зингеномъ [1]), которая пожаловала прибывшему чинъ полковника, удостоила приглашенія на вечеръ въ Эрмитажъ, а въ 1792 году возложила на него порученіе относительно эмигрантовъ, расположенныхъ на берегахъ Рейна. Въ это время кампанія герцога Брауншвейскаго противъ французовъ окончилась полнымъ его пораженіемъ при Вальми; всѣ французскіе эмигранты находились въ жалкомъ положеніи и претерпѣвали страшную нужду. Принцъ Конде просилъ у Екатерины II убѣжища для себя и своихъ приверженцевъ. Императрица согласилась на это и послала съ герцогомъ Ришелье 60.000 рублей золотомъ, чтобы онъ привелъ въ Россію своихъ соотечественниковъ въ числѣ 1.500 дворянъ и четырехъ тысячъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Екатерина II предполагала поселить ихъ на берегахъ Азовскаго моря по р. Бердѣ, выстроить имъ селенія или городъ и сдѣлать Ришелье—правителемъ этой колоніи; Эстергази—инспекторомъ работъ, а принца Конде—главнымъ инспекторомъ [2]). Поселяне должны были составить два пѣхотныхъ полка, которые предполагалось размѣстить въ двухъ военныхъ поселеніяхъ. Посылаемыя съ Ришелье деньги предназначались на путевыя издержки поселяющихся и ихъ содержаніе въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ [3]). Но эмигранты не согласились на это предложеніе: они не пожелали отправиться въ отдаленную и мало извѣстную страну и заниматься тяжелымъ трудомъ земледѣльцевъ. Къ тому же австрійское правительство выразило намѣреніе взять на себя полное содержаніе всего отряда принца Конде, который, въ свою очередь, предложилъ Ришелье командовать небольшимъ отрядомъ. Но герцогъ отклонилъ это предложеніе и въ качествѣ русскаго офицера генеральнаго штаба совершилъ съ австрійцами походъ 1793 и 1794 годовъ на Рейнѣ и Голландіи и составилъ, по словамъ Ланжерона, подробное описаніе военныхъ дѣйствій, сожженное, однако, вмѣстѣ съ прочими его бумагами во время чумы въ городѣ Одессѣ. Ришелье, по словамъ того же Ланжерона, находился при осадѣ: Валансьена, Конде, Дюнкирхена, а также въ различныхъ сраженіяхъ, тогда происходившихъ, всегда отличался отвагою и храбростію и

---

[1]) Этотъ принцъ Нанау-Зингенъ былъ законный сынъ принца Нассаускаго отъ законнаго брака его съ француженкою дѣвицею де Мальи (Mailly), который считался морганатическимъ, а потому сынъ никогда не пользовался титуломъ принца германской имперіи.

[2]) Пэнго—„Французы въ Россіи", стр. 188.

[3]) См. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 54 стр., 201—208.

Библиотека "Руниверс"

пріобрѣлъ большое уваженіе всѣхъ австрійскихъ генераловъ, принца Кобургскаго, Гогенлоэ, графа Клерфэ и другихъ.

Поднятіе оружія противъ Франціи было причиною, что Ришелье былъ причисленъ къ числу эмигрантовъ, а все его недвижимое имущество конфисковано въ 1792 году. Конвентъ призналъ владѣнія Ришелье народнымъ имуществомъ, въ томъ числѣ и знаменитый замокъ на берегахъ Луары, принадлежавшій когда-то кардиналу; часть этихъ земель была продана, а супруга Ришелье заключена въ темницу, изъ которой была освобождена впослѣдствіи.

Послѣ окончательнаго пораженія австрійцевъ на Рейнѣ въ 1794 году Ришелье, вмѣстѣ съ Ланжерономъ, былъ вызванъ въ Россію, куда и отправился въ мартѣ 1795 года. Проѣздомъ онъ посѣтилъ побѣдителя при Куннерсдорфѣ графа Румянцова, жившаго тогда въ своемъ прекрасномъ дворцѣ въ Ташанахъ, близъ Переяславля. Графъ чрезвычайно ласково принялъ обоихъ французовъ и предложилъ имъ поступить въ кирасирскіе полки: Ланжерону — въ Малороссійскій, а Ришелье — Военнаго ордена.

Это опредѣленіе должно было быть утверждено императрицею, что̀ и побудило Ришелье ѣхать въ Петербургъ и представиться князю Платону Зубову, въ то время всемогущему. Послѣ долгихъ ожиданій и хожденій Ришелье и Ланжеронъ были утверждены, въ 1795 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, полковниками въ означенныхъ выше полкахъ, которые были расположены въ Дубно (Волынской губерніи), и оба ревностно занялись военною службою и изученіемъ русскаго языка.

Ланжерону скоро удалось получить командованіе Малороссійскимъ полкомъ, отъ котораго отказался, въ 1796 году, прежній командиръ онаго, графъ Иванъ Разумовскій. Ришелье былъ менѣе счастливъ; прежній командиръ полка не уходилъ, и только въ 1797 году Ришелье былъ, по старшинству, произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ кирасирскаго Его Величества полка. Императоръ Павелъ требовалъ строгаго соблюденія устава военной службы; не любилъ тѣхъ, кому покровительствовала Екатерина II, и неоднократно дѣлалъ строгіе замѣчанія и выговоры Ришелье, который рѣшился, наконецъ, просить увольненія отъ службы по болѣзни. Онъ удалился въ Польшу и помышлялъ о возвращеніи во Францію, чтобы собрать хотя самые малые остатки огромнаго состоянія своего отца. Во Франціи уже наступили времена консульства, и къ эмигрантамъ относились снисходительнѣе. При содѣйствіи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ, Колычева, указавшаго, что Ришелье не участвовалъ вовсе въ итальянскомъ походѣ, сей послѣдній получилъ разрѣшеніе пріѣхать во Францію. Прибывъ въ Парижъ 2-го января 1802 года, герцогу Ришелье предстояло прежде всего добиться исключенія изъ списка эмигрантовъ,

Библиотека "Руниверс"

а затѣмъ уже хлопотать о возвращеніи ему отобранныхъ въ казну имѣній. Бонапартъ требовалъ отъ Ришелье покорности новому правительству и готовности принять амнистію; только при этомъ условіи онъ соглашался исключить Ришелье изъ списка эмигрантовъ. Ришелье отказался отъ того и отъ другаго; онъ во второй разъ покинулъ родину, свое семейство, друзей, все свое состояніе и вмѣстѣ со своимъ племянникомъ Эрнестомъ д'Омонъ и двоюроднымъ братомъ, графомъ Карломъ де-Растиньяль отправился въ Вѣну, гдѣ ожидало его письмо императора Александра I, который съ давнихъ поръ зналъ Ришелье и имѣлъ уже самое дружеское къ нему расположеніе. Это близкое знакомство, получившее свое начало при появленіи Ришелье еще при дворѣ Екатерины II, дало герцогу основаніе поздравить юнаго императора со вступленіемъ его на престолъ. Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ, отъ 27-го іюня 1802 года, Александръ писалъ ему: «Мой дорогой герцогъ! Пользуюсь свободною минутою, чтобы отвѣчать вамъ и выразить, мой дорогой герцогъ, насколько я былъ тронутъ всѣмъ сказаннымъ вами въ вашемъ письмѣ. Вамъ извѣстны мои чувства и мое къ вамъ уваженіе, и вы можете судить по нимъ о томъ, какъ я буду доволенъ увидать васъ въ Петербургѣ и знать, что вы служите Россіи, которой можете принести столько пользы. Примите увѣреніе въ искренней моей къ вамъ привязанности [1]).

Прибывъ въ октябрѣ 1802 года въ Петербургъ, Ришелье былъ принятъ Александромъ гораздо лучше и радушнѣе, нежели самъ ожидалъ, и получилъ разрѣшеніе часто и запросто къ нему являться. При этомъ императоръ приказалъ ему выдать немедленно десять тысячъ рублей на всякіе необходимые расходы, а вскорѣ послѣ того пожаловалъ ему имѣніе въ Курляндіи, дававшее до 24.000 ливровъ дохода ежегодно. Это доставило герцогу возможность отказаться вполнѣ отъ всякаго отцовскаго наслѣдства въ пользу своихъ сестеръ. Одновременно съ этимъ Ришелье воспользовался благоволеніемъ къ нему императора, чтобы добиться своего исключенія изъ списковъ эмигрантовъ во Франціи.

Графъ Марковъ, нашъ посланникъ въ Парижѣ, ходатайствовалъ объ этомъ передъ Наполеономъ, который, какъ можно заключить изъ письма Ришелье къ Талейрану, отъ 11-го февраля 1803 года, на этотъ разъ согласился не только исключить Ришелье изъ списка эмигрантовъ, но и разрѣшилъ ему продолжать службу въ Россіи при императорѣ Александрѣ съ тѣмъ, чтобы Ришелье далъ подписку, что остается французскимъ подданнымъ, обязаннымъ по первому требованію возвратиться, въ случаѣ надобности, во Францію.

Ришелье, конечно, согласился на это и въ письмѣ къ Талейрану

---

[1]) См. „Сбор. Имп. Русскаго Ист. Общества", т. 54, стр. 217.

Библиотека "Руниверс"

обѣщалъ съ своей стороны все возможное содѣйствіе какъ Франціи, такъ и всѣмъ своимъ соотечественникамъ, при отправленіи новыхъ, на него возложенныхъ, обязанностей. Въ 1803 году Ришелье былъ назначенъ губернаторомъ города Одессы, а два года спустя—генералъ-губернаторомъ всего Новороссійскаго края, состоявшаго тогда изъ трехъ губерній: Херсонской, Екатеринославской и Таврической, въ составъ которой входилъ весь Крымскій полуостровъ.

Въ рескриптѣ 30-го января (11-го февраля) 1803 года императоръ предоставлялъ герцогу: 1) осмотрѣть и вникнуть обстоятельно во всѣ части управленія въ Одессѣ и стараться приводить ихъ въ наилучшее состояніе, представляя обо всемъ, что будетъ превосходить его власть, непосредственно на его величества усмотрѣніе; 2) имѣть начальство надъ всѣми воинскими командами, въ городѣ состоящими; надъ всѣми крѣпостными и портовыми строеніями, надъ таможнею, карантиномъ, почтовою конторою, морскими чиновниками и т. д.; 3) наблюдать за скорымъ и точнымъ правосудіемъ; 4) стараться увеличить населеніе Одессы привлеченіемъ туда полезныхъ иностранцевъ; 5) наблюдать за правильнымъ употребленіемъ городскихъ доходовъ и, 6) избрать удобное мѣсто для устройства карантина [1]).

Прежнее мѣстечко Гаджи-бей (завоеванное въ 1790 году адмираломъ Рибасомъ вмѣстѣ съ графомъ Гудовичемъ) было въ то время жалкою деревнею, которая, переименованная въ 1792 году въ городъ Одессу, имѣла не болѣе 700 жителей и нѣсколько скромныхъ помѣщеній, служившихъ для таможни, карантина и склада товаровъ. Дома были большею частью глиняныя мазанки, покрытыя соломою; портовыхъ сооруженій не было вовсе, и торговля производилась въ самомъ незначительномъ размѣрѣ.

Ришелье прежде всего позаботился устроить управленіе этимъ городомъ, скоро доставившее ему необычайно цвѣтущее состояніе. Видя, что развитіе города можетъ проистекать только отъ того торговаго движенія, которое будетъ упрочено и усилено въ этомъ мѣстѣ, Ришелье предложилъ отмѣнить всякіе стѣснительные, произвольные поборы, ранѣе уже установленные съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, и учредить одинъ сборъ въ $2^1/_2$ копѣйки съ четверти вывозимаго хлѣба, расходуя этотъ сборъ на самыя необходимыя потребности города; какъ-то: на сооруженіе пристани, дорогъ, церквей, казармъ и т. д. Этотъ сборъ скоро достигъ цифры 12.000 рублей въ годъ. Съ этими деньгами, а также заимообразно отпущенными императоромъ 200 тысячъ рублями, Ришелье приступилъ къ постройкѣ двухъ портовъ, изъ которыхъ одинъ предназначался для судовъ, приходившихъ изъ разныхъ мѣстъ Чер-

[1]) См. томъ 54 „Сборн. Имп. Русскаго Ист. Общ.“, стр. VII.

Библиотека "Руниверс"

наго и Азовскаго морей, а другой для иностранныхъ судовъ изъ Константинополя и другихъ отдаленныхъ мѣстъ, а поэтому подлежавшихъ карантину. Онъ улучшилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, устройство карантина, выстроилъ нѣсколько складочныхъ помѣщеній и обвесъ всю карантинную часть высокою стѣною.

Желая обратить незначительное мѣстечко въ цвѣтущій городъ, Ришелье поощрялъ всякаго желающаго строиться въ чертѣ города; онъ отводилъ безплатно мѣста для постройки, съ условіемъ застроить ихъ въ два года; давалъ денежныя ссуды, на продолжительный срокъ, подъ залогъ возводимыхъ строеній. Все это содѣйствовало тому, что въ скоромъ времени появились прямыя, широкія улицы, расположенныя по заранѣе составленному плану; онѣ были вымощены, освѣщены и усажены деревьями. Въ десять лѣтъ число обывателей достигло уже цифры 2.000; иностранцы во множествѣ переселялись въ Одессу, въ которой въ то же время устроивались обширный молъ, великолѣпныя набережныя, громадные доки и т. д.,—однимъ словомъ дѣлалось все, чтобы обратить Одессу въ первоклассный торговый городъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ заботился и объ удовольствіяхъ обывателей новаго города. Французъ Томонъ (Thomon) составилъ планъ театра, построеннаго въ 1808 году; нѣкто Рено учредилъ такъ-называемый р е д у т ъ, гдѣ могли собираться и танцовать до тысячи человѣкъ; тутъ же былъ ресторанъ и гостиница. Помимо этого Ришелье обращалъ большое вниманіе на различныя насажденія, которыя должны были не только украсить городъ, но и сдѣлать его болѣе здоровымъ. Мало-по-малу стали устраиваться цвѣтники, общественный и ботаническій сады и огороды, которые скоро стали снабжать своими произведеніями Россію и Турцію. Герцогъ любилъ подрѣзать деревья, поливать и прививать ихъ.

Сознавая, что наилучшимъ способомъ къ развитію возникающей торговли въ Черномъ морѣ является пониженіе таможенныхъ пошлинъ и устраненіе всякаго рода стѣснительныхъ обрядностей и поборовъ при осмотрѣ товаровъ, Ришелье неоднократно представлялъ объ этомъ въ министерство финансовъ и даже ѣздилъ самъ въ Петербургъ, гдѣ, пользуясь расположеніемъ къ нему императора, добивался разныхъ льготъ въ пользу одесскаго порта. Такъ, уже въ 1803 году пошлина на всѣ товары, привозимые и вывозимые изъ Одессы, была уменьшена на одну четвертую часть противъ опредѣленной по общему тарифу. Въ 1804 году разрѣшенъ свободный транзитъ для всѣхъ товаровъ, привозимыхъ моремъ въ Одессу и направляемыхъ далѣе, въ Молдавію, Валахію, Австрію и Пруссію. Въ то же время учрежденъ въ Одессѣ, для товаровъ, особый складъ, въ которомъ товары могли храниться 18 мѣ-

Библиотека "Руниверс"

сяцевъ, не уплачивая пошлины, и выжидать покупателей на выгодныхъ условіяхъ.

Помимо этого, въ Одессѣ была открыта размѣнная касса, учетная контора и ссудное отдѣленіе банка, а также контора морскаго страхованія товаровъ. Въ 1808 году учрежденъ коммерческій судъ, для разбора различныхъ торговыхъ дѣлъ, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ французъ, сынъ графа Сенъ-При. Это учрежденіе имѣло самые полезные результаты. Иностранцы всякаго рода перебирались въ Одессу и притомъ въ такомъ числѣ, что Франція, Австрія, Испанія и даже Неаполитанское королевство сочли необходимымъ имѣть въ Одессѣ своихъ консуловъ.

Число судовъ, приходившихъ къ одесскому порту, быстро увеличивалось; въ 1802 году ихъ было всего 300, а въ 1805 году—уже болѣе тысячи. Въ такомъ же размѣрѣ увеличивались и цифры судовъ, приходившихъ къ другимъ черноморскимъ портамъ. Сумма торговыхъ сдѣлокъ г. Одессы также быстро возрастала. Составляя въ 1802 году всего два милліона рублей, торговыя сдѣлки въ 1813 году простирались до двадцати пяти милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ росло и населеніе города, которое въ 1804 году доходило до 8.000 жителей, а въ 1813 году—до 35.000 человѣкъ, т. е. въ десять лѣтъ населеніе учетверилось. Городъ пріобрѣталъ общенародный, космополитическій характеръ: тутъ встрѣчались народы различныхъ государствъ не только Европы, но и Азіи.

Такимъ образомъ, благодаря дѣятельности Ришелье, Одесса обезпечила за собою положеніе, предназначенное ей самою природою. Она сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ товаровъ Запада и Востока и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ мѣстомъ сбыта всѣхъ произведеній съ обширныхъ пространствъ Россійской имперіи. Прежде Новороссія, Малороссія и Польша, производившія въ избыткѣ всякаго рода хлѣбъ, ленъ, пеньку, масло, кожи, шерсть и т. д., отправляли эти сырыя произведенія въ Данцигъ и Балтійское море. Открытіе одесскаго порта немедленно измѣнило направленіе этого торговаго движенія въ пользу Чернаго моря. Одесскіе купцы стали входить въ болѣе частыя и прямыя торговыя сношенія не только съ Константинополемъ, но и съ Архипелагомъ, Малою Азіею, даже Александріею и Персіею; они открывали прямыя сношенія съ Италіею, южною Франціею, особенно съ Марселемъ.

Но миротворное и грандіозное твореніе герцога неоднократно прерывалось войнами, которыя Россія принуждена была вести сперва съ Турціею, а потомъ и Наполеономъ I. Отъ французовъ требовали представленія залоговъ въ ихъ благонадежности; кто не могъ представить таковыхъ, былъ высылаемъ за границу. Ришелье, желая по возможности отвратить подобный ущербъ городу, заявилъ, что онъ лично ру-

Библиотека "Руниверс"

чается за своихъ соотечественниковъ, которые и оправдали его къ нимъ довѣріе,—никто изъ нихъ не дѣйствовалъ во вредъ Россіи.

Войны съ Турціею были крайне невыгодны для хлѣбной торговли Одессы. Ришелье исходатайствовалъ разрѣшеніе производить торговлю хлѣбомъ съ Константинополемъ и во время войны съ Турціею. Въ то же время чрезвычайно развился и транзитъ въ южной Россіи. Европейскій материкъ нуждался въ товарахъ, получаемыхъ изъ Турціи. Ихъ не было возможности доставлять моремъ, такъ какъ Англія объявила, что не признаетъ болѣе никакихъ нейтральныхъ судовъ. Поэтому необходимость заставляла товары турецкаго и восточнаго происхожденія направлять въ Одессу, а оттуда, чрезъ русскую Польшу, въ Австрію и Францію. Такъ, въ 1808 году въ Одессу прибыло множество кипъ хлопчатой бумаги и шерсти. Но карантинныя и таможенныя помѣщенія и магазины въ Одессѣ, а также личный составъ служащихъ въ нихъ оказались при этомъ недостаточными. Ришелье немедленно увеличилъ штатъ, сдѣлалъ необходимыя пристройки къ зданіямъ и удовлетворилъ новымъ потребностямъ торговли.Скоро то же самое случилось и съ товарами, отправляемыми въ Турцію изъ Германіи, Франціи и Италіи. Невозможность отправить эти товары моремъ побудила направить ихъ въ южную Россію и Одессу и затѣмъ уже въ Турцію.

Впрочемъ, въ 1810 году Ришелье на время уклонился отъ руководившей имъ до сего времени торговой свободы. Узнавъ, что въ Константинополѣ запасы хлѣба незначительны, и убѣжденный, что этотъ недостатокъ въ хлѣбѣ побудитъ турокъ заключить миръ съ Россіею, Ришелье воспретилъ вывозъ хлѣба изъ Одессы въ Константинополь. Это распоряженіе не только было одобрено указомъ 27-го марта 1810 года, но затѣмъ еще 7-го мая 1810 г. предписывалось сдѣлать это запрещеніе безусловнымъ, не допуская никакихъ исключеній. Но желаемая цѣль не была этимъ достигнута. Греческія и египетскія суда снабдили Константинополь хлѣбомъ изъ Египта, и Ришелье 10-го мая 1810 года ходатайствовалъ объ отмѣнѣ указовъ, воспрещавшихъ вывозъ хлѣба въ Константинополь.

Континентальная система была также пагубнымъ бѣдствіемъ для морской торговли, составлявшей все богатство Одессы. Наполеонъ настойчиво и безпощадно прекращалъ доступъ англійскимъ произведеніямъ въ порты европейскаго материка. Ришелье по мѣрѣ силъ своихъ старался ослабить всѣ тяжкія послѣдствія этой системы. Французскій консулъ въ Одессѣ Міоръ неоднократно жаловался на допускаемыя въ Черномъ морѣ нарушенія и на то, что Ришелье всѣми мѣрами старается способствовать торговлѣ города Одессы. Румянцевъ, объяснялся по этому поводу съ Коленкуромъ, французскимъ посланникомъ въ Пе-

Библиотека "Руниверс"

тербургѣ, и говорилъ, что новороссійскому генералъ-губернатору будутъ даны должныя указанія.

Заботясь непрестанно о развитіи морской торговли Одессы, Ришелье имѣлъ мысль (осуществленную, впрочемъ, послѣ него, при Ланжеронѣ) обратить Одессу въ порто-франко, по примѣру Марселя, Генуи, Ливорна, Тріеста и т. д. Онъ писалъ объ этомъ въ 1814 году императору, указывая всѣ значительныя выгоды этого предположенія для государства. «Россія—говорилъ Ришелье въ своемъ письмѣ—должна все сдѣлать, чтобы привлечь къ себѣ товары Востока, именно изъ Смирны, которая теперь является главнымъ ихъ складочнымъ мѣстомъ. Товары доставляются въ Смирну со всѣхъ мѣстъ Азіи сухимъ путемъ; но можно найти для этого болѣе удобное мѣсто, напримѣръ Синопъ, на южномъ берегу Чернаго моря, и затѣмъ установить правильныя сообщенія Синопа съ Одессою. Для этого надо представить только нѣкоторыя льготы торговцамъ».

Исходя изъ этого, Ришелье постоянно противился установленію различныхъ сборовъ или обязательныхъ повинностей, которыя намѣревалось установить министерство финансовъ, въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ или облегченія расходовъ государственнаго казначейства. Такъ, напр., онъ просилъ объ освобожденіи отъ платежа податей грековъ, водворенныхъ въ Керчи и Еникалѣ, объ отмѣнѣ подати съ незаселенныхъ земель Новороссіи, объ облегченіи постойной повинности для нѣкоторыхъ городовъ Крымскаго полуострова, о переводѣ плѣнныхъ турокъ изъ Екатеринославской губерніи въ другія болѣе зажиточныя мѣста и т. д.

Заботясь объ успѣхахъ торговли и земледѣлія во ввѣренномъ ему краѣ, герцогъ принималъ мѣры къ развитію народнаго образованія въ южныхъ губерніяхъ Россіи. Онъ учредилъ нѣсколько приходскихъ школъ для мальчиковъ въ г. Одессѣ, уѣздное училище и высшее училище для дѣтей православнаго исповѣданія. Въ первые же годы своего управленія краемъ, Ришелье основалъ въ Одессѣ гимназію для лицъ преимущественно купеческаго сословія, а также институтъ для дѣтей дворянъ обоего пола. Институтомъ этимъ завѣдывалъ извѣстный аббатъ Николь, самый дѣятельный сотрудникъ Ришелье въ дѣлѣ народнаго образованія. Немного позднѣе гимназія была соединена съ институтомъ подъ общимъ названіемъ лицея, и завѣдываніе обоими заведеніями было возложено на того же аббата Николя, который исполнялъ эту обязанность и послѣ отъѣзда Ришелье до 1820 года, когда также уѣхалъ во Францію. Императоръ Александръ I, посѣтивъ этотъ лицей уже послѣ Ришелье, при Ланжеронѣ, предоставилъ лицею права университета и приказалъ на перистилѣ зданія поставить бюстъ герцога, съ надписью: «Ришелье — благодарная Одесса». Ришелье оставилъ значительный капиталъ на содержаніе этого лицея.

Библиотека "Руниверс"

Обширная Новороссія въ то время представляла собою почти безлюдную степь, для заселенія которой были приняты мѣры еще при Екатеринѣ II. Какъ извѣстно, императрица вызвала немало колонистовъ изъ Германіи, предоставивъ имъ весьма значительныя льготы и надѣливъ ихъ обширными землями. Но число поселившихся колонистовъ было далеко не достаточно для заселенія обширныхъ равнинъ всего Новороссійскаго края. Ришелье слѣдовалъ примѣру великой Екатерины и, въ свою очередь, вызвалъ колонистовъ не только изъ Германіи, но изъ Франціи, преимущественно изъ Эльзаса, а также изъ Болгаріи, Румыніи, Греціи и Арменіи. Изъ переписки герцога съ графомъ Кочубеемъ, тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, видно, какъ они оба заботились о привлеченіи въ Россію всякаго рода колонистовъ. Кочубей въ 1807 году предлагалъ вызвать въ Крымъ христіанъ, водворенныхъ въ Анатоліи, и, пользуясь пребываніемъ нашихъ войскъ въ Молдавіи и Валахіи, вывести также изъ этихъ странъ нѣсколько тысячъ христіанъ для заселенія ими нашихъ южныхъ губерній. Постоянный притокъ выходцевъ всякаго рода способствовалъ заселенію южныхъ городовъ края, какъ-то: Козлова (въ Крыму), Ростова на Дону, Тирасполя на Днѣстрѣ, Таганрога, Елисаветграда, Херсона и т. д. Постепенно стало развиваться земледѣліе, которымъ Ришелье самъ очень интересовался; онъ поощрялъ введеніе земледѣльческихъ машинъ, учрежденіе фермъ и хозяйствъ, а также всякое полезное сельскохозяйственное производство. При немъ въ 1804 году нѣмецъ Миллеръ завелъ близъ Одессы мериносовъ изъ Испаніи, женевецъ Пиктэ де-Рошемонтъ устроилъ образцовую овчарню въ обширномъ имѣніи Новый-Ланси (Novoi-Lancy) [1]), откуда другіе хозяева получали племенныхъ овецъ. Другой швейцарецъ Ревельотъ (Réveillod) основалъ такую же овчарню на лѣвомъ берегу р. Буга; дочери марсельскаго уроженца Рувье завели до 35.000 мериносовъ на сѣверѣ Перекопскаго перешейка, а голландецъ Памо устроилъ суконную фабрику.

Прежнія постоянныя войны съ Турціею значительно уменьшили благосостояніе населенія Крымскаго полуострова. Ришелье поставилъ себѣ задачею возстановить прежнее благосостояніе жителей Крыма. Онъ обратилъ съ этою цѣлію особенное вниманіе на разработку соляныхъ озеръ Крыма, учредилъ особые соленые запасы, устроилъ пользованіе цѣлебными грязями въ Козловѣ, основалъ ботаническій Никитскій садъ (въ 1812 году), усилилъ значительно разведеніе тутовыхъ деревъ для шел-

[1]) Ланси (Lancy), маленькая деревня въ Швейцаріи, женевскаго кантона, съ красивымъ мѣстоположеніемъ, въ которой занимаются преимущественно скотоводствомъ. Пиктэ былъ изъ этой деревни.

Библиотека "Руниверс"

ководства, а также лавровыхъ и оливковыхъ деревъ на южномъ берегу Крыма. Помимо этого онъ выписалъ изъ Франціи множество виноградныхъ лозъ и этимъ положилъ основаніе крымскому винодѣлію.

Ришелье задался мыслью прежнихъ владѣтелей Крыма, обратить ногайскихъ татаръ, кочевавшихъ по-прежнему по полуострову, въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ ему много помогалъ графъ Мэзонъ Жакъ де-Лаферъ, также бѣжавшій изъ Франціи во время революціи. Онъ выстроилъ въ разныхъ мѣстахъ мечети, около которыхъ понемногу возникли поселенія, окруженныя полями и огородами. Татары стали сбывать произведенія земли въ Керчь и Азовъ; продажа ихъ, а также шерсти и барановъ, доставляла имъ правильный доходъ и постепенно пріучала къ осѣдлости. Самъ Мэзонъ жилъ на берегу Азовскаго моря, среди татарскаго поселенія Моро, обращеннаго въ мѣстечко подъ именемъ Ногайска. Онъ развелъ небольшой ботаническій садъ и плодовый, имѣвшій до десяти тысячъ фруктовыхъ деревъ, и прожилъ тридцать лѣтъ среди ногайскихъ татаръ, не получая никакого отъ казны вознагражденія.

Ришелье обратилъ вниманіе и на остатки отважныхъ запорожцевъ, жившихъ теперь на Кубани, подъ именемъ Черноморскихъ или Кубанскихъ казаковъ, въ крайней бѣдности и понемногу вымиравшихъ. Онъ приселилъ къ нимъ еще 25.000 человѣкъ съ береговъ Днѣпра (также прежнихъ запорожцевъ, но уже болѣе осѣдлыхъ) съ ихъ семействами и поручилъ своему родственнику графу Рошешуару заняться ихъ военнымъ устройствомъ и обученіемъ, распредѣливъ ихъ по полкамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ построенъ рядъ небольшихъ укрѣпленій, чтобы сдерживать горцевъ, тревожившихъ въ то время наши поселенія на Кубани. Одновременно герцогъ занялся устройствомъ хозяйства этихъ поселянъ, конскаго завода, образцовой овчарни, суконной фабрики, больницы, школы для дѣтей и проч. Въ короткое время возникло богатое населеніе въ 40.000 человѣкъ, выставлявшее прекрасное войско.

Объѣзжая по временамъ и осматривая всѣ эти поселенія, разбросанныя на обширномъ пространствѣ, генералъ-губернаторъ говорилъ съ ихъ обывателями, входилъ въ ихъ нужды, поощрялъ ихъ всячески и испрашивалъ награды лицамъ, непосредственно завѣдывавшимъ всѣми этими обывателями, столь различными по обычаямъ, нравамъ, языку, религіи и привычкамъ. «Нигдѣ не встрѣчалось столько разнородныхъ обывателей—пишетъ Ришелье въ своемъ рапортѣ императору.—Такъ, на лѣвомъ берегу рѣки Молочной живутъ ногайскіе татары, на правомъ—выселившіеся изъ Великороссіи русскіе, а повыше ихъ—мнемониты изъ Германіи, а противъ нихъ—колонисты, частію лютеране, частію католики.

Библиотека "Руниверс"

Еще выше по рѣкѣ—малороссы православнаго исповѣданія, а потомъ — опять духоборцы и т. д.»

Зимою 1811—1812 гг. Ришелье получилъ отъ государя приказаніе двинуть на Волынь всѣ имѣющіяся у него въ распоряженіи войска, а самому прибыть въ Петербургъ для участія въ обсужденіи весьма важныхъ вопросовъ вмѣстѣ съ другими высокопоставленными лицами.

Предметомъ обсужденія являлись условія мира съ Турціею, подготовляемаго Кутузовымъ, а въ особенности предстоявшая Россіи война съ Наполеономъ. Ришелье въ продолженіе 15-ти дней объяснялся съ государемъ и его министрами, а затѣмъ вернулся въ Одессу для скорѣйшаго приведенія въ исполненіе всѣхъ признанныхъ необходимыми мѣропріятій.

Вскорѣ послѣ этого Наполеонъ вступилъ въ предѣлы нашего отечества. Ришелье, питавшій непреодолимую ненависть къ Наполеону, горѣлъ желаніемъ выступить противъ своего высокомѣрнаго соотечественника. Онъ писалъ объ этомъ императору Александру I, но появившаяся въ Одессѣ чума заставила герцога остаться въ созданномъ имъ городѣ. Въ августѣ 1812 года внезапно умерло въ Одессѣ около тридцати человѣкъ; доктора не могли придти къ единогласному заключенію о причинахъ этого явленія, ни о его свойствахъ. 26-го августа закрыты были всѣ церкви, таможни, биржа и судебныя мѣста; городъ былъ раздѣленъ на кварталы, каждый изъ нихъ порученъ завѣдыванію особыхъ лицъ, изъ дворянъ и офицеровъ, обязанныхъ обходить каждый домъ своего квартала и указывать, въ которомъ изъ нихъ имѣются лица, зараженныя этою страшною болѣзнью, оказавшеюся скоро чумою. Это побудило герцога Ришелье установить карантины на рѣкѣ Бугѣ и Днѣстрѣ, а также и на границахъ Подольской губерніи. Оба института были обращены въ больницы, при чемъ чумныхъ отдѣляли отъ прочихъ больныхъ. Но бѣдствіе не прекращалось, число больныхъ и умирающихъ все увеличивалось. Тогда 22-го ноября 1812 года былъ установленъ общій карантинъ: никто не смѣлъ выходить изъ квартиры, если не былъ къ тому обязанъ службою. Съѣстные припасы разносились два раза въ день по квартирамъ особыми комиссарами. Всякій, имѣвшій признаки больнаго, отправлялся въ больницу, а всѣ лица, находившіяся съ нимъ въ одномъ помѣщеніи, размѣщались отдѣльно въ особыхъ покояхъ. Самая мертвая тишина царила на улицахъ, на которыхъ горѣли мѣстами костры, и только по временамъ встрѣчались телѣги, увозившія умершихъ и зачумленныхъ. Часть города, населенная самыми недостаточными обывателями, почти что вся вымерла; немногіе изъ оставшихся живыми были выселены въ особые сараи, построенные на прилегающихъ къ городу холмахъ. Самъ Ришелье вмѣстѣ съ аббатомъ Николемъ и г. Россе съ величайшимъ самопожер-

Библиотека "Руниверс"

твованіемъ помогали больнымъ и бѣднымъ въ домахъ ихъ, ухаживали за ними въ больницахъ и даже зарывали ихъ на кладбищѣ.

7-го января 1813 года, послѣ 66 дневнаго каратина, чума прекратилась въ Одессѣ, похитивъ 2.660 человѣкъ изъ общаго числа 36.000 обывателей города. Ришелье сталъ снова мечтать о возможности выступить противъ Наполеона, какъ вдругъ 8-го іюля 1813 года чума появилась въ Елисаветградѣ. Впрочемъ, принятыми Ришелье мѣрами она была скоро прекращена.

Между тѣмъ Наполеонъ былъ изгнанъ изъ Россіи. Наши войска вступили въ Германію и одержали рядъ блистательныхъ побѣдъ. Ришелье чрезвычайно радовался имъ и писалъ своему пріятелю Рошешуару, что намѣренъ по возвращеніи императора Александра въ Россію просить у него отпуска на поѣздку въ Парижъ.

Въ сентябрѣ 1814 года онъ получилъ желаемое разрѣшеніе и сталъ собираться къ отъѣзду. Извѣстіе объ этомъ повергло жителей Одессы въ полное уныніе; бо́льшая часть населенія провожала его до заставы, а болѣе двухъ сотъ человѣкъ—до первой станціи. Герцогъ Ришелье или, какъ его обыкновенно звали въ Одессѣ, дюкъ (т. е. по-французски герцогъ—duc), былъ глубоко растроганъ и со слезами на глазахъ разстался съ жителями созданнаго города, который ему не суждено было болѣе увидѣть. Но онъ непрестанно вспоминалъ о немъ и въ своемъ отечествѣ, посылалъ по временамъ въ Одессу разныя сѣмена и плодовыя деревья изъ королевскаго сада, устраивалъ ввозъ французскихъ товаровъ, необходимыхъ для Одессы, выписывалъ изъ Одессы и другихъ портовъ Чернаго моря хлѣбъ во Францію и т. д. Когда императоръ Александръ I посѣтилъ въ 1818 году Одессу, онъ былъ до того изумленъ всѣмъ сдѣланнымъ герцогомъ Ришелье какъ для города, такъ и для всего края, что послалъ ему при особомъ письмѣ орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго. Десять лѣтъ спустя, городъ соорудилъ памятникъ своему прежнему губернатору, которому, однако, не было суждено узнать объ этой признательности обывателей Одессы: онъ ранѣе этого скончался.

Въ Одессѣ Ришелье все время проводилъ въ занятіяхъ, жилъ въ скромномъ помѣщеніи изъ пяти комнатъ, гдѣ мебель была изъ некрашенаго бѣлаго дерева, самой простой работы. Зимою и лѣтомъ онъ вставалъ въ шесть часовъ утра, пилъ кофе съ молокомъ около восьми часовъ и, принявъ разныхъ просителей, садился заниматься съ своими секретарями до двѣнадцати часовъ съ половиною. Онъ самъ вскрывалъ пакеты, писалъ не только резолюціи, но и отвѣтныя бумаги, и нерѣдко прямо на-бѣло, безразлично на какомъ языкѣ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Онъ велъ, кромѣ того, обширную переписку со многими лицами, читалъ всѣ газеты и журналы, получаемые въ Одессѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ часъ дня онъ обѣдалъ, при чемъ за столомъ собирались всѣ его приближенные, человѣкъ двадцать: а именно три адъютанта, его родственникъ графъ Рошешуаръ, завѣдывавшій всѣмъ его домомъ, три его секретаря по гражданскому управленію, начальникъ штаба дивизіи съ двумя офицерами, докторъ Скюдери, бывшій его наставникъ аббатъ Лабданъ, секретарь по дѣламъ города Одессы, нѣкоторые изъ иностранныхъ консуловъ и затѣмъ, кромѣ того, болѣе замѣчательные путешественники и знатнѣйшіе торговцы. Обѣдъ былъ самый скромный, послѣ котораго Ришелье отправлялся странствовать по городу или пѣшкомъ, или въ скромныхъ дрожкахъ и посѣщалъ нерѣдко окрестности города, различныя учрежденія, сады, земледѣльческія фермы, бесѣдовалъ съ ихъ владѣльцами, разспрашивалъ о ходѣ работъ, о положеніи ихъ дѣлъ, объ ихъ нуждахъ и т. д. Въ девять часовъ онъ ужиналъ. Онъ не отклонялъ никогда никакого приглашенія на вечеръ и охотно посѣщалъ балы, какъ общественные, такъ и частные.

По воскресеньямъ у него былъ большой пріемъ и смотръ войску, послѣ чего герцогъ отправлялся въ гимназію, разспрашивалъ о поведеніи и успѣхахъ учениковъ въ продолженіе недѣли, бралъ съ собою наиболѣе отличившихся, возилъ ихъ по городу, оставлялъ у себя обѣдать, а послѣ отвозилъ въ гимназію. Въ одиннадцать часовъ онъ ложился спать на одномъ изъ диванов, стоявшихъ въ его кабинетѣ. Жизнь въ Одессѣ была въ то время дешева,—говоритъ Рошешуаръ въ своихъ воспоминаніяхъ,—говядина стоила 3 коп. фунтъ; рыбы было множество; овощи, плоды получались изъ Крыма, а вина изъ Франціи, безъ платежа пошлины. Для своихъ расходовъ герцогъ не имѣлъ ничего, кромѣ получаемого отъ правительства содержанія, всего около 15—20 тысячъ рублей ассигнаціями; изъ Франціи онъ ничего не получалъ изъ своего достоянія.

Крайняя простота и радушіе скоро снискали герцогу всеобщее расположеніе жителей; онъ охотно разговаривалъ съ каждымъ, и при томъ на природномъ его языкѣ. Простота обращенія много способствовала собранію около герцога всѣхъ наиболѣе выдающихся личностей города Одессы, весьма различныхъ между собою по состоянію, происхожденію и умственнымъ способностямъ. У него же собирались и всѣ европейскіе консулы, находившіеся въ Одессѣ, а также наиболѣе крупные торговцы, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ тогда французъ Сикаръ (Sicard), первый установившій торговыя сношенія Одессы съ Марселемъ, и французъ Раймондъ—нажившій состояніе при снабженіи провіантомъ молдавской арміи. Кромѣ того тутъ же бывалъ маркизъ Кастельно (Castelnau) оставившій любопытное сочиненіе по исторіи Новороссійскаго края.

П. М. Майковъ.

Библиотека "Руниверс"

СОНЪ.

Стихотвореніе Аполлона Никифоровича Марина.

Воску ярого свѣчею
Сердце тѣплилось во мнѣ,
Предъ иконою святою
Я въ священномъ былъ огнѣ.
Ангелъ Божій предо мною
Лучезарно возсіялъ;
Знаменія креста деснаго
Меня кротко осѣнялъ.
И блистательной одеждой,
Онъ прикрылъ меня своей;
Вѣру теплую съ надеждой
Посѣлилъ въ душѣ моей
Я проснулся и нестало
Ангела передо мной
Но мнѣ какъ-то легче стало,
И душа нашла покой.
Томно пѣночка запѣла,
Засвисталъ мой соловей,
Горе съ сердца улетѣло
Въ даль за тридевять морей.

16-го іюня 1846 г. 4 часа утра.
С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

Александръ I и Наполеонъ въ Эрфуртѣ.

VI [1]).

Конвенція.

Одновременно съ неопредѣленными бесѣдами и легкими полунамеками возобновились и положительные переговоры, медленно подвигавшіеся впередъ. По возвращеніи изъ Веймара, императоры нашли, что Шампаньи и Румянцевъ уже пришли къ соглашенію относительно нѣкоторыхъ статей, но кое-какіе пункты ихъ останавливали. Желая устранить эти препятствія лично, Наполеонъ и Александръ пожелали, чтобы труды ихъ министровъ продолжались подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ; всякое разногласіе представлялось на разсмотрѣніе императоровъ. Между ихъ отелемъ и канцлерствомъ безпрестанно сновали посланцы; Шампаньи и Румянцевъ расходились и сходились до четырехъ разъ въ день, чтобы получать и сообщать другъ другу повелѣнія своихъ государей. Готовясь сѣсть на коня, чтобы скорѣе посѣтить Наполеона, Александръ, случалось, долженъ былъ принимать своего министра, который доносилъ ему о какихъ-либо новыхъ пререканіяхъ и просилъ надлежащихъ инструкцій: «Императоръ Наполеонъ ожидаетъ меня,—говорилъ онъ тогда,—я устрою все это вмѣстѣ съ нимъ» [2]).

---

[1]) См. „Рус. Стар.“ іюнь 1897 г.

[2]) Шампаньи Наполеону, 29-го сентября (11 октября) 1808 г. Письма, въ которыхъ министръ иностранныхъ сношеній отдаетъ своему государю день за день отчетъ о происходившихъ преніяхъ, находятся въ Archives nationales, A. F., IV, 1697. Thiers обнародовалъ часть ихъ (IX, 325—732).

Библиотека "Руниверс"

И затѣмъ, во время прогулки, или за вечерней бесѣдой, они старались пріискать форму, которая должна была примирить обѣ стороны. Относительно нѣкоторыхъ вопросовъ дѣлались уступки, другіе—устранялись вовсе, и благодаря такимъ пріемамъ, прикрывавшимъ черезчуръ частыя разногласія, конвенція мало-по-малу формировалась въ различныхъ своихъ частяхъ.

Во вступленіи и первыхъ трехъ статьяхъ была обозначена цѣль договора, а именно, всеобщее водвореніе мира, при этомъ устанавливались и способы дипломатическаго воздѣйствія союзниковъ на Англію. Этой державѣ предложено будетъ вступить въ переговоры; для этого будутъ назначены уполномоченные и съѣдутся въ томъ мѣстѣ какое она имъ назначитъ. При переговорахъ, Франція и Россія будутъ дѣйствовать единодушно, сообщая другъ другу всѣ предложенія противной стороны и ни въ чемъ не отдѣляя другъ отъ друга своихъ интересовъ.

На какихъ же основаніяхъ послѣдуетъ заключеніе мира съ Англіею? По этому предмету Франція и Россія обезпечивали другъ другу обоюдность выгодъ, составлявшую неизмѣнное правило ихъ союза: независимо отъ предшествовавшихъ договору владѣній, они гарантировали взаимно всѣ завоеванія, сдѣланныя или предпринятыя послѣ Тильзита: Франціею—на югѣ Европы, Россіею—на сѣверѣ и востокѣ.

4-й статьею прежде всего устанавливалось вести переговоры на основаніи принципа имѣющихся у каждаго владѣній: всякій долженъ былъ сохранить за собой то, что̀ занялъ. Но этого общаго обѣщанія было недостаточно для успокоенія одинаково подозрительныхъ честолюбій у обѣихъ сторонъ, желавшихъ положительныхъ гарантій. Кромѣ того Испанія, въ состояніи сплошнаго возстанія, ускользала въ сущности изъ области uti possidetis относительно Франціи. Наполеонъ, однако, настаивалъ на томъ, чтобы причисленіе этого государства къ владѣніямъ его династіи было особенно гарантировано Россіей. Поэтому Александръ I долженъ былъ въ 6-й статьѣ дать обязательство «смотрѣть, какъ на непремѣнное условіе мира,—на признаніе Англіею новаго порядка правительства, установленнаго въ Испаніи». Что касается до перемѣнъ, произведенныхъ или подготовленныхъ за послѣдній годъ по ту сторону Альпъ, Наполеонъ удовольствовался простымъ письмомъ, написаннымъ къ нему Александромъ, въ которомъ признавалось заранѣе все, что̀ будетъ рѣшено французскимъ императоромъ «относительно участи этого королевства и другихъ государствъ Италіи» [1]).

---

[1]) Это письмо было напечатано въ Correspondance de Napoléon XVII, 648, въ примѣчаніи.

Библиотека "Руниверс"

Соотвѣтственно этимъ условіямъ, исключительно въ пользу Франціи были составлены подобныя же обязательства со стороны Наполеона: во-первыхъ, въ статьѣ 5-й, французскій монархъ, по образцу выраженій, употребленныхъ относительно Испаніи, обязывался «смотрѣть, какъ на непремѣнное условіе мира съ Англіей, на признаніе ею Финляндіи, Валахіи и Молдавіи, въ качествѣ областей, составляющихъ часть Россійской имперіи».

Была-ли необходимость объясняться подробнѣе о предоставленіи Франціею своему союзнику шведской провинціи и двухъ турецкихъ областей? Александръ потребовалъ сначала, чтобы присоединеніе Финляндіи къ его владѣніямъ было признано точнымъ образомъ, и Наполеонъ, повидимому, не прочь былъ согласиться на это. Но затѣмъ такое притязаніе было оставлено: царь мало видѣлъ въ томъ выгодъ, такъ какъ Франція никогда не отказывалась пожертвовать Швеціей; напротивъ, тутъ являлся нѣкоторый рискъ, потому что Наполеонъ могъ потребовать, въ свою очередь, новыхъ уступокъ. Поэтому имя Финляндіи было названо лишь въ помянутой выше статьѣ. Объ участи другихъ областей шведской монархіи не было здѣсь рѣчи, хотя Александру была предоставлена полная свобода продолжать побѣдоносно войну далѣе на сѣверъ; впрочемъ, 13-й статьею обусловливалось также увеличеніе владѣній Даніи соотвѣтственно понесеннымъ ею лишеніямъ и оказаннымъ услугамъ.

Относительно Молдавіи и Валахіи дѣло слагалось иначе, и хотя Наполеонъ понималъ, что угрожающее положеніе Австріи дѣлаетъ для него необходимымъ соглашеніе съ Россіей и обязываетъ его къ нѣкоторой снисходительности, тѣмъ не менѣе онъ прибѣгъ при этомъ къ кое-какимъ оговоркамъ. Онъ далъ слово нимало не препятствовать присоединенію господарствъ къ Россіи, но просилъ союзника не пользоваться этой возможностью тотчасъ же и сохранить дѣло въ тайнѣ на нѣсколько мѣсяцевъ; онъ хотѣлъ, чтобы Россія подождала исхода лондонскихъ переговоровъ прежде, чѣмъ предъявить туркамъ желаніе сохранить за собою оба господарства и предложить имъ на этомъ условіи миръ. Соображенія Наполеона были слѣдующія: сентъ-джемскій кабинетъ употребляетъ непрестанно усилія примириться съ Портой и вовлечь ее въ союзъ; турки еще колеблются, потому что не вполнѣ утратили вѣру въ Наполеона и воображаютъ, что Франція поможетъ имъ сохранить цѣлость владѣній. Но какъ только царь, по пріѣздѣ изъ Эрфурта, властно потребуетъ отъ нихъ уступки двухъ провинцій, они тотчасъ догадаются, что Франція ихъ предательски обманула и бросила на произволъ судьбы. Въ совершенномъ отчаяніи, они со всею энергіей устремятся тогда къ Англіи и предоставятъ въ ея распоряженіе всѣ свои силы. Противница Франціи, которую надѣялись окон-

Библиотека "Руниверс"

чательно вытѣснить въ море, снова найдетъ себѣ твердую опору на Востокѣ, а также въ Испаніи, и, охвативъ континентъ Европы съ двухъ крайнихъ пунктовъ, почувствуетъ себя еще лучше укрѣпленной для продолженія борьбы и примется за нее съ новой отвагой. «Англія тогда пріобрѣтетъ себѣ союзника,—говорилось въ упоминавшейся уже французской нотѣ [1]),—рынки для сбыта товаровъ и проникнетъ въ Черное море. Заключеніе мира станетъ болѣе труднымъ, а война менѣе благопріятной для Россіи». Если же миръ между Россіей и Портой будетъ заключенъ,—продолжаетъ затѣмъ самъ Наполеонъ, выставляя уже другой доводъ,—въ то время, какъ переговоры съ Англіей еще не окончатся, то это явится событіемъ, имѣющимъ болѣе неудобствъ, чѣмъ выгодъ, потому что Англія яснѣе уразумѣетъ при этомъ дѣла, обсуждавшіяся въ Эрфуртѣ; договоръ съ Портою дастъ ей понять, что мысль о раздѣлѣ пока оставлена, и тревога ея успокоится» [2]). Итакъ пусть Россія довольствуется покуда занятіемъ двухъ провинцій, пусть она смотритъ на нихъ, какъ на свою собственность, правитъ и устраиваетъ ихъ по своему желанію, защищаясь отъ всякаго нападенія, но пусть она не требуетъ немедленной уступки ихъ Портою: этимъ отсрочивается не владычество тамъ Россіи, а лишь оффиціальное признаніе ея правъ.

По несчастію, всякое, какое бы ни было слабое, ограниченіе въ пользованіи предоставленными преимуществами имѣло способность волновать и раздражать русскихъ. Если существовалъ пунктъ, относительно котораго Александръ и его министръ явились въ Эрфуртъ съ окончательно сложившимися взглядами, рѣшеніе по которому было принято безповоротно и всякіе переговоры излишни,—то это именно можно было сказать о признанной ими необходимости доставить Россійской имперіи немедленное расширеніе границъ на счетъ Турціи. По этому вопросу слово ихъ было твердо и неизмѣнно. Главный упрекъ, съ которымъ они обращались къ французской политикѣ, заключался въ томъ, что имъ платили до сихъ поръ лишь посулами. Уже цѣлый годъ Наполеонъ прибѣгалъ то и дѣло къ отсрочкамъ. Встревоженные этими безконечными промедленіями и утомленные ожиданіемъ, они спѣшили выйти изъ такого положенія, и Румянцевъ выражался по этому поводу съ грубой почти откровенностью: «мы не можемъ — говорилъ онъ Шампаньи—согласиться на продленіе такого положенія вещей, какое существуетъ уже цѣлый годъ; оно слишкомъ противорѣчитъ нашимъ интересамъ; мы и явились сюда именно за тѣмъ, чтобъ объявить вамъ,

---

[1]) Archives nationales. A. F. IV, 1697.
[2]) Correspondance 14364.

Библиотека "Руниверс"

что намѣреваемся положить конецъ этому» [1]). Опираясь на слова, высказанныя имъ, по ихъ увѣренію, въ Тильзитѣ, на услуги, оказанныя Россіею въ общемъ дѣлѣ, они являлись теперь въ качествѣ настойчивыхъ кредиторовъ, жаждущихъ удовлетворенія и требующихъ уплаты долга, срокъ котораго, по ихъ мнѣнію, исполнился ужь много мѣсяцевъ тому назадъ. Предпочитая получить сейчасъ же господарства, чѣмъ обѣщаніе Константинополя, они горѣли нетерпѣніемъ доставить Россіи положительно пріобрѣтенную выгоду; можно было бы сказать, что царь поклялся своему народу не возвращаться изъ Эрфурта безъ ключа Турціи.

Сверхъ того, въ сношеніяхъ своихъ съ Наполеономъ, Александръ и Румянцевъ дошли до такого недовѣрія, что каждое слово французскаго императора заключало для нихъ что-нибудь подозрительное, какую-то ловушку. И въ настоящемъ случаѣ потребованная имъ отсрочка казалась русскимъ содержащей въ себѣ ограниченіе ихъ права въ самой его сущности. Если Наполеонъ—говорили они—думаетъ снова дѣлать проволочки, то именно въ надеждѣ обмануть насъ и оставить ни съ чѣмъ. Въ то время, какъ они будутъ воздерживаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій, будутъ медлить съ предъявленіемъ къ туркамъ требованія о формальной уступкѣ, Наполеонъ усмиритъ всю Испанію. По выполненіи же этой задачи, вниманіе его устремится опять на Востокъ. Если миръ съ Англіей не будетъ заключенъ, онъ вернется къ своимъ первоначальнымъ идеямъ: заставъ русскихъ по-прежнему въ войнѣ съ Турціей, Наполеонъ воспользуется этимъ, чтобы предложить имъ раздѣлъ, и это дастъ ему возможность уравновѣсить уступки, сдѣланныя въ Эрфуртѣ, болѣе значительными пріобрѣтеніями въ пользу Франціи или возбудить безконечныя пререканія и оставить все, какъ было [2]). Но съ другой стороны, если бы миръ съ Англіей былъ заключенъ, прежде чѣмъ Россія покончитъ свою распрю съ Портой, какую гарантію могъ имѣть Александръ противъ новаго направленія политики Наполеона? Не обратится ли онъ опять къ туркамъ, какъ только утратитъ необходимость въ союзѣ на Сѣверѣ; не станетъ ли поддерживать и усиливать ихъ сопротивленіе черезчуръ запоздалымъ притязаніямъ Россіи? Не возьметъ ли онъ тайно назадъ того, что̀ вынуждено было у него лишь крайнею необходимостью? Итакъ надлежало, чтобъ восточный вопросъ не только не оставался полурѣшеннымъ, какъ этого требовала коварная политика Франціи, но чтобы онъ былъ покончен немедля, въ нѣсколько недѣль, раньше, чѣмъ Наполеонъ въ состояніи будетъ обойтись безъ Россіи: въ такомъ случаѣ его интересы

---

[1]) Шампаньи Наполеону 24 сентября (6-го октября) 1808 года.

[2]) Румянцевъ императору Александру, 27-го декабря 1808 г.(8 января 1809 г.)

Библиотека "Руниверс"

явятся гарантіей его искренности. Кромѣ того, Александръ и его министръ торопились увѣнчать успѣхомъ предпріятіе на Дунаѣ, дабы и самимъ пріобрѣсти свободу дѣйствій въ Европѣ и не имѣть болѣе надобности въ Наполеонѣ; твердо рѣшивъ, поэтому, не уступать ни на волосъ, Румянцевъ началъ пренія о статьяхъ, которыми во французскомъ проектѣ, изготовленномъ Талейраномъ по внушенію Наполеона и проводимомъ въ жизнь Шампаньи, была выражена попытка опредѣлить ближайшую участь Порты и дальнѣйшую судьбу господарствъ.

Проектъ этотъ въ первоначальной редакціи заключалъ въ себѣ 8-ю статью, гласившую слѣдующее: «его величество императоръ россійскій, послѣ переворотовъ и потрясеній, колеблющихъ Оттоманскую Порту и не дающихъ никакой возможности представить достаточныя гарантіи, а слѣдовательно и не оставляющихъ ни малѣйшей надежды на полученіе таковыхъ, относительно охраны личныхъ и имущественныхъ правъ у жителей Валахіи и Молдавіи, его величество императоръ россійскій рѣшилъ оставить эти области за собою, тѣмъ болѣе, что лишь обладаніе ими можетъ дать его имперіи необходимую для нея естественную границу. Его величество императоръ Наполеонъ нимало не противится рѣшенію его величества императора всероссійскаго»[1]). Императоръ Александръ и Румянцевъ нашли послѣднее выраженіе слишкомъ слабымъ и предложили замѣнить его другимъ, а именно: «его величество императоръ Наполеонъ соглашается на то, чтобы императоръ россійскій вполнѣ подчинилъ своей державной власти Валахію и Молдавію, опредѣливъ Дунай ихъ границей, и присоединеніе этихъ земель къ Россійской имперіи признается съ сего же момента»... Послѣ нѣкотораго сопротивленія Наполеонъ допустилъ, чтобы его согласіе съ планами Александра было выражено такимъ именно образомъ, и русская редакція была принята. «Если есть болѣе формальный и болѣе сильный способъ—говорилъ Шампаньи,—выразить такое согласіе на признаніе вашихъ правъ, мы готовы принять и его, но во имя великаго интереса умиротворенія, ограничьтесь пока этимъ въ настоящій моментъ»[2]). Затѣмъ пренія возобновились еще съ большей силой по поводу слѣдующей статьи.

Вышепомянутое постановленіе давало Россіи право вести съ Портой непосредственные переговоры безъ французскаго посредничества о пріобрѣтеніи господарствъ. Наполеонъ же, хотѣвшій-было удержать за собою званіе посредника, дабы сохранить право руководить переговорами, удовольствовался въ концѣ-концовъ лишь слѣдующей простой оговоркой: «Въ Портѣ не будетъ возбуждено никакихъ подозрѣній отно-

[1]) Archives nationales, A. F. IV, 1697.

[2]) Шампаньи императору Наполеону, 6-го октября (25 сентября) 1808 г.

Библиотека "Руниверс"

сительно намѣреній Россіи до тѣхъ поръ, пока не станутъ извѣстны результаты предложеній, сдѣланныхъ обѣими державами Англіи». Эта фраза, отвергнутая первоначально Румянцовымъ сдѣлалась новымъ камнемъ преткновенія для соглашенія сторонъ.

Послѣ нѣсколькихъ конференцій и окончательныхъ двухчасовыхъ преній, Шампаньи убѣдился, что въ его собесѣдникѣ засѣло систематическое предубѣжденіе, дѣлавшее его глухимъ ко всякимъ доводамъ. «Такое упорство Румянцова, писалъ онъ императору, не явилось подъ впечатлѣніемъ минуты; оно зиждется на долговременныхъ размышленіяхъ, направленныхъ къ одной цѣли, на нетерпѣливыхъ ожиданіяхъ и, наконецъ, на томъ мнѣніи, что въ данный моментъ ничто не можетъ воспрепятствовать выполненію русскихъ плановъ. Я отчаиваюсь въ возможности бороться съ этимъ убѣжденіемъ» [1]).

Такъ какъ министръ, признавъ свое безсиліе, уклонился отъ боя, то Наполеонъ заступилъ его мѣсто и пустилъ въ ходъ свои личныя свойства, пытаясь склонить Александра къ уступкѣ, но опять его усилія оказались тщетны передъ терпѣливымъ упорствомъ союзника. Наконецъ эти дебаты, грозившіе участи самого союза, закончились нѣкоторымъ компромиссомъ. Наполеонъ согласился, чтобы въ статьѣ не было упомянуто ни о какомъ срокѣ, не вводилось никакихъ проволочекъ, а было бы лишь установлено, что французскіе дипломаты въ Константинополѣ не должны поддерживать русскихъ требованій, сохраняя за собою свободу не раздражать подозрительности Порты и опровергать существованіе какого бы то ни было соглашенія между двумя императорскими дворами, направленнаго противъ Турціи. Кромѣ того императоръ Александръ далъ слово, что не предъявитъ своихъ требованій и не двинетъ войскъ ранѣе 1-го января 1809 г. (19 декабря 1808 г.) [2]); къ этому времени Англія уже объявитъ свое рѣшеніе въ отвѣтъ на мирныя предложенія, будетъ связана своимъ отвѣтомъ, и обращеніе Турціи къ союзу съ нею не въ состояніи будетъ повліять, заднимъ числомъ, на ея рѣшеніе. Помянутая оговорка была лишь устной, она не включена въ 9-ю статью, составленную окончательно слѣдующимъ образомъ.

«Его величество императоръ россійскій обязуется хранить въ глубочайшей тайнѣ предшествующую статью (относительно признанія господарствъ за Россіей) и открыть переговоры въ Константинополѣ, или въ иномъ какомъ мѣстѣ, чтобы добиться, буде возможно, добровольной уступки помянутыхъ двухъ областей. Франція отказывается отъ своего

---

[1]) Thiers, X, 327.

[2]) Это обязательство упомянуто и разъяснено въ донесеніи Румянцова императору Александру отъ 27-го декабря 1808 г. (8 января 1809 г.). См. также донесенія Коленкура императору Наполеону отъ 22-го(10) ноября 1808 г.

Библиотека "Руниверс"

посредничества. Уполномоченные или агенты обѣихъ союзныхъ державъ договорятся о способѣ веденія переговоровъ, дабы не нарушить дружбы, существующей между Франціей и Портой, равно какъ объ обезпеченіи безопасности французовъ, находящихся въ левантскихъ портахъ, и не дать Турціи повода къ сближенію съ Англіей».

Слѣдующая статья устанавливала содѣйствіе, которое обѣ державы должны были, въ извѣстномъ случаѣ, оказать другъ другу противъ Австріи. Здѣсь опять въ договорѣ примѣнялся принципъ обмѣна услугъ между Франціей и Россіей на почвѣ ихъ обоюдныхъ интересовъ. Если бы Австрія атаковала Россію на востокѣ и соединилась съ турками для спасенія господарствъ, Наполеонъ долженъ былъ двинуться противъ нея; съ своей стороны и русскій императоръ вступался за Францію, если Австрія объявляла ей войну: «онъ долженъ былъ смотрѣть на это, какъ на одинъ изъ тѣхъ случаевъ общаго союза, которые сплачиваютъ силы обѣихъ имперій».

Нѣкоторыя изъ послѣднихъ статей договора окончательно характеризовали весь актъ. Согласно установленному Наполеономъ принципу, Эрфуртскій договоръ не имѣлъ въ виду опредѣлить разъ навсегда отношенія между Россіей и Франціей, ни даже составить окончательный планъ дѣйствій противъ Англіи: онъ былъ лишь соглашеніемъ о первоначальныхъ мѣрахъ, по приведеніи которыхъ въ исполненіе произойдетъ совѣщаніе о дѣйствіяхъ болѣе энергическихъ. Эта мысль ясно выражена въ 12-й статьѣ договора. «Если мѣры, принятыя обѣими высокими договаривающими сторонами, съ цѣлью водворенія мира, окажутся недѣйствительными..., то ихъ императорскія величества снова устроятъ свиданіе по прошествіи года, дабы договориться о взаимныхъ дѣйствіяхъ въ общей войнѣ и о средствахъ веденія ея всѣми мѣрами и всѣми силами, находящимися въ распоряженіи у обѣихъ имперій». При этомъ-то новомъ свиданіи и предполагалось приступить къ рѣшенію задачи, отложенной на время, къ разсмотрѣнію вопроса, не явится ли раздѣлъ Востока рѣшительнымъ средствомъ для обузданія Англіи.

Пока-же было необходимо, чтобы жертва оставалась нетронутой, чтобы ни одна изъ ея частей не была отдѣлена раньше времени, за исключеніемъ той, которая только-что была уступлена Россіи: «Высокія договаривающіяся стороны обязуются сверхъ того, гласила 16-я статья, охранять цѣлость другихъ владѣній Оттоманской имперіи, не желая ни сами предпринять что-либо, ни потерпѣть сторонняго посягательства на какую-бы то ни было часть помянутой имперіи безъ предварительнаго предупрежденія ихъ о томъ». Впрочемъ, въ этой отсрочкѣ, данной Наполеономъ восточной монархіи, не заключалось настоящаго дарованія жизни. Онъ толковалъ эту статью въ

Библиотека "Руниверс"

томъ смыслѣ, что оба двора запрещаютъ другъ другу въ отдѣльности налагать руку на Турцію и обязуются защищать ее противъ замысловъ какого-нибудь посторонняго честолюбца: они помѣщаютъ ее подъ свою ревнивую опеку, сохраняя лишь за собою право назначенія часа и условій раздѣла.

Такимъ образомъ былъ составленъ весь текстъ договора, который было положено хранить въ тайнѣ въ теченіе десяти лѣтъ. Наполеонъ, хотя и оспаривалъ, но допускалъ одну за другою статьи этого договора, весьма отличнаго отъ того, который онъ предполагалъ заключить въ Эрфуртѣ; между тѣмъ неизвѣстно еще было, приметъ ли онъ весь договоръ въ совокупности, удовольствуется ли онъ имъ, не предъявитъ ли внезапно нѣкоторыхъ новыхъ или не возобновитъ ли прежнихъ притязаній. Въ этомъ отношеніи даже его министры не могли похвалиться, что знаютъ вполнѣ его мысли. Разумѣется, онъ желалъ бы, чтобъ состоялось соглашеніе болѣе широкое, болѣе ясно-выраженное, желалъ бы дѣйствительнѣе предовратить нѣкоторыя случайности. Онъ все время настаивалъ на томъ, чтобы обязательства противъ Австріи шли какъ можно далѣе. Помышляя уже вырвать Голландію изъ колеблющихся рукъ короля Людовика и прочнѣе присоединить ее къ континентальной системѣ, включивъ въ составъ своей имперіи, онъ хотѣлъ бы, чтобъ въ одной изъ статей было упомянуто объ этомъ королевствѣ, которое было бы предоставлено въ его распоряженіе. Но эти требованія вызвали въ отвѣтъ другія со стороны Александра: столкновенія умножались, портя взаимныя отношенія и не приводя къ положительнымъ результатамъ; жизнь въ Эрфуртѣ, съ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же развлеченій, однихъ и тѣхъ же преній, потеряла всякую привлекательность для обоихъ монарховъ: они торопились придти къ заключенію и разстаться. Наконецъ они рѣшили остановиться на выработанныхъ условіяхъ и не говорить о нихъ болѣе, изъ боязни, что, при желаніи слишкомъ точно опредѣлить отношенія, придется констатировать глубокую и опасную обоюдную рознь. Императоры удовольствовались обезпеченіемъ настоящаго положенія и приложили 30-го сентября (12-го окт.) свои подписи, по характерному выраженію очевидца, «съ закрытыми глазами, чтобъ не заглядывать въ будущее».

Задача императоровъ не была еще этимъ окончена. Имъ слѣдовало, кромѣ того, выработать форму общаго письма къ англійскому королю; оставалось еще составить личные ихъ отвѣты австрійскому императору, такъ какъ они не могли договориться объ одинаковой формѣ своихъ заявленій.

Александръ согласился на то, чтобы письмо королю Георгу было составлено въ выраженіяхъ, способныхъ наиболѣе устрашить Англію

Библиотека "Руниверс"

относительно послѣдствій ея отказа; въ уста монарховъ влагалась при этомъ рѣчь умѣренная, искусная и исполненная достоинства; только за искреннимъ желаніемъ примиренія они давали чувствовать возможность жестокихъ потрясеній для Англіи.

«Ваше величество,—говорилось въ письмѣ,—событія, происходящія нынѣ въ Европѣ, соединили насъ въ Эрфуртѣ. Наше главное желаніе, отвѣчая мольбамъ и потребности всѣхъ народовъ, постараться обрѣсти въ немедленномъ примиреніи съ вашимъ величествомъ наиболѣе дѣйствительное средство противъ несчастій, тяготѣющихъ надъ всѣми націями. Настоящимъ письмомъ мы и выражаемъ это наше искреннее желаніе вашему величеству.

«Долгая и кровопролитная война, терзавшая народы континента, окончена и не можетъ уже быть возобновлена. Многія перемѣны совершились при этомъ въ Европѣ. Многія государства потрясены теперь до основанія. Причина же эта кроется въ томъ тревожномъ и бѣдственномъ положеніи, въ какомъ очутились величайшіе изъ народовъ, вслѣдствіе прекращенія морской торговли. И еще болѣе крупные перевороты могутъ совершиться и все неблагопріятные для политики англійскаго народа. Слѣдовательно миръ—одинаково въ интересахъ и континентальныхъ державъ, и народовъ Великобританіи.

«Мы соединяемся вмѣстѣ, дабы просить ваше величество, внявъ голосу человѣколюбія и подавивъ внушенія страстей, постараться, съ намѣреніемъ того достигнуть, согласовать всеобщіе интересы и даровать этимъ гарантію всѣмъ существующимъ державамъ, въ обезпеченіе счастія Европы и нынѣшняго поколѣнія, во главѣ котораго Провидѣніе поставило насъ» [1]).

Это письмо было условлено отправить изъ Булони въ Дувръ на парламентерскомъ французскомъ суднѣ. Будучи адресовано гр. Румянцовымъ государственному секретарю его британскаго величества — Каннингу, оно было снабжено еще особой запиской, въ которой предлагалось вести переговоры на основаніи uti possidetis, или на «всякомъ другомъ, отвѣчающемъ требованіямъ справедливости, взаимности и равенства, которыми должны руководиться всѣ великіе народы» [2]). Въ то же время Румянцовъ поселялся на нѣкоторое время въ Парижѣ, чтобы слѣдить, въ качествѣ русскаго уполномоченнаго, за переговорами съ Англіей.

Что касается Австріи, то различіе въ мнѣніяхъ обоихъ монарховъ

---

[1]) Correspondance, 14373.

[2]) Письмо Румянцова находится въ Correspondance de Napoléon, XVII, 638, въ примѣчаніи.

Библиотека "Руниверс"

проявилось сразу же при ихъ свиданіяхъ съ австрійскимъ представителемъ, въ совершенно непохожихъ рѣчахъ, обращенныхъ ими къ барону Винценту. По прибытіи курьера отъ Андреосси, Наполеонъ встрѣтилъ австрійскаго посланника очень сурово, съ гнѣвомъ во взорѣ и угрозою на устахъ.

— Вы ищете войны,—говорилъ онъ;—я долженъ къ ней приготовиться и поведу противъ васъ ужасающую. Я не желаю ея, однако и не боюсь; средства мои безпредѣльны. Императоръ Александръ есть и будетъ моимъ союзникомъ: ваши инсинуаціи и всевозможныя предложенія не поколебали его; онъ добросовѣстно выполнитъ свои обязательства, я въ томъ увѣренъ, и устремитъ противъ васъ всѣ силы своей имперіи. При подобныхъ условіяхъ благопріятенъ ли настоящій моментъ для нападенія вашего на меня? Судить о томъ вамъ: будущее васъ обвинитъ или оправдаетъ. Однако не пора ли бы вамъ успокоиться послѣ испытанныхъ четырехъ пораженій и посвятить свои силы улучшенію финансовъ и внутреннему благоустройству? Не требуютъ ли настоятельнымъ образомъ ваши истинные интересы распущенія вами милиціи, сокращенія линейныхъ войскъ, которыя тоже черезчуръ велики въ такое время, когда ни малѣйшей опасности вамъ не грозитъ и нѣтъ никакихъ враговъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ вы создаете своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій и сумасбродными вооруженіями? [1]).

Послѣ этого бурнаго разговора баронъ Винцентъ имѣлъ частную аудіенцію у русскаго императора, и изъ устъ этого монарха онъ ожидалъ услышать такіе же возгласы и укоризны, хотя-бы въ смягченной формѣ. Какова же была его радость, когда Александръ, избѣгая малѣйшихъ намековъ на разоруженіе, на которомъ Наполеонъ такъ настаивалъ, напротивъ, особенно настойчиво признавалъ чисто органическій а, слѣдовательно, и безобидный характеръ принятыхъ Австріей мѣръ.

— Никто не имѣетъ права,—говорилъ онъ,—вмѣшиваться во внутреннія дѣла другаго государства.

Онъ ограничился лишь совѣтомъ вести себя осторожно, обдуманно, въ интересахъ самой же Австріи, «у которой нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ онъ и которую онъ считаетъ себя обязаннымъ охранять отъ всякимъ посягательствъ» [2]). Въ весьма краткомъ письмѣ русскаго государя къ императору Францу повторялись тѣ же увѣренія: «Я прошу

---

[1]) Депеша Шампаньи Андреосси отъ 1-го октября (19-го сентября) 1808 г., въ которой сообщается о разговорѣ императора Наполеона съ австрійскимъ посланникомъ. Archives des affaires etrangères, Vienne, 381. Депеша Винцента Стадіону, цитируемая Hassel'емъ (280—281), по вѣнскимъ архивамъ.

[2]) Депеша Винцента отъ 1-го октября 1880 г. Hassel, 280.

Библиотека "Руниверс"

васъ,—заявилъ онъ,—быть вполнѣ убѣжденнымъ въ участіи, какое я принимаю въ вашемъ величествѣ и въ цѣлости вашей имперіи». Словомъ, русскаго государя, повидимому, гораздо болѣе занимала мысль объ успокоеніи вѣнскаго двора отъ боязни нападенія, нежели о запрещеніи ему наступательныхъ дѣйствій.

Изъ всѣхъ мѣръ, потребованныхъ Наполеономъ по отношенію къ Австріи, Александръ, какъ было помянуто, согласился только на одну: онъ готовъ былъ возобновить свои старанія, присоединившись къ заявленіямъ Франціи, съ цѣлью добиться признанія новыхъ королей. Да и эту мѣру русскій императоръ лишилъ того характера, какой Наполеонъ хотѣлъ ей придать, а именно: характера какого-то запугиванія, извѣстнаго ультиматума, отказъ отъ котораго влечетъ прекращеніе сношеній; вмѣсто того, князь Куракинъ долженъ былъ ограничиться заявленіемъ лишь совѣта и пожеланія въ указанномъ смыслѣ Вѣнскій кабинетъ опять не внялъ этимъ просьбамъ, и Александръ не пожелалъ болѣе вліять на рѣшеніе своей старинной союзницы и прекратилъ свои настоянія. Вѣря болѣе, чѣмъ когда-либо, чистотѣ намѣреній Австріи и безвредности ея приготовленій, онъ считалъ, что сдѣлалъ довольно для удержанія ея въ должныхъ границахъ, отправивъ къ ней увѣщаніе платоническаго характера. «Главная цѣль, писалъ онъ Румянцову, воспрепятствовать Австріи произвести нападеніе на Францію и разжечь пламя всеобщей войны,—была достигнута и, судя по тому, что сообщаетъ Анстедтъ по дѣламъ Россіи при вѣнскомъ дворѣ, преемникъ князя Куракина, всѣ военныя мѣры Австріи имѣютъ лишь оборонительное значеніе. Правда, что эти мѣры значительно увеличили австрійскія силы, но я не вижу въ томъ бѣды: Франція не будетъ лишь такъ торопиться порвать теперь съ Австріей» [1]).

Но въ общемъ, вслѣдствіе колебаній Россіи, угрожающая часть системы, предложенной Наполеономъ, оказалась совершенно недостигшей цѣли. Считая ее необходимой, Наполеонъ не отказывался вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ другихъ способовъ и объясненій. Онъ написалъ миролюбивое письмо императору Францу I и пригласилъ принцевъ Рейнскаго союза распустить свои войска, подавая примѣръ остальнымъ.

Судьба Пруссіи также была вновь подвергнута обсужденію при концѣ конференцій. Король Фридрихъ-Вильгельмъ смиренно согласился, наконецъ, ратификовать конвенцію 27-го августа (8-го сентября), но умолялъ Наполеона о великодушіи и доказывалъ ему черезъ Гольца, что Пруссія не въ силахъ выплатить къ назначенному сроку 140 милліоновъ франковъ контрибуціи.

Императоръ Александръ присоединился къ ходатайству прусскаго

[1]) Императоръ Румянцову, 18-го (30-го) декабря, 1807 г.

Библиотека "Руниверс"

посланника, и Наполеонъ не остался вполнѣ непреклоннымъ: онъ сбавилъ 20 милліоновъ съ контрибуціи Фридриха-Вильгельма и согласился, чтобы условія и срокъ уплаты были установлены дальнѣйшимъ соглашеніемъ между Франціей и Пруссіей. Эта уступка была означена въ письмѣ, написанномъ Наполеономъ Александру наканунѣ ихъ разлуки, причемъ царь съ своей стороны отказался настаивать на выполненіи статьи Тильзитскаго договора, въ которой Пруссіи подавалась надежда при водвореніи всеобщаго мира получить обратно нѣкоторыя владѣнія на лѣвомъ берегу Эльбы.

«Я окончилъ всѣ свои дѣла съ русскимъ императоромъ [1])», — писалъ Наполеонъ 1-го (13-го) октября своему брату Іосифу. Дѣйствительно дѣятельные эрфуртскіе переговоры, въ которыхъ среди интригъ и развлеченій обсуждалось такъ много важныхъ государственныхъ вопросовъ, приходили къ концу. 2-го (14-го) октября Наполеонъ и Александръ выѣхали вмѣстѣ изъ города при соблюденіи того же церемоніала, какъ и при ихъ въѣздѣ. Верхами, въ сопровожденіи свиты, они направились къ Веймару. У мѣста ихъ первоначальной встрѣчи оба императора сошли съ коней, нѣсколько минутъ побесѣдовали между собой и, наконецъ, послѣ долгаго обмѣна сердечныхъ проявленій дружбы, они разстались. Императоръ Александръ, сѣвъ въ экипажъ, отправился въ Веймаръ, гдѣ и провелъ ночь. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, его первой заботой, какъ увѣряютъ, было написать императрицѣ-матери, чтобы успокоить ее и подшутить въ то же время надъ ея опасеніями; намекая на ходившіе въ то время слухи о его похищеніи и плѣнѣ, онъ написалъ слѣдующія строки: «Мы оставили эрфуртскую крѣпость, а къ сожалѣнію, также и императора Наполеона: я пишу вамъ изъ Веймара [2])».

Когда Наполеонъ уже пересталъ различать вдали русскіе экипажи, онъ возвратился въ Эрфуртъ шагомъ, ни слова не говоря и погруженный, повидимому, въ нѣсколько грустное раздумье [3]).

Эрфуртское свиданіе на мгновеніе скрѣпило узы между Франціей и Россіей: примиривъ цѣлымъ рядомъ переговоровъ разногласія, возникшія между обоими дворами, оно устраняло всякій поводъ къ немедленной распрѣ между союзниками; оно гарантировало Наполеону, что Россія не присоединится къ его врагамъ и не очутится въ тылу Франціи въ то время, какъ французская армія двинется на Мадридъ; благодаря свиданію, становились теперь менѣе опасны и возрастающая враждебность Австріи, и суровая ненависть Пруссіи, и поднимающійся глухой ропотъ Германіи; оно совершенно пока предотвращало грозу всеобщей коалиціи.

[1]) Correspondance, 14378.

[2]) Feuille de nouvelles, приложенный къ письму Коленкура отъ 5-го ноября (24-го октября) 1808 г.

[3]) Mémoires du duc de Rovigo, IV, 6.

Библиотека "Руниверс"

Но выполнило ли оно еще болѣе высокія цѣли, торжественно провозглашенныя передъ тѣмъ императорами? Подготовило-ли оно серьезнымъ образомъ ихъ совмѣстное великое предпріятіе—примиреніе съ Англіей и всеобщее успокоеніе? Такого увѣнчанія дѣла Наполеонъ ожидалъ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Онъ надѣялся, что совѣщанія его съ Александромъ побудятъ Англію къ мирнымъ переговорамъ, чего онъ такъ искренно желалъ.

«Судя по тому, что я могъ тогда замѣтить,—говорилъ современникъ,—императоръ болѣе всего стремится къ миру, и чтобы его достигнуть, онъ въ самомъ дѣлѣ готовъ на множество уступокъ» [1]). По окончаніи же свиданія, Наполеонъ хотѣлъ мира, но уже не вѣрилъ въ него. Эрфуртъ обманулъ его надежды, сведя совокупность мѣръ противъ Англіи къ ничтожному заявленію и оставивъ въ полной силѣ всѣ шансы войны на континентѣ, подготовленной послѣдними событіями.

По крайней мѣрѣ дало ли свиданіе въ результатѣ твердые и прочные устои сношеніямъ между Франціей и Россіей; сдѣлало ли возможнымъ возвращеніе взаимнаго довѣрія между Наполеономъ и Александромъ; освѣжило ли искреннимъ образомъ чувства, питаемыя ими другъ къ другу? Если бы этотъ результатъ былъ достигнутъ, Наполеонъ, болѣе увѣренный въ Россіи, оказался бы сильнѣе въ сопротивленіи враждебнымъ нападеніямъ, въ сокрушеніи коалиціи, развитіи всѣхъ своихъ морскихъ силъ, и, быть можетъ, продленіе союза, заключеннаго въ Тильзитѣ и санкціонированнаго въ Эрфуртѣ, мало-по-малу привело бы его къ намѣченной цѣли, къ вожделѣнному миру, котораго онъ могъ ожидать, лишь утомивъ и приведя въ изнеможеніе своего врага.

Императоръ Александръ, разумѣется, имѣлъ основаніе оставить Эрфуртъ, довольный достигнутыми результатами. Онъ пріобрѣлъ (?) двѣ провинціи, равняющіяся по своей обширности королевству, притомъ крайне полезныя, наилучше расположенныя и наиболѣе соотвѣтствующія желаніямъ Россіи для осуществленія ея завѣтныхъ стремленій. Утвердившись окончательно на Дунаѣ и овладѣвъ этой границей, лишь затронутой Петромъ Великимъ, а затѣмъ покоренной и отданной обратно Екатериной II, Россія устраняла на Востокѣ притязанія всѣхъ сосѣдей и дѣлала важный, быть можетъ, рѣшительный шагъ въ своемъ движеніи къ Константинополю. Придя теперь въ соприкосновеніе съ живыми центральными турецкими областями, она будетъ отнынѣ производить болѣе сильное давленіе на эту разрушающуюся имперію, всегда будучи въ состояніи владычествовать надъ нею, или подчиняя, порабощая ее своему вліянію, или захватывая остающуюся отъ нея добычу. Если бы впослѣдствіи Александръ не отказался самъ отъ преимуществъ, доставленныхъ

[1]) Неизданные документы.

Библиотека "Руниверс"

эрфуртскимъ свиданіемъ, исторія нашего вѣка, надо думать, была бы иною; быть можетъ, восточный вопросъ былъ бы разрѣшенъ окончательнымъ установленіемъ преобладанія Россіи въ Портѣ; быть можетъ, мы увидѣли бы въ державной царской власти всѣ тѣ страны, которыя онъ могъ потомъ освободить лишь отчасти.

Проницательный умъ Александра постигалъ весьма отчетливо всѣ пріобрѣтенныя преимущества и радовался имъ, но его воображенію грезилось все-таки нѣчто бо̀льшее, и онъ чувствовалъ себя обманутымъ въ ожиданіяхъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ жилъ одною великой надеждой—доставить Россіи теперь же пріобрѣтеніе, которое сдѣлало бы ее владычицей на востокѣ. Надежда эта не возникла въ немъ сама собою: она была ему внушена и укрѣплена Наполеономъ; онъ сначала противился, но затѣмъ отдался этой мысли и страстно къ ней привязался. Она то и поддерживала Александра въ переживаемыя имъ горькія минуты; если онъ и слѣдовалъ за Наполеономъ опасными и темными путями, то лишь потому, что Константинополь мерцалъ на горизонтѣ, озаряя ему путь, указывая цѣль, сіяя вдали мистическимъ свѣтомъ. Теперь же волшебный образъ исчезъ навѣки, и императоръ Александръ, возвратившись къ дѣйствительности, хотя и находилъ ее прекрасной, но все-таки ниже того, о чемъ онъ мечталъ; онъ сожалѣлъ объ утраченномъ сновидѣніи, и его славянской душѣ было мучительно-тяжко отказаться отъ возможности грезить.

Съ другой стороны, какую бы цѣну ни придавалъ онъ уступкѣ господарствъ, одно соображеніе останавливало порывъ его благодарности. Въ этихъ провинціяхъ, которыя ему наконецъ отдавали, ему упорно отказывали въ теченіе цѣлаго года: развѣ не являлось отказомъ установленіе невозможныхъ условій относительно ихъ уступки? Если Наполеонъ теперь и соглашался на это, то лишь потому, что обстоятельства его къ тому принуждали: онъ уступаетъ—думалъ Александръ—потому, что неудачи его по ту сторону Пиринеи, вмѣстѣ съ ихъ оттолоскомъ въ Германіи, заставляютъ его обходиться съ Россіей крайне бережно, и царь обращался съ своей благодарностью къ возмущенной Испаніи гораздо болѣе, чѣмъ къ самому Наполеону. Александръ отказывался ставить въ заслугу черезчуръ позднюю и вынужденную любезность.

Радуясь достигнутымъ преимуществамъ, русскій императоръ уѣзжалъ, недовольный тѣмъ, кто ихъ ему доставилъ, окончательно утвердившись въ своихъ сомнѣніяхъ относительно добросовѣстности и благихъ намѣреній союзника. Недовѣріе это было прослѣжено нами во всемъ его постепенно возраставшемъ движеніи. Оно зародилось еще въ Тильзитѣ и выросло подъ вліяніемъ внезапно охватившаго императора чувства негодованія, когда Наполеонъ предложилъ вторичную ампутацію Пруссіи. Новая пища возникшему недовѣрію дана была весною 1808 года, когда французскій императоръ предложилъ раздѣлъ Порты,

Библиотека "Руниверс"

но отсрочилъ его выполненіе, такъ какъ необъятность и чрезвычайное усложненіе его плановъ, главное же испанскій походъ, исходная точка всѣхъ погубившихъ его событій, побуждали его уклоняться отъ доставленія удовлетворенія Россіи. И та же опять роковая Испанія, выставивъ Наполеона въ видѣ сокрушителя законныхъ династій и похитителя древнихъ престоловъ, заставила Александра вступить и въ третью стадію разочарованій. Испанія, наконецъ, была также первоначальной причиною ужаса, охватившаго Австрію, и предпринятыхъ ею вооруженій; Испанія выдвинула между обоими императорами австрійскій вопросъ, соглашеніе относительно котораго никогда не могло быть полнымъ, и во время этихъ преній Александръ снова подмѣтилъ въ своемъ союзникѣ намѣреніе посягать на достоинство и независимость государствъ. Этотъ четвертый поводъ къ опасеніямъ и подозрительности довелъ до высшей степени тревогу Александра, и Эрфуртъ, гдѣ все должно было быть разъяснено и приведено къ соглашенію, вызвалъ какъ разъ обратное дѣйствіе сравнительно съ тѣмъ, что̀ совершилось въ Тильзитѣ. На берегахъ Нѣмана довѣріе одержало верхъ въ умѣ русскаго государя, подавивъ противоположныя чувства, хоть и не искоренивъ ихъ; въ Эрфуртѣ же окончательная побѣда принадлежала недовѣрію, подавившему и послѣднія добрыя чувства. Хотя императоръ Александръ и не рѣшилъ тогда порвать съ Франціей тотчасъ по окончаніи турецкой войны, хотя онъ и не назначилъ еще этого срока, все-таки малѣйшаго разлада, малѣйшей перемѣны въ Европѣ, которая нарушила бы колеблющееся равновѣсіе ихъ сношеній, всякаго событія, которое выставило бы Наполеона въ еще болѣе грозномъ и устрашающемъ видѣ, было достаточно, чтобы повлечь за собой отпаденіе Александра, переходъ его на сторону противниковъ Франціи.

А между тѣмъ этотъ рѣшительный кризисъ уже приближался, быстро подвигаясь изъ за горизонта: это была война съ Австріей, которую эрфуртское свиданіе могло бы, пожалуй, предотвратить, но, напротивъ, ускорило. Разумѣется, сомнительно, чтобы даже твердо выраженное желаніе обоихъ императоровъ заставило Австрію отказаться отъ своего замысла; вѣроятно, эта держава предпочла бы немедленную и безпощадную войну той опасности, которою ей угрожала покорность: съ самаго возникновенія совѣщаній, она предупредила лондонское правительство, чтобы сентъ-джемскій дворъ держался твердо и отвергъ всѣ эрфуртскія предложенія, какъ вѣроломныя и коварныя, уклоняясь отъ всякихъ комбинацій, направленныхъ противъ британскаго могущества [1]). Тѣмъ не менѣе справедливо, что положеніе, принятое Але-

[1]) Депеша 8-го октября (26-го сентября) 1808 года отъ графа Гарденберга, бывшаго ганноверскаго посланника въ Вѣнѣ, на котораго были возложены тайныя сношенія между дворами австрійскимъ и англійскимъ. Hassel, 538.

Библиотека "Руниверс"

ксандромъ въ Эрфуртѣ, еще утвердило Австрію въ ея воинственныхъ намѣреніяхъ, позволяя ей думать, что Россію никогда не удастся побудить къ серьезнымъ дѣйствіямъ противъ нея.

Въ первыя недѣли, слѣдовавшія за свиданіемъ, всѣ лица, наблюдавшія за вѣнской политикой, французскіе и иные агенты, за исключеніемъ русскихъ, замѣтили въ этой политикѣ болѣе рѣшительное направленіе: вооруженія продолжались еще съ бо́льшей энергіей, военная дѣятельность усилилась вдвое. Съ октября мѣсяца Стадіонъ, увѣдомленный Винцентомъ о бесѣдѣ его съ Александромъ, обращался уже къ Англіи за субсидіей. Правда, черезъ нѣсколько дней свѣдѣнія о соглашеніи противъ Австріи, дошедшія до Винцента передъ отъѣздомъ изъ Эрфурта, поразили этого посланника и произвели сильное впечатлѣніе на австрійское правительство; но тайное и злонамѣренное вмѣшательство вскорѣ успокоило вѣнскій дворъ и ускорило послѣдовавшія затѣмъ рѣшенія.

Въ Эрфуртѣ Талейранъ восторжествовалъ надъ Наполеономъ, но тамъ онъ ограничился лишь тѣмъ, что мѣшалъ союзнику Франціи отдаться ей безраздѣльно; по возвращеніи же въ Парижъ, онъ вступаетъ уже въ близкія сношенія съ державой, вооружающейся противъ французовъ и готовящейся напасть на нихъ. Онъ выдаетъ Меттерниху тайну происшедшаго между императорами разногласія, и впечатлѣнія его о результатѣ происходившихъ конференцій резюмируются слѣдующей рѣшительной фразой: «Александра нельзя уже болѣе увлечь противъ васъ» [1]). Талейранъ идетъ даже далѣе,—онъ выражаетъ надежду на тѣсное сближеніе между Австріей и Россіей: «Послѣ Аустерлицкаго боя—пишетъ онъ—отношенія Александра къ Австріи не были дружественны. Теперь будетъ зависѣть отъ васъ лишь и отъ посла вашего въ Петербургѣ снова вступить съ Россіей въ столь же близкія отношенія, какія существовали до этого времени, и лишь этотъ союзъ можетъ спасти то, что еще осталось отъ европейской независимости» [2]).

Въ то время, какъ Талейранъ старался, такимъ образомъ, положить основаніе новой континентальной коалиціи, его цѣлью было поставить Австрію и Россію въ одну общую оборонительную линію и создать, такимъ образомъ, двойной оплотъ противъ честолюбія Наполеона. Но Австрія, ослѣпленная страстью, усматривала въ успокоительныхъ выраженіяхъ принца Беневентскаго доводы въ пользу своихъ воинственныхъ стремленій, и Талейранъ, гарантируя ей потворство или, по крайней мѣрѣ, бездѣйствіе Россіи, давалъ Австріи, какъ въ сущности оказалось, разрѣшеніе на выступленіе въ походъ.

[1]) Донесеніе Меттерниха отъ 4-го декабря (22-го ноября) 1808 г., напечатанное у Beer, Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 527.

[2]) Metternich, II, 248; Beer, 523—527.

*

Библиотека "Руниверс"

Эта неминуемая война не только уничтожала послѣднюю возможность водворенія всеобщаго мира, но, каковъ бы ни былъ ея результатъ, она неизбѣжно являлась роковою и для сношеній между Франціею и Россіей. Если бы Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, Александръ легко могъ уступить сильнѣйшему давленію общественнаго мнѣнія, желанію отомстить за Аустерлицъ и Фридландъ, поспѣшилъ бы вступить въ европейскую лигу и стать ея главою. А если бы счастье не измѣнило Франціи, если бы Наполеонъ, напротивъ, нанесъ одинъ изъ тѣхъ молніеносныхъ ударовъ, къ которымъ онъ давно пріучилъ своихъ противниковъ, то Австрія рушилась бы, и Александръ, очутившись въ Европѣ одинъ на одинъ съ Наполеономъ, увидѣлъ бы въ немъ лишь соперника. Онъ бы почувствовалъ подъ угрозой свою безопасность и свои существенные интересы затронутыми, такъ какъ увидѣлъ бы, что владычество французовъ, покинувъ берега Вислы, гдѣ оно прежде такъ долго его безпокоило, дошло опять до него по развалинамъ Австріи и снова соприкасается съ нимъ, если не непосредственно, то черезъ федеративныя области, служившія лишь продолженіемъ той же французской системы государствъ, и снова обѣ имперіи сдѣлались бы врагами, оказавшись сосѣдями. Пунктъ столкновенія между ними, ихъ яблоко раздора было уже намѣчено: это волнующаяся и безпокойная Польша, готовая опять возродиться изъ Варшавскаго герцогства. Естественные союзники Франціи противъ Австріи—поляки, принявъ участіе въ этой борьбѣ, предъявили бы съ полнымъ основаніемъ притязанія и на свою часть добычи; ихъ усиленіе и дальнѣйшія стремленія возобновили бы ихъ распри съ Россіей, которыя были такъ плохо улажены и которыя бы еще скорѣе обострились вслѣдствіе предубѣжденій и недовѣрчивости императора Александра. Побѣды французовъ надъ Пруссіей побудили уже ихъ возстановить на-половину Польшу; дальнѣйшія же побѣды надъ Австріей подготовили бы еще болѣе полное возстановленіе этого государства и привели бы къ неизбѣжнымъ столкновеніямъ съ третьимъ участникомъ раздѣла.

Итакъ, соглашеніе, установленное въ октябрѣ 1808 года, хотя и разрѣшило нѣкоторые изъ вопросовъ, которые договоромъ 1807 года были скорѣе лишь подняты, нежели рѣшены, тѣмъ не менѣе оно не устранило скрытыхъ и глубокихъ причинъ къ разногласіямъ между Франціей и Россіей. Оно провозгласило союзъ, но не утвердило его и, вопреки надеждамъ, пробужденнымъ встрѣчею обоихъ государей, вопреки тревогѣ, охватившей противниковъ Франціи, Эрфуртъ нимало не увѣнчалъ собою дѣла, намѣченнаго въ Тильзитѣ.

Сообщ. **В. Лачиновъ.**

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО.

Путешествіе съ императоромъ Александромъ I по южной Россіи въ 1818-мъ году.

I.

Мой образъ жизни въ Москвѣ.—Рожденіе сына.—Отъѣздъ въ Варшаву.—Представленіе государю.—Пребываніе государя въ Калишѣ.—Почему Александръ не осуществилъ своего намѣренія дать Россіи политическую свободу.—Варшавскій сеймъ.—Рѣчь императора при закрытіи сейма.—Выѣздъ изъ Варшавы на югъ Россіи въ свитѣ государя.—Пожалованіе мнѣ ордена св. Станислава второй степени.—Пулавы, имѣніе князя Чарторыскаго.—Замостье.—Настойчивость императора Александра.—Село Григоровка графини Ржевуской.—Смотръ корпуса князя Горчакова.—Генералъ Беннигсенъ.—Его записки.—Замѣчательныя слова, сказанныя имъ своему сыну.—Каменецъ-Подольскъ.—Обѣдъ у государя.—Острота графа Милорадовича.—Въѣздъ въ Бессарабію.—Кишиневъ. Посѣщеніе государемъ митрополита Гавріила.—Пріемъ у государя.—Балъ, данный кишиневскимъ дворянствомъ.—Тирасполь.—Разговоръ съ Беннигсеномъ.—Одесса.—Впечатлѣніе, производимое этимъ городомъ.—Посылка ордена св. Андрея Первозваннаго дюку де-Ришелье.—Графъ Ланжеронъ.—Анекдотъ, разсказанный имъ.

Я встрѣтилъ 1818-й годъ въ Москвѣ, гдѣ находился весь дворъ. Утра, посвященныя службѣ, я проводилъ въ Кремлѣ, завѣдывая придворною частію, а иногда нѣкоторыми тайными бумагами; вечера же я бывалъ дома и изрѣдка посѣщалъ балы и собранія. Въ сіе время я напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» одну статью, заимствованную изъ моего журнала о походѣ во Францію 1815-го года [1]).

Въ исходѣ февраля, императоръ отправился на сеймъ въ Варшаву,

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1818 года № 5.

Библиотека "Руниверс"

позволивъ мнѣ остаться въ Москвѣ до рожденія моего первенца, котораго я ожидалъ со-дня-на-день и которое послѣдовало 12-го марта, въ день вступленія на престолъ государя Александра Павловича. Богъ даровалъ мнѣ сына, котораго я назвалъ въ память незабвеннаго отца моего Иваномъ. Восхищенія моего я описать не могу. Видя себя, такъ сказать, вновь рожденнымъ въ сынѣ моемъ, я не отходилъ отъ его колыбели, вслушивался въ голосъ его и всматривался въ черты лица его; въ глубокія ночи, когда всѣ были погружены въ крѣпкомъ снѣ, я проводилъ счастливѣйшіе часы моей жизни, сидя облокотившись на маленькую зеленую кровать его, испрашивая ему благословенія Всевышняго. Но радость моя была отравлена мыслію, что мнѣ надлежало скоро съ нимъ разстаться и спѣшить въ Варшаву. Я откланялся двору и, между прочимъ, не могу забыть благосклоннаго пріема вдовствующей государыни, которая, находясь еще въ утреннемъ платьѣ, приняла меня въ своемъ кабинетѣ, съ четверть часа со мною разговаривала и поручила мнѣ доставить лично письмо императору. 22-го марта съ растерзаннымъ сердцемъ, я выѣхалъ изъ Москвы по самой дурной дорогѣ въ придворной колескѣ, которая нарочно для меня была оставлена, чрезъ Смоленскъ, Минскъ и Брестъ.

Я пріѣхалъ въ Варшаву 31-го марта и остановился въ королевскомъ замкѣ, въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, въ которыхъ живалъ въ 1815-мъ и 1816-мъ годахъ, ибо въ то время были во всѣхъ дворцахъ особенные покои, для меня назначенные. Государь принялъ меня одного въ своемъ кабинетѣ и обнялъ, поздравляя съ новорожденнымъ сыномъ; послѣ сего излишне присовокуплять, что придворные встрѣтили меня съ распростертыми объятіями.

На другой день рано поутру императоръ отправился въ Калишъ на шесть дней съ княземъ Волконскимъ. Сія поѣздка для всѣхъ была загадкою; иные думали, что въ Калишѣ назначалось свиданіе съ королемъ прусскимъ, а другіе полагали, что и оказалось справедливо, что его величество оставилъ Варшаву для того, чтобы засѣданія сейма были безъ него свободнѣе. Императоръ пробылъ въ Калишѣ шесть дней, въ продолженіе коихъ много писалъ, посѣщалъ разныхъ помѣщиковъ, жившихъ въ окрестностяхъ, осматривалъ хозяйственныя заведенія ихъ, гулялъ, по обыкновенію, пѣшкомъ по городу, принималъ отъ жителей просьбы, разспрашивая ихъ о нуждахъ ихъ, стараясь, какъ видно, изъ сего снискать привязанность новыхъ подданныхъ своихъ. Въ Калишѣ есть бульваръ, на которомъ императоръ встрѣчалъ нѣсколько разъ одного человѣка, котораго онъ приказалъ взять подъ стражу, потому что думалъ, всматриваясь въ него, что это былъ Савари, старинный министръ полиціи Наполеона, что, однако же, оказалось несправедливо.

Между тѣмъ я проводилъ время въ безпрестанныхъ дѣлахъ по

Библиотека "Руниверс"

службѣ и для развлеченія посѣщалъ засѣданія сейма, происходившія въ томъ же дворцѣ, гдѣ и я жилъ, и гдѣ всегда бывало много посѣтителей. Русскихъ, находившихся въ Варшавѣ, всего болѣе занимала рѣчь, произнесенная императоромъ при открытіи народнаго собранія, въ которой сказано было, что государь намѣренъ былъ и въ Россіи ввести политическую свободу. Безъ сомнѣнія, весьма любопытно было слышать подобныя слова изъ устъ самодержца; но надобно будетъ видѣть, думалъ я, приведутся ли предположенія сіи въ дѣйствіе. Петръ Великій не говорилъ, что русскіе—дикіе, и что онъ намѣренъ ихъ просвѣтить, но онъ ихъ образовалъ безъ дальнѣйшихъ о семъ предвареній. Почему Александръ не исполнилъ даннаго имъ въ Варшавѣ торжественнаго обѣщанія, которое и безъ того глубоко было напечатлѣно въ благородномъ сердцѣ его? Этотъ вопросъ займетъ, конечно, его историка, но я думаю, что сіе не сдѣлано имъ по тремъ слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, что онъ нашелъ противоборство въ окружавшихъ его людяхъ, занимавшихъ при немъ первыя государственныя мѣста, которымъ бы надлежало быть и первыми его помощниками въ семъ дѣлѣ во-вторыхъ, что онъ находился въ безпрестанныхъ войнахъ, а въ третьихъ, сему воспрепятствовалъ революціонный духъ, распространившійся во всемъ свѣтѣ и обнаруживавшійся въ разныхъ земляхъ даже послѣ всеобщаго примиренія державъ, бывшаго въ 1815-мъ году.

Пренія на сеймѣ происходили очень вольно, и однажды предсѣдатель палаты депутатовъ принужденъ былъ объявить, что онъ прекращаетъ засѣданіе по причинѣ шума и безпорядка. Случилось, что пренія продолжались однимъ вечеромъ до втораго часу пополуночи. Въ числѣ народныхъ представителей находился цесаревичъ Константинъ Павловичъ, который избранъ былъ депутатомъ обывателями Прагскаго предмѣстія. Могъ ли вообразить Суворовъ, идя на приступъ Праги, что свѣтъ до того измѣнится черезъ двадцать четыре года, что внукъ Екатерины будетъ представителемъ того города, который почитался тогда гнѣздомъ злѣйшихъ враговъ Россіи? Цесаревичъ присутствовалъ не всякій день на сеймѣ и когда произносилъ рѣчи, то говорилъ на французскомъ языкѣ, который не всѣ его слушатели разумѣли. Предсѣдателемъ депутатовъ былъ графъ Красинскій, пожалованный незадолго предъ тѣмъ въ генералъ-адъютанты къ императору; первый примѣръ народнаго собранія подъ руководствомъ адъютанта государева. Для депутатовъ накрыты были съ утра до вечера столы съ кушаньями и напитками на счетъ двора, возлѣ которыхъ я встрѣчалъ безпрестанно немалое число польскихъ законодателей.

Апрѣля 15-го происходило торжественное закрытіе сейма. Часу въ десятомъ мы собрались въ комнатахъ государя, который въ польскомъ мундирѣ и съ орденомъ Бѣлаго Орла, выйдя изъ своего каби-

Библиотека "Руниверс"

нета, сказалъ каждому изъ насъ по нѣсколько словъ, и мы отправились въ залу, убранную со вкусомъ, гдѣ соединены были сенатъ и народные представители; хоры были наполнены польками въ щегольскихъ и блестящихъ нарядахъ. Императоръ, войдя на ступени, ведшія къ трону, поклонился на всѣ стороны и стоя произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ. Онъ говорилъ ее почти наизусть и изрѣдка только смотрѣлъ на бумагу, на которой она была написана. Начиная рѣчь, легкій румянецъ покрылъ его щеки. Насъ, русскихъ адъютантовъ его величества, было тутъ семеро; мы стояли подлѣ трона и по временамъ другъ на друга бросали такіе взгляды, въ которыхъ изображалось, что мы едва вѣрили тому, что происходило на нашихъ глазахъ. Мы согласились только послѣ въ томъ, что императоръ, конечно, неоднократно твердилъ рѣчь свою передъ зеркаломъ, потому что онъ произнесъ ее съ такимъ приличіемъ и съ такою осанкою, которыя свойственны были ему одному. По закрытіи сейма, всѣ члены народнаго собранія были приглашены къ столу императора, за которымъ находилось двѣсти пятьдесятъ особъ. Послѣ сего, нѣсколько дней сряду были балы и парады, и мы начали собираться въ дорогу.

Апрѣля 18-го. Въ прекраснѣйшее утро мы выѣхали изъ Варшавы въ Каменецъ-Подольскій съ тѣмъ, чтобы оттуда продолжать путь нашъ въ Бессарабію, Одессу, Таврическій полуостровъ и землю Донскихъ казаковъ. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ провожалъ императора до Замостья. Слѣдующія лица находились въ семъ путешествіи: генералы Уваровъ, князь Волконскій и директоръ его канцеляріи князь Меншиковъ, статсъ-секретарь Марченко, лейбъ-медикъ Виллié и я. Графъ Аракчеевъ, который неохотно ѣзжалъ въ Варшаву, долженъ былъ встрѣтить императора въ предѣлахъ Россіи.

За полчаса до выѣзда моего изъ Варшавы, государь прислалъ мнѣ орденъ Станислава второй степени при рескриптѣ на польскомъ и на французскомъ языкахъ за подписаніемъ его величества. Должно показаться странно, что русскій царь даетъ рескриптъ русскому своему адъютанту на иностранномъ языкѣ и съ иностраннымъ переводомъ. Эта награда меня порадовала, потому что я былъ второй полковникъ, которому государь пожаловалъ звѣзду.

Поздно вечеромъ прибыли мы въ мѣстечко Пулавы князя Чарторыскаго; на другое утро государь, въ пятомъ часу, гулялъ по прелестному Пулавскому саду; болѣе всего понравился мнѣ домикъ, въ стѣнахъ котораго вдѣланы разные барельефы и куски мрамора, взятые изъ мѣстъ, принадлежащихъ исторіи, напримѣръ кусокъ камня города Трои, другой изъ воротъ императора Тита и тому подобное. Близъ сего мѣста я встрѣтилъ государя и благодарилъ его за орденъ Станислава.

Библиотека "Руниверс"

— Я очень радъ, если это тебѣ пріятно,—сказалъ онъ мнѣ.

Апрѣля 19-го. Въ семь часовъ утра мы выѣхали изъ Пулавъ чрезъ Люблинъ въ Замостье. Я прибылъ засвѣтло и осматривалъ укрѣпленія, которыя въ военномъ отношеніи неважны. Находившіеся со мною польскіе офицеры удивлялись, какъ можно было генералу Раппу, въ 1813-мъ году, такъ долго стоять передъ сею крѣпостью и не овладѣть оною. Они говорили мнѣ между прочимъ, что они безъ мѣры преданы Россіи и цесаревичу. Полковникъ Чижевскій, командовавшій находившимися тутъ войсками, увѣрялъ меня, что онъ счастливъ бы былъ, ежели бы нѣсколько разъ могъ умереть за его высочество. Цесаревичъ изъ Замостья возвратился въ Варшаву.

Въ проѣздѣ своемъ по Польшѣ государь останавливался у каждой католической церкви, предъ коими, по обыкновенію, ожидало его величество духовенство. Онъ выходилъ изъ коляски, цѣловалъ крестъ, и когда кропили его святою водою, то омачивалъ ею глаза и голову. Различіе въ обхожденіи его съ русскими священниками и католическими состояло въ томъ, что онъ для цѣлованія распятія бралъ оное въ свои собственныя руки отъ католиковъ, а когда нашъ священникъ ему оное подносилъ, то государь къ оному прикладывался, не принимая креста въ свои руки. Терпѣніе государя въ дорогѣ похоже бывало иногда на упрямство; напримѣръ онъ по временамъ говорилъ: «три или четыре станціи я намѣренъ ѣхать, не закрывая коляски и не выходя изъ оной»,—и дѣйствительно въ такомъ случаѣ сдерживалъ слово, не взирая ни на какую погоду, на вѣтеръ, дождь или бурю; но, благодаря Бога, твердость характера его не ограничивалась подобными мелочами, мы обязаны ей спасеніемъ отечества.

Апрѣля 20-го. Въ десять часовъ утра мы выѣхали изъ Замостья, гдѣ государь былъ невеселъ и велѣлъ посадить подъ карауль одного изъ своихъ слугъ. Около обѣда проѣхали мы въ Устилугѣ россійскую границу, и я вновь съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ двухглаваго орла. Къ вечеру мы прибыли въ Луцкъ и остановились у католическаго епископа, который насъ принялъ отмѣнно гостепріимно. Въ моей комнатѣ или кельѣ, уступленной мнѣ однимъ каноникомъ, висѣла картина, представляющая страшный судъ, а напротивъ ея—правда, въ углу—судъ Париса. Съ нами вмѣстѣ ѣхалъ австрійской службы генералъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, родственникъ государыни Елисаветы Алексѣевны, присланный въ Варшаву для поздравленія императора съ прибытіемъ въ сію столицу, или лучше для вывѣдыванія, что въ оной происходило, и извѣщанія о томъ вѣнскаго двора. Императоръ обращался съ нимъ съ особенною учтивостью и въ Замостьѣ, призвавъ меня къ себѣ, сказалъ мнѣ, что всякій разъ, когда на разводахъ я буду

Библиотека "Руниверс"

отдавать его величеству пароль, то чтобы говорилъ оный и принцу. При немъ находился австрійскій маіоръ, графъ Кламмъ.

Апрѣля 21-го. Вечеромъ прибыли мы въ лежащее близъ города Стараго Константинова село Григоровку, принадлежащее графинѣ Ржевуской, гдѣ нашли многочисленное собраніе. Здѣсь назначенъ былъ смотръ корпуса князя Горчакова. По пріѣздѣ, государь потребовалъ къ себѣ главнокомандующаго второю арміею Беннигсена, который пробылъ у него близъ четверти часа, а потомъ позвали въ кабинетъ посланнаго для осмотра 2-й арміи полковника Киселева, съ которымъ государь занимался около часа. Сіе подало поводъ ко многимъ разговорамъ.

Апрѣля 22-го. Поутру былъ смотръ корпуса князя Горчакова, состоявшаго изъ 18-й и 22-й пѣхотныхъ и изъ третьей драгунской дивизій, подъ командою генераловъ князя Сибирскаго, Корнилова и барона Розена. Войска были довольно хороши. Во время смотра подтвердилось замѣчаніе, что Беннигсенъ находился въ немилости, ибо въ продолженіе всего утра государь съ нимъ не говорилъ почти ни слова; думали, что онъ послѣ сего выйдетъ въ отставку, что вскорѣ и сбылось.

Апрѣля 23-го. Былъ прекрасный маневръ, продолжавшійся во все утро, потомъ невкусный обѣдъ у князя Горчакова, а вечеромъ балъ, на которомъ я возобновилъ знакомство мое съ Беннигсеномъ, сдѣланное въ отечественную войну. Онъ былъ отмѣнно обходителенъ и ласковъ, чего я не приписываю немилости, въ которой онъ тогда находился, хотя вообще я замѣтилъ, что коль скоро кто при дворѣ лишался благосклонности государя, то дѣлался кроткимъ, какъ агнецъ; но на Беннигсена мелочи сіи не могли имѣть вліянія и по благородному характеру его, и потому, что онъ въ продолженіе семидесятилѣтней жизни своей испыталъ много превратностей счастія, а болѣе еще по той причинѣ, что онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертное мѣсто въ исторіи. Славы его, единственной награды военнаго, никто не могъ отнять, и онъ равнодушно смотрѣлъ на настоящее, вовсе не занимался второю арміею, которая тогда находилась подъ его начальствомъ, и все время посвящалъ на сочиненіе исторіи своего вѣка подъ названіемъ «Mémoires de mon temps».

— Я написалъ теперь шесть частей, — сказалъ онъ, — мнѣ надобно еще два года, чтобы трудъ сей привести къ окончанію. Я употребляю для сего ежедневно четыре, шесть и иногда и восемь часовъ. Нѣкоторые отрывки читалъ государь, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великая княгиня Екатерина Павловна, которая велѣла списать съ нихъ для себя копію. Не одни военныя повѣствованія, но и политическія входятъ въ составъ моего сочиненія.

Въ сіе время подошелъ къ нему десятилѣтній сынъ и онъ,

Библиотека "Руниверс"

представляя мнѣ его, сказалъ слѣдующія слова, которыя никогда не выйдутъ изъ моей памяти:—«Я сего ребенка прокляну, если онъ когда нибудь вступитъ въ военную службу».

Апрѣля 24-го. Рано утромъ мы выѣхали изъ Григоровки въ Каменецъ-Подольскій по прекрасной дорогѣ, обсаженной по обѣимъ сторонамъ аллеями. На одной станціи при перемѣнѣ лошадей государь подозвалъ меня и сказалъ:—«Какова дорога? зато я къ губернаторамъ написалъ орацію на шести листахъ».

Апрѣля 25-го. Поутру императоръ осматривалъ въ Каменецъ-Подольскомъ больницы, тюрьму, домъ сумасшедшихъ и такъ называемый бульваръ, откуда открываются прелестные виды. Потомъ, по обыкновенію, было представленіе духовенства, военныхъ, гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ, купцовъ и евреевъ. За обѣдомъ у его величества, кромѣ особъ, принадлежавшихъ къ свитѣ, были: губернаторъ Павловскій, вице-губернаторъ Грохольскій и губернскій предводитель. Государь разсказывалъ о смотрѣ при Вертю, о которомъ я уже разъ шесть слышалъ изъ устъ его. Это не должно удивлять, потому что 1815 годъ былъ едва-ли не блистательнѣйшій въ его жизни; онъ въ ономъ довершилъ торжество Россіи надъ всѣми державами, уничтожилъ лютѣйшаго врага нашего и основалъ священный союзъ, которому прежде не бывало примѣра.

Повтореніе одного и того же предмета равномѣрно весьма естественно, потому что императоръ, находясь съ посторонними людьми, не могъ наложить на себя печати молчанія; взоръ и вниманіе всѣхъ, на него устремленные, поставляли его въ необходимость говорить, что конечно бывало иногда для него, какъ и для всякаго другаго на его мѣстѣ, утомительно. Однажды онъ жаловался на сіе графу Милорадовичу, который отвѣчалъ ему съ обыкновеннымъ своимъ чистосердечіемъ:

— Я съ вашимъ величествомъ не согласенъ и нахожу, что очень легко говорить пустяки; я болѣе ничего, кромѣ вздора, не говорю.

Вечеромъ былъ балъ, на который я не могъ поѣхать по множеству дѣлъ.

Я упомянулъ выше о священномъ союзѣ и кстати изложу о немъ мысли мои. Союзъ сей составляетъ теперь предметъ замысловатыхъ критикъ либеральныхъ писателей, которые господствуютъ надъ умами; они утверждаютъ, что онъ имѣетъ цѣлью препятствовать развитію просвѣщенія и водворенію представительныхъ правительствъ въ различныхъ государствахъ. Не будучи отнюдь защитникомъ деспотизма и невѣжества, я съ ними однакоже вовсе не согласенъ. Священный союзъ возникъ въ такое время, когда только-что Александръ успѣлъ возстановить спокойствіе въ Европѣ, находившейся двадцать пять лѣтъ въ

Библиотека "Руниверс"

величайшемъ разстройствѣ; милліоны людей погибали на войнахъ, цѣлыя области были опустошаемы, сама Россія подвергалась бѣдствіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя она претерпѣвала при нашествіи татаръ. Онъ положилъ симъ несчастіямъ преграду. Франція управляется теперь мудрыми законами, но за это она заплатила кровію шести милліоновъ сыновъ своихъ. Наконецъ спрашиваю порицателей священнаго союза, бывало ли когда время, въ которое бы появлялось болѣе въ свѣтъ полезныхъ сочиненій всякаго рода, дѣлаемо было болѣе открытій во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія, какъ съ учрежденія священнаго союза, то-есть съ 1815 года, съ котораго различные европейскіе народы столь между собою сблизились, что теперь составляютъ какъ-бы одно семейство Сіе счастливое положеніе продолжится долго, ежели кабинеты, презря вопли либералистовъ, будутъ поддерживать священный союзъ съ такою же твердостью, какъ то дѣлалъ Александръ.

Апрѣля 26-го. Въ восьмомъ часу утра мы выѣхали изъ Каменецъ-Подольскаго въ Бессарабію. Въ Хотинѣ я осматривалъ карантинъ, котораго государь не посѣтилъ; меня это тѣмъ болѣе удивило, что здѣсь въ первый разъ въ жизни его величество имѣлъ бы случай взглянуть на подобное заведеніе, ибо до того императоръ карантиновъ еще не видалъ. Въ ожиданіи парома, я сидѣлъ съ четверть часа на берегу Днѣстра, любовался крутыми берегами его и съ нетерпѣніемъ желалъ переправиться на противолежавшую сторону, чтобы увидѣть новый край, который только по мѣстному положенію своему причисляется къ Европѣ. Дѣйствительно, не успѣлъ я переѣхать чрезъ Днѣстръ, какъ все перемѣнилось: земля, люди и самое нарѣчіе; вмѣсто церквей представились мечети, молдаванскій языкъ заступилъ мѣсто русскаго и польскаго, и вмѣсто селеній стояли разбросанныя въ безпорядкѣ хижины; стоило наконецъ взглянуть на лица и одежду жителей, чтобы увѣриться, что я нахожусь въ странѣ, хотя повинующейся Россіи, но не имѣющей никакого сходства ни съ нею, ни съ другой какою европейскою державою. Изъ Хотина десять почти дикихъ лошадей, на которыхъ вмѣсто упряжи были накинуты на шеѣ веревки, помчали насъ изъ всей мочи; мы на самое короткое время останавливались на станціяхъ, то-есть при табунахъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, выведенныхъ на поле для нашего проѣзда; такимъ образомъ привезли насъ съ неимовѣрною скоростію до города Бѣльцовъ, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ.

Проѣхавъ по Бессарабіи около 150 верстъ, я не встрѣтилъ не только ни одного селенія, потому что сего названія нельзя дать нѣсколькимъ бѣднѣйшимъ избамъ, которыя кое-гдѣ стояли по дорогѣ, но я не видалъ почти ни одного дерева; изрѣдка только представлялись взорамъ пасшіяся стада. Почва земли отмѣнно хороша, но по причинѣ скуднаго населенія мало обрабатывается; впрочемъ, въ Бессарабіи принято у жителей пра-

Библиотека "Руниверс"

виломъ не селиться вблизи большихъ дорогъ, и гдѣ таковую проложатъ, то они переносятъ домы свои далѣе отъ оной. Это доказываетъ, что они страшатся проѣзжающихъ, не надѣясь на покровительство законовъ. Въ Бѣльцахъ отвели мнѣ квартиру у одного бѣднаго мѣщанина; вокругъ всей комнаты были сдѣланы на подобіе диванов большія скамьи, покрытыя коврами; я заходилъ изъ любопытства во многіе домы и видѣлъ во всѣхъ то же самое убранство.

Апрѣля 27-го. Поутру, часовъ въ восемь, выѣхали мы изъ Бѣльцовъ, гдѣ государь былъ у обѣдни по случаю дня рожденія цесаревича. На всемъ пространствѣ до Кишенева, т. е. на 155 верстахъ, я видѣлъ то же, что и наканунѣ: ни природа, ни люди не измѣнились, тѣ же степи, на которыхъ нѣтъ ни одного дерева, все вокругъ было пустынно, не встрѣчалось ни одного проѣзжающаго. Я обѣдалъ въ деревушкѣ Кипрешти, отстоящей отъ дороги верстахъ въ двухъ, гдѣ у моего полудикаго хозяина, кромѣ жареной баранины и такъ называемаго полынковаго вина, ничего болѣе не было. Вечеромъ, часу въ седьмомъ, я пріѣхалъ въ столицу Бессарабіи Кишиневъ; это не городъ а соединеніе нѣсколькихъ деревень вмѣстѣ, выстроенныхъ безъ плана и безъ всякой правильности; едвали найдется пять домовъ въ два этажа, прочіе не что иное, какъ хижины, которыя, какъ примѣтно, подбѣлены были для прибытія императора. Я полагалъ найти здѣсь магазины съ турецкими и азіатскими товарами, но и въ этомъ ошибся; самое обращеніе купцовъ доказывало непросвѣщеніе ихъ.

— Есть ли у васъ шелковыя матеріи? спросилъ я въ одной лавкѣ, которую мнѣ указали за лучшую.

Человѣкъ съ пять купцовъ, находившихся тутъ и куривших трубки, по нѣкоторомъ молчаніи отвѣчали мнѣ, не переставая курить и съ величайшимъ равнодушіемъ:

— Есть у насъ матеріи, но вы можете имѣть лучшія у еврея, торгующаго неподалеку отсюда.

Желая преодолѣть хладнокровіе сихъ купцовъ и болѣе познакомиться съ ними, просилъ я ихъ показать мнѣ товары. Они съ такимъ нерадѣніемъ выкладывали ихъ наружу, такъ мало или почти ничего не говорили о добротѣ ихъ, дѣлали такія угрюмыя лица, что я заключилъ, что ежели промыселъ ихъ не въ цвѣтущемъ состояніи, то это вина не покупщиковъ, а ихъ собственная.

Апрѣля 28-го. Поутру въ десятомъ часу государь ѣздилъ по городу и осматривалъ тюрьмы и больницы; потомъ были мы въ церкви и завтракали у почтеннаго сѣдинами митрополита Гавріила. Войдя въ кельи митрополита, государь началъ съ нимъ говорить такъ дружески и непринужденно, какъ-будто бы давно былъ съ нимъ знакомъ. Здѣсь

Библиотека "Руниверс"

я услышалъ въ первый разъ, что императоръ сознался, что онъ былъ глухъ на лѣвое ухо.

— Я прошу ваше преосвященство, сказалъ онъ, сѣсть на правую сторону, потому что я немного крѣпокъ на лѣвое ухо; я въ молодости стоялъ близъ батареи, отъ чего слухъ у меня въ лѣвомъ ухѣ затвердѣлъ.

По возвращеніи во дворецъ, представлялось государю сперва наше духовенство, потомъ армянскій епископъ, военные и гражданскіе чиновники, дворяне (настоящая сволочь), купечество и евреи. За нѣсколько минутъ до представленія, императоръ, увидя изъ оконъ, что пріѣхалъ бывшій начальникомъ войскъ въ Бессарабіи, генералъ-маіоръ Гартингъ, послалъ меня къ нему на встрѣчу предупредить, что его величество его не приметъ. Послѣ всѣхъ введены были присланные отъ молдавскаго и валахскаго господаря съ поздравленіемъ двое постельничьихъ: Маврокордато и еще другой, коего имени я не упомню; императоръ принималъ ихъ поодиночкѣ, но каждый изъ нихъ не пробылъ у государя болѣе пяти минутъ. Ихъ пригласили къ обѣду, послѣ котораго государь посѣтилъ супругу бессарабскаго намѣстника Бахметева, а въ восемь часовъ мы отправились на балъ, на которомъ было множество отмѣнно пригожихъ лицъ. Между прочимъ, мы видѣли молдаванскій танецъ, называемый «Митика», который показался мнѣ похожимъ на пляску дикихъ, живущихъ на островахъ океана, о которыхъ повѣствуютъ мореходцы. Увѣряли меня, что за нѣсколько мѣсяцевъ, когда узнали о предстоявшемъ прибытіи императора въ Кишиневъ, госпожа Бахметева выписала танцовальнаго учителя, чтобы приготовить здѣшнихъ дѣвицъ явиться на балъ предъ государемъ, плодомъ трудовъ ея былъ французскій кадриль.

Велико было отчаяніе г-жи Бахметевой и учителя, когда государь вмѣсто кадрили изъявилъ желаніе видѣть національный танецъ называемый «Митика».

Глядя на него, государь сказалъ мнѣ вполголоса. «Est-il possible que ce Mitika puisse amuser ces dames et ces messieurs».

Апрѣля 29-го. Поутру мы выѣхали изъ Кишинева въ Тирасполь на смотръ корпуса генерала Сабанѣева. До самой крѣпости Бендеры не представлялось взору ничего, кромѣ степей; по переправѣ же черезъ Днѣстръ мы услышали опять русскій языкъ, и показались русскія лица. Мы пріѣхали часу въ седьмомъ въ Тирасполь и остановились не въ крѣпости, а въ предмѣстьѣ, которое по множеству собранныхъ тутъ военныхъ было похоже на главную квартиру арміи въ военное время. Государь во весь этотъ день ѣхалъ въ одной коляскѣ съ графомъ Аракчеевымъ, съ которымъ онъ не видался съ отъѣзда своего изъ Петербурга, а князь Волконскій, обыкновенный сопутникъ его величества, ѣхалъ позади.

Библиотека "Руниверс"

Проведя четыре дня въ Бессарабіи, я не видалъ ничего любопытнаго, а ежели бы что-либо было достойное вниманія, то, конечно бы, непреминули это представить государю; я на всякомъ шагу встрѣчалъ не просвѣщеніе и бѣдность. Въ военномъ отношеніи только Бессарабія есть классическая земля по походамъ нашимъ противъ Порты въ восьмомъ на десять вѣкѣ, ибо здѣсь подвизались Минихъ, Румянцевъ, Репнинъ, Суворовъ, Потемкинъ, Кутузовъ и другіе, осѣнившіе русскія знамена вѣчными лаврами. Какъ жаль, что никто еще не взялъ на себя труда описать дѣянія ихъ; тотъ передалъ бы потомству воспоминаніе обильной жатвы славы, стяжанной сими полководцами, бывшими въ то же время и государственными людьми. До сихъ поръ у насъ, какъ и повсюду, гдѣ литература въ младенчествѣ, одно стихотворство служитъ отголоскомъ народной благодарности; Ломоносовъ, Петровъ, Херасковъ, Державинъ воспѣли имена русскихъ героевъ, но муза исторіи молчитъ; у насъ такъ немного могутъ писать прозою, ибо для сего, кромѣ вдохновенія, потребно и многолѣтнее ученіе. Напротивъ того, въ государствахъ, гдѣ словесность на высшей степени противъ нашей, тамъ стихами не хвалятъ, а прекрасною прозою увѣковѣчиваютъ славные подвиги.

Апрѣля 30-го. Поутру былъ смотръ корпуса генерала Сабанѣева, состоявшаго изъ двухъ дивизій генераловъ Мещеринова и Козачковскаго. Потомъ мы обѣдали въ Тирасполѣ, у генерала Беннигсена, съ которымъ я нѣсколько времени могъ поговорить, пріѣхавши нарочно ранѣе всѣхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ его: «Вы не можете себѣ представить невѣжества нашихъ офицеровъ и дурнаго устройства арміи въ войнѣ 1806 и 1807 годовъ. Въ этомъ походѣ у меня все было, кромѣ трехъ вещей: денегъ, продовольствія и войскъ. При началѣ похода корпусъ мой состоялъ, на бумагѣ, изъ пятидесяти трехъ, а корпусъ графа Буксгевдена, тоже на бумагѣ, изъ тридцати шести тысячъ человѣкъ. Во всѣхъ сраженіяхъ генералъ Бонапартъ былъ гораздо сильнѣе меня; подъ Эйлау было у него двадцатью тысячами болѣе. Я бы его совершенно разбилъ, ежели бы мнѣ удалось стать на линіи его сообщеній. Я три раза видѣлся съ Наполеономъ, однажды насъ было только двое. Увидя меня въ Тильзитѣ изъ окна, онъ меня позвалъ къ себѣ и сказалъ: «зачѣмъ вы не посѣтите меня, проѣзжая мимо моего дома?» потомъ онъ прибавилъ, что неоднократно удивлялся моимъ дарованіямъ и моему благоразумію». Слово благоразуміе Беннигсенъ произнесъ гораздо громче; примѣтно, что ласкательныя выраженія доброму старику очень нравились. На вопросъ мой о мнѣніи Наполеона о семъ походѣ онъ отвѣчалъ, что онъ, кромѣ вышеупомянутыхъ словъ, ничего не говорилъ, но что генералъ Бертранъ, раздѣлявшій съ нимъ заточеніе на островѣ святой Елены, сказалъ ему, что это былъ

Библиотека "Руниверс"

необыкновенный походъ для французовъ, потому что во всѣхъ прежнихъ войнахъ французы были непріятелей, идучи впередъ, занимали столицы ихъ и заключали миръ.

Мая 1-го. Поутру были маневры корпуса генерала Сабанѣева, а потомъ обѣдъ для генераловъ у государя, послѣ чего, въ 11 часовъ, мы отправились въ Одессу. Дорога хотя идетъ по степямъ, но украшается находящимися въ разныхъ мѣстахъ иностранными колоніями, изъ коихъ въ одной, называемой Мангеймъ, мы перемѣняли лошадей. Пріемъ колонистовъ напомнилъ Германію; они воздвигнули тріумфальныя ворота, подлѣ которыхъ находилось нѣсколько человѣкъ съ ружьями; всѣ прочіе колонисты стояли въ два ряда, а дѣвушки сыпали на пути государя цвѣты. Часу въ седьмомъ мы пріѣхали въ Одессу, гдѣ прожили два дня.

Городъ сей возникъ, какъ бы нѣкоторымъ волшебствомъ, въ Новороссійскихъ степяхъ, посреди народовъ, которые недавно еще вели кочующую жизнь. Ежели бы мы не были избалованы, такъ сказать, Петербургомъ, коего построеніе есть истинный феноменъ, то болѣе бы еще удивились Одессѣ; она красотою своихъ зданій, торговлею и народонаселеніемъ стала въ двадцать пять лѣтъ на-ряду съ первостепенными городами Европы, а потому можно себѣ легко представить, сколь государю пріятно было пребываніе въ оной, особенно въ прекраснѣйшее весеннее время, въ которое Одесса являлась во всемъ блескѣ юнаго своего возраста.

Осмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ карантинъ, гавань, Ришельевскій лицей, казармы и прочія публичныя заведенія, императоръ послалъ въ Парижъ, при самомъ милостивомъ рескриптѣ, орденъ св. Андрея Первозваннаго дюку де-Ришелье, бывшему тогда первымъ министромъ короля французскаго и который создалъ, такъ сказать, Одессу. Преемникомъ его былъ графъ Ланжеронъ, тоже французскій эмигрантъ и одинъ изъ заслуженныхъ нашихъ генераловъ, престарѣлый воинъ, сражавшійся нѣкогда подъ знаменами Веллингтона и извѣстный въ нашей арміи столько же неустрашимостію своею, сколько добротою сердца, прямодушіемъ и разсѣянностію.—«Вы пороху не боитесь,—сказалъ онъ одному генералу,—но вы его и не выдумали». Когда ему, какъ военному губернатору, надобно было подавать рапортъ государю въ Одессѣ, то онъ, искавъ оный долго въ карманахъ, наконецъ признался императору, что рапортъ забылъ дома. За обѣдомъ у его величества зашла рѣчь объ обширности Россіи, и Ланжеронъ сказалъ, что губерніи, состоявшія подъ его начальствомъ, пространнѣе, чѣмъ Франція. Ланжеронъ не имѣетъ отличительныхъ качествъ полководства, да и часто ли бываютъ люди, которые симъ похвалиться могутъ,—но, находясь во всѣхъ войнахъ Россіи въ продолженіе тридцати лѣтъ, онъ велъ себя повсюду, какъ

Библиотека "Руниверс"

генералъ храбрый и какъ честный человѣкъ, уважая всегда людей заслуженныхъ. Мнѣ по сей причинѣ непріятно было, когда нѣкоторые изъ придворныхъ за столомъ императора въ Одессѣ шутили надъ Ланжеромъ. Государь молчалъ, но по привычкѣ отгадывать мысли его по физіономіи я видѣлъ, что шутки сіи были ему не совсѣмъ противны. Графъ Ланжеронъ пришелъ ко мнѣ однажды въ Одессѣ очень рано поутру, когда всѣ еще спали, и такъ какъ онъ былъ веселаго нрава, то разсказывалъ мнѣ много забавныхъ анекдотовъ и между прочимъ слѣдующій.

Въ послѣднюю турецкую войну паша, начальствовавшій противъ Кутузова, предупредилъ его, что у него въ лагерѣ будетъ пальба по случаю рожденія у султана сына. Черезъ нѣсколько дней онъ прислалъ опять съ таковымъ же извѣщеніемъ, почему находившійся тутъ генералъ, не знавшій о многоженствѣ турокъ, сказалъ Кутузову, что паша надъ нимъ издѣвается, ибо невозможно, присовокупилъ онъ, чтобы султанша родила по два раза въ одинъ мѣсяцъ.

II.

Путь въ Вознесенскъ.—Обращеніе государя съ графомъ Аракчеевымъ.—Обширность свѣдѣній Александра.—Его рѣдкая любезность и вѣжливость.—Графини Морковскія.—Помѣщикъ Курисъ.—Нѣмецкіе колонисты.—Пріѣздъ въ Вознесенскъ.—Генералъ Сакенъ.—Смотръ войскамъ.—Слова государя о военныхъ поселеніяхъ.—Мнѣніе его о дѣйствіяхъ кавалеріи на войнѣ.—Пріѣздъ въ Николаевъ.—Наши моряки.—Странное выраженіе государя о его морскихъ познаніяхъ.—Пріѣздъ въ Херсонъ.—Слѣды дѣятельности князя Потемкина.—Разсужденіе о Новороссійскомъ краѣ.—Воспоминаніе императора объ Екатеринѣ II.—Переѣздъ на катерѣ въ Алешки.—Перекопъ.—Симферополь.

Поутру, 4-го мая, выѣхали мы изъ Одессы въ Вознесенскъ. Князь Волконскій остался на два дня въ Одессѣ, гдѣ воспитывались его сыновья, а потому государь сидѣлъ въ одномъ экипажѣ съ графомъ Аракчеевымъ, а я, ѣхавши позади его во весь день въ нѣсколькихъ саженяхъ, имѣлъ его безпрестанно передъ глазами и видѣлъ, какъ нѣсколько разъ онъ оправлялъ своими руками шинель графу Аракчееву. Утвердительно можно сказать, что изъ пятидесяти милліоновъ своихъ подданныхъ императоръ ни съ однимъ не обращался съ такимъ вниманіемъ, какъ съ графомъ Аракчеевымъ. Мы обѣдали на станціи Кодинцовой въ домѣ помѣщика Холмогорова; государь, по обыкновенію своему, пригласилъ супругу помѣщика за столъ, и ей первой подавали всѣ блюда. За обѣдомъ находились, кромѣ ихъ, графъ Аракчеевъ, лейбъ-медикъ

Библиотека "Руниверс"

Вилліе, дворянскій предводитель и я. Государь довольно долго разспрашивалъ меня объ Италіи, которая ему была хорошо извѣстна. Вообще, чѣмъ я болѣе бывалъ вмѣстѣ съ его величествомъ, ибо въ семъ путешествіи рѣдкій день не обѣдалъ съ государемъ, а за столомъ онъ говорилъ очень много, я тѣмъ болѣе удивлялся обширнымъ его свѣдѣніямъ. Онъ имѣлъ самыя основательныя понятія о вещахъ, и когда, бывало, заговоритъ о какомъ-либо предметѣ, то сперва какъ-бы робко къ нему приступалъ, но послѣ входилъ во всѣ подробности онаго, и можно сказать, что истощалъ оный; логика же его приводила въ смущеніе многихъ европейскихъ дипломатовъ. Потомъ государь говорилъ объ Англіи, хвалилъ чистоту домовъ и присовокупилъ, «что опрятность въ сей землѣ еще болѣе ощутительна, когда въѣзжаешь въ нее изъ проклятой Франціи». При семъ можно упомянуть, что не было ничего пріятнѣе, какъ обѣдать съ нимъ за небольшимъ столомъ, потому что ничто не могло сравняться съ его любезностью и внимательностію; напримѣръ на станціи Кодинцовой, замѣтя, что у меня не было стакана, онъ сейчасъ приказалъ подать мнѣ оный и не прежде началъ пить, какъ когда мнѣ принесли стаканъ. Я не спорю, что это весьма маловажная черта, о которой бы не стоило упоминать, ежели бы рѣчь шла о другомъ какомъ монархѣ; но мнѣ кажется, что въ Александрѣ и о ней нельзя умолчать. Когда мы хотѣли вставать изъ-за стола, то вошли въ комнату внезапно пять женщинъ, прекрасно одѣтыхъ, и пали на колѣна; это были графини Морковскія, проспвшія за отца своего, содержимаго въ тюрьмѣ. Государь ненавидѣлъ, чтобы предъ нимъ становились на колѣна; онъ перемѣнился на лицѣ, поднялъ графинь и тогда уже началъ говорить.

На другой станціи случилось нѣчто подобное; послѣ обѣда, отъѣхавъ верстъ съ 20, государь остановился у помѣщика Куриса, который находился долгое время при Суворовѣ, зашелъ къ нему въ домъ и скушалъ нѣсколько плодовъ. Курисъ, не зная, какъ отблагодарить за сдѣланную ему честь, всталъ на колѣна. Недалеко отъ Вознесенска мы перемѣняли лошадей въ одной деревнѣ, гдѣ собралось множество колонистовъ, поселенныхъ въ окрестностяхъ; они подали нѣсколько просьбъ, и между тѣмъ какъ государь мнѣ ихъ вручалъ и приказывалъ ихъ разсмотрѣть, одинъ изъ нѣмцевъ въ пьяномъ видѣ закричалъ: Bis zum Himmel ist hoh und bis zum Kaiser und noh Petersburg ist weit»! (До неба высоко, до царя и Петербурга далеко). Я хотѣлъ было заставить молчать его, но государь сказалъ, чтобы я позволилъ ему продолжать, обратился къ колонистамъ и произнесъ по-нѣмецки громко слѣдующія слова:—«Wenn ihr niht in Russland bleiben wollt, so könnt ihr nach Deutechland zurück gehen» («Если вы не хотите оставаться въ Россіи, то можете отправляться обратно въ Германію»).

Библиотека "Руниверс"

Дорога въ этотъ день была самая пріятная; мы начали встрѣчать деревни и людей, которыхъ, ѣдучи по степямъ Бессарабіи и около Чернаго моря, вовсе не было. Поля покрыты были цвѣтами, и подъ облаками носились орлы.

Вечеромъ, часу въ девятомъ, мы прибыли въ главную квартиру, поселенныхъ войскъ. Вознесенскъ—небольшой но чистый городокъ, въ которомъ до того старались сообразоваться со вкусомъ государя, что вдоль домовъ сдѣланы были изъ земли родъ насыпей или тротуаровъ. Здѣсь мы нашли, кромѣ командира Бугскихъ войскъ, графа Витта, почтеннаго генерала Сакена. Государь не многихъ генераловъ столько уважалъ, какъ его; но зато и немногіе говорили такъ дѣльно и настоятельно, какъ Сакенъ. Мнѣ случилось обѣдать однажды съ нимъ вмѣстѣ у императора, и онъ, не соглашаясь съ его величествомъ во мнѣніяхъ, повторялъ разъ десять: «non, non, non sire» (нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, государь).

Мая 5-го. Поутру, въ половинѣ седьмаго часа, мы поѣхали на смотръ уланскихъ дивизій Бугской и Украинской; трудно видѣть конницу въ лучшемъ устройствѣ. По окончаніи церемоніальнаго марша, солдаты проѣзжали на ремонтныхъ лошадяхъ по-одиночкѣ мимо государя. Послѣ смотра былъ разводъ, при коемъ представляли инвалидовъ и кантонистовъ, или воспитанниковъ, коихъ успѣхи въ наукахъ столь быстры, что изъ нихъ со-временемъ должны выходить отличнѣйшіе офицеры. Что же будутъ дѣлать дворяне, спрашиваютъ противники поселеній, ежели офицерскія мѣста будутъ замѣщаемы солдатскими дѣтьми? Пусть они превосходятъ ихъ въ образованіи,—отвѣчаю я,—и тогда удержатъ надъ ними то преимущество, за которое по сихъ поръ они обязаны одной породѣ. Потомъ была обѣдня и большой столъ у государя; его величество, говоря о поселеніяхъ, между прочимъ произнесъ слѣдующія слова: «En temps de paix les colonies militaires m'épargneront les recrues, mais en temps de guerre il faut que tout le monde marche et que tout le monde défende la patrie» (Въ мирное время, военныя поселенія избавятъ насъ отъ рекрутскихъ наборовъ, но въ военное время необходимо, чтобы всѣ шли и всѣ защищали отечество). Послѣ обѣда мы были въ больницѣ и въ манежѣ смотрѣли верховую ѣзду улановъ. Императоръ былъ всѣмъ видѣннымъ имъ въ сей день чрезвычайно доволенъ и сказалъ графу Витту, что войска превзошли его ожиданія.

Военныя поселенія суть одно изъ важныхъ учрежденій, возникшихъ въ послѣдніе годы царствованія Александра; но образованіе ихъ и настоящая цѣль ихъ существованія были покрыты непроницаемою тайною, извѣстною только тѣмъ лицамъ, которыя употреблялись по сей части, а потому и мнѣ нельзя что-либо утвердительное о нихъ сказать. Бо́льшая часть современниковъ возставала противъ нихъ, но я

Библиотека "Руниверс"

ему не сооруженъ въ церкви памятникъ, но даже нѣтъ камня или простой доски, означающихъ, гдѣ покоится прахъ сего необыкновеннаго человѣка, которому я, со дня въѣзда моего въ Новороссійскій край, не переставалъ удивляться, потому что все, что на есть тамъ лучшаго, заложено имъ, на всякомъ шагу видны слѣды предначертаній его. Зависть, особенно иностранцевъ, долго возставала противу его, но чтобы обезоружить ее, стоитъ указать на степи, простирающіяся отъ Днѣпра до Чернаго моря, которыя, бывъ отъ сотворенія міра обиталищемъ дикихъ народовъ, подъ его руководствомъ присоединены къ Россіи и сдѣлались съ тѣмъ вмѣстѣ доступны къ водворенію въ нихъ европейскаго образованія. Я слышалъ, что когда его хоронили, то сдѣлали надъ гробомъ его сводъ и лѣстницу, но по вступленія на престолъ императора Павла велѣно будто-бы было, какъ мнѣ сказывали, чему, однакоже, трудно повѣрить, «тѣло его вырыть и бросить на съѣденіе птицамъ». Нѣкто изъ приверженныхъ покойному, подъ разными предлогами, успѣлъ, что повелѣніе сіе осталось безъ исполненія; сводъ, подъ коимъ онъ покоится, заложили досками, сравнявъ оныя съ обыкновеннымъ поломъ [1]). Государь Александръ Павловичъ намѣренъ былъ воздвигнуть ему памятникъ въ Херсонѣ, но наслѣдники Потемкина просили, чтобы сіе было предоставлено на ихъ попеченіе и иждивеніе; однакоже неблагодарные по сихъ поръ не почтили праха великолѣпнаго князя Тавриды, какъ назвалъ его Державинъ [2]).

Херсонъ, кромѣ общественныхъ зданій, не заключаетъ въ себѣ ничего любопытнаго. Купеческая гавань наполнена была строившимися судами, доходъ, съ нихъ получаемый, былъ неимовѣрный: можно въ нѣсколько недѣль было возвратить капиталъ, употребленный на построеніе оныхъ. Вообще, судя по высокой платѣ за работу, которая по правиламъ политической экономіи есть надежный масштабъ для измѣренія народнаго богатства, видно, что край сей быстрыми шагами приближался къ благосостоянію. Въ Одессѣ лошадь вырабатывала иногда въ день до ста рублей, а въ Херсонѣ матросъ, проведя день въ адмиралтействѣ, могъ вечеромъ, по окончаніи казенной работы, въ купеческой гавани отъ построенія купеческихъ кораблей получить нѣсколько рублей. Въ Перекопѣ сказывалъ мнѣ одинъ купецъ, по имени Сысоевъ, что онъ за двадцать лѣтъ пріѣхалъ туда съ пятью копѣйками, а потомъ пріобрѣлъ большія земли, пятьсотъ лошадей и капиталу до полтораста тысячъ рублей. Жаль, что на южныя губерніи наши не обращаютъ вниманія столько, какъ оныя того заслуживаютъ по плодо-

---

[1]) Сравни стр. 297—298 «Русской Старины» № 5 1897 г.

[2]) Въ настоящее время памятникъ кн. Потемкина украшаетъ городъ Херсонъ.

Библиотека "Руниверс"

родію своему, по благословенному климату и по мѣстному положенію, и не изберутъ для образованія оныхъ государственнаго человѣка, который бы сдѣлался въ одно время и благодѣтелемъ онаго, и снискалъ бы себѣ безсмертіе. До сихъ поръ кажется, что благословенная страна сія служитъ удѣломъ французскихъ эмигрантовъ. Ришелье управлялъ оною долгое время; безкорыстіе его и благородный характеръ всѣмъ извѣстны, но онъ ограничивался устройствомъ одной Одессы, а на прочія губерніи почти не обращалъ вниманія. Ему можно даже сдѣлать упрекъ, что разными правами, исходатайствованными имъ Одессѣ, онъ повредилъ многимъ городамъ полуденной Россіи. Его мѣсто заступилъ графъ Ланжеронъ, посѣдѣвшій на войнѣ, но который о торговлѣ, промышленности и вообще государственномъ хозяйствѣ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Въ Херсонѣ я нашелъ гражданскимъ губернаторомъ тоже французскаго эмигранта, графа Сен-Пріеста, которому дано было сіе мѣсто въ вознагражденіе за потерю брата его, убитаго подъ Реймсомъ въ 1814-мъ году, и котораго государь особенно жаловалъ. Сколь мало графъ Сен-Пріестъ зналъ свою губернію, тому я былъ свидѣтелемъ въ Херсонѣ по слѣдующему случаю. Мнѣ приказано было во всѣхъ городахъ, гдѣ государь останавливался, приготовлять для его величества краткую записку о заведеніяхъ, церквахъ и вообще о любопытныхъ предметахъ, въ оныхъ находившихся. Я собиралъ таковыя свѣденія обыкновенно отъ губернаторовъ, что̀ мною въ Херсонѣ сдѣлано было. Часъ спустя послѣ того, какъ я подалъ сію записку императору, его величество сказалъ мнѣ, что я пропустилъ въ ней греческую церковь, которая находится въ Херсонѣ. Я промолчалъ и, увидя губернатора, сказалъ ему о замѣчаніи, сдѣланномъ императоромъ. Графъ Сен-Пріестъ увѣрялъ меня, что греческой церкви не было въ Херсонѣ; когда же я началъ справляться, то узналъ, что точно она была, и что губернаторъ о существованіи ея не имѣлъ свѣдѣнія. Впрочемъ, говоря о томъ, что Новороссійскій край далекъ еще отъ совершенства, не надобно терять изъ вида, хотя и прискорбно, что имъ управляли французы, что онъ присоединенъ къ Россіи менѣе нежели за полвѣка, и что во уваженіе сего краткаго времени надобно въ сужденіяхъ о немъ быть снисходительнѣе. Одному Петру предоставлено было въ двадцать лѣтъ преобразовать свое отечество, а исторія являетъ только одного Петра.

По осмотрѣ публичныхъ заведеній, былъ разводъ, а послѣ обѣдъ у государя. Прежде нежели подали кушанья, императоръ вошелъ въ садъ, находившійся подлѣ столовой комнаты. Тутъ стояло абрикосовое дерево, посаженное Екатериною. Государь нѣсколько секундъ съ умиленіемъ на него смотрѣлъ и сказалъ:

— Императрица намѣрена была изъ Херсона сдѣлать столицу

Библиотека "Руниверс"

полуденной Россіи; эта мысль столь ей нравилась, что она подписывала на нѣкоторыхъ манифестахъ: въ лѣто царствованія нашего такое то и отъ присоединенія Таврическаго царства въ такое то; напримѣръ это сдѣлано въ манифестѣ о рожденіи брата моего, великаго князя Николая Павловича.

Послѣ обѣда, въ три часа (8-го мая), мы сѣли на большой катеръ и отправились при колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ съ адмиралтейства и всѣхъ купеческихъ судовъ и восклицаніяхъ ура, по Днѣпру, за 17 верстъ въ селеніе Алешки, куда заблаговременно посланы были наши экипажи. Насъ было на катерѣ десятеро: государь, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, графъ Кламмъ, графъ Аракчеевъ, графъ Милорадовичъ, Уваровъ, князь Волконскій, вице-адмиралъ Грейгъ, лейбъ-медикъ Виллié и я. Государь говорилъ много съ Грейгомъ о морской службѣ и называлъ по именамъ разныя части корабля и снасти. На замѣчаніе Уварова объ обширной памяти императора, его величество отвѣчалъ: «мнѣ бы стыдно было этого не знать», и потомъ, когда Уваровъ сказалъ ему, что капитанъ спущеннаго въ Херсонѣ корабля «Скораго» берется взять въ плѣнъ капитанъ-пашу, государь отвѣчалъ съ нѣкоторою перемѣною на лицѣ: «капитанъ сей можетъ долгое время покоиться» и присовокупилъ, обратясь къ принцу Гессенъ-Гомбургскому: «Le général Ouvaroff est aujourd'hui d'une humeur très guerrière».

Я очень жалѣлъ, что съ нами вмѣстѣ ѣхалъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, котораго присутствіе, конечно, мѣшало государю иногда открывать намъ свои мысли и замѣчанія. Едва мы отплыли изъ Херсона, какъ подняли штандартъ, и открылась пушечная пальба со всѣхъ находившихся въ гавани кораблей; часа въ четыре мы прибыли въ Алешки, гдѣ сѣли въ коляски и поѣхали въ крѣпость Перекопъ, куда прибыли въ полночь.

Перекопъ только по названію городъ, чему есть много примѣровъ въ Россіи; въ сущности же, это не что иное, какъ деревня, въ которой главные обыватели суть чиновники, служащіе по соляной части. Отъ Перекопскихъ соленыхъ озеръ получено казною въ 1817 году 2.600.000 рублей чистаго дохода; казнѣ становится пудъ соли въ пять копѣекъ, а она его продаетъ по 45 копѣекъ. Ровъ, выкопанный татарами отъ одного моря до другаго, даетъ городу свое названіе; думать надобно, что ровъ сей въ старину былъ мокрый, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны камни, коими дно его было выстлано. Въ Перекопѣ стоитъ ветхая, негодная крѣпость, которую намѣревались возобновить, и это могло служить доказательствомъ попечительности государя, что онъ, будучи диктаторомъ Европы и имѣя милліонъ войскъ, сооружалъ крѣпость въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не предвидѣлось, чтобы скоро могъ быть театръ войны. Возразятъ, что крѣпость сія усугубитъ въ татарахъ недовѣрчи-

Библиотека "Руниверс"

вость, питаемую ими къ нашему правительству; но ропотъ нѣсколькихъ беевъ или муллъ не долженъ быть принятъ въ уваженіе, когда идетъ рѣчь о благѣ Россіи; сверхъ того, посредствомъ сей крѣпости утвердится еще болѣе наше владычество въ Таврическомъ полуостровѣ. Я жалѣлъ, что не нашелъ въ Перекопѣ памятника Миниху, который первый водрузилъ здѣсь русскія знамена.

Мая 9-го. Я выѣхалъ въ Симферополь часовъ въ 10-ть, а императоръ около полудня. Сначала дорога идетъ степью; воздухъ былъ душный, ничто не освѣжало его, нѣтъ ни рѣки, водою которой можно бы было прохладиться, ни дерева, чтобы отдохнуть подъ его тѣнью. Вскорѣ взоръ мой былъ пораженъ новыми для меня явленіями. Я началъ встрѣчать татаръ съ важною поступью, видѣлъ мечети, стада верблюдовъ, наконецъ стаи орловъ, разсѣкавшихъ воздухъ. Со второй почты становятся примѣтными горы, лежащія за Симферополемъ, а подъѣзжая къ сему городу, находятся повсюду деревни, разсѣянныя жилища татаръ, пролѣски и наконецъ рѣка Салгиръ. Видъ горнаго хребта былъ для меня пріятенъ, потому что, проѣзжая, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, нѣсколько разъ отъ одного края Россіи до другаго, я не встрѣчалъ не только таковыхъ возвышенныхъ горъ, но даже подобія ихъ; взоръ утомляется у насъ въ безпредѣльныхъ равнинахъ. При захожденіи солнца я видѣлъ нѣсколько татаръ, которые, остановясь на полѣ, исполняли вечернюю молитву свою: часу въ 8-мъ я пріѣхалъ въ Симферополь.

III.

Планъ путешествія государя по Крымскому полуострову.—Карасубазаръ.—Разговоръ за обѣдомъ.—Выговоръ, сдѣланный государемъ барону Вилліе.—Вниманіе, оказанное императоромъ сестрѣ генерала Рудзевича.—Археологъ Брюксъ.—Керчь.—Древнія гробницы.—Безпорядки и злоупотребленія въ Крыму.—Забавный промахъ генерала Уварова.—Осмотръ государемъ керченскихъ древностей.—Намѣреніе государя перенести на другія мѣста памятники Суворову и Румянцеву въ С.-Петербургѣ.—Анекдотъ про Суворова, разсказанный графомъ Милорадовичемъ.—Ѳеодосія.—Ѳеодосійскій музей.—Симферополь.—Поѣздка верхомъ.—Ночлегъ въ Никитѣ.—Посѣщеніе государемъ татарскаго дома.—Имѣніе графа Милорадовича.—Кикинейсъ.—Байдарская долина.—Жалобы жителей на графа Милорадовича.—Сатира „Приношеніе Христу въ новый годъ».—Посѣщеніе государемъ мечети.

Планъ путешествія нашего по Тавридѣ былъ слѣдующій. За основаніе принимался Симферополь, откуда первоначально назначено было ѣхать черезъ Карасубазаръ въ Керчь и возвратиться черезъ Ѳеодосію въ Симферополь Послѣ сего хотѣли осмотрѣть южный берегъ и ѣхать

Библиотека "Руниверс"

верхомъ черезъ Алупку, Никиту и Кикинейсъ въ Байдарскую долину, гдѣ должны были встрѣтить насъ экипажи наши, на которыхъ мы возвратимся черезъ Севастополь, Бакчисарай и Симферополь въ Перекопъ. Для сего путешествія опредѣлено было десять дней. Было много лицъ, желавшихъ сопровождать императора по полуострову, которыя испрашивали на то позволенія, напримѣръ, малороссійскій военный губернаторъ, князь Репнинъ; но государь всѣмъ отказалъ, даже графу Ланжерону, въ управленіи коего находился Крымъ, и не имѣлъ съ собою болѣе никого, кромѣ тѣхъ, которые пріѣхали съ его величествомъ изъ Варшавы; изъ флигель-адъютантовъ я былъ одинъ. Видя себя столь много отличеннымъ передъ моими товарищами, мнѣ нельзя было тогда полагать, чтобы я былъ черезъ нѣсколько лѣтъ остановленъ на поприщѣ моей службы, и чтобы мнѣ, адъютанту Кутузова и Александра, отказали даже въ позволеніи участвовать, въ 1828 году, въ войнѣ противъ турокъ. Но благосклонность сихъ знаменитыхъ мужей служитъ мнѣ доводомъ, что я чего нибудь стою; недоброжелатели мои не могутъ у меня отнять воспоминаній, изъ коихъ нѣкоторыми я горжусь, а другія составляютъ для меня неизсякаемый источникъ сладостныхъ мечтаній.

Мая 10-го. Въ семь часовъ утра мы выѣхали изъ Симферополя и прибыли въ 10-ть часовъ вечера въ Керчь, или въ древнюю Пантикапею, всего разстояніемъ 200 верстъ. Дорога сначала была прекрасная, и мѣстоположенія красивыя до самой Ѳеодосіи: по правую сторону имѣли мы не прерывающуюся цѣпь горъ, надъ которыми возвышался Чатырдагъ, названный по справедливости палатъ-горою, по сходству вида его съ палаткою. Произрастенія по сей дорогѣ отмѣнно многоразличны; нельзя выразить, сколько пріятно благоуханіе ихъ. Мы не заѣзжали въ Ѳеодосію, а изъ оной вывели намъ версты за три лошадей; дорога отъ сего города до самой Керчи весьма единообразна: земля почти вовсе не обработана, по лѣвую сторону лежала неизмѣримая долина, а по правую имѣли мы безпрестанно видъ Чернаго моря. На вопросъ мой, при перемѣнѣ лошадей близъ Ѳеодосіи, отчего не вышло изъ города ни одного жителя, отвѣчали мнѣ, что имъ это было запрещено начальствомъ, которое полагало, что государю сіе будетъ непріятно. Странные люди!

На второй станціи отъ Симферополя былъ обѣдъ въ городѣ Карасубазарѣ. Это первый настоящій азіатскій городъ, который я видѣлъ; онъ состоитъ изъ низкихъ домовъ, покрытыхъ кровлями, почти совсѣмъ плоскими, изъ-за коихъ возвышается множество мечетей, построенныхъ въ видѣ узенькихъ башенъ. Улицы покрыты были мусульманами; по чалмамъ можно различить нѣкоторыхъ изъ нихъ: тѣ, у коихъ чалмы обвиты бѣлыми платками, бывали въ Меккѣ, а зеленые платки на чалмахъ означаютъ потомковъ магометовыхъ, называемыхъ эмирами. Во всемъ множествѣ народа, не было ни одной женщины магометанскаго

Библиотека "Руниверс"

исповѣданія: онѣ не имѣютъ права выходить со двора. Я видѣлъ только четырехъ, сидѣвшихъ у дверей одного дома, закутанныхъ отъ головы до ногъ въ бѣлое покрывало, изъ-подъ котораго сверкали черные глаза. За обѣдомъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій сказалъ государю насчетъ Крыма.—«Эту землю можно назвать садомъ имперіи вашего величества». Я однако же принялъ сіи слова за ласкательство, потому что, проѣхавши въ два дня 335 верстъ по Таврическому полуострову, я находилъ чрезвычайно мало обработанной земли и видѣлъ почти повсюду однѣ степи. Государь, разговаривая о множествѣ разнообразныхъ травъ, которыя благоухаютъ на поляхъ, сдѣлалъ справедливое заключеніе, что ботаникъ можетъ найти здѣсь большое количество новыхъ полезныхъ произрастеній,и спросилъ у лейбъ-медика Вилліе,собралъ ли онъ какія нибудь травы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Что же ты дѣлалъ дорогою? продолжалъ государь.

— Я стрѣлялъ орловъ, сказалъ Вилліе. Сей отзывъ такъ не понравился императору, что онъ перемѣнился въ лицѣ и сказалъ въ сердцахъ:

— Удивительно, что начальникъ всей медицинской части ѣздитъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ можетъ быть есть сокровища для нашихъ аптекъ, и вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе свое на сей предметъ, стрѣляетъ птицъ!

Послѣ обѣда князь Волконскій приказалъ мнѣ отыскать въ Карасубазарѣ родственниковъ генерала Рудзевича и узнать, кто они. Исполнивъ порученіе, я доложилъ, что нашелъ сестру Рудзевича, бѣдную, простую татарку, съ нѣсколькими дѣтьми. Тотчасъ велѣно было позвать ее къ государю. Я былъ свидѣтелемъ одного пріятнаго явленія. Государь узналъ какимъ то образомъ, что сестра извѣстнаго генерала Рудзевича находилась въ Карасубазарѣ, и послалъ меня съ нею познакомиться. Я нашелъ въ ней женщину самую необразованную, въ простомъ одѣяніи, и донесъ о семъ его величеству.

— Позови ее ко мнѣ, съ ея дочерями, сказалъ мнѣ государь въ отвѣтъ.

Онѣ пробыли нѣсколько минутъ у императора, и когда вышли, то государь, заставъ меня одного въ комнатѣ, приблизился ко мнѣ, съ выразительною улыбкою, какъ-бы спрашивая моего мнѣнія.

— Ваше величество,—сказалъ я ему,—вотъ истинная награда генералу Рудзевичу; это ему лестнѣе, нежели всѣ ленты, которыя вы ему пожаловали.

— Я не различаю,—отвѣчалъ императоръ,—ни богатыхъ, ни бѣдныхъ: мнѣ всѣ равны, если служатъ хорошо [1]).

[1]) Варіантъ. «Я не различаю ни дворянъ, ни разночинцевъ, ни бѣдныхъ ни богатыхъ; мнѣ всѣ равны, если служатъ хорошо. Рудзевичъ татаринъ, но мнѣ дороже, нежели столбовой дворянинъ».

Библиотека "Руниверс"

Послѣ сего государь приказалъ мнѣ, отъ его имени, вручить сестрѣ генерала брильянтовый фермуаръ.

На дорогѣ мы встрѣтили сына славнаго агронома Артура Юнга, который поселился близъ стараго Крыма, гдѣ онъ имѣлъ помѣстье. Мнѣ весьма желательно было побесѣдовать съ нимъ, но краткость времени сего не допустила: я долженъ былъ довольствоваться только пожатіемъ его руки и сказалъ ему, что я одинъ изъ ревностныхъ почитателей отца его. Къ сожалѣнію, услышалъ я, что онъ намѣревался въ скоромъ времени совсѣмъ оставить Россію. У насъ рѣдко дѣти отличныхъ людей идутъ по стопамъ своихъ родителей; всѣ гонятся за чинами, которые, по словамъ Карамзина, суть ходячая монета, а достоинство рѣдкая медаль, извѣстная только знатокамъ и принимаемая одними ими; въ Англіи же и вообще за границею, ежели сынъ знаменитаго родителя и не наслѣдуетъ его генію, то, по крайней мѣрѣ, всегда бываетъ имъ превосходно образованъ. Во весь этотъ день государь не называлъ меня иначе, какъ Александръ Ивановичъ.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ Керчь, сію оконечность Европы; азіатскій берегъ отсюда въ восемнадцати верстахъ. Я немедленно познакомился съ служившимъ по соляной части французскимъ эмигрантомъ Брюксомъ, который слылъ за антикварія и нѣсколько лѣтъ отрывалъ гробы древнихъ грековъ и скиѳовъ. Что человѣкъ сей не ученъ, то доказываетъ самое короткое съ нимъ свиданіе; онъ по-латыни не знаетъ, объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ филологіи въ новѣйшія времена, и не слыхалъ, и даже по-французски говоритъ дурно, мало учился, тридцати лѣтъ вступилъ въ военную службу во Франціи и потомъ сочинилъ книжку подъ заглавіемъ: «Essai sur la cavalerie legère». Всякій видитъ, что переходъ отъ легкой конницы до глубокой древности немного труденъ. Не менѣе того, его старанія заслуживаютъ благодарность, ибо до него ни одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ не занимался изысканіями таврическихъ древностей, и надобно жалѣть, что ему нѣтъ никакихъ средствъ къ изученію филологіи.

Мая 11-го, въ 8-мъ часовъ утра, государь поѣхалъ въ Ениколь, а я остался въ Керчи, чтобы осмотрѣть ее съ помощію г. Брюкса. Во-первыхъ, мы были въ крѣпости, которая вовсе развалилась; начало построенія ея приписываютъ генуэзцамъ; въ ней любопытна церковь, которой близъ 1300 лѣтъ; отъ древности остались только два мраморные столба и два барельефа, которые въ полной мѣрѣ напоминаютъ упадокъ искусствъ со времени ихъ работы. Видъ съ крѣпостныхъ укрѣпленій отмѣнно пространенъ; заливъ, раздѣляющій Азовское море отъ Чернаго, виденъ весь; на другомъ берегу уже Азія, Тмутаракань и весь край, называемый нынѣ Таманомъ; даже примѣтно устье Кубани, гдѣ обитаютъ черкесы. Боже мой! думалъ я, смотря на неизмѣримое

Библиотека "Руниверс"

пространство моря и азіатскихъ береговъ, куда судьба меня завела? Долго ли буду я еще странникомъ на сей землѣ?

Потомъ поѣхалъ я осматривать гробницы древнихъ грековъ и скиѳовъ, которыя г. Брюксъ первый началъ отрывать. «Чтеніе Геродота и Страбона,—сказалъ онъ мнѣ дорогою,—а еще болѣе скука, заставили меня симъ заняться; я открылъ уже до двадцати гробницъ, но небольшихъ; для пространнѣйшихъ же потребны средства, которыхъ у меня не достаетъ: мнѣ выдано до сего времени изъ кабинета пятьсотъ и пожаловано великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ сто, а всего шестьсотъ рублей». Мы входили въ одну могилу четвероугольнаго вида, сажени двѣ длиною и столько же шириною, небольшія изъ нихъ почти всѣ равной величины, т.-е. одной сажени и 4-хъ вершковъ длины.

Послѣ сего я ѣздилъ верхомъ на большую гору; на ней находится такъ называемый Стулъ Митридатовъ, который не что иное есть, какъ груда дикихъ камней, образующихъ родъ софы, которые отдѣланы руками человѣческими. Преданіе говоритъ, что царь Понтійскій, сидя на ономъ, взиралъ на сражающіяся войска свои. Видъ съ горы сей отмѣнно хорошъ; съ оной открывается все пространство залива, отдѣляющаго Черное море отъ Азовскаго, часть Чернаго моря и Еникале.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея стоитъ такъ называемая Золотая гора, на вершинѣ которой находится родъ кургана, изъ большихъ камней сдѣланнаго; преданіе приписываетъ построеніе онаго Циклопамъ, и Павзаній, упоминая о немъ, объявляетъ, что никто не запомнитъ времени его построенія.

Гавань въ Керчи прекрасная, но торговля въ ней не производилась вовсе; ни одно судно не имѣло права выгружаться въ ней, а каждое должно было останавливаться передъ карантиномъ оной шесть дней, по прошествіи коихъ посылали на него двухъ отставныхъ солдатъ, называемыхъ гвардіонцами, для наблюденія за тѣмъ, чтобы корабельщикъ не выгружалъ товаровъ и не выходилъ на берегъ иначе, какъ въ Таганрогѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для сего послѣдняго города такое положеніе было выгодно, но Керчь отъ сего страдала, равно и вся та часть Таврическаго полуострова, которая прилежитъ къ сей гавани и которая могла бы въ оную поставлять произведенія свои. «Почему запрещено останавливаться кораблямъ въ Керчи?»—спросилъ я таможенныхъ чиновниковъ. «Потому,—отвѣчали они,—что нашъ карантинъ не довольно надеженъ, чтобы мы посредствомъ его могли предостеречься отъ моровой язвы». Итакъ, за недостаткомъ карантиннаго заведенія, стоющаго нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, гибнулъ весь край. Отъ сего проистекало еще другое бо́льшее помѣшатель-

Библиотека "Руниверс"

ство въ торговлѣ. Кораблямъ назначено было ожидать шесть дней двухъ сторожей, которыми ихъ снабжали для сопровожденія до Таганрога, но такъ какъ число людей сихъ было очень ограниченное, то корабли ожидали ихъ нерѣдко по двадцати шести дней. Сверхъ того, опытъ доказывалъ, что нельзя было ручаться за безкорыстіе сихъ людей; моровая язва, которая иногда свирѣпствовала въ полуденной Россіи, служила доказательствомъ, что солдаты сіи не всегда противостояли подаркамъ злоумышленныхъ корабельщиковъ. Городъ Еникале, имѣющій равномѣрно весьма выгодную гавань, подверженъ былъ одинаковой запретительной системѣ съ Керчью.

Вообще, въ семъ краѣ, удаленномъ отъ столицы, происходили невѣроятныя злоупотребленія. Ѣдучи изъ Керчи въ Еникале, государь встрѣтилъ солдатъ, работавшихъ вмѣсто крестьянъ въ полѣ, принадлежавшемъ коменданту. Ежели сіе дѣлалось въ присутствіи императора въ семъ краѣ, то можно легко судить, что въ обыкновенное время самовластіе начальниковъ не знало предѣловъ. Государь былъ очень огорченъ симъ поступкомъ коменданта и приказалъ его и начальника баталіона, къ которому сіи солдаты принадлежали, отставить отъ службы. На городничаго города Керчи подали тоже нѣсколько просьбъ, изъ коихъ я приведу только одну для образца, а именно за присвоеніе себѣ вольныхъ людей въ крѣпостные. Я полагаю, что невѣжество или, лучше сказать, варварство чиновниковъ сихъ причиною, что сосѣдніе черкесы и горскіе народы, отдѣляемые отъ Россіи только однимъ заливомъ, до сихъ поръ непримиримые наши враги. Ежели бы чиновники сіи были люди просвѣщенные, то образомъ жизни своей и поведеніемъ своимъ они поселили бы въ воинственныхъ горскихъ народахъ мало-по-малу привязанность къ русскимъ и любовь къ осѣдлости, отчего они прекратили бы разбой свой и вступили бы съ нами въ миролюбивыя сношенія.

По возвращеніи изъ Еникале, императоръ пошелъ съ нами на гору Митридатову и восхищался прелестнымъ оттуда видомъ. Слѣва разстилалось Азовское море, справа Черное, а передъ нами лежалъ азіатскій берегъ. «Жаль только, замѣтилъ императоръ, что эти моря не оживлены торговыми кораблями!» Здѣсь я былъ свидѣтелемъ одного происшествія, заставившаго государя покраснѣть. Уваровъ, который былъ человѣкъ весьма честный, но вовсе не образованный, вздумалъ говорить принцу Гессенъ Гомбургскому о древностяхъ и сказалъ: «Взгляните на эту гору; построенія на ней столь древни, что даже живущій въ Крыму очень старый грекъ Павзаній не запомнитъ, кѣмъ они сооружены». Государь былъ такъ пораженъ сими словами своего любимца, что, перемѣнясь въ лицѣ, сказалъ ему: «Ѳедоръ Петровичъ оставимъ древность, это не наше дѣло».

Библиотека "Руниверс"

Когда мы сошли съ горы, то государь осматривалъ вырытыя въ гробницахъ г. Брюксомъ разныя этрусскія вазы, кольца и языческія божества, изъ коихъ всего болѣе понравилась государю бронзовая голова Діаны, прекрасной работы, свидѣтельствующая, что она сдѣлана была въ самое цвѣтущее время для художествъ. Его величество подарилъ оную принцу Гессенъ-Гомбургскому. Потомъ, указывая на какого-то уродливаго кумира, государь сказалъ мнѣ по-французски: «Quel monstre!» «Cependant, Sire», отвѣчалъ я, ce monstre a été adoré». — Государь возразилъ: «On a adoré bien des objets qui n'étaient point adorables».

За обѣдомъ рѣчь зашла о Суворовѣ; императоръ говорилъ о перемѣщеніи на другія площади находящихся въ Петербургѣ памятниковъ его и Румянцева.

— Они похожи,—сказалъ онъ,—первый на будку, подлѣ которой стоитъ будочникъ, а другой на верстовой столбъ. Я поставлю памятникъ Румянцева передъ кадетскимъ корпусомъ, потому что онъ въ оном воспитывался; это послужитъ хорошимъ образцомъ для кадетъ, а Суворова такъ помѣщу, что всякій, кто ѣдетъ водою по Невѣ или идетъ по набережной, будетъ имѣть его передъ глазами.

Обращаясь къ Милорадовичу, государь сказалъ: «Михаилъ Андреевичъ, разскажи намъ какой-нибудь анекдотъ о Суворовѣ». Не останавливаясь ни минуты, Милорадовичъ началъ такъ: «Когда мы возвращались изъ Италіи, то остановились въ Прагѣ; я былъ при Суворовѣ дежурнымъ генераломъ и долженъ былъ съ нимъ всегда ѣздить въ каретѣ на обѣды и на вечеринки. Фельдмаршалъ имѣлъ небольшой кругъ знакомыхъ, гдѣ по вечерамъ собиралось много молодыхъ дѣвушекъ; играли въ жгуты, и Суворовъ изо всей мочи бивалъ ихъ, зато и онѣ ему платили тою же монетою. За обѣдомъ онъ мнѣ приказывалъ говорить въ то время, когда онъ кушалъ, и продолжать начатую имъ рѣчь, когда ему подавали какое-либо блюдо. Однажды, разсказывалъ онъ, какъ лѣтъ за сорокъ онъ стоялъ въ Полтавѣ; вдругъ подали ему кушанье; Суворовъ замолчалъ. Я сначала не зналъ, что̀ говорить о Полтавскомъ его пребываніи, но вспомня, что въ старые годы жила тамъ старуха Кочубей, сказалъ: «его свѣтлость, тогда страстно влюбленный въ г-жу Кочубей, проводилъ у нея всѣ вечера».—«Браво, браво!» воскликнулъ Суворовъ».

Вообще мастерскіе разсказы и веселый нравъ графа Милорадовича, бывшаго душею путешествія по Крыму, заставляли государя и всѣхъ насъ хохотать. Взирая на его любезность, нельзя было воображать, что онъ почиталъ себя въ то время жестоко обиженнымъ назначеніемъ графа Витгенштейна, младшаго его въ чинѣ, главнокомандующимъ 2-ю арміею, вмѣсто Беннигсена. Онъ мнѣ въ тотъ же ве-

Библиотека "Руниверс"

черъ въ Ѳеодосіи открылъ свое сердце и сказалъ, что онъ намѣренъ былъ выйти изъ службы.

Въ два часа выѣхали мы изъ Керчи въ Ѳеодосію; дорогою государь осматривалъ гробницы, открытыя г. Брюксомъ, и по моему настоянію пожаловалъ ему бриллиантовый перстень.

Мы пріѣхали въ Ѳеодосію часовъ въ 8 вечера; императору приготовили домъ одного богатаго турецкаго купца. Весь вечеръ я занимался бумагами по службѣ и не ложился спать, потому что государь приказалъ себя будить на другое утро въ три часа.

Мая 12-го. Поутру государь слушалъ обѣдню въ 4 часа, а мнѣ велѣлъ сопровождать принца Гессенъ-Гомбургскаго по достопримѣчательнымъ мѣстамъ въ Ѳеодосіи. Мы отправились, во-первыхъ, въ карантинъ, который нашли въ большомъ порядкѣ и лучше одесскаго. Въ немъ содержалось 550 человѣкъ, выдержавшихъ назначенный сорокадвухъ дневный срокъ. Потомъ мы были въ такъ называемомъ музеумѣ, гдѣ съѣхались съ императоромъ. Музеумъ можно раздѣлить на двѣ части; въ одной хранятся вещи, найденныя въ Ѳеодосіи, а въ другой предметы, которые поступили изъ разныхъ мѣстъ. Первыя состоятъ почти всѣ изъ мраморныхъ досокъ съ надписями и гербами Генуи и различныхъ дворянскихъ фамилій сей республики. Также есть нѣсколько вазъ, которыя приличнѣе можно назвать большими кувшинами: они совершенно подобны тѣмъ, которые видны въ погребахъ Помпеи. Любопытно, что начальникомъ сего отдѣленія музеума былъ одинъ генуэзецъ, которому, такимъ образомъ, суждено показывать путешественникамъ ничтожные обломки, свидѣтельствующіе, что нѣкогда отечество его владычествовало на берегахъ Босфора. Государь не оставилъ безъ вниманія этого случая и сказалъ ему, указывая на генуэзскіе мраморы: «Вы здѣсь дома: вы окружены памятниками вашей народной славы». Другая часть музеума состоитъ изъ небольшихъ статуекъ, посредственной работы, подаренныхъ разными лицами, изъ нѣсколькихъ десятковъ медалей и мраморныхъ досокъ, привезенныхъ изъ Анапы и взятыхъ въ семъ городѣ во время пребыванія тамъ русскихъ войскъ.

Отсюда мы поѣхали къ развалинамъ большой мечети и прекрасныхъ турецкихъ бань, о которыхъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій замѣтилъ, что онѣ совершенно похожи на общественныя бани, находящіяся въ Офенѣ. Мы заключили нашу прогулку осмотромъ гавани, которая, кажется, устроена для сего самою природою. Городъ лежитъ у моря, позади его находится цѣпь крутыхъ горъ, а на отлогости возвышается огромная генуэзская стѣна съ башнями, которую, къ сожалѣнію, отчасти разрушили для построенія изъ оной казармъ.

Въ семь часовъ утра, при отмѣнномъ холодѣ, котораго я не ожидалъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Тавридѣ, мы выѣхали изъ Ѳеодосіи въ Симферополь,

Библиотека "Руниверс"

куда прибыли часу въ шестомъ послѣ обѣда. Дорогою мы заѣзжали на нѣсколько минутъ въ городъ Старый Крымъ. Я не видалъ мѣста, которое бы было болѣе въ бѣдномъ и разоренномъ состояніи: нѣтъ и слѣдовъ его древняго величія. Передъ Симферополемъ на послѣдней станціи мы обѣдали на-скоро въ татарской избѣ. Государь говорилъ, что Ѳеодосія чрезвычайно ему понравилась. Упомянувъ о бушевавшемъ дождѣ и вихрѣ, сказалъ: «Зато какъ пріятно будетъ намъ отогрѣться въ Симферополѣ,—«pour avoir des jouissances il faut se créer des privations». (Нужно создавать себѣ лишенія, чтобы имѣть удовольствія).

Мая 13-го. Поутру, въ восемь часовъ, мы выѣхали изъ Симферополя на южной берегъ Крыма, гдѣ положено было провести четыре дня. Графъ Аракчеевъ остался въ Симферополѣ, чтобы заниматься съ таврическимъ губернаторомъ разными дѣлами, касавшимися до полуострова, а наша свита умножилась природнымъ татариномъ и сохранявшимъ магометанскую вѣру генералъ-маіоромъ княземъ Балатуковымъ, который долженъ былъ служить переводчикомъ. Погода не благопріятствовала: шелъ дождь, было холодно и вѣтрено. Мы ѣхали въ коляскахъ двадцать верстъ, до деревни Чевки, гдѣ насъ ожидалъ табунъ верховыхъ татарскихъ лошадей съ татарскими сѣдлами. Одни изъ насъ надѣли бурки, другіе воротники, сдѣланные изъ клеенки, называемые башлыками, и всѣ вообще вооружились нагайками. Государь былъ въ фуражкѣ, въ буркѣ и тоже съ нагайкою; даже и этотъ нарядъ ему шелъ къ лицу. Каждому изъ насъ дали по татарскому переводчику; имена ихъ: Ибраимъ, Эмиръ-сале, Али, и подобныя, совсѣмъ новыя для слуха нашего, возбуждали въ воображеніи мысли о странствованіяхъ по Азіи. Людей нашихъ съ вьюками посадили тоже верхомъ, и такимъ образомъ мы большимъ караваномъ отправились въ татарскую деревню Алушту, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ, приготовленный въ такъ называемой галереѣ, но которая болѣе похожа была на большія сѣни. Лучшее кушанье составляли свѣжія устрицы. Государь былъ очень веселъ, шутилъ надъ нашими нарядами, и разговоръ о предстоявшемъ путешествіи и видъ Чернаго моря, тихо воздымавшагося передъ нашими глазами, все это утѣшало насъ насчетъ дурной погоды. Вскорѣ отправились мы въ путь сперва по тропинкѣ, извившейся такъ близко вдоль моря, что волны его, ударяясь съ шумомъ о каменья, омывали пѣной ноги нашихъ лошадей, а послѣ по крутымъ, высокимъ горамъ и въ самомъ маломъ разстояніи отъ неизмѣримыхъ пропастей. Туманы, покрывавшіе вершины горъ, не позволяли намъ насладиться въ полной мѣрѣ красотами природы.

Мы проѣзжали мимо дачъ Бороздина и дюка де-Ришелье; виды изъ домовъ ихъ въ благопріятную погоду должны быть пріятны. Къ вечеру дождь и вѣтеръ чрезвычайно усилились; насъ всѣхъ совершен-

Библиотека "Руниверс"

но вымочило, и мы торопились достичь до ночлега. Темнота сдѣлалась такъ сильна, что ничего нельзя было передъ собою видѣть; государь велѣлъ зажечь факелы, которые татары везли передъ нами, а мы гуськомъ одинъ за другимъ тянулись за ними, потому что двумъ въ рядъ ѣхать было нельзя. Это представляло единственную картину, ибо мы ѣхали, имѣя съ одной стороны непрерываемую цѣпь скалъ, а съ другой—сильно бушевавшее море, которыя освѣщались факелами, ярко блиставшими въ непроницаемомъ мракѣ по всему длинному протяженію нашего каравана; это походило на странствованіе духовъ, описываемое стихотворцами.

Нечувствительный къ непогодамъ, императоръ смѣялся и, оглядываясь назадъ, громко взывалъ къ намъ: «Господа! не отставайте».

Часу въ десятомъ вечера, вымокшіе до костей, мы достигнули до деревни Никиты, гдѣ находится большой казенный садъ для улучшенія крымскихъ растеній и устроенный также съ тою цѣлію, чтобы снабжать оными великороссійскія губерніи. По недостатку квартиръ, я расположился для ночлега въ оранжереѣ съ генералами Милорадовичемъ и Уваровымъ и Вилліе; мы развели огонь, около котораго сушились, пили чай и устроили себѣ постели изъ сѣна, а веселость и шутки графа Милорадовича заставили насъ въ скорости забыть нашу усталость.

Мая 14-го. Въ восемь часовъ утра мы выѣхали изъ Никиты съ тѣмъ, чтобы ночевать въ Кикинейсѣ. Къ счастію, погода разгулялась, и мы ѣхали семь часовъ сряду вдоль моря по крутымъ горамъ; по временамъ открывались чудесные виды, которые рѣдкая кисть можетъ изобразить. Оливковыя, фиговыя, персиковыя, гранатныя, тополевыя и лавровыя деревья, украшая дорогу разнообразіемъ зелени своей, производили въ воздухѣ удивительное благоуханіе. Часто останавливаясь, мы оборачивались назадъ и видѣли, какъ море образовало въ иныхъ мѣстахъ природныя гавани, и какъ въ другихъ скалы и горы, выдавшіяся впередъ, составляли непрерываемый рядъ очаровательныхъ картинъ. Можно ли было думать тогда, какъ я видѣлъ Александра, во всей крѣпости и красотѣ восхищавшагося Тавридою, что черезъ семь лѣтъ на сихъ самыхъ мѣстахъ обрѣтетъ онъ смертоносную болѣзнь, что на эти горы грянетъ проклятіе проповѣдника и услышимъ Филарета, взывающаго: «горы Таврійскія, да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!»

Изрѣдка встрѣчали мы татарскія деревни, выстроенныя совсѣмъ инымъ образомъ, нежели наши селенія; кровли домовъ ихъ, или лучше хижинъ, вовсе плоскія и во внутренности сдѣланы въ каждой избѣ родъ диванов. Алупка—самая красивая изъ сихъ деревень. Жители съ хлѣбомъ и съ солью выходили на встрѣчу. Государь, котораго они на-

Библиотека "Руниверс"

зывали падишахомъ, привѣтствовалъ всѣхъ словами: «саламъ-айлекюмъ» и кланялся по ихъ обыкновенію, состоящему въ томъ, чтобы рукою сдѣлать движеніе къ головѣ, ко рту и къ груди. Одинъ татаринъ просилъ государя зайти въ его домъ; его желаніе было исполнено; мы нашли комнату его убранною цвѣтами и зеленью; государь пожаловалъ ему пятьсотъ рублей.

Не доѣзжая Алупки, государь посѣтилъ садъ графа Милорадовича, лежащій на самомъ берегу Чернаго моря. Одно изъ любимыхъ мечтаній сего необыкновеннаго человѣка состояло въ томъ, чтобы предполагать, какъ онъ въ семъ уединенномъ краю свѣта проведетъ остатокъ жизни своей, посвященной славѣ, любви и затѣямъ. «Татары будутъ меня любить, — говорилъ онъ мнѣ, — я имъ буду дѣлать добро. Я имѣлъ тяжбу по сему имѣнію съ однимъ татариномъ, — продолжалъ онъ, — мое дѣло было справедливое, я выигралъ тяжбу и землю, находившуюся въ спорѣ, подарилъ сему же татарину. Мѣстоположеніе сей дачи прекрасное; въ ней находится множество плодовыхъ деревьевъ, нѣсколько водопадовъ и террасъ, устроенныхъ природою, позади сада идетъ дорога, а за оною возвышается цѣпь сѣрыхъ скалъ, которыя едва не касаются неба. Графъ Милорадовичъ, встрѣчая государя, сказалъ, указывая на лавровыя деревья: «Du moins, sire, il y a ici des souvenirs pour Votre Majesté Impérial» (по крайней мѣрѣ для вашего величества здѣсь есть воспоминанія). Государь при семъ прекрасномъ привѣтствіи немного смѣшался и отвѣчалъ графу, что лавры принадлежатъ ему; потомъ кушалъ чай у него и самъ по просьбѣ хозяина выбралъ мѣсто, гдѣ построить домъ. Императоръ, подошедъ ко мнѣ, началъ говорить о красивыхъ видахъ Тавриды, а послѣ рѣчь зашла о великороссійскихъ губерніяхъ, и его величество заключилъ разговоръ сими словами:

— У насъ нѣтъ такихъ видовъ, но зато народъ лучше. Впрочемъ намъ завидовать некому. И въ коренной Россіи есть прелестныя мѣста, напримѣръ дорога отъ Нижняго Новгорода до Казани. Можетъ быть, нашему народу недостаетъ нѣкотораго просвѣщенія, но ни у кого нѣтъ такихъ природныхъ способностей и ума, какъ у русскаго народа; повторяю, завидовать намъ некому.

Миновавъ Алупку, вступили мы въ высокую цѣпь скалъ: камни ужасной величины разбросаны, такъ сказать, отъ облаковъ до морскаго берега и уподобляются развалинамъ вселенной. Часу въ четвертомъ мы прибыли въ деревню Кикинейсъ, которая, какъ и всѣ селенія по южному берегу, носитъ греческое имя. Здѣсь мы обѣдали въ палаткѣ и расположились ночевать. Для государя выстроили нарочный домикъ, но его величество непремѣнно хотѣлъ остановиться у какого-нибудь татарина, сказавъ: «чтобы татары не подумали, что я гнушаюсь ими», а вновь

Библиотека "Руниверс"

построенный домъ назначилъ для принца Гессенъ-Гомбургскаго. Государь весь день занимался бумагами; прочіе генералы нашей свиты пошли на охоту, а такъ какъ мнѣ отвели избу, которой окна выходили на Черное море, то я долго лежалъ на диванѣ, съ котораго смотрѣлъ на необъятное пространство моря, предавшись влеченію моего воображенія.

Мая 15-го. Въ девять часовъ утра мы выѣхали изъ Кикинейса въ Байдары, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Когда мы садились на лошадей, то императоръ, подойдя ко мнѣ, самымъ милостивымъ образомъ изволилъ спрашивать не боленъ ли я: и подлинно, проведя дурно ночь, лицо мое могло казаться ему разстроеннымъ. Сначала дорога шла по возвышеніямъ вдоль моря, потомъ верстъ черезъ пять мы поворотили вправо и намъ представились ужаснѣйшія скалы; черезъ нихъ пролегала только одна дорога необыкновенной крутизны, называемая лѣстницею. Смотря на нее казалось невозможнымъ, чтобы мы могли на нее въѣхать. Укрѣпивъ сѣдла, мы начали взбираться по утесамъ, и благополучно достигли до вершины, съ которой открылся одинъ изъ чудесныхъ видовъ, каковые мнѣ удавались когда-либо встрѣчать. Швейцарія и Италія, которыя я объѣхалъ почти во всѣхъ направленіяхъ, не представляли подобныхъ. Милорадовичъ отдѣлился отъ государевой свиты, и рожденный для всякаго рода отвагъ, понесся на утесы и взлетѣлъ на вершину скалъ. Смотря на него, государь сказалъ: «Михаилъ Андреевичъ хочетъ во всемъ быть первымъ». Миновавъ скалы, скрылось отъ насъ море, которое мы имѣли предъ собою безпрерывно въ теченіе трехъ дней. Мы въѣхали въ дремучій лѣсъ и прибыли въ полдень въ Байдарскую долину, которая по красотѣ своей можетъ равняться съ Шамуни, съ Мейрингеномъ и съ Гриндельвальдомъ, выключая только, что въ ней нѣтъ водопадовъ, изобилующихъ въ швейцарскихъ долинахъ. Встрѣча, сдѣланная намъ въ Байдарской долинѣ, была самая плачевная; жители обоего пола, числомъ болѣе двухъ тысячъ, ожидали насъ при въѣздѣ въ селеніе и приняли насъ съ горькими рыданіями, жалуясь и вопія на притѣсненія помѣщика своего Мордвинова, который слылъ величайшимъ филантропомъ и пріобрѣлъ себѣ въ Россіи необыкновенную славу такъ называемыми **голосами**, которые онъ подавалъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ продолженіе двадцати лѣтъ всякій разъ, когда дѣло шло о благѣ отечества. Онъ не смотрѣлъ ни на какія лица, сколь бы они ни были въ милости при дворѣ; голоса его, находящіеся въ рукахъ каждаго, содѣлали имя его любезнымъ для Россіи; врядъ-ли кто въ одинаковой мѣрѣ съ нимъ пользовался уваженіемъ и общею привязанностію. Тѣмъ болѣе поразило насъ видѣнное нами въ Байдарахъ, и государь сказалъ: «славны бубны за горами».

Библиотека "Руниверс"

За обѣдомъ была рѣчь объ арміи, и между прочимъ государь, назвавъ Суворова «Великимъ», сказалъ: «если бы онъ воскресъ, что бы онъ сдѣлалъ съ теперешнею арміею? Надобно знать, какъ она устроена, какъ всѣ части приноровлены одна къ другой, такимъ образомъ, что она составляетъ нѣчто цѣлое».

Принцъ Гессенъ Гомбургскій разсказывалъ о какомъ-то Фроссарѣ, на котораго написали стихи. На сіе князь Волконскій сказалъ по-русски, ибо до того разговоръ былъ на французскомъ языкѣ, «что у насъ есть на таможеннаго генерала (разумѣя Обрѣзкова, который тогда завѣдывалъ таможенною частію) подобные стихи» — и просилъ меня прочесть мѣсто, касающееся до него изъ сатиры, извѣстной подъ названіемъ: «Приношеніе Христу въ новый годъ».

Я воинъ былъ средь мирныхъ лѣтъ;
Когда-жъ торговли нѣтъ,
Торговлей управляю.

Государь слушалъ сіе съ удовольствіемъ и улыбаясь спросилъ меня, не знаю ли я чего еще изъ сей сатиры. Я прочелъ слѣдующіе стихи на бывшаго статсъ-секретаря Кикина:

Въ бесѣдѣ генералъ,
А въ арміи бесѣды членъ.

Послѣ обѣда государь посѣтилъ мечеть во время богослуженія и благоговѣйно слушалъ моленіе, пока оно кончилось. Выходя изъ мечети, я спросилъ муллу, между прочимъ, упоминаютъ ли они въ молитвахъ своихъ объ императорѣ? Его величество, увидя меня разговорившаго съ муллою, хотѣлъ знать предметъ нашей бесѣды и когда я ему сказалъ о предложенномъ мною вопросѣ, то онъ отвѣчалъ: «laissez les dire tout ce qu'ils veulent» (оставьте ихъ говорить, что они хотятъ). Потомъ государь во весь день не выходилъ изъ дома и занимался бумагами; камердинеръ его величества возилъ всегда нѣсколько портфелей, наполненныхъ дѣлами; сказывали мнѣ также, что императоръ разсматривалъ жалобы крестьянъ на Мордвинова.

Въ Байдарахъ ожидали насъ пріѣхавшіе изъ Симферополя экипажи наши, и такимъ образомъ окончилось наше трехъ-дневное путешествіе верхомъ по южному берегу Тавриды. Оно останется мнѣ столько же памятно по красотамъ природы, которыя тамъ встрѣчаются на каждомъ шагу, сколько и по благосклонному расположенію государя, который очень милостиво со мной обращался, удостоивалъ своими разговорами и со всякимъ отправлявшимся фельдегеремъ приказывалъ мнѣ посылать поклоны моему семейству. Я не полагалъ, чтобы благосклонность сія такъ скоро прекратилась, и ду-

Библиотека "Руниверс"

мая, что она будетъ гораздо продолжительнѣе и что я часто еще буду въ обществѣ государя, я душевно теперь жалѣю, что я не все записывалъ, что слышалъ изъ устъ его.

Мая 16-го. Въ пять часовъ утра графъ Милорадовичъ пригласилъ меня сѣсть съ нимъ въ коляску, чтобы вмѣстѣ ѣхать изъ Байдарской долины въ Севастополь. Государь намѣренъ былъ отправиться туда же въ семь часовъ и посѣтить дорогою монастырь святаго Георгія. Князь Волконскій предупредилъ насъ, что государь желалъ, чтобы никто изъ насъ не былъ въ сей обители въ то время, когда императоръ будетъ находиться въ оной. Вообще государь любилъ по временамъ молиться одинъ въ церквахъ и не жаловалъ, чтобы кто либо изъ его свиты находился въ его комнатахъ, когда онъ принималъ у себя духовныхъ.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Къ біографіи Н. А. Полеваго.

(† 22 февраля 1846 года).

I.

Записка неизвѣстнаго объ испрошеніи пенсіи Николаю Алексѣевичу Полевому.

Записываю, что могъ вспомнить послѣ четырехъ лѣтъ. Многое забылъ, а многаго и писать не хочу. Люди, люди! лучше молчать о васъ.

7 ноября 1848 года.

Въ день полученія въ С.-Петербургѣ извѣстія о кончинѣ князя А. Н. Голицына, Гавріло Степановичъ Поповъ пріѣхалъ ко мнѣ вечеромъ и показалъ памятную записку князя, гдѣ было и о Полевомъ. Поповъ поручилъ мнѣ съѣздить къ Полевому и спросить: чего онъ хочетъ? Въ тотъ же вечеръ былъ я у Н. А. П. Его это очень удивило. Сначала онъ сказалъ: «ничего не хочу»; потомъ: «все приму, только отъ руки государя». Рѣшено, что завтра утромъ я пріѣду къ нему, и онъ написать готовъ, чего хочетъ. Но утромъ, по пріѣздѣ моемъ, онъ ничего не писалъ. Видно, что онъ не вѣрилъ грядущему. Наконецъ рѣшился и написалъ свою біографію на полулистѣ. Какъ жаль, что эта біографія была уничтожена. Полевой былъ въ волненіи, когда писалъ эту записку, разъ двадцать ходилъ по комнатѣ. Никогда онъ такъ долго ничего не писалъ. Увы, какъ трудно человѣку—думать и писать о себѣ! Въ запискѣ онъ ничего не просилъ. Сказалъ мнѣ на словахъ: «въ моей крайности мнѣ нужнѣе всего деньги». Записку его я доставилъ Попову. Изъ ней и моихъ словъ онъ составилъ пространную записку и передалъ въ III отдѣленіе къ Л. В. Дубельту, тогда

Библиотека "Руниверс"

еще, когда никто не зналъ и не думалъ объ испрошеніи Полевому пенсіи. Послѣ, когда записка Попова пошла въ ходъ, явились тысячи ходатаевъ. Всякій хвалился, что онъ выхлопоталъ Полевому пенсію. Это я слышалъ лично отъ многихъ. Были и такіе, да проститъ имъ Богъ, которые, не стыдясь, показывали свои письма въ доказательство своихъ услугъ Полевому,—тогда, когда ихъ и замысловъ не было. Я знаю, что докладъ о пенсіи Полевому былъ изготовленъ на другой день по поданіи отъ Попова записки. На четвертой день я уже видѣлся съ Полевымъ и поздравлялъ его съ пенсіею. Полевой долго не вѣрилъ моимъ словамъ, побѣжалъ въ комнату къ женѣ и вышелъ съ нею, съ заплаканными глазами. Я знаю, что Полевой писалъ свои записки; онъ самъ мнѣ показывалъ, самъ читалъ ихъ—одну изъ нихъ помню объ И. И. Дмитріевѣ. Хорошо, если-бы Полевой внесъ въ свои записки: о пенсіи, хлопоты усердныхъ покровителей и тѣмъ вывелъ бы на чистую ихъ заслуги. Это самое заставило меня выпросить на память у Попова докладную его записку. Онъ прислалъ мнѣ ее сообственноручную вмѣстѣ съ запискою Ковалькова, гдѣ тоже говорится о Полевомъ. Ковальковъ писалъ свою записку—на памятную записку князя А. Н. Голицына—возвращая ее въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ другими бумагами А. Н. Голицина, за которыми онъ былъ посланъ въ Крымъ.

Н. А. Полеваго сблизилъ съ княземъ А. Н. Голицынымъ Юрій Николаевичъ Бартеневъ. Съ нимъ онъ ѣздилъ въ послѣдніе два года къ князю по вечерамъ, читалъ свои романы и комедіи. Князь полюбилъ Полеваго, входилъ въ его нужды и часто за него ходатайствовалъ. Знаю, что онъ выпрашивалъ ему деньги. Знаю и то, что князь поставилъ въ самое выгодное мнѣніе о Полевомъ того, кѣмъ дорожилъ въ послѣдніе годы Полевой и отъ кого всего надѣялся при жизни и по смерти для семейства. Участіе Голицына видно изъ его памятной записки. Всѣмъ добро, никому зло. Могила все смиряетъ: и страсти, и зло, и добро.

II.

Собственноручная записка Гаврiила Степановича Попова.

Это можетъ васъ интересовать, какъ ваше дѣйствованье; я же считаю г. Полеваго для себя посторонними, хотя не только не жалѣю, но радуюсь, что имѣлъ случай, при вашемъ пособіи, быть ему полезнымъ.

Библиотека "Руниверс"

III.

Нѣкоторыя объяснительныя свѣдѣнія къ памятной запискѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса князя Александра Николаевича Голицына, подписанной его рукою.

Покойный князь принималъ всегда живое участіе въ положеніи г. Полеваго, одного изъ даровитыхъ русскихъ литераторовъ. Исторія Петра Великаго и князя Суворова, имъ написанныя, обратили на себя особое вниманіе покойнаго. Полевой при скудныхъ способахъ достигъ настоящаго своего образованія одною лишь силою твердой воли и любви къ ученью; онъ имѣетъ многочисленное семейство и никакого состоянія. Не одинъ разъ покойный князь предстательствовалъ за него у государя императора—и не одинъ разъ доставлялъ ему пособіе отъ щедротъ монаршихъ.

IV.

Соображенія причинъ и видовъ, какіе князь Александръ Николаевичъ имѣлъ, когда предполагалъ принесть всеподданнѣйшія ходатайства по особой запискѣ.

Князь Александръ Николаевичъ, во время общаго въ Крымѣ и Севастополѣ, весною 1844 года, ожиданія высочайшаго прибытія, утѣшалъ себя надеждою встрѣтить тамъ всемилостивѣйшаго государя и принесть его императорскому величеству свои всеподданнѣйшія ходатайства, которыя и изложилъ въ особой подписанной имъ запискѣ для памяти, оставшейся у князя Козловскаго по его порученію.

Въ этой запискѣ между прочимъ было сказано:

Просить о помощи Н. А. Полевому. Князь Александръ Николаевичъ за два еще года до отъѣзда отсюда узналъ Полеваго и такъ полюбилъ и оцѣнилъ, что не одинъ разъ въ недѣлю призывалъ къ себѣ для чтеній и съ жадностью внималъ особенно первымъ страницамъ, огненнымъ перомъ написаннымъ, пространной исторіи великаго Петра. Сближеніе съ Полевымъ не только не охладилось разлукой, но напротивъ, князь выписывалъ всѣ его сочиненія и, принявъ теплое участіе въ немъ, требовалъ себѣ описанія положенія и обстоятельствъ сего историка-литератора, а получивъ оное, писалъ къ Попову отъ 18-го іюня 1844 года: «Положеніе Полеваго меня трогаетъ, но чтобъ

Библиотека "Руниверс"

съ нѣкоторымъ успѣхомъ дѣйствовать, я не вижу инаго средства, какъ при личномъ свиданіи съ государемъ императоромъ объ немъ просить». Съ сею цѣлію князь имѣлъ въ виду, конечно, образецъ милости монаршей, имъ же въ подобныхъ обстоятельствахъ другому труженику на поприщѣ исторіи и литературы испрошенной отъ щедротъ и великодушія всемилостивѣйшаго государя. Это пенсія—издателю «Русскаго Вѣстника» Глинкѣ по 3 т. ассигн. въ годъ, съ распространеніемъ производства оной, послѣ него, на жену его и дочерей, до смерти послѣдней изъ нихъ.

Здѣсь же прилагается описаніе обстоятельствъ Полеваго, составленное извѣстнымъ Сахаровымъ [1]).

V.

Свѣдѣнія о Полевомъ, собранныя издателемъ «Сказаній русскаго народа», Сахаровымъ.

Николай Алексѣевичъ Полевой, по страсти своей къ наукѣ, самъ образовалъ себя и пріобрѣлъ почетное мѣсто въ ряду современныхъ русскихъ литераторовъ. Сочиненія его многочисленны и разнообразны. Онъ издалъ краткія исторіи: Россіи, Суворова и особенно Петра Великаго, началъ и почти кончилъ подробную исторію сего государя, наконецъ издалъ 6 томовъ исторіи русскаго народа и приготовилъ еще 6 томовъ. На поприщѣ драматургіи болѣе 20-ти его пьесъ поставлено на сцену. «Дѣдушка русскаго флота», «Иголкинъ», «Костромскіе лѣса», «Параша Сибирячка», «Русскій человѣкъ добро помнитъ», «Русскій морякъ», «Ломоновъ» (sic), «Елена Глинская»—заслужили особенное вниманіе по выраженію любви къ отечеству. Критическія разсужденія его о русской литературѣ признаны лучшими въ своемъ родѣ. За труды по званію члена мануфактурнаго совѣта по Московскому отдѣленію награжденъ онъ орденомъ св. Анны 3-го класса, а за литературные избранъ корреспондентомъ Академіи наукъ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Теперь Полевой, на склонѣ лѣтъ, окруженный огромной семьей (четырьмя сыновьями, только что возрастающими, и пятью дочерьми малолѣтними), разстроилъ чрезвычайными усиліями въ трудахъ здоровье свое совершенно и угрожается быть постигнутъ водяною въ груди. Видъ его одинъ, безъ дознанія причинъ, возбуждаетъ

---

[1]) Записка эта вся написана рукою Г. С. Попова и на полѣ листа написано имъ же: дана негласно пенсія въ 1 000 руб. съ обнадеживаніемъ относительно дѣтей.

Библиотека "Руниверс"

состраданіе и внушаетъ участіе при извѣстности, что, по злополучному стеченію обстоятельствъ, никакого запаса въ средствахъ къ существованію на будущность семьи сберечь онъ не могъ; жена его и дочери неминуемо и неизбѣжно, безъ особой помощи, подвергнутся послѣ него стѣсненію, ибо старшій сынъ, обучающійся въ университетѣ, долго еще не возможетъ стать въ опору семьѣ [1]).

VI.

Литографированная записка, подписанная А. А. Краевскимъ.

Н. А. Полевой, принявъ на себя редакцію «Литературной Газеты» въ 1846 году, успѣлъ составить и выдать въ свѣтъ только первые пять нумеровъ ея; шестой и седьмой нумера были изданы уже въ то время, когда тяжкая болѣзнь лишила его всякой возможности чѣмъ-либо заниматься. Наконецъ, 22-го февраля, онъ умеръ, и изданіе газеты прекратилось, какъ потому, что послѣ Н. А. Полеваго не осталось ни денегъ, ни матеріаловъ для продолженія ея, такъ и оттого, что составлять новую редакцію было уже поздно. По смерти Полеваго остались въ совершенной бѣдности вдова и девятеро дѣтей, изъ которыхъ младшему только два года. Требовать съ нихъ денегъ, полученныхъ покойнымъ за «Литературную Газету» и уже истраченныхъ имъ, — невозможно: они были бы не въ силахъ удовлетворить такому требованію. Но чтобъ сколько-нибудь вознаградить подписавшихся на «Литературную Газету» 1846 года за тѣ нумера ея, на которые они имѣютъ право и которые не будутъ изданы, наслѣдники рѣшились разослать гг. подписавшимся по экземпляру оставшейся послѣ Полеваго еще неизданной книги: Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра Великаго съ портретомъ и снимкомъ съ рукописи автора. Эта книга не поступитъ въ продажу, но на нее собирается теперь подписка въ пользу семейства покойнаго Полеваго, и цѣна каждому экземпляру ея назначена 25 руб. сер. Гг. подписавшіеся на «Литературную Газету» 1846 года получатъ эту книгу безденежно тотчасъ по выходѣ ея въ свѣтъ, въ вознагражденіе той суммы, которая доставлена была ими за «Литературную Газету», въ мѣста подписки [2])

Сообщилъ И. Шляпкинъ.

---

[1]) Копія писана рукой Г. С. Попова, какъ помѣчено самимъ И. П. Сахаровымъ.

[2]) Всѣ вышеприведенные документы были покойнымъ И. П. Сахаровымъ сплетены вмѣстѣ, и на заглавномъ листѣ его рукою написано: „Памятныя записки. С.-Петербургъ 1848 года, ноября 7-го, вечеръ, 9 часовъ“. При печатаніи соблюдена орѳографія подлинниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Рескриптъ императрицы Екатерины II князю А. А. Вяземскому, о формѣ одежды въ губерніяхъ для чиновниковъ и дворянства.

23-го октября 1782 г.

Князь Александръ Алексѣевичъ! Я желаю, чтобъ вы именемъ моимъ написали ко всѣмъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, что съ вѣдома моего присвоены каждымъ изъ нихъ для губерніи ему ввѣренной одинакіе цвѣты для платья, то и дозволяется носить такихъ цвѣтовъ платье не только при должностяхъ находящимся, но и всему дворянству той губерніи обоего пола, съ тѣмъ, что могутъ они въ таковомъ одинаковомъ платьѣ имѣть пріѣздъ и въ столицахъ во всѣ публичныя мѣста и ко двору. Увѣрена я, что сіе дозволеніе тѣмъ пріятнѣе всѣмъ будетъ, поколику служитъ оное къ сбереженію собственнаго ихъ достатка, наилучшее и полезнѣйшее и къ отвращенію разорительной роскоши.

Объявленіе объ одеждѣ придворныхъ дамъ.

24-го октября 1782 г.

Ея императорское величество высочайше указать соизволила объявить госпожамъ: оберъ-гофъ-мейстеринѣ, статсъ-дамамъ, фрейлинамъ и прочимъ двора ея величества, чтобъ на платьяхъ ихъ никакихъ накладокъ изъ разныхъ лоскутковъ сдѣланныхъ и шире двухъ вершковъ не носили. Ея величеству угодно, впрочемъ, будетъ, когда онѣ, такъ и другіе дамы, коимъ пріѣздъ ко двору ея величества дозволенъ, наблюдая болѣе простоту и умѣренность въ образѣ одежды ихъ, не станутъ употреблять такихъ вещей, коимъ одна только новость даетъ всю цѣну; равнымъ образомъ и на головѣ уборы носить не выше двухъ вершковъ, разумѣя отъ лба.

Библиотека "Руниверс"

ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ,

отъ

Москвы до Красной Пахры.

II [1]).

Два наши войска окончили знаменитое фланговое движеніе и стали при Тарутинѣ, чтобы по слову вождя не двигаться уже ни шагу на з а п а д ъ, какъ главнокомандующій Барклай-де-Толли оставилъ армію и недолго спустя послѣ его отъѣзда послѣдовалъ за нимъ и генералъ Беннигсенъ.

Что̀ заставило оставить армію генерала Барклая, оказавшаго такія заслуги Россіи, блистательнымъ образомъ его дѣйствій во время Бородинской битвы и дѣятельнымъ участіемъ во время отступленія нашихъ войскъ и особенно въ ихъ переходѣ по Москвѣ? Безъ сомнѣнія, не болѣзнь, хотя онъ и былъ въ это время нездоровъ, но это нездоровье или лучше сказать утомленіе послѣ столькихъ трудовъ и подвиговъ, перенесенныхъ имъ съ высокимъ самоотверженіемъ, въ то время было таково, что оно имъ заявлено только въ прошеніи объ отпускѣ, а затѣмъ о немъ и помину не было.

«При самомъ отъѣздѣ изъ лагеря я слышалъ замѣчательныя слова, отъ Барклая—говоритъ одинъ изъ его адъютантовъ, бар. Левенштернъ [2]). Обыкновенно сосредоточенный въ себѣ, говорившій краткими словами и привыкшій къ короткимъ военнымъ приказаніямъ, человѣкъ вдругъ разговорился съ одушевленіемъ».

---

[1]) См. Русскую Старину, іюнь 1897 г.

[2]) Denkwüdigkeite eines Livländers ч. I. ст. 246 и 247.

Библиотека "Руниверс"

— Въ настоящее время — говорилъ Барклай — все противъ меня, и я долженъ покориться моей судьбѣ; но я предвижу болѣе благопріятное время въ будущемъ; когда сообразятъ все, что произошло, тогда воздадутъ мнѣ справедливость. Я взвезъ экипажъ на гору, съ ея вершины онъ уже покатится самъ собою при незначительномъ пособіи. Лучшая часть моей роли остается на долю князя, и я готовъ бы принять въ ней участіе, оставаясь простымъ начальникомъ моего егерскаго полка, если бы только это было возможно. Но я вижу, что мое здѣсь присутствіе производитъ несогласія и раздоры и можетъ возбудить ихъ въ войскахъ. Мое дѣло сдѣлано; вотъ мой памятникъ — хорошо поддержанное, всѣмъ снабженное и готовое къ бою войско; а передъ нимъ непріятель съ разстроенными силами, неувѣренный въ самомъ себѣ и который можетъ сдѣлаться игрушкой нашей воли. Прощайте, любезный Левенштернъ, я радъ, что при этомъ случаѣ могу вамъ объявить, что по моему представленію, за Бородинское сраженіе вы произведены въ подполковники.

Въ этихъ словахъ выражалась дѣйствительная причина, вынудившая Барклая удалиться изъ Тарутинскаго лагеря.

Неудача первоначальнаго плана военныхъ дѣйствій, послужившаго поводомъ къ необходимости соединить обѣ западныя арміи, уже ставила лично Барклая-де-Толли въ затруднительное положеніе. Хотя главнокомандованіе надъ обѣими арміями и принадлежало ему, однако же кн. Багратіонъ былъ также главнокомандующимъ, его армія составляла отдѣльное цѣлое съ своимъ особымъ штабомъ. Онъ былъ старше Барклая по службѣ, имѣлъ бо́льшую извѣстность, какъ военный человѣкъ, и совершенно иначе смотрѣлъ на способъ военныхъ дѣйствій. Всѣ эти обстоятельства дѣлали для него весьма тяжелою его подчиненность Барклаю, хотя онъ и дѣлалъ это во имя долга.

Но еще тяжелѣе должна быть такая вынужденная обстоятельствами подчиненность кн. Багратіона для самого Барклая. Она не могла не стѣснять свободы его дѣйствій, а различные взгляды ихъ обоихъ на способъ веденія войны поселяли между ними рознь, которая разжигалась и усиливалась штабами обѣихъ армій, одушевляемыхъ соперничествомъ другъ съ другомъ, а иногда и враждою.

Съ назначеніемъ кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями, положеніе Барклая сдѣлалось еще затруднительнѣе. Онъ терялъ первенствующее значеніе въ отношеніи второй арміи и становился въ одинаковое положеніе съ кн. Багратіономъ, хотя отдѣльное управленіе первою арміею съ ея особымъ штабомъ и оставалось при немъ. Если бы князь Кутузовъ нашелъ при арміи одного главнокомандующаго Барклая, то онъ самою силою обстоятельствъ былъ бы поставленъ въ положеніе его помощника и ближайшаго совѣтника, съ которымъ, безъ со-

Библиотека "Руниверс"

мнѣнія, для него легче было бы примириться, а умному и опытному кн. Кутузову представился бы удобный случай съ пользою для общаго дѣла воспользоваться службою Барклая; но рядомъ съ нимъ былъ другой главнокомандующій, кн. Багратіонъ, котораго положеніе не измѣнялось отъ назначенія новаго главнокомандующаго, а даже улучшалось: онъ подчинялся не Барклаю, но кн. Кутузову, старшему въ отношеніи къ нему и никакъ не менѣе его пользовавшемуся извѣстностію, и при томъ главнокомандующему в с ѣ м и арміями, а не одною первою западною. Слѣдовательно въ какой мѣрѣ выигрывало положеніе кн. Багратіона, въ той мѣрѣ ухудшилось положеніе Барклая; сверхъ того непосредственно его отношеніе къ кн. Кутузову стѣснялось и ограничивалось новымъ лицомъ, по самому своему положенію и личнымъ качествамъ ставшимъ[1] между ними,—начальникомъ штаба кн. Кутузова, генераломъ Беннигсеномъ, который считалъ себя достойнымъ и способнымъ имѣть не второстепенное, но первенствующее значеніе. Такимъ образомъ сила обстоятельствъ поставила Барклая почти въ то же положеніе, въ которомъ находились начальники отдѣльныхъ отрядовъ и даже корпусные командиры. Какою бы силою самоотверженія онъ ни обладалъ, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что подобное положеніе было крайне тяжело для него.

Получивъ извѣстіе о назначеніи главнокомандующимъ кн. Кутузова, наканунѣ его прибытія въ Гжатскъ, Барклай писалъ къ государю: «Каждый вѣрный подданный и ревностный слуга своего монарха и отечества долженъ исполниться чувствами истинной радости, получивъ извѣстіе о назначеніи главнокомандующаго в с ѣ м и арміями, облеченнаго властью направлять ихъ дѣйствія къ одной общей цѣли. Благоволите, государь, принять выраженія этихъ чувствъ радости, которыми и я проникнутъ. Искренно желаю, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣренію вашего величества. Что касается до меня, то я ничего другаго не желаю, какъ доказать пожертвованіемъ моей жизни всю мою готовность служить отечеству въ какомъ бы то ни было званіи и какія бы обязанности на меня возложены ни были. Умоляю ваше величество не думать, чтобы мое донесеніе было вызвано испуганнымъ самолюбіемъ, потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ было бы измѣною не чувствовать всей опасности, которая угрожаетъ отечеству, и не видать необходимости все принесть ему въ жертву. Вы удостоили меня высокой довѣренности, и это даетъ мнѣ смѣлость говорить вамъ съ полною откровенностію. Въ качествѣ главнокомандующаго, подчиненнаго кн. Кутузову, я знаю мои обязанности и въ точности ихъ исполню.

«Однакоже, мнѣ еще неизвѣстно, въ какихъ я буду находиться съ нимъ отношеніяхъ въ качествѣ военнаго министра. Можетъ быть, государь, мнѣ позволено будетъ приписать благорасположеніе вашего вели-

Библиотека "Руниверс"

чества, еще продолжающимся, къ тому, кто прежде пользовался полною вашею довѣренностію, что вы оставили нерѣшеннымъ этотъ вопросъ и не ввѣрили управленіе военнымъ министерствомъ другому лицу. Я позволю себѣ настоятельно умолять ваше величество не останавливать ни на минуту вашего вниманія на этомъ обстоятельствѣ, имѣя въ виду единственно пользу службы. Вамъ извѣстны мои взгляды въ этомъ отношеніи еще до начала войны. Они съ тѣхъ поръ не измѣнялись; напротивъ, при настоящихъ обстоятельствахъ они сдѣлались еще тверже. Примите, государь, эти выраженія, какъ доказательства полной довѣренности и безпредѣльной преданности къ священной особѣ своего государя со стороны покорнаго подданнаго, который единственно желаетъ съ пользою служить своему монарху.

«Въ настоящее время я не хочу говорить, къ какимъ бы послѣдствіямъ вскорѣ привели военныя дѣйствія тѣхъ войскъ, которыя мнѣ были ввѣрены. Успѣхъ послужитъ доказательствомъ, могъ ли я сдѣлать что нибудь лучшее для спасенія отечества. Если бы мною руководило слѣпое и безумное самолюбіе, то ваше величество получили бы множество донесеній о сраженіяхъ, а непріятель, между тѣмъ, былъ бы подъ стѣнами Москвы и не было бы достаточно силъ противостоять ему[1])».

Это письмо очень ясно выражаетъ тревожное состояніе духа, въ которомъ находился и не могъ не находиться въ это время генералъ Барклай. Безъ сомнѣнія, болѣе всего его волновала мысль, не лишится ли онъ довѣренности и расположенія императора, которыми до этого времени пользовался въ полной мѣрѣ.

Его самолюбіе было и не могло не быть оскорблено. Степень этого оскорбленія показываетъ именно то обстоятельство, что онъ не могъ скрыть, и выразилъ его въ приведенномъ письмѣ, придираясь къ званію своему, какъ военнаго министра, хотя зналъ, что носилъ это званіе лишь по имени, и не управлялъ и не могъ управлять министерствомъ.

Быть можетъ, въ то время, когда онъ писалъ это письмо, ему уже были извѣстны предположенія того комитета, который предложилъ государю назначить кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями, предоставивъ единственно ему всѣ права, съ этимъ званіемъ соединенныя, на основаніи «Уложенія о большой дѣйствующей арміи». Въ докладѣ этого комитета, представленномъ императору, сказано: «военному же министру Барклай-де-Толли полагаютъ предоставить на волю остаться при дѣйствующихъ арміяхъ подъ командою кн. Кутузова, но въ такомъ случаѣ сложить ему званіе и управленіе военнаго министерства. Въ противномъ случаѣ предоставить его волѣ сдать командованіе первою западною арміею, кому отъ князя Кутузова приказано

[1]) Письмо Барклая изъ глав. квартиры 16-го ав. 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

будетъ, а ему возвратиться по должности военнаго министра въ Петербургъ». Въ заключеніи же доклада выражена мысль, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ—«слѣдуетъ уволить его отъ званія военнаго министра и поручить полное управленіе симъ министерствомъ управляющему уже и нынѣ департаментами онаго генералъ-лейтенанту князю Горчакову». Предложеніе комитета о назначеніи князя Кутузова было принято императоромъ и немедленно исполнено; но увольненіе Барклая отъ должности военнаго министра состоялось гораздо позднѣе, когда императоръ получилъ отъ него приведенное выше письмо [1]). Очевидно императоръ хотѣлъ поступить въ этомъ случаѣ согласно съ желаніемъ самого Барклая, поэтому въ рескриптѣ сказано: «вслѣдствіе рапорта вашего отъ 16-го августа, нахожу ваши военныя занятія при арміи столь важными и многотрудными, что полагаю исполненіе должности военнаго министра невозможнымъ по совершенному недостатку времени, а равно по отдаленію, въ которомъ вы находитесь отъ меня».

Но если Барклаю не были извѣстны предложенія на его счетъ чрезвычайнаго комитета, то изъ рескрипта ему онъ видѣлъ о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ, и въ которомъ предписывалось ему съ первою арміею состоять въ точной его командѣ». Изъ этого онъ могъ понять, что желаніе государя состоитъ въ томъ, чтобы онъ оставался при арміи. Этотъ рескриптъ оканчивался слѣдующими словами: «я увѣренъ, что любовь ваша къ отечеству и усердіе къ службѣ откроютъ вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ, которыя мнѣ весьма пріятно будетъ отличать подлежащими наградами».

При такомъ положеніи вещей генералу Барклаю ничего не оставалось, какъ выносить дѣйствительно тяжелое положеніе, которое волею и неволею должны были ему напоминать окружавшіе прежде лица: ихъ отношенія къ нему, безъ сомнѣнія, измѣнились. До какой степени ему казалось его положеніе тяжелымъ, что смерть онъ считалъ единственнымъ выходомъ изъ него, и дѣйствительно искалъ ее при Бородинѣ. Оставался же онъ въ арміи не по своему убѣжденію, но вслѣдствіе давленія внѣшней силы—воли государя. Подобное состояніе духа могло возбудить храбрость и пренебреженіе къ опасностямъ, но едва-ли способствовало распорядительности во время большихъ кровопролитныхъ сраженій.

Послѣ оставленія Москвы и отступленія войскъ къ Тарутину, значительныя потери въ войскахъ, особенно во второй арміи послѣ сраженія

---

[1]) Журналъ чрезвычайнаго комитета былъ 5-го августа. Рескриптъ князю Кутузову, указъ о немъ Сенату и отношенія къ Барклаю, князю Багратіону, Тормосову и Чичагову—8-го августа; рескриптъ же Барклаю объ увольненіи отъ должности военнаго министра и указъ сенату—24-го августа.

Библиотека "Руниверс"

при Бородинѣ, выбытіе за ранами ея главнокомандующаго и начальника штаба послужило поводомъ князю Кутузову упростить многосложное управленіе двумя арміями, на самомъ дѣлѣ находившимися въ полномъ соединеніи и считавшимися раздѣленными только потому, что каждая имѣла свой штабъ съ отдѣльнымъ начальникомъ и своего главнокомандующаго. Приказомъ отъ 16-го сентября Кутузовъ соединилъ обѣ арміи, оставивъ главнокомандующимъ Барклая-де-Толли и начальникомъ штаба генерала Ермолова. Какое же значеніе могъ имѣть, такъ сказать, второстепенный главнокомандующій, не облеченный никакою властію и не имѣвшій никакихъ обязанностей? Какое значеніе могъ имѣть его штабъ съ особымъ начальникомъ, когда при князѣ Кутузовѣ начальникомъ штаба былъ генералъ бар. Беннигсенъ, да сверхъ того назначенъ былъ дежурнымъ генераломъ генералъ Коновницынъ, котораго обязанности смѣшивались съ обязанностями начальниковъ штабовъ? Генералъ Ермоловъ немедленно понялъ свое положеніе и нѣсколько разъ просилъ уволить его отъ занимаемой имъ только по имени должности. Но князь Кутузовъ не отвѣчалъ на эти просьбы, и весьма естественно потому, что, уничтожая должность начальника штаба первой арміи, онъ тѣмъ самымъ лишалъ Барклая послѣдней принадлежности званія главнокомандующаго, низводя его въ ряды всѣхъ другихъ подчиненныхъ ему генераловъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ не желалъ дать предлога Барклаю говорить впослѣдствіи, что его удалили изъ арміи. Между тѣмъ за это-то званіе и держался Барклай и, за послѣдовавшей только перемѣной, рѣшился оставить армію.

Въ сущности новыя распоряженія князя Кутузова весьма мало измѣняли его положеніе, но это была послѣдняя капля, по выраженію одного изъ современниковъ, переполнившая и такъ уже полный до краевъ сосудъ. Положеніе Барклая такъ было исключительно и такъ тяжело, что едва-ли безпристрастное потомство могло бы строго осуждать его поступокъ; но удаленіе его изъ арміи сопровождалось нѣкоторыми особенными обстоятельствами.

22-го сентября онъ подалъ прошеніе кн. Кутузову объ отпускѣ и немедленно его получилъ, какъ самъ извѣщаетъ въ тотъ же день императора. Онъ говорилъ, что оставляетъ войска по случаю разстроеннаго здоровья, ѣдетъ въ Калугу, гдѣ будетъ лечиться, и потомъ въ Тулу, гдѣ остановится въ ожиданіи «высочайшихъ о немъ распоряженій». Но къ этому прошенію онъ присовокупилъ слѣдующее письмо къ князю [1]): «Съ сердцемъ, исполненнымъ горести, я былъ принужденъ, какъ по причинѣ разстроеннаго здоровья, такъ и по обстоятельствамъ, которыя буду имѣть честь объяснить, усердно просить вашу свѣтлость

[1]) Письмо Барклая отъ 21-го сентября 1812 года въ Тарутинскомъ лагерѣ.

Библиотека "Руниверс"

взбавить меня отъ командованія арміею. Рѣшимость оставить армію, съ которой я желалъ жить и умереть, мнѣ стоитъ многихъ сожалѣній. Но я считалъ это своею обязанностію для пользы службы моему государю и для личнаго моего успокоенія просить, какъ милости, позволенія удалиться. Во время рѣшительное, когда грозная опасность отечества вынуждаетъ отстранить всякія личности, вы позволите мнѣ, князь, говорить вамъ со всею искренностію и обратить ваше вниманіе на все дурное, которое незамѣтно вкралось въ армію или безъ вашего соизволенья, или не могло быть вами замѣчено. Управленіе арміею, такъ хорошо установленное, въ настоящее время не существуетъ. Ваша свѣтлость начальствуете и даете приказанія, но генералъ Беннигсенъ, и всѣ тѣ, которые васъ окружаютъ, также даютъ приказанія и отдѣляютъ по своему произволу отряды войскъ, такъ что тотъ, кто носитъ названіе главнокомандующаго, и его штабъ не имѣютъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній до такой степени, что въ послѣднее время я долженъ былъ за полученіемъ свѣдѣній о различныхъ войскахъ, которыя были отдѣлены отъ первой арміи, обратиться къ вашему дежурному генералу, но и онъ самъ ничего не зналъ. Чтобы узнать, гдѣ находятся казаки этой арміи, отнеслись къ генералу Платову, но и онъ ничего не зналъ. На этихъ дняхъ мнѣ былъ присланъ приказъ отдѣлить часть кавалеріи для подкрѣпленія аріергарда и при этомъ забыли, что вся кавалерія, не исключая кирасиръ, уже была отдѣлена, о чемъ меня даже и не увѣдомили. Квартирмейстерская часть совершенно разстроена, потому что нѣтъ генерала-квартирмейстера, сегодня это Толь, завтра Нейдгардтъ, на другой день И. Хоментовскій и прочіе исправляютъ эту должность, и всѣ офицеры этой части, которые были распредѣлены между главною квартирою и различными корпусами и каждый изъ нихъ имѣлъ свое назначеніе, составляютъ теперь свиту ген. Беннигсена, который употребляетъ ихъ такъ, что недавно никто не зналъ, по какой идти дорогѣ и гдѣ остановиться. Обѣ арміи, зная только, что надо слѣдовать большою дорогою, шли безъ порядка; экипажи, артиллерія, кавалерія, пѣхота, часто изломанные мосты останавливали движеніе, о починкѣ которыхъ не прилагалось никакихъ стараній. Приходя, послѣ утомительнаго перехода, на назначенное мѣсто, войска бродили остатокъ дня вправо и влѣво, не зная, гдѣ остановиться, и наконецъ останавливались по сторонамъ большой дороги въ колоннахъ, безъ биваковъ и продовольствія; я самъ за нѣсколько дней тому назадъ не имѣлъ при себѣ никого изъ квартирмейстерскаго корпуса, который могъ бы дать мнѣ свѣдѣнія о переходахъ и стоянкахъ.

«Корпусъ путей сообщенія, образованный при арміи для наблюденія за дорогами и мостами, и который, подъ начальствомъ полковника Манфреда, прекрасно исполнялъ свои обязанности, отдѣленъ отъ арміи; ге-

Библиотека "Руниверс"

нералъ Беннигсенъ отдалъ его подъ начальство генерала Ивашева, присоединивъ къ нему и всѣхъ піонеровъ обѣихъ армій, 500 человѣкъ конныхъ и 2000 пѣшихъ ополченцевъ и, несмотря на то, по пути нѣтъ ни мостовъ, ни приготовленныхъ дорогъ, а старые офицеры этого корпуса или уволены, или разосланы, такъ что я ничего объ этомъ не знаю, хотя они и принадлежатъ къ арміи. Двѣ-трети арміи со всею кавалеріею, хотя она такъ разстроена, что не можетъ болѣе служить, находятся въ аріергардѣ и исключены изъ всякой зависимости отъ главнокомандующаго арміею, потому что они получаютъ приказанія только отъ генерала Беннигсена и ему представляютъ донесенія, и я долженъ иногда выпрашивать, такъ сказать, какъ милостыни, свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ аріергардѣ.

«Три раза въ одинъ день отдаются приказанія атаковать непріятельскіе аванпосты и три раза отмѣняются. Наконецъ приводятся безполезно въ исполненіе около вечера безъ цѣли и основанія, потому что ночь заставляетъ прекратить дѣйствія. Подобные поступки заставляютъ опасаться, что армія потеряетъ всякое довѣріе къ своимъ начальникамъ и даже храбрость.

«Вотъ, князь, вѣрная картина арміи, положеніе того, кто послѣ заслугъ, оказанныхъ отечеству, находится въ несчастномъ состояніи подпасть отвѣтственности и страдать за всѣ дурныя послѣдствія, которыя онъ предвидѣлъ и не имѣлъ никакой власти предупредить ихъ.

«При этихъ обстоятельствахъ, которыя еще усиливаетъ враждебная партія своимъ смертельнымъ ядомъ, когда величайшее несчастіе можетъ послѣдовать для арміи, пользы службы требуютъ, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, не ронять достоинства главнокомандующаго. Моя честь, мое имя вынуждаютъ меня, какъ честнаго человѣка, на этотъ рѣшительный шагъ. Армія, которая находится не подъ начальствомъ о д н о г о, но многихъ, не можетъ не приблизиться къ совершенному разложенію.

«Всѣ эти обстоятельства въ совокупности разстроили мое здоровье и сдѣлали меня неспособнымъ продолжать службу».

Переустройство арміи, послѣ потерь, понесенныхъ ею въ Бородинскомъ сраженіи, постоянно составляло предметъ внимательныхъ заботъ не только кн. Кутузова, но и самого императора, принимавшаго неутомимое участіе во всемъ ходѣ дѣлъ. Предлагая различныя мѣры въ этомъ отношеніи кн. Кутузову, онъ предусматривалъ необходимость соединенія двухъ западныхъ армій въ одну. Увольняя генерала Тормосова, по желанію адмирала Чичагова, отъ начальства ввѣренною ему арміею, онъ писалъ къ нему, что по случаю раны, полученной кн. Багратіономъ «въ значительной побѣдѣ, одержанной надъ императоромъ Наполеономъ генераломъ-фельдмаршаломъ кн. Кутузовымъ подъ Боро-

Библиотека "Руниверс"

данымъ», онъ считаетъ перемѣщеніе его въ 2-ю армію необходимымъ [1]). Въ то же время императоръ писалъ кн. Кутузову, что «приближеніе храброй молдавской арміи по соединеніи съ третьею западною и важность настоящихъ обстоятельствъ заставляетъ меня обратить вниманіе на необходимость, чтобы одинъ начальникъ ими руководствовалъ. Изъ двухъ, по искренности съ вами, признаю способнѣе адмирала Чичагова по рѣшительности его характера. Но не хочу я огорчать генерала Тормосова и потому нахожу приличнѣе вызвать его къ арміямъ, вами предводительствуемымъ, какъ-бы по случаю раны кн. Багратіона. По пріѣздѣ же генерала Тормосова отъ васъ будетъ зависѣть употребить его по вашему усмотрѣнію, и убыль, происшедшая въ достопамятномъ сраженіи подъ Бородинымъ во второй арміи, можетъ вамъ служить предлогомъ уже не раздѣлять сихъ двухъ армій на-двое, а почитать за одну. Тогда генералу Тормосову можете ввѣрить резервы или другую часть по вашему усмотрѣнію [2])».

Тяжелое положеніе, въ которомъ находился Барклай, видѣвшій повсюду личныхъ своихъ завистниковъ и недоброжелателей, всѣми способами старающихся его унизить и оклеветать, еще могло бы объяснить и оправдать его письмо къ кн. Кутузову, который, читая его, конечно не могъ не понять его значенія, но не могъ, однако же, и не замѣтить доли правды особенно въ отношеніи къ образу дѣйствій барона Беннигсена. Но это письмо есть только выписка имъ того донесенія, которое въ то же время Барклай отправилъ къ императору. «Я не нахожу выраженій, писалъ онъ государю, чтобы описать ту глубокую скорбь, которая точитъ мое сердце, когда я нахожусь вынужденнымъ оставить армію, съ которой я хотѣлъ и жить, и умереть. Если бы не болѣзненное мое состояніе, то усталость и нравственныя тревоги должны меня принудить къ этому. Настоящія обстоятельства и способъ управленія этою храброю арміею ставятъ меня въ невозможность съ пользою дѣйствовать для службы, однимъ словомъ дѣлаютъ меня совершенно безполезнымъ для арміи. Эти только обстоятельства могутъ оправдать мой поступокъ въ глазахъ всякаго безпристрастнаго судьи.

«Послѣ того, что я перенесъ, государь, и что дѣлается въ арміи, которой я называюсь главнокомандующимъ, не будучи имъ на самомъ дѣлѣ, потому что дюжина лицъ ею командуетъ,—мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы получить окончательную отставку отъ службы. Я умоляю ваше величество сдѣлать мнѣ это благодѣяніе, какъ единственную милость, которую прошу себѣ. Если вы когда-нибудь со-

---

[1]) Два рескрипта императора кн. Кутузову отъ 1-го сент. 1812 г. Рескриптъ императора Тормосову отъ 1-го сент. 1812 г.

[2]) Рескриптъ кн. Кутузову 1-го сент. 1812 г.

Библиотека "Руниверс"

чтете полезнымъ воспользоваться моею службою, то благоволите дать мнѣ назначеніе не въ этой арміи, которая при настоящемъ состояніи дѣлъ находится не подъ моимъ начальствомъ, но подъ начальствомъ неопытныхъ лицъ, причисленныхъ къ свитѣ двухъ слабыхъ стариковъ, которые не знаютъ другаго высшаго блага, какъ только удовлетвореніе своего самолюбія, изъ которыхъ одинъ, довольный тѣмъ, что достигъ крайней цѣли своихъ желаній, проводитъ время въ совершенномъ бездѣйствіи, и которымъ руководятъ всѣ молодые люди, его окружающіе; другой—разбойникъ, котораго присутствіе втайнѣ тяготитъ перваго, производитъ только зло своею нерѣшимостію и путаницею, которую водворяетъ во всѣхъ частяхъ управленія войсками. Впрочемъ, оба весьма довольны тѣмъ, что видятъ во мнѣ лицо, на которое можно свалить отвѣтственность за всѣ могущія послѣдовать несчастія».

Въ письмѣ къ кн. Кутузову въ бѣдственномъ, по его мнѣнію, состояніи арміи Барклай не прямо его обвиняетъ, но говоритъ, что она пришла въ это положеніе независимо отъ него, и онъ лишь не замѣчаетъ этого. Вся вина сваливается по преимуществу на б. Беннигсена. Въ приведенныхъ же словахъ изъ донесенія государю онъ уже прямо и Кутузова, и Беннигсена одинаково считаетъ неспособными начальствовать арміями и строго осуждаетъ всѣ ихъ распоряженія. «Напоминивъ съ успѣхомъ самое благоразумное и самое смѣлое движеніе на Калужскую дорогу,—говоритъ онъ далѣе въ томъ же донесеніи,—пропустили самое благопріятное время нанести непріятелю чувствительный ударъ, который, можетъ быть, заставилъ бы его оставить Москву, т. е. дѣйствовать на линію его сообщеній съ Смоленскомъ. Туда отправили генерала Дорохова, который въ нѣсколько дней сдѣлалъ очень много, но отозвавъ его назадъ—вслѣдствіе тревоги, которую произвели движенія непріятеля на лѣвомъ нашемъ флангѣ, совершенно потеряли изъ виду эту важную задачу. Я предлагалъ немедленно отправить туда генерала Орлова-Денисова съ многими казацкими полками, но на мое предложеніе и не обратили вниманія. Наконецъ, послѣ многихъ настояній съ моей стороны, 19-го сентября послали туда полковника кн. Вадбольскаго съ четырьмя эскадронами гусаровъ и пятьюстами казаковъ; но это ни къ чему не привело, потому, во 1-хъ, что мы находимся теперь въ 80 верстахъ отъ дороги въ Можайскъ, а на такое пространство чрезвычайно трудно распространять дѣйствія, особенно когда непріятель уже принялъ предосторожности; а во 2-хъ, полковникъ Вадбольскій неспособенъ на то, чтобы ему можно было поручить такую экспедицію. Онъ одинъ изъ весьма храбрыхъ офицеровъ, но онъ неспособенъ начальствовать въ такомъ предпріятіи, которое требуетъ большаго умѣнья и смѣтливости.

«Въ то время, когда намъ слѣдовало начать наступательныя дѣйствія,

Библиотека "Руниверс"

мы продолжали свое отступленіе, имѣя передъ собой лишь непріятельскій авангардъ.

«Мы удаляемся на такое разстояніе, что теряемъ изъ виду главныя силы непріятеля; онъ забавляетъ насъ только своимъ авангардомъ, выигрывая время, чтобы усилить и устроить свои войска. Онъ получитъ даже возможность устроить части своей арміи по квартирамъ. Но что меня особенно безпокоитъ—это то, что непріятель можетъ прогнать генерала Винценгероде и двинуть сильную колонну до Твери, гдѣ онъ найдетъ большіе магазины, или, чтобы прикрыть свои сообщенія съ Смоленскомъ, онъ овладѣетъ Московскою дорогою чрезъ Боровскъ и Калугу и принудитъ насъ къ дальнѣйшему отступленію. По крайней мѣрѣ онъ сдѣлаетъ слишкомъ затруднительнымъ прямое сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ, что я считаю предметомъ крайней важности».

Донося, что по три раза въ день даются и отмѣняются приказанія напасть на непріятельскіе аванпосты, Барклай-де-Толли заключаетъ: «Всѣ эти дѣйствія доказываютъ, что начальство надъ войсками очень плохо. Я не считаю нужнымъ упоминать о Бородинскомъ сраженіи, чтобы доказать эту истину. Что касается до меня, то я выставленъ лжецомъ передъ войсками, которыя питали всегда ко мнѣ величайшее довѣріе. Когда мы повернули уже нашъ походъ съ Рязанской дороги, чтобы перейти на Калужскую, о б р а д о в а н н ы й, ч т о н а к о н е ц ъ р ѣ ш и л и с ь н а э т о д в и ж е н і е, я говорилъ рѣчь войскамъ, я обѣщалъ имъ, что непріятель въ непродолжительномъ времени будетъ поставленъ въ совершенную необходимость или сражаться до послѣдней крайности, или искать своего спасенія въ быстромъ отступленіи; я предупреждалъ ихъ, чтобы они приготовлялись къ битвамъ и блестящимъ успѣхамъ. Несмотря на все это, они даже не видятъ передъ собою непріятеля, передъ которымъ отступаютъ. Таково, государь, вѣрное описаніе положенія вашихъ войскъ и того, кто ими до сихъ поръ командовалъ, и который, оказавъ заслуги государству, находится въ несчастной необходимости сдѣлаться отвѣтственнымъ лицомъ и страдать за всѣ дурныя послѣдствія, которыя онъ предвидитъ и которыхъ не имѣетъ власти предупредить. Я избѣгалъ генеральнаго сраженія до извѣстнаго времени, по началамъ зрѣло разсчитаннымъ, и я строго держался этихъ началъ, смѣясь надъ всѣмъ, что говорилось противъ моихъ соображеній, и, наконецъ, я далъ бы сраженіе, но передъ Гжатскомъ—при Царевѣ-Займищѣ. Я убѣжденъ, что побилъ бы непріятеля, потому что сраженіе было бы дано въ порядкѣ и командовалъ бы только одинъ. Мои резервы оставались бы нетронутыми до послѣдней минуты, и если бы даже испыталъ неудачу, то никогда бы непріятель не занялъ Москвы, потому что я направилъ бы мое отступленіе не на Москву, а на Калугу, сосредоточивъ всѣ ополченія въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

«Простите, государь, что осмѣливаюсь безпокоить васъ этими подробностями. Добросовѣстно исполнивъ мои обязанности въ отношеніи къ обожаемому монарху и любимому отечеству, я бы считалъ себя несчастливымъ, если-бъ мнѣніе обо мнѣ помрачилось въ глазахъ моего государя, потому что это было бы одно изъ величайшихъ несчастій, которому могъ подвергнуться человѣкъ честный и съ правилами. Ваше величество можете быть увѣреннымъ, что, представляя вамъ чистую истину, я не могу, въ настоящемъ моемъ положеніи, имѣть иного желанія, какъ быть вамъ еще разъ полезнымъ и спасти, если возможно, мое доброе имя по совѣсти. Примите, государь, глубочайшее почитаніе со стороны того, кто, будучи даже не вмѣстѣ, не перестаетъ вамъ говорить со всею откровенностью, и который до послѣдняго дыханія жизни сохранитъ воспоминаніе того благорасположенія, которымъ нѣкогда его вы дѣлали счастливымъ, точно такъ же, какъ и безграничной къ вамъ преданности» [1]).

Устраняясь отъ всякой оцѣнки военныхъ соображеній, вовсе не входящую въ задачу нашего сочиненія, не можемъ, однако же, не замѣтить того разлада между лицами, которыя должны были или могли принимать въ нихъ участіе. Этотъ разладъ выразился въ томъ, что каждое удачное соображеніе, каждое удачное дѣйствіе многіе желали приписать себѣ. Мысль о знаменитомъ фланговомъ движеніи, совершенномъ фельдмаршаломъ отъ Москвы на Калужскую дорогу, одни приписывали Бенигсену, другіе Толлю. Барклай-де-Толли не могъ прямо себѣ приписывать этой мысли уже потому, что въ военномъ совѣтѣ, въ Филяхъ, предлагалъ отступленіе «на Владиміръ, съ цѣлью сохранить сообщеніе съ Петербургомъ, гдѣ находилась царская фамилія». Но тѣмъ не менѣе онъ выражается такъ неопредѣленно, что заставляетъ предполагать, что если не ему принадлежитъ самая мысль, то несомнѣнно успѣшное ея исполненіе зависѣло много отъ него. Въ приведенномъ письмѣ къ императору онъ называетъ это движеніе *самымъ благоразумнымъ и самымъ смѣлымъ*. Въ запискѣ о дѣйствіяхъ первой арміи, представленной имъ впослѣдствіи государю, онъ говорилъ: «Сіе движеніе есть важнѣйшее и приличнѣйшее, по обстоятельствамъ, изъ всѣхъ совершенныхъ со времени прибытія князя. Сіе дѣйствіе доставило намъ возможность довершить войну совершеннымъ истребленіемъ непріятеля».

Но Барклай-де-Толли не принималъ уже участія въ великихъ послѣдствіяхъ этого движенія. «Тѣмъ не менѣе,—говоритъ онъ далѣе,—удостовѣреніе (т. е., что съ Рязанской дороги рѣшено было перейти на Калужскую) столь для меня успокоительное, что было въ состояніи

[1]) Письмо Барклая къ императору изъ Калуги, 24-го сентября 1812 г.

Библиотека "Руниверс"

облегчить болѣзненное состояніе, изнурявшее меня съ самаго Бородина. Невзирая на униженія, ежедневно меня угнетавшія, невзирая даже на обидную, ничего незначащую должность, исполняемую мною въ арміи, я единственно помышлялъ о непремѣнномъ уничтоженіи непріятеля. Я предложилъ князю занять позицію на Калужской дорогѣ,— не говорю о старой, но о такъ называемой новой дорогѣ. Сей позиціи надлежало быть сильно окопанной для отраженія всей непріятельской силы съ двумя-третями арміи; прочая часть оной отрядилась бы влѣво, для пресѣченія непріятелю всякаго сообщенія съ Смоленскомъ и Витебскомъ. Князь одобрилъ сію мысль».

Въ высшей степени учтиво обходившійся со всѣми князь Кутузовъ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени и чрезвычайно благодушный, усиливалъ эти качества своего характера къ тѣмъ, которые, какъ Барклай-де-Толли, поставлены были силою обстоятельствъ и своимъ собственнымъ непониманіемъ ихъ значенія въ тяжелое положеніе, конечно, не могъ не одобрить мысли, подходящей къ его собственной, для того, чтобы сказать ласковое слово своему совѣтнику. Это согласіе князя Кутузова и поворотъ движенія войскъ съ Рязанской дороги на Калужскую успокоительно подѣйствовали на Барклая, какъ онъ говоритъ, давая понять свое участіе если не во всемъ этомъ движеніи, то хотя въ поворотѣ войскъ съ Рязанской дороги на Калужскую, то-есть именно въ самомъ важномъ обстоятельствѣ. Вѣроятность этого участія подтверждаетъ его разсказъ, въ письмѣ къ императору, о томъ, что и задолго до того онъ имѣлъ уже въ виду отступленіе на Калугу.

Можетъ быть, это предположеніе и принадлежало Барклаю, но въ это время онъ считалъ Красную Пахру предѣломъ отступленія. Онъ предлагалъ избрать мѣсто на правомъ берегу этой рѣки, укрѣпиться въ немъ съ частью войскъ въ значительныхъ силахъ и дѣйствовать наступательно на сообщенія непріятеля съ Смоленскомъ и Витебскомъ. Вообще Барклай, котораго главнѣйше упрекали за постоянное отступленіе, послѣ назначенія князя Кутузова принялъ, кажется, за правило совѣтовать наступательныя дѣйствія. Онъ порицалъ отступленіе отъ Царево-Займища къ Бородину; совѣтовалъ возобновить бой на другой день Бородинскаго сраженія и потомъ, укрѣпившись у Красной Пахры и усиленно дѣйствуя на сообщенія непріятеля, вызвать Наполеона на нападеніе; такъ-было и случилось.

Со дня вступленія въ Москву по 14-е сентября Наполеонъ не зналъ, гдѣ находится наша армія. Принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы собрать о ней вѣрныя свѣдѣнія, онъ получилъ, наконецъ, извѣстіе отъ Мюрата, что наша армія укрѣпляется у Красной Пахры. Узнавъ объ этомъ, онъ поручилъ своему авангарду, усиливъ его нѣсколькими отрядами, дѣйствовать противъ князя Кутузова и въ то же время распустать

Библиотека "Руниверс"

слухъ, что и самъ онъ, со всѣми своими силами, выступаетъ противъ него изъ Москвы. Этотъ слухъ дошелъ до нашей главной квартиры. Можно было, конечно, разсуждать о томъ, вѣренъ или невѣренъ этотъ слухъ, но во всякомъ случаѣ слѣдовало принять мѣры предосторожности. Въ это время князь Кутузовъ сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи всѣхъ силъ и, отозвавъ съ Можайской дороги отрядъ Дорохова, приблизилъ его къ главной арміи, на что указываетъ Барклай-де-Толли, какъ на одну изъ многихъ его ошибокъ, и затѣмъ пригласилъ на совѣщаніе нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ. На этомъ-то совѣщаніи Барклай осторожно предлагалъ оставаться въ занимаемой позиціи, пока не разъяснятся обстоятельства, потому что онъ заподозривалъ вѣрность этого извѣстія, что самъ Наполеонъ идетъ со всею арміею; Беннигсенъ, напротивъ, совѣтовалъ дѣйствовать смѣлѣе, оставить защиту теченія Пахры и старой Калужской дороги аріергарду, а со всѣми войсками двинуться впередъ, къ Подольску—противъ непріятеля. Оба совѣта, въ сущности, были одинаковы и привели бы къ однимъ и тѣмъ же послѣдствіямъ, хотя оба генерала были совершенно несогласны между собою въ военныхъ соображеніяхъ и жарко спорили другъ съ другомъ. Укрѣпившись у Красной Пахры въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Москвы отдѣльными, но сильными отрядами, прерывая сообщенія французовъ съ Смоленскомъ, наша армія естественно вызывала бы Наполеона дѣйствовать наступательно съ тѣмъ, чтобы отбросить ее за Оку, какъ онъ и намѣревался поступить въ этомъ случаѣ. Оставляя при Красной Пахрѣ одинъ аріергардъ и двинувшись впередъ со всѣмъ войскомъ, главнокомандующій еще болѣе вызывалъ Наполеона на рѣшительный бой и сверхъ того, въ случаѣ неудачнаго исхода сраженія, могъ быть отброшенъ отъ Калужской дороги. Безъ сомнѣнія, князь Кутузовъ не могъ согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ предложеніемъ, совершенно не согласнымъ съ его видами. Въ это время ему донесено было о новой, болѣе выгодной, позиціи—при Тарутинѣ, и онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи, которое такъ раздражило Барклая и Беннигсена.

Свое раздраженіе Барклай объясняетъ тѣмъ, между прочимъ, обстоятельствомъ, что онъ обѣщалъ войскамъ начало наступательныхъ дѣйствій, и послѣдовавшее распоряженіе объ отступленіи выказывало его лжецомъ передъ ними. Объ этой рѣчи къ войскамъ генерала Барклая говоритъ только одинъ изъ современниковъ-писателей, свидѣтель этого происшествія [1]); она была произнесена передъ каждымъ полкомъ въ то время, когда войска соединялись у Красной Пахры, гдѣ уже находилась главная квартира. Конечно, въ этой рѣчи онъ говорилъ и не

[1]) Записки артиллериста, ч. 1-я, стр. 178—181.

Библиотека "Руниверс"

могъ говорить иначе, какъ въ общихъ выраженіяхъ, обѣщая, что по достиженіи Красной Пахры немедленно прекратится отступленіе и начнется наступленіе на непріятеля, а потому распоряженіе объ отступленіи на нѣсколько верстъ къ Тарутину могло служить какъ-бы опроверженіемъ его словъ и представить почтеннаго генерала лжецомъ въ глазахъ войскъ. Такой выводъ, который сдѣлалъ одинъ только Барклай, указываетъ, въ какомъ разстроенномъ и тревожномъ состояніи духа онъ находился. Князь Кутузовъ, предоставляя ему право, присвоенное званію главнокомандующаго,—производство нижнихъ чиновъ въ унтеръ-офицеры и награжденіе орденами св. Георгія, конечно не думалъ унижать его значеніе въ глазахъ войскъ. Но Барклай не понималъ этого точно такъ же, какъ не понималъ своего отношенія къ войскамъ.

Свидѣтель происшествія, о которомъ идетъ рѣчь, говоритъ: для «успокоенія сыновъ Россіи, огорченныхъ потерею столицы, тотъ, на кого болѣе обращалось это негодованіе, какъ на производителя безконечнаго отступленія и причину несмѣтныхъ потерь, рѣшилъ самъ явиться передъ войсками съ спокойнымъ челомъ, увѣренный въ своей правотѣ». Передавая рѣчь Барклая и разсказывая о наградахъ, розданныхъ имъ нижнимъ чинамъ, тотъ же свидѣтель говоритъ: «Такъ почтенный вождь примирился съ воинами. Такое впечатлѣніе произвело это происшествіе на войска, которыя уже были свидѣтелями храбрости обвиняемаго ими военачальника при Бородинѣ и распорядительности во время отступленія черезъ Москву. И кому же былъ этимъ обязанъ Барклай? Конечно, князю Кутузову; но волнуемый оскорбленнымъ честолюбіемъ, онъ не имѣлъ способности понять свое положеніе, не имѣлъ силы воли примириться съ нимъ и приписывалъ недоброжелательству окружавшихъ его лицъ то, что зависѣло отъ самаго положенія сложившихся обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился, и безъ сомнѣнія весьма затруднительныхъ. Когда войска остановились у Красной Пахры, въ главную квартиру (11-го сентября) прибылъ снова англійскій военный агентъ, генералъ сэръ Робертъ Вильсонъ.

Получивъ приказаніе императора увѣдомлять его непосредственно обо всемъ, что дѣлается въ войскахъ князя Кутузова, Вильсонъ остался при ея главной квартирѣ. Какъ англичанинъ, вѣроятно въ болѣе близкихъ отношеніяхъ онъ долженъ былъ находиться къ генералу Беннигсену, который хотя и былъ нѣмецъ, но по рожденію—ганноверецъ и слѣдовательно англійскій подданный; находясь почти всю жизнь въ русской службѣ, онъ, однакоже, не оставлялъ никогда своего прежняго подданства и не принималъ русскаго. Хотя Вильсонъ и желалъ, можетъ быть, самостоятельно смотрѣть на происшествія, но близкія и постоянныя отношенія къ Беннигсену, естественно, производили то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ подчинялся его вліянію. Въ первые уже дни

Библиотека "Руниверс"

послѣ пріѣзда въ главную квартиру онъ писалъ императору: «Мнѣ хотѣлось бы умолчать передъ вашимъ величествомъ о нѣкоторыхъ несогласіяхъ и досемъ продолжающихся между начальниками; вамъ уже, конечно, извѣстно, что по лѣтамъ и состоянію здоровья князя Кутузова отъ него нельзя ожидать дѣятельнаго начальства, что генералъ Беннигсенъ ищетъ главной команды, и что генералъ Барклай недоволенъ тѣмъ, что находится подъ командою; но я надѣюсь, что недалекъ тотъ день, когда Москва возвратится вашему величеству, и что вамъ можетъ представиться благопріятный случай лично сдѣлать новыя распоряженія безъ всякой неудобности для службы вашего величества. Между тѣмъ генералъ Беннигсенъ, просившій уже отпуска, нынѣ рѣшается оставаться, получивши власть распоряжаться наступательными дѣйствіями; а какъ и генералъ Барклай, по собственному его отзыву, почитаетъ себя способнымъ служить только на полѣ сраженія, то планы генерала Беннигсена не могутъ имѣть никакой остановки съ сей стороны на будущее время. Я употреблю все возможное стараніе, чтобы содѣйствовать примиренію или, по крайней мѣрѣ, къ удаленію явной вражды. Но ваше величество вѣроятно знаете, что въ этомъ случаѣ можно доставить только временное облегченіе, и что глубоко растравленная язва не подаетъ надежды къ прочному спокойствію».

А. Н. Поповъ.

Сообщилъ П. Н. Цуриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Адмиралъ Егоръ Ивановичъ Колтовской.

1792—1870 г.

(Краткій біографическій очеркъ).

Совершенно случайно въ моемъ распоряженіи оказалось нѣсколько документовъ и записанныхъ воспоминаній, сохранившихся въ семьѣ Колтовскихъ. Когда я ознакомился съ этимъ матеріаломъ, предо мною обрисовался симпатичный образъ человѣка, въ высшей степени скромнаго, не стремившагося къ славѣ, не оставившаго вслѣдствіе своей скромности никакихъ записокъ, но вполнѣ заслуживающаго, чтобы сохранилась память о его жизни, наполненной цѣлымъ рядомъ выдающихся подвиговъ на военномъ поприщѣ и отмѣченной чертами его высоко одаренной натуры. Я не могу вполнѣ обрисовать жизнь Егора Ивановича Колтовскаго: въ моемъ распоряженіи имѣется для этого очень мало матеріаловъ, а сотоварищи его боевыхъ подвиговъ почти всѣ уже сошли въ могилу. Къ числу лицъ, бывшихъ съ Егоромъ Ивановичемъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, принадлежатъ адмиралъ и членъ Государственнаго Совѣта Л. Л. Гейденъ, адмиралъ Завойко и протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ, интересныя письма котораго изъ времени Крымской кампаніи печатались недавно въ «Кіевской Старинѣ».

Въ только что истекшемъ году много страницъ было посвящено воспоминаніямъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о событіяхъ его царствованія: явились и серьезные труды, появлялись и отдѣльныя замѣтки, освѣщавшія то какую-нибудь черту характера покойнаго императора, то современныхъ ему дѣятелей. Можетъ быть, мой крат-

Библиотека "Руниверс"

кій очеркъ жизни одного изъ этихъ дѣятелей, къ которому Николай Павловичъ выказывалъ особое расположеніе, не будетъ лишнимъ; можетъ быть, онъ вызоветъ на воспоминанія еще кого-нибудь изъ людей тѣхъ временъ, которыя являются блестящими въ исторіи Черноморскаго флота.

Родъ Колтовскихъ, по всей вѣроятности, южнаго происхожденія, хотя мы не можемъ указать ни мѣста, откуда онъ выселился въ Россію, ни времени, когда это выселеніе произошло [1]). Семья, къ которой

[1]) Въ родословныхъ книгахъ родъ Колтовскихъ производится отъ Редеди, касожскаго князя, побѣжденнаго въ единоборствѣ Мстиславомъ Владиміровичемъ, княземъ Тмутараканя, о чемъ лѣтопись разсказываетъ подъ 1022 годомъ. Самъ по себѣ этотъ фактъ не подвергается сомнѣнію, такъ какъ борьба русскихъ тмутараканскихъ князей съ прикавказскими народцами дѣйствительно происходила. Русскіе князья и въ XI столѣтіи и позднѣе селили плѣнныхъ въ своихъ областяхъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что часть плѣнныхъ кассоговъ была поселена и въ Рязани еще при Мстиславѣ, которому Муромо-Рязанская область принадлежала по раздѣлу съ Ярославомъ Мудрымъ послѣ Лиственской битвы въ 1024 году. Лѣтопись при этомъ констатируетъ еще и тотъ фактъ, что въ этой битвѣ въ дружинѣ Мстислава были ясы и кассоги (черкесы и осетины). Когда послѣ 1682 г. правительство московское приказало составить родословныя книги, уничтоживъ мѣстничество, то источникомъ для этихъ оффиціальныхъ родословныхъ книгъ послужили тѣ родословныя, которыя тщательно велись въ каждой боярской семьѣ. Источникомъ для этихъ семейныхъ родословныхъ, между прочимъ, служили въ свою очередь синодики (поминальныя записи). Въ синодикахъ Спасскаго монастыря въ Рязани, послѣ разсказа, взятаго изъ лѣтописи объ единоборствѣ Мстислава съ Редедей, помѣщенъ родъ послѣдняго, съ объясненіемъ, что Мстиславъ крестилъ сыновей Редеди, при чемъ одинъ изъ нихъ получилъ въ крещеніи имя Георгій, а другой—Романъ. Вотъ они то съ ихъ родомъ и поминаются въ синодикѣ. Изъ синодика видно, что Георгій умеръ бездѣтнымъ, а за Романа Мстиславъ выдалъ дочь свою; отъ нихъ пошли многіе роды: Добрынскіе, Зайцевы, Подрогины, Сорокоумовы, Глѣбовы, Колтовскіе, Ситскіе, Бѣлеутовы, Викентьевы, Чевкины, Ащерины, Обсѣдовы Гусевы, Елизаревы, Крюковы, Кошкарѣвы. Въ XVII столѣтіи мы встрѣчаемъ Колтовскихъ и въ Смоленскѣ. Очевидно, это одна изъ захудалыхъ линій того же рода, переселенная или переселившаяся туда не ранѣе княженія Василія III, то есть, послѣ взятія Смоленска въ 1514 году. Что касается захудалости младшихъ линій древнихъ родовъ, то это явленіе было обычнымъ въ Московскомъ государствѣ. По разсказу англійскаго посла Флейтчера, бывшаго въ Москвѣ въ XVI столѣтіи, захуданіе нѣкоторыхъ линій доходило до того, что даже изъ древнихъ княжескихъ родовъ являлись люди безпомѣстные, и въ то время можно было встрѣтить этихъ князей, нанимавшихся на работу. Смоленская линія Колтовскихъ, какъ видимъ, не дошла до подобнаго положенія, но что нѣкоторыя семьи этой линіи принадлежали къ числу мелкопомѣстныхъ дворянъ, видно изъ того, что изъ нихъ были и рейтары, которые, какъ извѣстно, набирались изъ дворянъ безпомѣстныхъ. Кстати будетъ сказать здѣсь о гербѣ Колтовскихъ: въ серебряномъ щитѣ красный грифъ, а на щитѣ шлемъ, дворянская корона и пять павлиныхъ перьевъ; наметъ на щитѣ красный, подложенный серебромъ.

Библиотека "Руниверс"

принадлежалъ Егоръ Ивановичъ, жила въ Смоленской губерніи и принадлежала къ небогатому дворянству. Старшій братъ Егора Ивановича служилъ въ гвардіи и умеръ холостымъ; второй братъ служилъ въ кавалеріи и погибъ въ 1812 году въ одномъ сраженіи съ французами, какъ кажется, подъ Бородинымъ. Самый младшій изъ братьевъ, Егоръ Ивановичъ Колтовской родился 5-го апрѣля 1792 года и 12-ти лѣтъ былъ опредѣленъ въ морской кадетскій корпусъ, именно 18-го іюня 1804 года. Черезъ два мѣсяца въ корпусъ явился одинъ изъ крѣпостныхъ людей семьи Колтовскихъ и, исполняя волю умершаго отца Егора Ивановича, объявилъ ему, что отецъ и мать его умерли одинъ за другимъ, что онъ теперь круглый сирота. Семейныя воспоминанія не сохранили намъ свѣдѣній о томъ, на сколько старшіе братья принимали участіе въ корпусной жизни маленькаго кадета. Мальчикъ обнаружилъ блестящія способности, отличаясь впечатлительнымъ характеромъ, оказывалъ прекрасные успѣхи, хотя въ то-же время извѣстенъ былъ своими шалостями. Еще въ корпусѣ проявилась у Колтовскаго любовь къ музыкѣ, которой онъ занимался съ большимъ увлеченіемъ и впослѣдствіи является большимъ ея знатокомъ и любителемъ. Въ юношескіе годы у него развился очень хорошій баритонъ.

Однажды въ церкви морскаго корпуса былъ императоръ Александръ Павловичъ. Колтовской, князь Хованскій и еще кто-то исполняли тріо. Императору, большому любителю духовной музыки, такъ понравилось исполненіе этого тріо, что онъ приказалъ исполнителямъ пѣть его съ царской капеллой, что потомъ и повторялось не разъ. Увлеченіе музыкой не помѣшало однако-же Колтовскому прекрасно окончить курсъ морскаго корпуса, и 6-го мая 1809 года онъ былъ произведенъ въ гардемарины, а 16-го февраля 1812 года императоръ Александръ лично поздравилъ его съ чиномъ мичмана. Послѣ этого Егоръ Ивановичъ былъ сейчасъ-же назначенъ въ 23-й экипажъ, расположенный въ Архангельскѣ. Здѣсь онъ пробылъ до 1818 года, непрерывно совершая плаванія по Бѣлому морю и Ледовитому океану, и между прочимъ два раза плавалъ изъ Архангельска въ Балтійское море, въ 1813 году на кораблѣ «Берлинъ» и въ 1816 году на кораблѣ «Аргосъ».

Съ 1818 года Егоръ Ивановичъ Колтовской окончательно переселяется на югъ Россіи, гдѣ проходитъ самая блестящая пора его служебной дѣятельности въ Черноморскомъ флотѣ, гдѣ устанавливаются у него родственныя и общественныя связи, и гдѣ онъ оканчиваетъ свою жизнь, проведя остатокъ дней своихъ въ Одессѣ.

Въ указанномъ году Колтовской былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ съ зачисленіемъ въ 10-й флотскій экипажъ, и съ этого времени онъ непрерывно плаваетъ по Черному морю. Въ 1824 году онъ былъ назначенъ командиромъ люгера «Стрѣла», въ 1826 г.—командиромъ

Библиотека "Руниверс"

катера «Жаворонокъ» а въ 1827 г.—паруснаго брига «Орфей», съ которымъ и пріобрѣтаетъ извѣстность, какъ неутомимый и смѣлый крейсеръ въ войну 1828—1829 годовъ.

Въ это время Черноморскій флотъ находился въ блестящемъ положеніи, чѣмъ онъ обязанъ дѣятельности адмирала Алексѣя Самойловича Грейга. Человѣкъ съ высокимъ образованіемъ, адмиралъ Грейгъ привлекалъ всѣхъ своимъ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, добротою душевною и теплымъ, дружескимъ отношеніемъ ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ. Онъ съумѣлъ вдохнуть въ офицеровъ любовь къ образованію, къ службѣ и пламенное усердіе къ исполненію ими своихъ обязанностей. Имя этого достойнаго адмирала всегда произносилось съ любовью и уваженіемъ. Глубокимъ чувствомъ дышетъ письмо Колтовскаго къ Юліи Михайловнѣ Грейгъ, писанное уже изъ Одессы. «Это пишетъ, говорится въ этомъ письмѣ, это пишетъ старый сослуживецъ вашего супруга, бывшаго моего благодѣтеля и начальника, подъ руководствомъ котораго я пріобрѣлъ себѣ нѣкогда извѣстность того времени. И немудрено: быть руководимымъ такимъ вождемъ, какъ покойный адмиралъ, и не пріобрѣсти себѣ извѣстности!... Но Алексѣя Самойловича, а съ нимъ и многаго, мы лишились невозвратно. Остались воспоминанія. И скажемъ мы своимъ дѣтямъ и внукамъ: «смотрите, это адмиралъ Грейгъ!» Живу только однимъ воспоминаніемъ прошлаго, но уже невозвратимаго, времени. Со смерти адмирала моего я всего лишился. Явились новыя лица, новые дѣятели. Вотъ имъ и книги въ руки...» Несомнѣнно, въ войну 1828—29 года Черноморскій флотъ показалъ себя достойнымъ своего начальника.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться подробно на событіяхъ этой русско-турецкой войны. Намъ можно ограничиться лишь напоминаніемъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему разсказу. Когда началась эта война, русская армія сначала подъ начальствомъ Витгенштейна, а потомъ Дибича, дѣйствовала на Дунаѣ. Турки обладали въ то время многочисленнымъ и хорошо вооруженнымъ флотомъ. Морское сраженіе при Наваринѣ, въ которомъ соединенными эскадрами, русской, французской и англійской, была истреблена часть турецкаго флота,—это сраженіе не сокрушило морскихъ силъ Турціи: ихъ многочисленныя суда бороздили Черное море по всѣмъ направленіямъ, а главное, сильно поддерживали дѣйствія своей сухопутной арміи. Послѣ переправы черезъ Дунай у Сатунова русской арміи сейчасъ же пришлось остановиться передъ турецкими крѣпостями въ Добруджѣ. Это были: Исакча, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово. Въ устьѣ Дуная стояла канонерская флотилія турокъ. Въ то время, какъ русскія войска, благодаря турецкому флоту, не могли получать ни продовольственныхъ, ни боевыхъ запасовъ моремъ, турецкія крѣпости въ Добруджѣ опирались на приморскія

Библиотека "Руниверс"

укрѣпленія, съ прекрасными гаванями, въ которыхъ находили себѣ защиту турецкія военныя суда, доставлявшія моремъ все необходимое осажденнымъ гарнизонамъ. Ближайшей изъ такихъ морскихъ турецкихъ крѣпостей была Кюстенджи. Она расположена на мысѣ и возвышается амфитеатромъ надъ моремъ и въ то время была тщательно укрѣплена и защищена трехтысячнымъ гарнизономъ. Съ моря ее поддерживалъ флотъ. Генералъ Ридигеръ съ частью войскъ третьяго корпуса обложилъ Кюстенджи. Турки смѣло перешли изъ пассивной роли къ активной. Небольшими отрядами они начали сами дѣлать нападенія на осаждающихъ, получая содѣйствіе съ крѣпостныхъ батарей и поддерживаемые съ тыла своими судами. Необходимо было занять ихъ со стороны моря и порвать увѣренность въ безопасности съ этой стороны. Въ это время совершенно отдѣльно отъ флота, какъ крейсеръ, бороздилъ Черное море по всѣмъ направленіямъ съ бригомъ «Орфей» Егоръ Ивановичъ Колтовской. Онъ и явился неожиданно у гавани Кюстенджи. По всей вѣроятности, крейсируя недалеко, капитанъ-лейтенантъ «Орфея» заслышалъ канонаду и полетѣлъ на ея звуки. Подъ стѣнами Кюстенджи произошелъ трехдневный отчаянный бой, въ которомъ бригу пришлось бороться подъ выстрѣлами крѣпостныхъ батарей съ сильнѣйшимъ непріятелемъ. Турки употребляли всѣ усилія, чтобы захватить отважнаго крейсера, такъ неожиданно и некстати явившагося въ тотъ моментъ, когда съ сухаго пути ихъ громили пушки Ридигера. Турецкія суда окружили «Орфея» со всѣхъ сторонъ: «онъ попалъ въ адъ». На немъ была уже подбита вся артиллерія, изъ немногочисленной команды убито и ранено 26 человѣкъ; бригъ получилъ столько пробоинъ, что гибель его казалась неизбѣжной. Турки бросились на абордажъ. Экипажъ оказалъ отчаянное сопротивленіе. Въ этой ярой схваткѣ Колтовской получилъ рану турецкой саблей въ руку, но не придавалъ ей никакого значенія. «Это царапина, говорилъ онъ, развѣ такія бываютъ раны!» Абордажъ былъ геройски отбитъ; «Орфей» прорвался сквозь оцѣплявшія его непріятельскія суда и ушелъ въ море. Долго помнили черноморскіе моряки этотъ бой. Уже послѣ смерти Егора Ивановича, однажды, въ Николаевѣ собрались старые моряки, между ними шли воспоминанія о событіяхъ тѣхъ лѣтъ. «Да, говорили они, вспоминая сраженія при Кюстенджи, «Орфей» былъ въ аду, а оттуда его вытащилъ Колтовской!» Послѣ этого трехдневнаго боя, турки продержались не долго: Кюстенджи сдалась 12-го іюня 1828 года.

«За отмѣнное мужество и храбрость», Колтовской былъ награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость», и императоръ Николай Павловичъ пожелалъ лично его видѣть. Въ это время государь направлялся изъ дѣйствующей арміи въ Россію чрезъ Одессу, гдѣ жила императрица Александра Ѳеодоровна. Мѣстопребываніемъ царской семьи была

Библиотека "Руниверс"

дача Ренó на берегу моря, принадлежавшая тогда извѣстному одесскому богачу Ренò. Противъ самой дачи бросилъ якорь бригъ «Орфей». Между тѣмъ администрація Одессы хлопотала о томъ, чтобы ознаменовать чѣмъ-нибудь особымъ пріѣздъ государя. На выручку явилась итальянская опера, въ составѣ которой находилась знаменитая тогда пѣвица-контральто Марикони. Рѣшено поставить на открытомъ воздухѣ оперу «Танкредъ». Живописный въ своей боевой истрепанности «Орфей» напоминалъ корабль, на которомъ Танкредъ вернулся въ отечество. Тутъ предъ массой народа, потребованный Колтовской вручилъ государю рапортъ о своей боевой дѣятельности и устно передавалъ подробности боя. Николай Павловичъ обнялъ его и сказалъ «Колтовской, я буду тебя помнить». Народъ видѣлъ эту сцену, слышалъ слова государя, и молодому, скромному герою не было потомъ проходу: толпы бѣгали за нимъ повсюду.

Вскорѣ неутомимый крейсеръ снова вышелъ въ море. Турки съ ожесточеніемъ преслѣдовали его. Не разъ «Орфей» попадалъ въ опасное положеніе, но опытность, находчивость и рѣшимость командира спасали его. Искусство и неустрашимость капитанъ-лейтенанта Колтовскаго стала фактомъ общепризнаннымъ.

Вскорѣ ему пришлось выполнить одно изъ самыхъ рискованныхъ предпріятій, какія встрѣчаются, но довольно рѣдко, въ военной исторіи. Несмотря на успѣхи русскаго оружія, императоръ Николай Павловичъ не прочь былъ прекратить войну. Порта, побуждаемая представителями Англіи и Франціи, надѣялась еще на побѣды въ будущемъ и не соглашалась на справедливыя требованія русскаго императора. Тогда Николай Павловичъ, со свойственной ему прямотой, рѣшился обратиться къ султану лично, минуя дипломатическій путь. Въ это время оффиціозное представительство Россіи въ Константинополѣ было возложено на нидерландскаго посланника, но почему-то императоръ не нашелъ удобнымъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ черезъ него, а черезъ датскаго посланника барона Гюбша. Нужно было передать пакетъ послѣднему для врученія его султану, чтобы объ этомъ не могли узнать ни турки, ни представители иностранныхъ державъ. Это было въ концѣ 1828 года, когда война была въ полномъ разгарѣ; турецкія суда занимали гавани по западнымъ и южнымъ берегамъ Чернаго моря, а главныя силы турецкаго флота стояли въ Босфорѣ. Какъ было избѣгнуть непріятельскихъ рукъ?! Малѣйшая оплошность, малѣйшая нетактичность могли повести къ печальнымъ результатамъ: посланный могъ погибнуть въ неравномъ бою, и отправленный пакетъ попасть въ нежелательныя руки. Императоръ Николай Павловичъ обратился къ адмиралу Грейгу за совѣтомъ, кого послать въ такое опасное путешествіе, и адмиралъ указалъ на Колтовскаго. 5-го ноября 1828 года снялся Егоръ

Библиотека "Руниверс"

Ивановичъ съ якоря въ Севастополѣ и взялъ курсъ прямо на Константинополь. Какъ ему удалось избѣжать множества грозившихъ опасностей, мы не знаемъ, но порученіе было исполнено, и пакетъ передавъ въ руки барона Гюбша.

24-го января 1829 года «Орфей» вернулся въ Севастопольскую гавань. Николай Павловичъ былъ доволенъ. 28-го января Колтовскому было объявлено монаршее благоволеніе, а затѣмъ императоръ призвалъ его къ себѣ и, благодаря за службу, вторично сказалъ ему при этомъ: «Колтовской, я тебя никогда не забуду».

Только что выполнивъ одно опасное порученіе, бригъ «Орфей» съ своимъ командиромъ пустились въ новое крейсерство: появлялись они въ заливѣ Кефкеи, то у береговъ Малой Азіи, то у Босфорскаго пролива; они истребили нѣсколько непріятельскихъ судовъ, и три судна было «вырѣзано на призъ» изъ непріятельскаго огня [1]). Крейсируя отдѣльно, Колтовской узналъ, что гарнизонъ приморской крѣпости Ахіало сдѣлалъ вылазку. Неожиданно явился туда бригъ «Орфей». Егоръ Ивановичъ напалъ на городъ, взялъ его, причемъ было захвачено двѣнадцать мѣдныхъ орудій, болѣе 40 чел. военно-плѣнныхъ и множество снарядовъ и фуража. За этотъ подвигъ Колтовской былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга и получилъ въ командованіе фрегатъ «Поспѣшный».

Между тѣмъ русская армія подъ начальствомъ Дибича отъ береговъ Дуная двигалась къ югу. Но ея свободное движеніе необходимо было обезпечить съ лѣваго фланга, гдѣ по берегу Чернаго моря былъ расположенъ цѣлый рядъ турецкихъ приморскихъ крѣпостей, гарнизоны которыхъ могли угрожать сообщеніямъ арміи. Кромѣ того, нельзя было приступить къ блокадѣ Босфора, пока въ тылу флота будутъ существовать укрѣпленныя непріятельскія гавани. Значительныя турецкія силы были сосредоточены въ Айдосѣ, пунктѣ лежащемъ въ недальнемъ разстояніи отъ моря, что̀ затрудняло въ свою очередь попытки занять турецкія гавани.

Болѣе отдаленной отъ Айдоса оказывалась крѣпость Сизополь, которую и удалось взять адмиралу Кумани. Но пока въ рукахъ турокъ были еще Василико, Агатополь и Инада, лежащіе южнѣе Сизополя, можно было опасаться попытокъ турецкаго флота вновь завладѣть этою крѣпостью. Усилія русскихъ моряковъ направляются теперь къ овладѣнію этими гаванями. Получивъ командованіе надъ фрегатомъ «Поспѣшный», Колтовской взялъ на него въ десантъ двѣ роты Камчатскаго пѣхотнаго полка и, соединившись съ другими подошедшими судами, занялъ городъ Василико, а затѣмъ напалъ на Агатополь. Гар-

---

[1]) Въ воздаяніе отличной заслуги и храбрости Колтовскому пожаловалъ орденъ св. Анны 2-й степени.

Библиотека "Руниверс"

низонъ Агатополя оказалъ сильное сопротивленіе, но тѣмъ не менѣе былъ взятъ. Послѣ этихъ подвиговъ Колтовской присоединился къ отряду кораблей и другихъ судовъ, состоявшихъ подъ начальствомъ адмирала Баскакова, и повелъ свой флегатъ къ крѣпости Инада. На бортѣ «Поспѣшнаго», кромѣ двухъ ротъ Камчатскаго полка, теперь была еще часть гвардейскаго экипажа. Подъ Инадой произошелъ упорный бой. На долю Колтовскаго выпало дѣйствовать противъ двухъ батарей крѣпости. Онъ бросился съ своимъ десантомъ на берегъ и, несмотря на стойкую оборону со стороны непріятеля, взялъ обѣ батареи съ 36 орудіями и вогналъ турокъ во внутреннее укрѣпленіе [1]).

Результатомъ паденія цѣлаго ряда этихъ крѣпостей было свободное движеніе русской арміи къ Адріанополю и русскаго флота къ Босфору. Съ этого времени адмиралъ Грейгъ блокировалъ съ своей эскадрой Босфоръ, а вице-адмиралъ графъ Гейденъ заперъ Дарданеллы; они прервали по обоимъ проливамъ подвозъ жизненныхъ припасовъ къ столицѣ, захватили множество призовъ и безпокоили прибрежье.

Вскорѣ Адріанополь былъ занятъ Дибичемъ, и война окончилась. По заключеніи мира Колтовской принимаетъ дѣятельное участіе въ перевозкѣ войскъ и запасовъ изъ Румеліи въ Россію и выполняетъ это со свойственной ему энергіей и распорядительностью, за что ему и было объявлено монаршее благоволеніе и особенная благодарность императора.

Затѣмъ моряки обратились къ мирнымъ занятіямъ. Изъ этого времени жизни Егора Ивановича обращаетъ на себя вниманіе: выполненіе труднаго и экстреннаго порученія: онъ долженъ былъ поспѣшно провезти изъ Николаева въ Севастополь 120-пушечный гигантъ-корабль «Варшава». «За особенное усердіе и труды», которыми сопровождалось это тяжелое дѣло, онъ былъ еще разъ награжденъ монаршимъ благоволеніемъ [2]).

---

[1]) За это дѣло Колтовской пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени „за храбрость".

[2]) По всей вѣроятности, къ этому же времени относится еще одинъ фактъ дѣятельности Егора Ивановича, разсказанный имъ самимъ гораздо позднѣе дѣтямъ. Случилась непріятная исторія съ однимъ громаднымъ военнымъ кораблемъ: онъ сѣлъ на мель вблизи Очакова и до такой степени врѣзался въ песокъ, что полгода никакія усилія инженеровъ не могли стащить его; это приводило въ отчаяніе адмирала Грейга. Однажды онъ давалъ обѣдъ, на который были приглашены всѣ лучшіе командиры, въ томъ числѣ и Егоръ Ивановичъ Колтовской. За обѣдомъ не было никакого разговора о злополучномъ кораблѣ. Послѣ обѣда, придя съ своими гостями въ кабинетъ, адмиралъ Грейгъ, какъ бы случайно, остановился передъ развернутой картой той мѣстности Чернаго моря, гдѣ стоялъ на мели корабль.

— Господа,—сказалъ Грейгъ,—неужели-же невозможно его стащить?

Библиотека "Руниверс"

Послѣ фрегата «Поспѣшный» подъ его командой въ разное время находились корабли: «Эривань», «Нордъ-Адлеръ», «Варшава». 1-го января 1839 года Колтовской былъ произвенъ въ контръ-адмиралы и получилъ въ командованіе первую бригаду 3-ей флотской дивизіи. До 1852 года онъ не покидалъ моря, продолжая непрерывно плаванія съ эскадрами и имѣя свой флагъ на различныхъ корабляхъ, и между прочимъ два съ половиною мѣсяца командовалъ практической эскадрой по Финскому заливу и Балтійскому морю. Въ общей сложности Егоръ Ивановичъ пробылъ въ морѣ подъ парусами 181 мѣсяцъ и 20 дней, т. е. болѣе 15 лѣтъ, не считая якорныхъ стоянокъ подъ вымпелами.

8-го апрѣля 1851 года Колтовской былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ предсѣдателемъ техническаго комитета по сооруженію въ Севастополѣ сухихъ доковъ и Лазарева адмиралтейства. Надо было, чтобы во главѣ дѣла стоялъ человѣкъ неподкупной честности, какимъ былъ Егоръ Ивановичъ. Сознавая всю важность и вмѣстѣ съ тѣмъ почетность возложенной на него обязанности, Егоръ Ивановичъ тѣмъ не менѣе безъ грусти повиновался повелѣнію: оно повернуло спиной къ морю стараго крейсера и взамѣнъ любимой имъ борьбы съ водной стихіей обѣщало ему борьбу съ человѣческими злоупотребленіями. Съ унынiемъ на лицѣ возвращался каждый день вице-адмиралъ домой къ обѣду изъ своего комитета. «Лучше война, воскликнулъ онъ однажды въ минуту особенно горькаго душевнаго состоянія,—лучше война, чѣмъ бороться съ злоупотребленіями. Охъ трудно, охъ какъ трудно искоренить зло». Съ этого времени характеръ его сильно измѣнился: онъ сталъ раздражителенъ и изъ обходительнаго, добраго становился мало-по малу недоступнымъ. На этомъ посту застала Егора Ивановича Крымская кампанія.

Находясь при защитѣ Севастополя въ составѣ тамошняго гарнизона, Колтовской содѣйствовалъ его оборонѣ лишь частно, одними своими совѣтами, такъ какъ имѣлъ спеціальное порученіе: онъ завѣдывалъ

Начали судить и рядить. Посмотрѣлъ на карту и Егоръ Ивановичъ и говоритъ:

— Это самое пустячное дѣло.

— Вы думаете?

— Да надъ этимъ и думать долго не надо.

— Ну, такъ вы его стащите. Завтра получите прогонныя; въ средствахъ недостатка не будетъ. Поѣзжайте завтра-же.

Возвратясь домой, Егоръ Ивановичъ палъ духомъ. Что я надѣлялъ, — говорилъ скромный морякъ. — Вѣдь я это сказалъ подъ вліяніемъ выпитой лишней рюмки шампанскаго, я былъ возбужденъ. Но онъ нашелъ себѣ поддержку въ своей супругѣ, которая съумѣла ободрить его, успокоить и снарядила въ Очаковъ. Не прошло и мѣсяца, какъ корабль былъ стащенъ.

Библиотека "Руниверс"

охраной и перевозкой казеннаго имущества изъ Севастополя въ Николаевъ.

Тяжело переживалъ Егоръ Ивановичъ событія того времени. Послѣ Альминскаго сраженія онъ мало-по-малу отправилъ свою семью въ Николаевъ, куда, наконецъ, по требованію дѣла, которымъ онъ завѣдывалъ, долженъ былъ переѣхать и самъ. Съ грустью покидалъ старый морякъ родной ему Севастополь. Горечь событій, страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ, грозившемъ его родинѣ, усугублялись и чисто семейными тревогами: въ Севастополѣ оставались три человѣка, дорогихъ его сердцу,—его сынъ Митрофанъ Егоровичъ, состоявшій адъютантомъ при Нахимовѣ, зять Александръ Гедеоновичъ Стааль, мужъ его старшей дочери, Розаліи Егоровны; и сама она, не хотѣвшая покинуть мужа среди опасностей [1]). Затѣмъ послѣдовали для Егора Ивановича тяжкіе удары: смерть государя Николая Павловича, паденіе Севастополя, а затѣмъ и уничтоженіе черноморскаго флота. Эти событія потрясли крѣпкій организмъ нашего вице-адмирала навсегда: онъ началъ хворать. Съ окончаніемъ войны Егору Ивановичу Колтовскому было уже 64 года. Несмотря на лѣта, на разстроенное здоровье, онъ стремился продолжать службу. Государь пожелалъ назначить его членомъ адмиралтейскаго совѣта. Приходилось въ такомъ случаѣ жить въ Петербургѣ, а Егоръ Ивановичъ не могъ разстаться съ дорогимъ ему Чернымъ моремъ. Онъ обратился къ генералъ-адмиралу, прося, назначивъ его членомъ адмиралтейскаго совѣта, предоставить ему право жить гдѣ-нибудь на югѣ. Оказалось однако невозможнымъ этого исполнить, и Колтовской былъ выпущенъ въ отставку съ производствомъ въ полные адмиралы. Это сильно поразило Егора Ивановича, онъ долго не могъ утѣшиться, рыдалъ, и съ нимъ начались нервные припадки.

Поселившись въ Одессѣ, въ собственномъ домѣ, доставшемся по наслѣдству его женѣ, Егоръ Ивановичъ зажилъ тихой жизнью, окруженный любящей семьей, чтимый всѣми, кто зналъ его, а адмирала Колтовскаго знали въ Одессѣ всѣ. Егоръ Ивановичъ былъ женатъ на Розаліи Ильиничнѣ Дубовикъ, происходившей изъ малорусской дворянской фамиліи. Отецъ ея служилъ въ кавалеріи, а по выходѣ въ отставку занималъ должность въ канцеляріи князя Воронцова, вниманіе кото-

---

[1]) Вице-адмиралъ М. Ег. Колтовской послѣднее время своей жизни занималъ постъ керченскаго градоначальника, онъ умеръ осенью 1896 года. Ал. Гедеон. Стааль командовалъ въ Севастополѣ батареей, которая затѣмъ навсегда сохранила имя „Сталевской“. Онъ былъ раненъ и контуженъ. Здоровье никогда уже не поправлялось и онъ умеръ въ Николаевѣ 11-го октября 1861 года. Государь Александръ Николаевичъ лично зналъ Ал. Гед. Стааль и выказывалъ ему большое благоволеніе, а послѣ его смерти обезпечилъ семью большой пенсіей.

Библиотека "Руниверс"

раго обратилъ своею честностью и неподкупностью. Розалія Ильинична Колтовская была личность высокообразованная, прекрасно знала и понимала музыку и, обладая стойкимъ характеромъ, служила нравственной поддержкой своему нервному, скромному и застѣнчивому герою-мужу. Отличаясь другъ отъ друга основными чертами своихъ характеровъ,—какъ стойкость и спокойствіе во всѣхъ перипетіяхъ жизни у одного, и нервность, излишняя застѣнчивость и скромность у другаго,—супруги сходились во многомъ: оба они были глубоко религіозны [1]), съ щепетильной честностью, съ любовью ко всему прекрасному, увлекающіеся музыкой, литературой, искусствомъ вообще. Ко всему этому надо прибавить еще полнѣйшую непрактичность Егора Ивановича. Еще въ сороковыхъ годахъ получилъ онъ значительное наслѣдство отъ своего двоюроднаго брата, Александра Колтовскаго, имѣніе котораго состояло изъ села и двухъ деревень съ 384 душами крестьянъ. Егоръ Ивановичъ ни за что не хотѣлъ ѣхать хлопотать по этому дѣлу. Когда его убѣдили, что тутъ страдаютъ интересы семьи, онъ отправился, но, узнавъ, что ему предстоятъ хлопоты въ волынской палатѣ гражданскаго суда, поскорѣе продалъ свое право на наслѣдство одному сосѣднему помѣщику, отъ котораго получилъ потомъ всего 1.000 р. Помѣщикъ умеръ, а Егоръ

---

[1]) Егоръ Ивановичъ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій. Замѣчателенъ разсказанный имъ дѣтямъ случай изъ его морской жизни. Однажды у Кавказскихъ береговъ ему пришлось выдержать на бригѣ страшную бурю съ характеромъ урагана, съ проливнымъ дождемъ и смерчами. Во время бури, длившейся нѣсколько сутокъ, были разорваны паруса, надломаны мачты и реи, а главное сломанъ руль. Нѣсколько сутокъ вся команда не ложилась спать, употребляя неимовѣрныя усилія въ борьбѣ съ бурей, чтобы не попасть въ тифонъ. У всѣхъ ослабѣли силы, иные падали безъ чувствъ, не хватало рукъ и силъ для работы. Бригъ сдѣлался игрушкой бури, и Егоръ Ивановичъ, видя безуспѣшность дальнѣйшей борьбы, рѣшился прекратить ее. Объявивъ объ этомъ по командѣ, онъ призвалъ всѣхъ къ молитвѣ. Всѣ думали о неизбѣжной смерти и молились горячо. „Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился“, часто говаривалъ Егоръ Ивановичъ. Послѣ молитвы, пропѣтой всѣми громко, обезсиленные всѣ заснули. Егору Ивановичу приснился сонъ. Ему снилось продолженіе бури: ночь, шквалъ за шкваломъ, и на бригъ надвигается громадный черный тифонъ, который вотъ-вотъ уничтожитъ бригъ: гибель его неизбѣжна. Вдругъ одна сторона тифона начинаетъ свѣтлѣть, свѣтлѣть, показывается сіяніе, и изъ-за тифона въ сіяніи ослѣпительномъ медленно выступаетъ икона св. Николая Чудотворца, который смотритъ на Егора Ивановича и говоритъ: „Не бойся! Все будетъ хорошо“. Тутъ онъ проснулся. Чрезъ вентиляторъ на его лицо падаетъ лучъ солнца; кругомъ тишина и бригъ медленно покачивается на мелкой зыби. Позванъ вахтенный и говоритъ, что все благополучно: буря прошла, легкій попутный вѣтерокъ, солнечный день, успѣли уже сдѣлать фальшивый руль, исправлены поврежденія, и бригъ направляется къ Севастополю. Опять всѣ собраны на молитву и распущены на отдыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Ивановичъ не захотѣлъ вести тяжбы. Такъ и пропало богатое имѣніе. Въ другой разъ онъ отказался отъ имѣнія, оставшагося послѣ его отца, продавшаго родовое имущество въ чужія руки, чтобы только нейти противъ отцовской воли. Когда императору Александру Николаевичу угодно было вознаградить всѣхъ, потерявшихъ свое имущество во время осады Севастополя, въ числѣ которыхъ была и семья Колтовскихъ, Егоръ Ивановичъ показалъ ту ничтожную сумму, которую онъ заплатилъ за мѣсто много лѣтъ назадъ, совершенно не принявъ во вниманіе ни стоимости выстроеннаго имъ дома, ни другихъ расходовъ, затраченныхъ на устройство усадьбы и сада. Скромность и безкорыстіе Егора Ивановича была также причиной того, что онъ никогда не стремился извлечь какія-нибудь выгоды изъ своей службы, воспользоваться своимъ положеніемъ, хлопотать, просить у начальства. Кромѣ письма генералъ-адмиралу, о чемъ мы говорили выше, еще только одинъ разъ въ своей жизни Колтовской, незадолго до своей смерти, мучась мыслію о необезпеченности своей семьи, написалъ собственноручное письмо морскому министру, прося повергнуть къ стопамъ государя его послѣднюю просьбу: назначить для его успокоенія при его жизни получаемую имъ пенсію безъ измѣненія его женѣ. На этомъ письмѣ государь собственноручно написалъ: «исполнить просьбу адмирала!»

Семья Егора Ивановича была дѣйствительно велика, и особенно его заботила судьба дочерей, изъ которыхъ только одна была въ то время замужемъ [1]). Все свободное отъ службы время Егоръ Ивановичъ посвящалъ дѣтямъ, которыхъ очень любилъ. Онъ любилъ окружать себя ими и разсказывалъ имъ священную исторію, а впослѣдствіи, когда они подросли, передавалъ имъ свои воспоминанія. Обладая прекраснымъ образованіемъ и зная хорошо спеціальныя науки, Егоръ Ивановичъ съ особенною любовью занимался всегда исторіей и географіей. Старшаго своего сына онъ самъ приготовилъ для поступленія въ морское училище. Дочери его, кромѣ Розаліи Егоровны, воспитывавшейся въ институтѣ, получали образованіе дома. По каждому предмету были приглашены особые учителя, но исторію и географію Егоръ Ивановичъ преподавалъ самъ.

Мало-по-малу, болѣе и болѣе, развивался у него злой недугъ; онъ страдалъ грудной жабой. Мало-по-малу сюртукъ замѣнилъ мундиръ, по-

---

[1]) Кромѣ Митрофана Егоровича и Розаліи Егоровны, умершей въ 1871 году, о которыхъ мы уже говорили, у Колтовскаго были еще дочери: Марья Егоровна, въ замужествѣ Фикъ, Наталія—обѣ здравствующія и по сіе время, Софія, бывшая за мужемъ за Ѳеодосіемъ Казиміровичемъ Стааль, также участникомъ Крымской кампаніи, тоже умершая, и сынъ Егоръ Егоровичъ, родившійся въ 1855 году, живъ и въ настоящее время, занимаетъ должность слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ въ Кишиневѣ.

Библиотека "Руниверс"

томъ перешелъ на свободное короткое пальто (халата адмиралъ терпѣть не могъ), на ногахъ появились туфли, на глазахъ большой зеленый зонтикъ, а въ рукахъ неизмѣнная палка. Егоръ Ивановичъ всегда любилъ животныхъ, особенно лошадей и собакъ. Теперь все время у него на головѣ или на плечѣ сидѣлъ бѣлый голубь.

Но ни старость, ни болѣзнь не охладили его интереса къ умственному труду. Когда старшій сынъ его, Митрофанъ Егоровичъ, былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи, старый морякъ сидѣлъ надъ морскими картами, слѣдилъ и высчитывалъ, гдѣ онъ долженъ въ данное время находиться. Живя въ Одессѣ, адмиралъ много читалъ: онъ слѣдилъ за книжными новостями, особенно по своимъ излюбленнымъ исторіи и географіи, и пріобрѣталъ выдающіяся сочиненія, на сколько позволяли его средства. Но читалъ онъ постоянно: его нельзя было видѣть безъ книги или газеты. Когда ослабѣло его зрѣніе, онъ просилъ, чтобы ему читали другіе.

Никогда также не ослабѣвала въ немъ любовь къ музыкѣ. Въ Одессѣ онъ любилъ окружать себя музыкантами и композиторами, съ которыми велъ оживленные разговоры о характерѣ національной музыки, о великихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Особенно горячіе дебаты происходили у Егора Ивановича съ извѣстнымъ въ то время въ Одессѣ музыкантомъ и композиторомъ, старичкомъ итальянцемъ, Уголини. Адмиралъ горячо защищалъ преимущества русской музыки. Уголини возражалъ. «Гдѣ такое русска музыка. Русалька, Алька (Галька), Аскольдова могили и Жизніа за Царья, voila et tout. Un seul Verdi a écrit presque 40 орегаз», говорилъ итальянецъ. «Да, возражалъ Егоръ Ивановичъ, такихъ композиторовъ, какъ Верди, у итальянцевъ дѣйствительно много, но такихъ, какъ Львовъ и Глинка, нѣтъ ни одного». Итальянецъ горячился, усиленно нюхалъ изъ своей табакерки, предлагая отъ поры до времени и адмиралу понюхать его новаго табаку съ бобами, а адмиралъ угощалъ его трубкой, которую неизмѣнно держалъ въ рукахъ. Быстро отъ музыки разговоръ переходилъ къ политикѣ. Въ то время Пруссія добивалась дружбы съ Россіей, а съ Сѣверной Америкой велись переговоры объ уступкѣ ей русскихъ американскихъ владѣній. Возникалъ вопросъ о возможности союза между этими тремя державами, но итальянецъ непремѣнно хотѣлъ включить въ него и Италію, а адмиралъ утверждалъ, что можно обойтись и безъ нея. Уголини доказывалъ, что въ этомъ союзѣ не будетъ души, которую и должна собой представить Италія, создавшая Рафаэля и его Мадонну. Тутъ перебиралась вся живопись, всѣ великія произведенія искусства. Споръ становился все горячѣе; трубка съ турецкимъ чубукомъ и табакерка чаще и быстрѣе переходили изъ рукъ въ руки; наконецъ, собесѣдни-

Библиотека "Руниверс"

ки вспоминали Гарибальди. Онъ прекращалъ споръ: оба собесѣдника одинаково преклонялись предъ нимъ.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей дома Колтовскихъ былъ и протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ, тоже одинъ изъ подвижниковъ Севастопольской обороны. Это былъ другъ дома, дѣлившій съ семьей Егора Ивановича всѣ радости и горести и проводившій въ бесѣдахъ съ адмираломъ многіе часы. Вообще Егоръ Ивановичъ пользовался всегда общею любовью и уваженіемъ. Нахимовъ, Корниловъ, Меньшиковъ выказывали ему большое расположеніе, да и у всѣхъ его современниковъ осталась о немъ прекрасная память. «Да, говорили они потомъ, это былъ лихой, храбрый и честный морякъ, какихъ мало; онъ не любилъ разсказывать о своей службѣ, чтобы какъ-нибудь не выставить себя,—это черта всѣхъ истинно честныхъ и благородныхъ людей, которые говорятъ, что ничего не сдѣлали особеннаго, а лишь исполнили долгъ службы».

Егоръ Ивановичъ Колтовской умеръ 5-го апрѣля 1870 года въ день своего рожденія, а погребенъ на старомъ кладбищѣ Одессы, 8-го апрѣля, на другой день послѣ своихъ именинъ. Ему было 78 лѣтъ. Незадолго до смерти старый морякъ просилъ похоронить его какъ можно проще, въ простомъ сосновомъ гробу, какъ матроса, покрывъ лишь адмиральскимъ флагомъ. Но эти желанія не могли быть исполнены. Генералъ Олоховъ, узнавъ о смерти адмирала Колтовскаго, сдѣлалъ распоряженіе о собраніи войскъ для отданія усопшему послѣднихъ почестей. Похороны были весьма торжественны, и погребальная процессія тянулась нѣсколько кварталовъ. Могила покрыта мраморной доской съ простою надписью: «адмиралъ Егоръ Ивановичъ Колтовской».

П. Голубовскій.

Библиотека "Руниверс"

Изъ бумагъ статсъ-секретаря А. Д. Комовскаго.

(Переписка его съ разными лицами [1]).

5.

А. Д. Комовскій—князю Меншикову.

26-го мая (7-го іюня) 1846 г. Воскресенье. Киссингенъ.

Изъ грустнаго содержанія прилагаемаго при семъ въ копіи письма къ посланнику нашему при Баварскомъ дворѣ тайн. совѣтн. Северину ваша свѣтлость изволите усмотрѣть, какимъ непріятнымъ происшествіемъ поражены русскіе въ Киссингенѣ.

Зная, сколько ваша свѣтлость были всегда милостивы и внимательны къ семейству Голенищева-Кутузова, я рѣшился изложить здѣсь собственно для вашего частнаго свѣдѣнія нѣкоторыя пояснительныя подробности.

Прибывъ въ Киссингенъ, я нашелъ Кутузова въ томъ же домѣ, гдѣ нанята была и мною квартира. Обрадованный сосѣдствомъ, онъ съ торжествомъ разсказалъ мнѣ о предпріятіи своемъ устроить здѣсь для русскихъ церковь, на что будто-бы собрана уже имъ значительная сумма по подпискѣ, въ которой приняли участіе и вел. кн. Михаилъ Павловичъ и его выс. цесаревичъ. Трудно было не увѣриться въ обдуманности предпріятія, повидимому окончательно уже приготовленнаго къ исполненію, увидѣвъ квартиру его наполненную образами и всѣми принадлежностями для церкви. Между тѣмъ прочитавъ въ издаваемомъ

[1]) См. „Русскую Старину“, іюнь, 1897 г.

Библиотека "Руниверс"

при водахъ Kurliste, что почтенный коллега мой прибылъ сюда самъ шесть и какъ написано было въ одномъ изъ періодическихъ мѣстныхъ изданій на собственныхъ лошадяхъ, съ собственнымъ кучеромъ, со свитою и прислугою, mit Begleitung und Dienerschaft, я подумалъ, что вѣроятно снабженный щедро отъ правительства, о чемъ намекалъ неоднократно самъ Кутузовъ, какъ прямой наслѣдникъ пустаго тщеславія и всѣхъ полубарскихъ замашекъ покойнаго своего отца, почелъ необходимымъ пріѣхать сюда en grand seigneur, дабы, какъ говорится, пустить нѣмцамъ пыль въ глаза. Сначала это было только смѣшно. Потомъ становилось уже загадочнымъ и непріятнымъ тѣмъ болѣе, что прибывавшіе сюда иностранцы подсмѣивались надъ Seiner Exellenz, у котораго въ свитѣ оказалась какая-то дама— пожилая и некрасивая—вѣроятно неотступная привязанность старыхъ грѣховъ; сверхъ того лакей-пруссакъ съ пѣтушинымъ посланническимъ перомъ на шляпѣ, мальчишка-казачекъ въ изношенномъ получеркесскомъ нарядѣ. Стали появляться насмѣшливыя статейки, и недавно кто-то, конечно съ умысломъ, напечаталъ въ фельетонѣ «Journal de Francfort» отъ 26-го мая с. г. коротенькое извѣстіе, что parmi les étrangers arrivés dernièrement à Kissingen, se trouve un jeune circassien parent de Chamil. Ce jeune homme agé de 12 ans fait partie de la suite du lieutenant-général M. de Koutousoff.

Хорошо что Васька-казачекъ не читаетъ по французски!! Щекотливо, а надо было замѣтить Кутузову, съ которымъ впрочемъ до сего времени не былъ коротко знакомъ, что лучше было бы не давать повода ни къ какимъ статьямъ за границею о русскихъ, а тѣмъ менѣе къ статьямъ въ родѣ п у ф а. Особенно побудило меня къ этому замѣчанію то, что я узналъ и къ сожалѣнію н е отъ русскихъ, что всѣ маленькія привѣтственныя статьи какъ напр. въ родѣ слѣдующей: Seine Exellenz Keiserlicher Wirkliche Statsrath Kammerherr und Ritter herr G. Koutousoff прибылъ въ Киссингенъ къ общей радости жителей, увидѣвшихъ въ немъ своего прежняго любимаго гостя, который этотъ разъ пріѣхалъ съ цѣлью устроить и вовсе не средствами правительства, а частными, церковь для своихъ соотечественниковъ, привезъ для нихъ и библіотеку и картинную галлерею, и для удовольствія экипажи съ русскою упряжью и тому под.: особливо, говорю, когда я узналъ, что эти статейки будто-бы писаны по диктовкѣ самого почтеннаго гостя, въ опроверженіе распространеннаго извѣстія, что церковь устраивается въ ожиданіи прибытія высочайшихъ особъ.

На всѣ наши дружескія и откровенныя замѣчанія, Кутузовъ только отвѣчалъ: Ah! vous ne concevez pas!! Между тѣмъ пріѣхали въ Киссингенъ графиня Гейденъ, генер.-ад. Дьяковъ съ женою, генералъ Герштенцвейгъ съ дочерью и нѣсколько другихъ. Въ это время Кутузовъ

Библиотека "Руниверс"

отправлялся на трое сутокъ во Франкфуртъ къ Убри. Возвратясь, онъ сдѣлался невидимъ. Нѣсколько разъ въ день заходилъ я къ нему и не заставалъ дома; онъ все сидѣлъ у своей с в и т ы. Въ одно утро является ко мнѣ эта свита и проситъ навѣстить больнаго. «Je suis malade mortalement»—отвѣчалъ Кутузовъ на мое привѣтствіе. Дѣйствительно, я замѣтилъ, что онъ разстроенъ и встревоженъ чѣмъ-то. На предложеніе мое пойти погулять, вмѣстѣ съ нами отобѣдать, Кутузовъ согласился и ничто не обнаруживало въ немъ приготовленія къ какому-нибудь рѣшительному поступку, и еще менѣе проступку. Братъ нашего Д** [1]), Кутузовъ и я разстались послѣ обѣда весьма спокойно. Не прошло и часу времени, какъ ко мнѣ въ садъ подбѣгаетъ встревоженная графиня Гейденъ «Je vous cherchais m-r, de grâce expliquez moi ce qui arrive». Съ этими словами она разсказала мнѣ о самой трагической сценѣ съ Кутузовымъ. Онъ пришелъ къ ней съ видомъ отчаянія и просилъ спасти его. «Sauvez moi, sauvez moi, je suis un homme perdu». Не понимая въ чемъ дѣло, графиня Гейденъ только перепугалась. Кутузовъ требовалъ отъ нея денегъ, всѣхъ ея векселей, просилъ послать немедленно за банкиромъ и занять для него 2400 р. угрожая въ случаѣ отказа застрѣлиться, зарѣзаться и т. д.

Стараясь успокоить его, графиня предложила ему сколько могла изъ наличныхъ своихъ суммъ, онъ этимъ не удовольствовался и вышелъ.

Я побѣжалъ къ Кутузову, узнать о причинѣ отчаянія и предупредить дальнѣйшія сцены. Его не было дома.

Къ ужасу нашему, вечеромъ того же дня, распространился слухъ, что подобная сцена и гораздо худшая по частностямъ, которыхъ я не рѣшаюсь описывать, разыграна была имъ въ домѣ польской графини Бобръ, проживающей здѣсь также безъ мужа съ двумя дочерьми. Надо было принять мѣры. Ген.-ад. Дьяковъ, ген. Герштенцвейгъ просили меня поговорить съ Кутузовымъ и посовѣтовать ему выѣхать отсюда скорѣе. Я засталъ его въ постели разстроеннаго совершенно физически. Не говоря мнѣ ни слова о сценахъ у двухъ графинь, а признаваясь только въ затруднительныхъ своихъ обстоятельствахъ, но между тѣмъ не поясняя ничего откровенно, Кутузовъ просилъ меня прислать средства расплатиться съ долгами, которые успѣлъ сдѣлать въ Кенигсбергѣ, Берлинѣ и здѣсь и скорѣе уѣхать.

Дабы однако сколько можно благовиднѣе прикрыть гнусность поступка Кутузова, нужно было распустить слухъ о разстройствѣ его разсудка. Онъ и дѣйствительно былъ не въ своемъ умѣ.

Обсуживая и придумывая, что можно сдѣлать для спасенія помѣшавшагося, который безпрестанно твердилъ, что ему остается только

[1]) Фамилія не разобрана.

Библиотека "Руниверс"

лишить себя жизни, въ общемъ нашемъ совѣтѣ рѣшено было предложить ему обратиться поскорѣе къ ближайшимъ посольствамъ или къ Убри или къ Северину. Намеками весьма неясными, Кутузовъ обнаружилъ мнѣ, что у перваго онъ уже однажды занималъ, а послѣдній имѣетъ кажется, какой-то поводъ на него сердиться, и конечно откажетъ въ его просьбѣ. Только одна подписка русскихъ и одолженіе богатой, по словамъ его, польской графини Бобръ могутъ его выручить изъ бѣды и спасти. Конечно онъ не хотѣлъ, или въ разстройствѣ ума не могъ уже понимать: какъ неблаговидно первое и какъ постыдно и унизительно было бы послѣднее средство. Послѣ многихъ совѣщаній и переговоровъ мы рѣшили прибѣгнуть за него къ тайн. сов. Северину. Г.-ад. Дьяковъ и всѣ участники одобрили написанный мною проектъ письма и при докторскомъ свидѣтельствѣ оно отправлено уже къ посланнику. Можетъ быть ходъ его будетъ оффиціальный и безъ сомнѣній дѣло это дойдетъ до Петербурга. Ваша свѣтлость, зная теперь подробности, будете конечно менѣе поражены слухомъ о бѣдствіяхъ камергера Кутузова. Есть поступки, которыхъ безнравственность легче оправдать сумасшествіемъ, и потому для насъ всѣхъ утѣшительнѣе было признать, что соотечественникъ нашъ дѣйствительно разстроенъ умомъ. Иначе я не знаю, можно ли было принять какое либо въ немъ участіе? Притомъ другаго средства къ его спасенію мы и придумать не могли. Пусть родственники Кутузова, которымъ можетъ быть только поверхностно будетъ извѣстно это дѣло, не сѣтуютъ на насъ за то, что мы передали, а не предали несчастнаго въ руки нашего правительства, предупредивъ распоряженіе чуждаго. Впрочемъ все это сдѣлано съ согласія самого Кутузова, послѣ предложенныхъ ему другихъ средствъ, которыя онъ рѣшительно отвергалъ, видя только въ заступничествѣ посланника свое спасеніе и готовясь на всѣ непріятныя послѣдствія этого дѣла въ Петербургѣ.

Принявъ вмѣстѣ съ прочими участіе въ положеніи Кутузова, я по необходимости, какъ ближайшій къ нему и по мундиру и по жительству, долженъ былъ посредничать между его желаніями и мольбою даже и единодушнымъ рѣшеніемъ общества русскихъ, по справедливости оскорбившихся его поступками.

Не заботясь о томъ, что будутъ говорить родные Кутузова, я останусь совершенно спокоенъ въ совѣсти, ежели ваша свѣтлость при внимательномъ взглядѣ на это дѣло, одобрите путь, избранный для спасенія несчастнаго отъ стыда и посрамленія имени русскаго за границею.

Мнѣ весьма непріятно, что послѣднее мое письменное обращеніе къ вашей свѣтлости, предъ возвратомъ моимъ въ Россію, куда надѣюсь изъ Стетина прибыть 9-го или 10 іюля с. г., заключаетъ въ себѣ изложеніе такого мрачнаго дѣла. Но я не смѣлъ не извѣстить васъ конфи-

Библиотека "Руниверс"

денціально о подробностяхъ происшествія, которое конечно, секретомъ долго оставаться не будетъ ни въ Петербургѣ, ни еще менѣе за границею. Сожалѣю вообще, что оно случилось въ эпоху моего пребыванія въ Киссингенѣ, куда я пріѣхалъ вовсе не для сильныхъ ощущеній, которыя только могутъ повредить успѣшному доселѣ дѣйствію Рагоцци.

Въ надеждѣ скоро лично повергнуть себя благорасположенію и милостямъ вашимъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія и искренней преданности имѣю честь быть.

— —

Письмо генералъ-адъютанта Дьякова Д. П. Северину.

24-го мая (5-го іюня) 1846 г. Киссингенъ.

Милостивый государь, Дмитрій Петровичъ!

Спѣшу сообщить вашему превосходительству обстоятельство, въ которомъ одно только непосредственное и ежели возможно немедленное участіе ввѣреннаго вамъ посольства можетъ быть дѣйствительно для предупрежденія всѣхъ непріятныхъ для имени русскаго послѣдствій.

Прибывшій сюда для устройства церкви дѣйств. ст. сов. камергеръ Голенищевъ-Кутузовъ съ нѣкотораго времени находится въ такомъ тяжкомъ разстройствѣ здоровья, съ признаками ослабленія разсудка, что не имѣетъ возможности совершить предпринятое дѣло, и при крайнемъ положеніи своихъ денежныхъ обстоятельствъ, онъ вынужденнымъ нашелъ для скорѣйшаго возвращенія въ Россію, откуда послѣ недавней кончины своего отца не получаетъ никакого извѣстія отъ матери, прибѣгнуть къ нѣкоторымъ изъ находящихся здѣсь русскихъ съ просьбою о денежномъ пособіи, угрожая, конечно въ припадкѣ прилива крови къ головѣ, лишить себя жизни, ежели не придутъ на встрѣчу къ его нуждамъ, которыя, какъ онъ признался, простираются съ предъявленными на него сдѣланными за границей долгами до 4 тыс. р. сер.

Число русскихъ здѣсь весьма незначительно и при томъ все люди небогатые. При всей готовности и при всемъ желаніи каждаго изъ насъ какъ спасти Кутузова, такъ и предупредить всякое несчастіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности удалить поводъ къ неблаговиднымъ толкамъ за границею о поступкахъ, хотя и болѣзненныхъ русскаго камергера съ столь извѣстнымъ именемъ Кутузова, никто изъ насъ однако не въ состояніи удовлетворить вполнѣ нужды больнаго и несчастнаго, желающаго немедленно уѣхать на родину.

Онъ прибылъ сюда съ двумя крѣпостными своими людьми и жен-

Библиотека "Руниверс"

щиною, нанявъ еще въ Кенигсбергѣ прусскаго лакея, съ которымъ теперь возвратъ долженъ ему стоить значительной суммы. Денегъ же у него, какъ онъ говоритъ, рѣшительно нѣтъ, а отъ родныхъ своихъ, въ Петербургѣ находящихся, по словамъ его, никакой помощи ожидать не можетъ. Тревожась мыслію, что за предъявленные на него векселя, и при дальнѣйшемъ здѣсь пребываніи, онъ по справедливости можетъ подвергнуться невыносимому для чести осрамленію, г. Кутузовъ проситъ спасти его.

Принимая въ немъ, какъ соотечественникѣ искреннее участіе, всѣ находящіеся здѣсь на лицо русскіе: генер. отъ артиллеріи Герштенцвейгъ, жена ген.-лейт. Плаутина, графиня Гейденъ, жена свиты его велич. контръ-адмирала, камергеръ Комовскій, просили меня и я съ готовностью принялъ на себя отнестись къ вашему превосходительству съ убѣдительнѣйшею просьбою о принятіи благосклоннаго участія въ судьбѣ погибающаго и морально и физически Кутузова, о доставленіи ему возможности безъ посрамленія немедленно выѣхать отсюда средствами русскаго правительства. Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшее его пребываніе за границею повлечетъ къ большимъ непріятностямъ для имени русскаго. Во власти вашего превосходительства предупредить бѣду и гибель г. Кутузова.

Сообщая вамъ, милостивый государь, на благосклонное уваженіе и къ дальнѣйшимъ зависящимъ отъ васъ мѣрамъ о тяжелыхъ обстоятельствахъ камергера Кутузова, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть.

6.

Кн. Меншиковъ—А. Д. Комовскому.

14-го августа 1853 г. Николаевъ.

Благодарю васъ, любезный Александръ Дмитріевичъ, за извѣщенія, заключающіяся въ отпискахъ вашихъ, изъ коихъ послѣдняя, отъ 26-го іюня. Отплатить вамъ тою же монетою, т. е. извѣстіями отсюда, не могу, ибо мы находимся безъ положительныхъ свѣдѣній о происходящемъ въ политическомъ мірѣ. Всѣ сношенія сосредоточиваются между Петербургомъ, Вѣною и Константинополемъ и проходятъ минуя Одессу; дипломатическая же моя дѣятельность ограничивается сидѣніемъ у моря въ ожиданіи погоды и болѣе въ ожиданіи съ нетерпѣніемъ часа обратнаго пути къ дому, для поправленія совсѣмъ разстроеннаго здоровья.

Остаюсь въ надеждѣ скораго съ вами свиданія, а до того прощайте.

Библиотека "Руниверс"

7.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

31-го октября 1853 г.

Вчера я получилъ отъ князя А. С. Меншикова письмо, которое кончается такъ:

«Ежели мнѣ должно будетъ зимовать здѣсь, то мнѣ необходимо имѣть сотрудника по письмоводству. Могу-ли я въ такомъ случаѣ оторвать васъ отъ многосложныхъ дѣлъ, вамъ поручаемыхъ, и просить о командированіи васъ ко мнѣ. Ожидаю вашего отзыва».

На подобный вызовъ что могъ я отвѣчать человѣку и министру, подъ начальствомъ котораго я прослужилъ прямо, честно и ретиво безъ малаго 16 лѣтъ. Ваше императорское высочество удостоите меня понять, что отвѣтъ мой былъ продиктованъ этою самою 16-лѣтнею непосредственною при князя службою.

Я благодарилъ за вызовъ, сказалъ, что въ теченіе моей службы привыкъ покоряться и самъ, готовый на все и всюду, повергаю рѣшеніе о моей командировкѣ благоусмотрѣнію тѣхъ, въ чьихъ рукахъ вся моя гражданская судьба.

Поспѣшая о вызовѣ и объ отвѣтѣ довести до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества, имѣю честь присовокупить, что въ посылаемомъ мною завтра письмѣ я пишу къ его свѣтлости и о дѣлаемомъ мною вашему высочеству донесеніи.

8.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

„ декабря 1853 г. Севастополь.

Пользуясь милостивымъ и драгоцѣннымъ дозволеніемъ вашего императорскаго высочества, могу ли я пропустить первую отходящую при мнѣ курьерскую почту, чтобы не осмѣлиться письменно вамъ выразить, какъ много теплаго и прочнаго посѣяно вашимъ высочествомъ въ моихъ безпредѣльно благодарныхъ душѣ и сердцѣ тѣмъ благосклоннымъ вниманіемъ, которымъ вы удостоивали мои труды въ продолженіе 11-ти мѣсяцевъ моихъ занятій, подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ.

Новый знакъ благоволенія вашего высочества къ отсутствующему,

Библиотека "Руниверс"

о чемъ я прочелъ здѣсь, въ наградномъ спискѣ къ приказу 6-го декабря, утѣшаетъ меня мыслію и надеждою, что можетъ быть и впредь въ грядущемъ на мнѣ не сбудется французская поговорка: «que les absents ont tort».

Я прибылъ сюда 17-го числа, испытавъ на дорогѣ по Крыму всѣ неудобства отъ неожиданной гостьи—холодной и снѣжной зимы! Снѣгъ, споря съ грозою, согласились составить союзомъ своимъ такую кашу, что я уже не ѣхалъ, а тащился,— протирался по ней и особливо отъ Перекопа до Севастополя.

Его свѣтлость я нашелъ въ добромъ здравіи, но не могу скрыть,— физически онъ замѣтно постарѣлъ, хотя въ его годы духомъ бодръ попрежнему и дѣятеленъ до невѣроятности.

Приказаніе вашего императорскаго высочества я исполнилъ, передавъ лично генералъ-адъютанту Корнилову лестный отзывъ вашъ о военныхъ дѣлахъ черноморцевъ-молодцовъ и объ удовольствіи вашего высочества, что первые храбрые подвиги принадлежатъ судамъ, на которыхъ вы изволили сами служить.

Мнѣ истинно пріятно было познакомиться съ героями славнаго Синопскаго дѣла; я былъ у нихъ всѣхъ съ визитомъ.

Здѣсь все кипитъ военною дѣятельностію. Для отдыха и развлеченія—балы по четвергамъ въ собраніи, спектакли въ театрѣ, и Османъ-паша, плѣнный и раненый, который говоритъ по-итальянски, почему я и намѣренъ посѣтить его хоть разъ.

Воинственнымъ духомъ здѣсь преисполнено все. Отъ 120-ти пушечнаго корабля и отъ починенныхъ стѣнъ береговыхъ батарей до послѣдняго кондуктора все дышетъ желаніемъ встрѣтиться не съ однимъ поклонникомъ луны, а и съ гордыми его друзьями, постыдно подстрекающими его на позорную и для него, конечно, навѣрно послѣднюю борьбу. Хотѣлось бы передъ Джономъ Булемъ такъ чихнуть, чтобы ему не поздоровилось. Словомъ, по-истинѣ—

„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!“

Простите мнѣ, ваше высочество, невольный восторгъ! Увлеченія патріотическаго чувства—отрадны.

Не утруждая болѣе вниманія вашего императорскаго высочества, позвольте мнѣ закончить поздравленіемъ васъ съ наступающимъ годомъ и отъ искреннѣйшаго самаго признательнаго сердца пожелать вамъ и всему августѣйшему семейству вашему благословеніе отъ Царя-царей. Да укрѣпитъ Господь Богъ ваше высочество здоровьемъ для совершенія всѣхъ благихъ начинаній вашихъ. Молю также Бога, да сохранитъ Онъ въ благородномъ молодомъ сердцѣ на вѣчныя времена вашему высочеству ту благодѣтельную теплоту, которую нерѣдко утрачиваютъ

Библиотека "Руниверс"

отъ столкновенія съ людьми и трудомъ, но отъ которой въ сердцѣ вашемъ будетъ зависѣть счастье всѣхъ, кто судьбою поставится въ кругу его лучей и за которую благословится имя ваше.

Повергая себя къ стопамъ ея императорскаго высочества, съ чувствами безпредѣльной преданности имѣю честь быть вашего императорскаго высочества съ искренною благодарностью всепокорнѣйшимъ слугою.

9.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

19-го мая 1854 г. Среда. Севастополь.

Ваше императорское высочество!

Пріемлю смѣлость представить при семъ выписку изъ частнаго письма [1]) командира шкуны «Востокъ», капитана-лейтенанта Римскаго-Корсакова.

Изъ оффиціальныхъ, конечно, не гласныхъ донесеній генералъ-адъютанта Путятина ваше императорское высочество изволите уже, по всей вѣроятности, имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія объ экспедиціи на островъ Сахалинъ; смѣю, однако, думать, что и частное письмо командира шкуны, гласности также не подлежащее, особенно для того, чтобы преждевременно не открыть англичанамъ о видахъ нашихъ и обо всемъ, что найдется нами на островѣ Сахалинѣ, какъ-то ломка каменнаго угля и проч.,—смѣю думать, что и это частное письмо удостоится благосклоннаго и любознательнаго вниманія вашего высочества.

Къ выпискѣ прилагается карта мѣстности, начерченная самимъ исполнителемъ экспедиціи.

Въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ Римскій-Корсаковъ пишетъ, что онъ съ гордостью русскаго моряка долженъ отдать справедливость флигель-адъютанту Унковскому, который молодцомъ распоряжается фрегатомъ и довелъ команду свою до такой расторопности и лихости, что своему и постороннему моряку—любо смотрѣть, какъ она работаетъ. А фрегатъ содержится боевымъ и на щегольство. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества — не какъ аттестацію офицера офицеру—тѣмъ болѣе, что хотя оба командира по лѣтамъ службы и сверстники, если не ошибаюсь,—конечно, не шкун-

---

[1]) Выписки этой при письмѣ не оказалось.

Библиотека "Руниверс"

скому аттестовать фрегатскаго; но я присовокупляю объ отзывѣ Римскаго-Корсакова, какъ объ искренномъ достохвальномъ восторгѣ балтійца къ черноморцу, что, какъ извѣстно, не всякій день встрѣчается при взаимныхъ ихъ другъ о другѣ сужденіяхъ.

Здѣсь, въ Севастополѣ, все въ ожиданіи, все въ нетерпѣніи!—можемъ сказать, что по-истинѣ сидимъ у моря и ждемъ погоды! Враги наши что-то долго думаютъ,—посмотримъ: ловко-ль молвятъ? Скоро-ли и чѣмъ-то порадуетъ насъ Балтика?—общее восклицаніе.

Съ искреннѣйшею молитвою, да сохранитъ и благословитъ васъ десница Всевышняго на благо и славу Россійскаго флота, позвольте мнѣ съ чувствами глубочайшаго уваженія и безпредѣльной преданности именоваться вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ и благодарнымъ.

10.

Великій князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому.

1-го іюня 1854 г. Петергофъ.

Я очень благодаренъ вамъ за доставленіе весьма любопытной выписки изъ письма Римскаго-Корсакова и за сообщаемыя вами подробности о его плаваніи.

Искренно желаю вамъ всего лучшаго. Когда будете писать мнѣ въ другой разъ, прошу васъ сказать подробно о состояніи здоровья князя Александра Сергѣевича (Меншикова).

11.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

17-го іюня 1854 г. Четвергъ. Севастополь.

Милостивое предписаніе вашего высочества отъ 1-го іюня изъ Петергофа, дошло до меня, по обыкновенной почтѣ, только 15-го числа сего мѣсяца. Вашему высочеству угодно имѣть подробныя свѣдѣнія о состояніи здоровья князя Александра Сергѣевича. Я счелъ моею обязанностью о благосклонномъ этомъ вниманіи вашемъ доложить князю, который съ благодарностью къ вашему высочеству выслушалъ о данномъ мнѣ приказаніи. Спѣшу исполнить его.

Библиотека "Руниверс"

По моемъ пріѣздѣ сюда, я нашелъ, что его свѣтлость разительно осунулся и похилѣлъ. Вѣроятно, сначала тревоги посольскаго порученія, а потомъ усиленные труды къ приведенію флота, Севастополя и вообще ввѣреннаго ему края въ соотвѣтственное разыгравшимся въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года обстоятельствамъ положеніе—подѣйствовали на его физическія силы. Чѣмъ болѣе работала и напрягалась нравственная и умственная часть его организма, тѣмъ замѣтнѣе слабѣла физическая, обнаруживая и всякія усталости, и естественное вліяніе лѣтъ. Вѣдь его свѣтлости безъ малаго 70. Онъ посѣдѣлъ совершенно и такъ было исхудалъ, что можно было опасаться за постигшее уже его и неотвратимое истощеніе. Нерѣдко, первое время, приходя къ его свѣтлости съ докладомъ, я заставалъ его блѣднаго, растянувшагося въ креслахъ, какъ-бы въ полуживомъ состояніи. Ежедневныя поѣздки верхомъ по воздвигавшимся укрѣпленіямъ и батареямъ, заботы по приготовленію всего, что требовалось для обезпеченія и расположенія прибывавшихъ сюда въ началѣ сего года войскъ, не говорю уже о массѣ бюрократическихъ занятій, при весьма ограниченномъ составѣ его штаба,—все это вмѣстѣ не могло не изнурять старика, который только бодростью духа и обычною веселостію нрава пересиливалъ свою усталость и необыкновенною дѣятельностью своею по-истинѣ удивлялъ насъ всѣхъ.

Съ мая мѣсяца, когда здѣсь уже все, во всѣхъ отношеніяхъ, въ такомъ положеніи, что остается только встрѣтить и достойно угостить незванныхъ и непрошенныхъ,—и здоровье князя какъ-будто стало поправляться. Онъ и полнѣе прежняго, и свѣжѣе на видъ, бодрѣй, какъ и всегда, духомъ, замѣтно бодрѣе теперь и тѣломъ. Встаетъ по большей части очень, очень рано—и нерѣдко тотчасъ на коня! До обѣда—полковникъ Вуншъ (завѣдывающій сухопутнымъ дѣломъ, воинъ Кавказа, и весьма дѣльный, усердный и благородный человѣкъ) и я терзаемъ князя бумагами. Трапезничаемъ мы здѣсь въ 2 часа пополудни всѣ вмѣстѣ и всегда у его свѣтлости, составляя, благодаря Бога, дружную и ладную каютъ-компанію. Послѣ обѣда его свѣтлость немного отдыхаетъ, чтобы къ 5 часамъ быть опять на конѣ, либо для осмотра лагерей, либо для ученія или—какъ недавно—для маневровъ.

Также посѣщаетъ адмиралтейство, доки, суда, на которыхъ недавно, въ присутствіи его, испытывались бомбы новыхъ изобрѣтеній. Объѣзжаетъ оборонительную стѣнку, смотритъ за успѣхами работъ по разнымъ устройствамъ, то по улучшенію саперами дорогъ. Словомъ, до сумерекъ время не проходитъ у его свѣтлости даромъ. Вечеромъ, послѣ чая, до глубокой ночи опять мы, два мучителя, либо вмѣстѣ, либо по очереди, смотря у кого что накопилось, терзаемъ его докладами бумагами къ подписи и вопросами о разныхъ письменныхъ сношеніяхъ.

Слава Богу, въ настоящее время его свѣтлость не возбуждаетъ во

Библиотека "Руниверс"

мнѣ того опасенія за его здоровье, какое я имѣлъ въ первое время по моемъ сюда прибытіи.

Осмѣлюсь выразить вашему императорскому высочеству мое убѣжденіе, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ пребываніе здѣсь такого лица, какъ князь Александръ Сергѣевичъ, во всѣхъ отношеніяхъ не только полезно, но и благотворно для порядка дѣлъ. Я увѣренъ, ибо вижу это своими глазами, что безъ его присутствія, которымъ примиряются и идутъ въ ладъ всѣ разнохарактерныя власти, устранены всякія столкновенія самолюбій, честолюбій и пр., далеко не было бы такъ быстро и успѣшно произведено то, чѣмъ, право, здѣсь могутъ теперь похвалиться. Думаю даже, что и усердіе многихъ усилилось только потому, что свидѣтелемъ этого усердія можетъ быть князь Меншиковъ, а не иная мѣстная здѣсь власть.

Безъ всякой лести князю, потому что этого онъ отъ меня никогда и не услышитъ, я счелъ моимъ долгомъ откровенно высказать вашему высочеству мое убѣжденіе, прося великодушно простить меня за длинное письмо, въ которомъ я старался только изложить все, какъ вижу и какъ понимаю.

При самомъ искреннемъ желаніи вашему высочеству всѣхъ благъ отъ Всевышняго съ молитвою—да осѣнитъ Господь Богъ десницею своею все грядущее ваше, имѣю честь быть съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и безпредѣльной преданности вашего императорскаго высочества покорнѣйшій и благодарный.

12.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

21-го ноября 1854 года.

Канцелярія морскаго министерства, сообщивъ мнѣ копію съ отношенія къ вамъ ея императорскаго высочества государыни великой княгини Маріи Николаевны—президента Академіи Художествъ, отъ 25-го октября, № 1289, просила доставить свѣдѣнія объ обстоятельствахъ кончины ген.-ад. Корнилова и о мѣстности, гдѣ онъ былъ смертельно раненъ и гдѣ предполагается поставить ему памятникъ.

Вслѣдствіе этого я обращался къ г-ну командиру порта о снятіи возможно обстоятельнаго плана мѣстности; а къ капитанъ-лейтенанту Попову и лейтенанту Жавдру, находившимся при покойномъ адмиралѣ,—объ описаніи подробно того, чего они были сами личными свидѣтелями.

Библиотека "Руниверс"

Планъ мѣстности, какъ она въ настоящее время, съ обозначеніемъ пункта, гдѣ былъ раненъ генералъ-адмиралъ Корниловъ, составленъ по указаніямъ контръ-адмирала Истомина.

Имѣя честь представить при семъ этотъ планъ, съ приложеніемъ и подлинной записки лейтенанта Жандра, обязываюсь присовокупить, что отъ капитанъ-лейтенанта Попова, свидѣтеля кончины, но занятаго теперь чрезвычайно по дѣламъ военныхъ обстоятельствъ, я, вѣроятно, не замедлю получить описаніе и поспѣшу тогда представить и его записку вашему императорскому высочеству.

Коллежскій совѣтникъ Крыловъ съ третьяго-дня уже здѣсь и приступилъ къ исполненію возложеннаго на него истинно христіанскаго порученія [1]), за которое благословится всѣми ближне-любивое сердце вашего высочества, и да наградитъ васъ Господь Богъ всѣми утѣшеніями въ жизни!

Наши богатыри-моряки съ благоговѣніемъ и восторгомъ слушаютъ и глубоко принимаютъ въ душу каждое слово царскаго спасиба! Они все болѣе и болѣе (ежели только для нихъ возможна какая-нибудь степень возвышенія чувствъ) преисполняются желаніемъ угодить царю-батюшкѣ и радовать его! До сей минуты продолжаютъ мужественно отстаивать Севастополь, не уступая ниже единой пяди врагу. Любо-дорого какіе молодцы!

Какъ съ самаго начала, такъ и теперь, я твердо вѣрую и уповаю, что Всевышній увѣнчаетъ благимъ концомъ родное для всей святой Руси дѣло. Вникая въ подробности здѣшнихъ событій, отъ Алминскаго дня до сей минуты, признаюсь вашему высочеству, я, какъ человѣкъ не военный, кромѣ благословенія и особенныхъ милостей Божьихъ, ничего не вижу! Какъ-бы ни одностороненъ, какъ-бы ни страненъ былъ мой взглядъ,—предъ вашимъ императорскимъ высочествомъ осмѣлюсь откровенно выразить его: первый, еще весьма неважный успѣхъ союзниковъ подъ Альмою видимо ослѣпилъ ихъ; они впали въ рядъ теперь ужъ неоспоримыхъ ошибокъ, которыя, сверхъ ожиданія, дали намъ возможность, при тогдашнихъ нашихъ средствахъ, успѣть во многомъ, многимъ воспользоваться и, взвѣшивая все обдуманно, работая усиленно, соображая мощь врага, безъ пренебреженія достигнуть того, что Севастополь до сихъ поръ успѣшно отражаетъ всѣ вражескіе замыслы, и что положеніе непріятеля, по моему мнѣнію, далеко въ настоящую минуту не блестящее. Вопросъ: было ли бы то же и имѣли ли бы мы даже настоящія наши средства, если бы дѣломъ подъ Альмою мы могли возгордиться?.. Испытывая насъ въ смиреніи, посылая и намъ тяжкія минуты, Святой Промыслъ, ежели только прослѣдить шагъ за шагомъ

[1]) По обезпеченію больныхъ и раненыхъ чиновъ черноморскаго флота.

Библиотека "Руниверс"

всѣ обстоятельства съ 1-го сентября, не перестаетъ быть на сторонѣ православнаго дѣла.

Успѣхи очевидные, успѣхи блестящіе могли бы, можетъ быть, и насъ ослѣпить, и мы, какъ это случалось въ исторіи, впали бы въ то же, всегда вредное для дѣла, пренебреженіе къ врагу, какимъ (таково мое убѣжденіе) наказываются уже и теперь наши кичливые противники. Господь пока бережетъ насъ отъ этого искушенія, но испытуетъ. Испытанія тяжки, конечно, но слѣдуетъ смиренно покоряться, помня слова Писанія: «терпѣніемъ стяжите души ваша, а претерпѣвый до конца—той спасенъ будетъ!»

До сей поры, и въ этомъ я чувствомъ христіанской моей покорности завѣряю ваше высочество, не было у меня ни одной минуты, чтобы я опасался не только за все наше дѣло, но и за Севастополь. Конечно, что́ еще будетъ—единъ Богъ знаетъ. Все въ Святой Его волѣ. Но сколько я понимаю вещи, не стратегически и не тактически только разсуждая, положеніе союзниковъ теперь, въ настоящую минуту,—морально, должно быть весьма, весьма критическое! Матеріальныхъ ихъ средствъ и числительной ихъ силы я не разбираю! Что́ они предпримутъ и что́ могутъ предпринять въ это страшное ненастье и въ эту невообразимую грязь—предугадать трудно. Отчаянье и упорство двухъ соперничествующихъ славолюбіемъ и стойкостью націй на все можетъ ихъ побудить. Благоразуміе и человѣчество должны бы, кажется, шепнуть имъ: «не лучше ли по-добру, да по-здорову поскорѣй домой!»

Простите мнѣ, ваше высочество, великодушно, что, не писавъ давно, я осмѣлился теперь распространиться о моемъ посильномъ взглядѣ на событія. Подкрѣпить мой взглядъ я могъ бы только подробностями моихъ собственныхъ наблюденій. Излагать ихъ—было бы утруждать ваше императорское высочество новою просьбою о снисхожденіи, а притомъ заблуждаться такъ свойственно человѣку, что, несмотря на пятый десятокъ моей жизни, я, однако, въ безошибочности своей, при всемъ самолюбіи, не убѣжденъ безусловно.

Позвольте просить повергнуть меня къ стопамъ ея императорскаго высочества государыни великой княгини.

При желаніи вашему высочеству всѣхъ благословеній Божьихъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть вашего императорскаго высочества и проч.

Библиотека "Руниверс"

13.

Великій князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому.

30-го ноября 1854 г., № 10576.

Письмо ваше, любезный Александръ Дмитріевичъ, отъ 21-го ноября, № 7, я получилъ съ удовольствіемъ 29-го числа и благодарю васъ за доставленіе подробностей о смерти Корнилова, за планъ мѣстности и вообще за все содержаніе письма вашего. Я глубоко уважаю выраженныя въ немъ религіозныя чувства и вѣрю, что испытанія, посылаемыя намъ Провидѣніемъ, служатъ всегда къ нашей же пользѣ, и что мы должны благодарить Его за тѣ бѣдствія, которыя научаютъ насъ смиренію и указываютъ на дѣлѣ: сколь слабъ умъ самыхъ разумныхъ и ничтожны силы сильныхъ. Прошу васъ помочь Крылову при исполненіи даннаго ему порученія и увѣдомить меня: не нужно ли еще денегъ для раненыхъ въ дополненіе къ тѣмъ суммамъ, которыя были доставлены отъ меня князю Александру Сергѣевичу. Мы не пожалѣемъ здѣсь ничего, чтобъ успокоить нашихъ героевъ-черноморцевъ.

14.

А. Д. Комовскій—великому князю Константину Николаевичу.

23-го января 1855 г., Воскресенье. У сѣвернаго укрѣпленія Севастополя.

Живя постоянно наблюдательно и стараясь при исполненіи долга и обязанностей службы не упускать изъ вида тѣхъ предметовъ, о которыхъ соображенія, ежели не въ настоящемъ, то въ будущемъ, могутъ принести пользу, я встрѣтилъ, разумѣется, обильную жатву въ нынѣшнихъ событіяхъ, коихъ самъ до сей минуты личный свидѣтель и даже въ нѣкоторой степени участникъ.

Въ иныхъ предметахъ признавая себя не судьею, въ другихъ считая всякое разсужденіе преждевременнымъ, пріемлю, однако, смѣлость изложить теперь же со всею откровенностью соображенія мои объ одномъ, который, какъ мнѣ кажется, и въ настоящее время уже долженъ обратить на себя вниманіе нашего правительства. Я разумѣю о дезертирахъ изъ союзнаго лагеря.

Имѣя, между прочимъ, порученіе допрашивать плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, не могу сказать, чтобы уже рѣшительно всѣ, доселѣ отправ-

Библиотека "Руниверс"

ляемые во внутрь Россіи, прошли чрезъ мои руки. Ко мнѣ приводились большею частью тѣ, которыхъ нужно было исключительно допрашивать либо на англійскомъ, либо на итальянскомъ, либо на нѣмецкомъ и даже на испанскомъ (хоть на этомъ съ грѣхомъ пополамъ) языкахъ. Разумѣется, немалое число французовъ перебывало у меня на допросахъ. Не говорю о плѣнныхъ; ихъ количество и пребываніе въ нашихъ рукахъ—есть дѣло военныхъ случайностей. Но на дезертировъ я смотрю съ особенной точки зрѣнія. Судьба первыхъ, т. е. плѣнныхъ, порѣшится съ окончаніемъ войны. Что же касается послѣднихъ, то мнѣ представляется уже и теперь вопросъ: какія мѣры должны быть приняты въ отношеніи ихъ не только по заключеніи мира, но и въ настоящее время, когда они разсылаются въ губерніи и отдѣлъ ихъ отъ плѣнныхъ уже существуетъ.

Важность или выгоды собственно для насъ отъ перебѣжчиковъ—условливается, сколько я опытомъ удостовѣрился, не количествомъ, а качествомъ дезертировъ. Безъ сомнѣнія, врагу было бы крайне убыльно, если бы цѣлый полкъ перебѣжалъ отъ него. Разумѣется, нельзя отвергать, что такой deficit въ войскѣ нашего непріятеля есть уже и для насъ не только матеріальный, но и нравственный барышъ. Но соображая далѣе, для будущаго времени, должно, мнѣ кажется, взвѣшивать не столько количество, сколько качество дезертировъ. Я на опытѣ узналъ, что даже и теперь для важности текущихъ событій одинъ иногда дезертиръ полезнѣе десяти. Случалось отъ многихъ такого толка не добиться, какого наберешь отъ одного смышленаго, дѣльнаго, свѣдущаго и весьма ловко и бойко разсуждающаго дезертира. Такими въ особенности были нѣкоторые итальянцы, частью нѣмцы и немалое число французовъ. На этихъ-то, мнѣ кажется, и слѣдуетъ обратить бдительное вниманіе.

Изъ сихъ послѣднихъ я замѣчалъ такихъ, которые, несмотря на свое простое званіе рядоваго, обнаруживали взглядъ на вещи, разсужденія о политическихъ дѣлахъ, объ отношеніяхъ государствъ, о разныхъ управленіяхъ и т. п., такъ что образъ мыслей ихъ, свободно излагаемый, невольно и не разъ заставлялъ меня думать, что причиною ихъ побѣга могло быть не одно неудовольствіе на свое положеніе въ арміи, а и цѣль для святой нашей матери-Руси небезвредная. Въ самомъ дѣлѣ, какъ знать, съ какими настоящими намѣреніями нѣкоторые, не говорю всѣ, изъ бойкихъ болтуновъ (grands parleurs) перебѣжали къ намъ? Рѣдкій изъ французовъ не съ самодовольствіемъ отвѣчалъ на вопросъ: êtes vous prisonnier?—Non m-r pas du tout: j'ai déserté. Рѣдкій изъ нихъ не обнаруживалъ уже хоть вскользь претензіи на какое-то право особеннаго гостепріимства и вниманія; а ужъ рѣшительно всѣ просили не смѣшивать ихъ съ плѣнными. Послѣднее понятно и по воз-

Библиотека "Руниверс"

можности исполняется. Многіе изъ французовъ и даже большею частью сказывались сиротами, не имѣющими вовсе родныхъ во Франціи. Но кто же знаетъ, къ какимъ партіямъ, къ какимъ правиламъ и идеямъ, можетъ быть пагубнымъ и гнуснымъ, принадлежатъ они въ самой Франціи?.. Соціалисты, прудонисты, коммунисты, какъ извѣстно изъ газетъ, находятся тамъ во всѣхъ слояхъ общества—отъ рядоваго до генерала, отъ ремесленника до ученаго профессора и депутата-оратора.

Вотъ почему мнѣ кажется, что съ дезертирами нужно быть крайне осмотрительну, размѣщая ихъ по губерніямъ на жительство. Нѣмцы, итальянцы и испанцы, изъ легіона перебѣжавшіе къ намъ, можетъ быть по окончаніи войны будутъ возвращены въ свои государства, чего они и желаютъ. Но что сдѣлаютъ съ англичанами (изъ которыхъ большею частью, и особливо въ началѣ, передавались ирландцы), что сдѣлаютъ съ французами? Отъ этихъ-то преимущественно никакого добра не предвижу для насъ. Не смѣю предлагать какую-либо мѣру для нихъ, хотя искренно и душевно желалъ бы, чтобы ихъ какъ можно менѣе и съ крайнимъ разборомъ было оставлено на нашей родной, неиспорченной, но иногда слишкомъ гостепріимной почвѣ. Самая строгая разборчивость и даже излишняя осторожность, мнѣ кажется, въ подобныхъ обстоятельствахъ могутъ принести только пользу, предупреждая всѣ возможныя грустныя и пагубныя послѣдствія. Эта мысль опасенія не требуетъ, кажется, дальнѣйшаго развитія. Что намъ въ этихъ пришлецахъ? «Отойди отъ зла и сотвори благо»—говоритъ мудрое русское изреченіе. Пускай же остаются открытыми для всѣхъ бродягъ, вольнодумцевъ и бѣглецовъ двери Англіи и Америки. Имъ и книги въ руки!

Простите мнѣ, ваше императорское высочество, что я утруждаю васъ изложеніемъ моихъ мыслей. Увѣренный, что побужденіе, которое внушаетъ мнѣ ихъ, близко и вашему истинно русскому сердцу и взгляду, я позволилъ себѣ предоставить ихъ непосредственно благосклонности, вниманію и усмотрѣнію вашего высочества, въ надеждѣ что этимъ оправдается и длинnота моего письма.

Съ чувствами глубочайшаго уваженія и искреннѣйшей преданности имѣю честь быть вашего императорскаго высочества всепокорнѣйшій и благодарный.

15.

А. В. Головнинъ—А. Д. Комовскому.

24-го февраля 1855 г., С.-Петербургъ.

Великій князь генералъ-адмиралъ, какъ скоро узналъ объ окончательномъ увольненіи князя Александра Сергѣевича (Меншикова), тот-

Библиотека "Руниверс"

часъ подумалъ о васъ, почтенный Александръ Дмитріевичъ, и выразилъ намѣреніе просить о назначеніи васъ статсъ-секретаремъ, съ причисленіемъ ко II-му отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи, желая дать вамъ кругъ дѣятельности, сообразный вашимъ способностямъ и знаніямъ, и почетное, вполнѣ заслуженное положеніе. Его высочество поручилъ мнѣ узнать отъ васъ, согласно ли это будетъ съ вашими видами и предположеніями, и совѣтовалъ, въ такомъ случаѣ, воротиться сюда. Искренно радъ доброму расположенію къ вамъ его высочества.

16.

А. В. Головнинъ — А. Д. Комовскому.

2-го марта 1855 года. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ! Въ то самое время, когда почта везла вамъ мой вопросъ о томъ, согласны ли ваши желанія съ предположеніями для васъ генералъ-адмирала, ѣхала сюда записка князя Александра Сергѣевича его высочеству объ исходатайствованіи для васъ чина тайнаго совѣтника и званія сенатора. Сегодня великій князь, докладывая эту записку и желая оставить васъ въ морскомъ министерствѣ, просилъ о назначеніи васъ, кромѣ Сената, также въ морской генералъ-аудиторіатъ, подобно князю Эристову. Государь соизволилъ на производство ваше, но не на сенаторство и не на аудиторіатъ, а самъ изволилъ назначить васъ статсъ-секретаремъ съ причисленіемъ къ морскому министерству и съ сохраненіемъ содержанія, которое вы получали. Все это помѣщено въ сегодняшнемъ приказѣ, и я отъ души васъ поздравляю. Великій князь очень доволенъ этому, и я могу засвидѣтельствовать вамъ, что его высочество искренно расположенъ къ вамъ. Онъ уже придумалъ для васъ работу по прибытіи въ Петербургъ, а именно обревизованіе всѣхъ департаментовъ и канцеляріи морскаго министерства и для начала канцеляріи Толстаго и коммисаріатскій департаментъ, которымъ уже приказано готовиться къ ревизіи вашей. Пріѣзжайте поскорѣе. Сегодня же я обрадовалъ Мар. Ас. Татищеву извѣстіемъ о вашемъ назначеніи.

Библиотека "Руниверс"

17.

Князь В. Долгоруковъ—А. Комовскому.

29-го іюня 1855 г.

Милостивый государь, Александръ Дмитріевичъ! Государю императору благоугодно было приказать мнѣ, чтобы я возложилъ на ваше превосходительство составленіе для его величества одного рескрипта [1]), который до окончательнаго утвержденія онаго долженъ храниться въ совершенной тайнѣ.—Мнѣ было бы необходимо передать вамъ высочайшую волю съ бо́льшею подробностію лично,—а потому примите, милостивый государь, на себѣ трудъ пріѣхать въ Петергофъ безъ малѣйшаго отлагательства и пожаловать ко мнѣ, какъ только вы изволите туда прибыть. Совершенно преданный вамъ князь Василій Долгоруковъ.

Проектъ рескрипта его императорскому высочеству генералъ-адмиралу.

Ваше императорское высочество!

Прочитавъ съ особеннымъ вниманіемъ отчетъ вашего императорскаго высочества, столь добросовѣстно излагающій всѣ дѣйствія, мѣры и распоряженія, послѣдовавшія въ теченіе 1853 и 1854 годовъ по ввѣренному вамъ морскому вѣдомству,—мнѣ истинно утѣшительно было удостовѣриться, что съ самаго вступленія вашего въ главы министерства ваше высочество ревностно принялись за всѣ части обширнаго управленія и съ равнымъ стремленіемъ и заботливостью достигали усовершенствованія флота какъ въ административномъ, хозяйственномъ, такъ и въ строевомъ отношеніи.

Военныя событія настоящаго времени, воспріявшія свое начало въ 1853 году, потребовали усиленной дѣятельности и особенныхъ соображеній, чтобы привести балтійскій флотъ въ такое состояніе, которое бы обезпечивало возможность достойно встрѣтить покушенія враговъ. Ваше императорское высочество съ достохвальнымъ усердіемъ не только исполняли всѣ указанія незабвеннаго нашего родителя, но и сами изыскивали и достигали средствъ усилить оборону съ наименьшею, по возможности, тягостью для государственной казны. Быстро и успѣшно, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, шли работы для вящшей защиты нашихъ сѣверныхъ портовъ,—которымъ, независимо отъ береговыхъ батарей и морскихъ укрѣпленій, ваше высочество придали и защиту судами, но еще быстрѣе, особенною попечительностью вашею,

[1]) На имя генералъ-адмир. велик. кн. Константина Николаевича.

Библиотека "Руниверс"

возникли канонерскія лодки, которыя, съ винтовымъ двигателемъ, впервые явились въ средѣ нашего флота и грозно теперь стали въ ряды морскихъ защитниковъ русской чести и русскаго флота!

Всѣ эти на пользу отечества принятыя мѣры и исполненныя дѣйствія по справедливости приписывая неутомимой и распорядительной заботливости вашей,—я слѣдую внушенію моего сердца и изъявляю вашему императорскому высочеству за столь достохвальное служеніе престолу и отечеству мою душевную и безпредѣльную благодарность какъ любезнѣйшему моему брату, другу и помощнику въ трудахъ управленія одною изъ главныхъ силъ Богомъ мнѣ ввѣренной Имперіи.

18.

Князь В. Долгоруковъ—А. Комовскому.

30-го іюня 1855 г.

Поспѣшаю увѣдомить ваше превосходительство, что государь императоръ изволилъ остаться весьма доволенъ рескриптомъ и хотѣлъ отправить его по принадлежности завтрашній день.

19.

А. В. Головнинъ—А. Комовскому.

6-го іюля 1855 г., среда.

Противъ васъ, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ, работаетъ какая-то невѣдомая мнѣ сила, которую вы сами можетъ быть узнаете. Дѣло въ томъ, что государь сказалъ сегодня генералу-адмиралу, что до свѣдѣнія его величества доходитъ, что вы *зазнались*. Великій князь поручилъ мнѣ предварить васъ и совѣтовать быть осторожнѣе. Завтра я буду въ городѣ и постараюсь къ вамъ заѣхать.

Библиотека "Руниверс"

20.

А. Комовскій—вел. кн. Константину Николаевичу [1]).

7-го іюля 1855 г., четвергъ. С.-Петербургъ.

Ваше императорское высочество!

Милостивое и великодушное вниманіе ваше, изъявленное приказаніемъ предварить меня о тѣхъ грустныхъ и совершенно меня опечалявшихъ свѣдѣніяхъ, которыя доходятъ до государя императора,—тронуло меня до глубины сердца. Не знаю, какъ и выразить вашему высочеству мою благоговѣйную благодарность за такое драгоцѣнное участіе къ моей репутаціи.

Дозвольте просить ваше высочество съ тѣмъ же великодушнымъ вниманіемъ выслушать, не оправданіе мое, потому что ежели я дѣйствительно заслуживаю упрека, то оправданія нѣтъ и быть не можетъ,—удостойте выслушать нѣсколько мыслей по поводу этого несчастнаго для меня свѣдѣнія, доведеннаго до его императорскаго величества, и которое, можетъ быть, произвело уже невыгодное для меня впечатлѣніе.

Въ смиреніи, кротости и скромности—искать прочной основы нетлѣнному достоинству училъ меня съ дѣтскихъ лѣтъ мой отецъ. Это правило руководило меня всегда, руководитъ меня въ особенности теперь. Честнымъ, христіанскимъ словомъ завѣряю ваше императорское высочество, что въ каждодневной молитвѣ моей я прошу Господа Бога о дарованіи мнѣ силы и качествъ явить себя достойнымъ оказанныхъ мнѣ милостей. По совѣсти, я ни въ чемъ не измѣнилъ правилу честной службы, но ежели есть люди, которые имѣютъ свои какіе-нибудь виды вредить мнѣ,—могу ли я удержать ихъ отъ выбора средствъ и путей? Лучшіе же—потому, что сокрытые, и кто же этого изъ опыта жизни не знаетъ? Лучшіе пути: хитрое оклеветаніе или ловкое наушничество. Этими двумя путями такъ вѣрно и такъ искусно достигаютъ цѣли, что у оклеветаннаго, если только коротко его не знаютъ, и возможности не будетъ противодѣйствовать хитро заведеннымъ клаузамъ и отразить отъ себя издали приготовленный ударъ. Желаемое впечатлѣніе

---

[1]) На черновомъ отпускѣ письма Комовскимъ сдѣлана слѣдующая надпись: «На подлинномъ письмѣ, показанномъ мнѣ для моего успокоенія 10-го іюля 1855 г., въ воскресенье, собственною рукою государя карандашемъ написано:

«Ты можешь его успокоить; слухи, до меня дошедшіе, не перемѣнили хорошаго мнѣнія, которое я объ немъ имѣлъ и имѣю».

Библиотека "Руниверс"

производится въ одну минуту, а потомъ годами, иногда и цѣлой жизнью его не изгладишь. Оклеветанный часто не знаетъ: что на него скрытыми врагами взведено!—Вѣдь кто хочетъ повѣрить, что подмѣчая и по-своему толкуя всякое слово, каждое движеніе, всякій даже взглядъ, можетъ обратить все это въ средство сдѣлать изъ мухи слона и даже сему послѣднему придать размѣры, которыхъ только одна разсчитанная злоба не устрашится. Какъ этого избѣжать? Какъ и чѣмъ оправдаться? Чѣмъ оградить себя противъ этихъ путей? Хорошо, ежели еще оклеветаннаго спросятъ, объявятъ о взводимомъ и тѣмъ дадутъ возможность хоть сказать что-нибудь и противу обвиненія привести доказательства. Конечно, еще лучше, ежели онъ коротко и подробно извѣстенъ и не нуждается въ оправданіи себя предъ клеветою, которую все предшествующее его само собою уничтожаетъ!—Но у всѣхъ ли эти средства въ жизни?—Людямъ свойственно ошибаться—особливо насчетъ себя. Живя 41 годъ на свѣтѣ я постоянно отдаю себѣ отчетъ въ жизни особымъ дневникомъ. Стараюсь судить я о себѣ—безпристрастно, потому что въ этомъ отчетѣ я бесѣдую съ своею совѣстью. Характера я былъ всегда болѣе серьезнаго. Сближеніе съ людьми считалъ и считаю дѣломъ осторожности и обдуманнаго выбора. Можетъ быть многіе, которымъ, разумѣется, не было надобности вникать въ мои правила осторожности, приписывали это—прежде какой-то надменности, а теперь относятъ къ тому, что я уже зазнался или зазнаюсь, хотя не думаю, чтобы кто-нибудь и изъ враговъ моихъ могъ упрекнуть меня въ несоблюденіи правилъ общепринятой учтивости. Стараясь исполнять завѣтъ моего отца: идти въ жизни путемъ правды, чести и нелицемѣрія, безъ искательства,—я всегда страшился подать чѣмъ-нибудь поводъ къ заключенію, что или безчестно, или искательствомъ или лестью пролагаю себѣ дорогу къ отличіямъ и повышеніямъ!

Послѣ наставленій моего отца, которыя оставилъ онъ мнѣ въ письмѣ, незадолго до своей кончины въ 1831 году отъ холеры,—незабвенны на всю жизнь останутся для меня слова государя, когда я имѣлъ счастіе представляться его величеству 19-го іюня с. г.: «служите честно, прямо и нелицемѣрно». Я ихъ записалъ въ книгу отчета моей жизни. Ежели не ошибаюсь своею совѣстью,—то противнаго этому я ничего еще не сдѣлалъ.

Не могу себѣ рѣшить, сколько ни придумываю, въ чемъ и кто видитъ, что я зазнался,—упрекъ, поистинѣ огорчительный, потому что во 1-хъ, заслуженный, онъ доказываетъ отсутствіе качествъ хорошаго христіанина, который не можетъ забывать, «что гордымъ Богъ противится»; во 2-хъ, что явно противорѣчитъ принятымъ мною правиламъ для жизни, и въ 3-хъ, что обнаруживаетъ или крайнюю ограниченность ума въ томъ, кто зазнается, или необыкновенно неопытную

Библиотека "Руниверс"

и ничѣмъ не испытанную молодость, способную заноситься, при неможко высшемъ противу ея лѣтъ и росте пьедесталѣ. Я вѣроятно не узнаю тѣхъ, которые, можетъ быть съ намѣреніемъ, стараются утвердить обо мнѣ такое невыгодное мнѣніе. Богъ съ ними! Узнаніе ихъ, прибавило бы только и къ безъ того уже не всегда отрадному изученію людей вообще еще грустнѣйшее узнаніе личностей, въ подтвержденіе этого изученія. Но мнѣ больно, и я истинно несчастливъ, что такое горестное для меня впечатлѣніе произведено въ государѣ—моемъ благодѣтелѣ, котораго милости я еще не успѣлъ ничѣмъ заслужить. Еще болѣе трепещу отъ мысли, что это впечатлѣніе можетъ быть неизгладимое и безвыходное для меня! Я неизвѣстенъ подробно его императорскому величеству,—а словами и завѣреніями одними я ничего доказать не могу. Скажутъ—дѣлами, поступками! Клеветники съумѣютъ и въ дѣлахъ и поступкахъ, самыхъ безукоризненныхъ, найти стороны къ осужденію. Останется въ молитвѣ и собственной совѣсти искать утѣшенія, исполняя долгъ и правила чести, правды и нелицемѣрія, и покориться, впрочемъ, неисповѣдимому промыслу Божію!

Имѣя счастье быть нѣсколько ближе извѣстенъ вашему императорскому высочеству, позвольте надѣяться, что, несмотря на многіе мои недостатки (да кто же, Боже мой, ихъ не имѣетъ?), я еще не потерялъ настолько въ мнѣніи вашемъ, чтобы уже и не смѣлъ искать въ вашемъ высочествѣ благодѣтельной защиты противу дѣлаемаго мнѣ нынѣ упрека, и что ваше высочество удостоите меня милостивымъ посредничествомъ и заступничествомъ, для опроверженія тѣхъ свѣдѣній, которыя во вредъ мнѣ доходятъ до его величества и о которыхъ мнѣ истинно прискорбно и тяжко было узнать.

На милостивый совѣтъ вашего высочества: «быть осторожнѣе»,—осмѣлюсь съ откровенностью сказать, что я недоумѣваю: въ чемъ, гдѣ и съ кѣмъ я былъ и могъ быть неосторожнымъ? Кто тѣ, передъ которыми я зазнался, или обнаружилъ направленіе къ тому?—Мое всегдашнее правило: быть повсюду и со всѣми учтивымъ. Со времени возвращенія моего изъ Крыма, я почти нигдѣ не бываю, мало съ кѣмъ бесѣдую, по утрамъ сижу по большей части дома и занимаюсь, послѣ обѣда ѣзжу по окрестностямъ подышать воздухомъ полей, вечеромъ читаю въ собраніи газеты. Истинно недоумѣваю—что подало поводъ къ дѣлаемому мнѣ упреку?

Простите мнѣ, ваше высочество, что я такъ долго и длинно говорилъ о себѣ. Вниманіе, оказанное вашимъ великодушіемъ, дало мнѣ смѣлость высказаться и этимъ хотя нѣсколько облегчить грусть, которой не могу не чувствовать отъ сообщеннаго мнѣ, хотя, по совѣсти,—въ заносчивости упрекать себя не могу.

Повергая это мое изложеніе снисходительному взгляду вашего вы-

Библиотека "Руниверс"

сочества съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и искренной преданности имѣю честь быть вашего императорскаго высочества всепокорнѣйшій и благодарный.

21.

А. В. Головнинъ—А. Д. Комовскому.

8-го іюля 1855 года, пятница.

Сегодняшнее письмо ваше, почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ, весьма и весьма понравилось вел. князю, и его высочество намѣренъ прочесть оное государю въ будущую среду [1]), полагая, что оно произведетъ весьма хорошее впечатлѣніе и будетъ полезно не только для васъ, но и для другихъ, про которыхъ вздумали бы благопріятели разсказывась небылицу.

22.

Кн. Меншиковъ—А. Д. Комовскому.

(Собственноручно).

26-го іюля 1855 года. Ивановское.

Письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Дмитріевичъ, отъ 22-го числа, я получилъ, равно какъ въ свое время тѣ письма, о коихъ вы меня въ ономъ вопрошаете.

Простите мнѣ продолжительное мое молчаніе, дѣйствительно невольное по постигшему меня недугу непріятнѣйшему. Четвертая уже недѣля, какъ съ нѣкоторымъ возстановленіемъ силъ явился шумъ въ ушахъ и въ головѣ, почти недопускающій меня ни къ какимъ умственнымъ занятіямъ и который ослабляется лишь на открытомъ воздухѣ. Бездѣйствіе употребленныхъ къ исцѣленію средствъ приводитъ медиковъ къ заключенію, что тутъ кроется подагра и что иного мнѣ не остается дѣлать, какъ постничать и терпѣть.

---

[1]) Вмѣсто середы 13-го числа, вел. князь повезъ въ субботу 9-го числа, какъ сообщилъ мнѣ А. В. Головнинъ, заѣхавъ ко мнѣ въ субботу. Примѣч. А. Комовскаго.

Библиотека "Руниверс"

Насказомъ благопріятелей вы подверглись общей участи передовыхъ людей. Это своего рода нравственная подагра, для которой, однакоже, вы нашли хорошее лекарство.

Къ половинѣ августа полагаю возвратиться въ Петербургъ, ежели совсѣмъ не слягу. Итакъ до свиданія.

23.

Вел. князь Константинъ Николаевичъ—А. Д. Комовскому

30-го января 1856 года.

Желая воспользоваться вашею опытностью и познаніями, препровождаю при семъ напечатанные первые листы Проекта образованія морскаго министерства и прошу васъ, въ личное мнѣ одолженіе, разсмотрѣть проектъ сей во всей подробности и по тѣмъ частямъ, которыя вамъ болѣе знакомы какъ въ морскомъ министерствѣ, такъ и по сравненію съ другими вѣдомствами. Потрудитесь доставить мнѣ ваши совершенно откровенныя замѣчанія, не стѣсняясь въ изложеніи оныхъ никакими соображеніями, за что́ я буду искренно вамъ благодаренъ. Продолженіе помянутаго проекта будетъ доставляться вамъ, по мѣрѣ изготовленія, изъ канцеляріи морскаго министерства, а замѣчанія ваши я весьма желалъ бы получить къ 1-му сентября сего года и просилъ бы васъ, для удобства разсмотрѣнія, изложить оныя: на весь проектъ—въ особой тетради или листѣ, а на каждую статью, на которую имѣете что́ сказать—на отдѣльномъ листкѣ. Прошу васъ вѣрить, что всѣ замѣчанія ваши будутъ приняты мною съ искреннею благодарностью.

Сообщ. княгиня А. А. Голицына—графиня Остерманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Желаніе сената принести моленіе въ Казанскомъ Соборѣ по случаю изгнанія непріятеля изъ Россіи.

4-го ноября 1812 года за № 346, оберъ-прокуроръ 1-го отдѣленія 5-го департамента правительствующаго сената Хитрово, по данному ему сенатомъ порученію, представилъ г. министру юстиціи Дмитріеву копію съ состоявшейся того же числа въ правительствующемъ сенатѣ резолюціи, такого содержанія.

«1812 года ноября 4-го дня, правительствующій сенатъ, въ общемъ всѣхъ с.-петербургскихъ департаментовъ собраніи, слушали высочайшій его императорскаго величества манифестъ, изданный въ 3-й день сего ноября, коимъ его императорское величество, возвѣщая всѣмъ своимъ вѣрноподданнымъ, что непріятель, вступившій въ предѣлы Россійской имперіи съ многочисленными его войсками, дѣлавшій убійства, разграблявшій имѣнія, сожигавшій города и села, поругавшій храмы и олтари Господни, наконецъ нынѣ, при помощи всесильнаго Бога, стѣсненный и поражаемый со всѣхъ сторонъ храбрыми его императорскаго величества войсками и ополченіями, принужденъ уже искать спасенія своего въ быстротѣ бѣгства, съ уничиженіемъ, страхомъ и большою потерею,—всемилостивѣйше и торжественно изъявляетъ отъ лица всего отечества признательность и благодарность свою всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи, за ихъ рвеніе и усердіе, коими и единодушнымъ всѣхъ содѣйствованіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія. Правительствующій сенатъ, по выслушаніи таковаго всемилостивѣйшаго его императорскаго величества манифеста, пріемля все изображенное въ немъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, священнымъ долгомъ поставляетъ испросить у его императорскаго величества всемилостивѣйшаго позволенія собраться правительствующему сенату въ Казанскій соборъ, гдѣ, по прочтеніи онаго всемилостивѣйшаго манифеста, могъ бы сенатъ торжественно принести Господу Богу какъ отъ себя, такъ и отъ лица всего народа, теплыя молитвы о здравіи и благоденствіи его императорскаго величества и всего августѣйшаго дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ возблагодарить Всевышняго за одержанныя надъ общимъ врагомъ побѣды. Сіе предоставить исходатайствовать у государя императора господину министру юстиціи».

Императоръ Александръ, принявъ таковое усердіе правительствующаго сената съ монаршимъ благоволеніемъ, предоставилъ ему привести оное въ исполненіе.

Сообщилъ **А. В. Безродный.**

Библиотека "Руниверс"

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПОДОЛІИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

ГЛАВА XIV[1]).

Развязка. — Увольненіе Б—ича отъ званія управляющаго.—Цѣлая толпа жалобщицъ.—Сбѣжавшая горничная.—Нанесенное мнѣ оскорбленіе.—Непріятные посѣтители. — Вызовъ на дуэль. — Оскорбленіе моего секунданта Б—ичемъ. — Моя съ нимъ встрѣча.—Два выстрѣла. — Душевныя муки послѣ преступленія.—Произволъ судебныхъ слѣдователей.—Неожиданное сочувствіе поляковъ.

Я приступаю къ очень скорбной главѣ своего повѣствованія и нахожу неудобнымъ пройти молчаніемъ то страшное несчастіе, которое внезапно обрушилось на мою голову,—такъ какъ, во-первыхъ, если я говорилъ **все** о другихъ, то долженъ говорить то же самое и о себѣ, тѣмъ болѣе, что въ происшедшемъ несчастіи я нисколько виноватъ не былъ; а во-вторыхъ, что несчастіе, устроенное для меня обдуманно и разсчитанно, какъ-бы дополняетъ собою тѣ **уѣздные очерки** нравовъ глухой провинціи конца 70-хъ годовъ, которые я рѣшился воспроизвести здѣсь.

Въ началѣ іюля 1880 года, въ Хмѣльникъ пріѣхалъ главноуправляющій графа Л—ва и привезъ съ собою новаго управляющаго для хмѣльникскихъ имѣній графа. Увольненіе Б—ича было совершенно неожиданно и крайне для него непріятно: онъ сильно волновался, скандальничалъ и всячески оттягивалъ сдачу имѣнія и инвентаря, такъ что, въ концѣ-концовъ, ему должны были «простить» кое-какія его по-

[1]) См. „Русскую Старину", іюнь 1897 г.

Библиотека "Руниверс"

грѣшности,—и только такимъ путемъ удалось выжить его изъ графскаго «зàмка», гдѣ онъ занималъ даровую квартиру.

Сдавъ свою должность, Б—ичъ все-таки, какъ оказывалось, не могъ выѣхать изъ Хмѣльника, такъ какъ онъ засѣялъ обширныя свекловичныя плантаціи на землѣ графа и долженъ былъ поэтому дожить здѣсь до глубокой осени, когда всѣ эти хозяйственныя дѣла могли быть совершенно окончены. Онъ нанялъ въ Хмѣльникѣ частную квартиру, на которой и поселился.

Однажды, въ половинѣ іюля, вечеромъ, ко мнѣ въ домъ пришла цѣлая толпа мѣстныхъ мѣщанокъ—женщинъ и дѣвушекъ, — работавшихъ на плантаціяхъ Б—ича, и заявила мнѣ, что сегодня, по случаю субботы, онѣ получали недѣльный расчетъ за свою работу и что всѣхъ ихъ жена Б—ича обсчитала — «кого на злотъ, кого на двадцать грòшей»,—и когда онѣ уходя заявили, что больше никогда уже не согласятся у нихъ работать, то Б—ичъ и его лакей похватали съ нихъ головные платки, которые такъ и не возвратили: «Приходите работать въ понедѣльникъ, тогда, и получите ихъ», — объявилъ имъ самъ Б—ичъ...

Такъ какъ жалобщицъ было очень много, а дѣло было уже къ вечеру, то я не хотѣлъ идти съ ними въ камеру, заносить ихъ жалобы на бумагу, заводить цѣлое «дѣло» и вызывать, потомъ, въ будній день, всѣхъ ихъ на судъ, а взялъ свою визитную карточку, написалъ на ней къ Б—ичу «покорнѣйшую просьбу» возвратить платки, а что, въ противномъ случаѣ, я вынужденъ буду вызвать его на судъ, — и отдалъ карточку своему разсыльному, который и отправился со всѣми «кобитами» и «дівчинами» въ квартиру Б — ича, находящуюся отъ меня черезъ нѣсколько домовъ. Спустя полчаса, мой разсыльный вернулся и сообщилъ, что Б—ичъ платки возвратилъ, но что сильно, при этомъ, бранился...

Прошло послѣ этого эпизода не болѣе двухъ-трехъ дней, какъ мой письмоводитель, когда я явился, по обыкновенію, въ камеру для занятій сообщилъ мнѣ «новость», что у меня будетъ разбираться очень скандалёзное дѣло: что отъ Б—ича, въ эту ночь, тайно ушла его красивая горничная, католичка, живущая пока у мѣстнаго ксендза; что ушла она отъ его крутого и скандальнаго характера, и что Б—ичъ прибѣгалъ уже въ камеру съ прошеніемъ въ рукахъ, обвиняя молодую бѣглянку въ похищеніи у него нѣсколькихъ мѣдныхъ кастрюль, но увидавъ, что меня въ камерѣ нѣтъ, ушелъ обратно. Вскорѣ, дѣйствительно, явился и Б—ичъ, подалъ мнѣ «прошеніе» и сталъ настаивать, чтобы я немедленно подвергнулъ обвиняемую имъ горничную предварительному аресту, въ чемъ я, однако, отказалъ ему на-отрѣзъ,

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ еще раньше слышалъ, какое именно положеніе занимала въ его домѣ эта дѣвушка.

— Если у васъ случилась покража—замѣтилъ я Б—ичу,—то вы должны были, прежде всего, обратиться въ полицію: она произвела бы дознаніе о кражѣ, составила бы протоколъ и препроводила бы его ко мнѣ.

— Да полицейскаго надзирателя нѣтъ въ городѣ, — отвѣчалъ Б—ичъ:—онъ уѣхалъ въ Литинъ.

— Это для меня безразлично: обратитесь къ тому, кто исправляетъ его должность, объяснилъ я просителю. Во всякомъ случаѣ я не могу арестовать ушедшую отъ васъ дѣвушку.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ мое прошеніе обратно, заявилъ Б—ичъ...

Я возвратилъ ему прошеніе, и онъ ушелъ изъ камеры, дозволивъ себѣ изъ всѣхъ силъ хлопнуть дверью въ знакъ своего неудовольствія и затаивъ въ своей озлобленной душѣ страшную противу меня вражду и ненависть, зародившіяся въ немъ, можетъ быть, еще и раньше.

28-го іюля, рано утромъ, пока я пилъ чай и собирался идти въ камеру, мнѣ подали записку отъ священника Р—ича, въ которой онъ приглашалъ меня къ себѣ, къ двумъ часамъ дня, «по случаю семейнаго торжества»... Я отвѣчалъ посланному на словахъ, что очень благодаренъ, но едва ли буду, такъ какъ имѣю занятія въ камерѣ, куда тотчасъ же и ушелъ.

Въ этотъ день, впрочемъ, у меня не было назначено къ разбору никакихъ дѣлъ, и я уходилъ, собственно, для занятій канцелярскихъ. Часу въ третьемъ я вернулся домой, и вслѣдъ за мною явился новый посланный отъ того же священника, съ новою запиской, гдѣ хозяинъ еще болѣе усердно просилъ зайдти къ нему, хотя на нѣсколько минутъ; въ концѣ записки прибавлялось: «всѣ мои прихожане и добрые знакомые почтили сегодня меня своимъ посѣщеніемъ; недостаетъ лишь васъ, моего главнаго прихожанина. Неужели не удостоите», и т. д... Я приказалъ передать, что зайду послѣ обѣда, и дѣйствительно, часа въ четыре (въ Хмѣльникѣ это было уже «послѣ обѣда») отправился къ почтенному батюшкѣ. Я засталъ у него очень большое общество и даже многихъ дамъ, явившихся съ мужьями вмѣстѣ. «Семейное торжество», какъ оказалось, заключалось въ томъ, что батюшка получилъ камилавку и пожелалъ отпраздновать ее достойнымъ образомъ... Нѣкоторые гости были уже подвыпивши, другіе играли въ карты, третьи гуляли по саду, или продолжали пить и закусывать; играли только въ преферансъ, по восьмой и по четверти копейки. Во время игры, которая больше шла для препровожденія времени, нѣкоторые игроки передавали свои мѣста другимъ, а сами уходили зачѣмъ нибудь домой и потомъ возвращались и продолжали игру дальше.

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ же, любезный хозяинъ усадилъ за карты и меня—«чтобы вамъ не было скучно въ нашемъ обществѣ», какъ выразился онъ,—и. тоже въ преферансъ, по четверти же; моими партнерами были: братъ хозяина, священникъ же Р—ичъ, бывшій судебный приставъ Г—еу и діаконъ нашего же прихода, маленькій, косой и чрезвычайно любопытный человѣчекъ, который отлично зналъ въ Хмѣльникѣ всѣхъ, отъ мала до велика, и котораго также зналъ весь городъ, такъ какъ діаконъ этотъ съ утра, какъ только оканчивалась ранняя обѣдня, выходилъ на улицу, садился на скамейку у угла церковнаго дома, стоявшаго у самой площади и дороги въ Литинъ, и наблюдалъ — кто, куда и зачѣмъ ѣхалъ и шелъ...

Игра наша не продолжилась и получаса, какъ къ Г — еу подошла его жена и стала звать его домой по какому-то нужному дѣлу; онъ извинился, что не можетъ продолжать игру, и просилъ у насъ разрѣшенія передать ее кому-нибудь; мы согласились, и Г—еу всталъ изъ-за карточнаго стола, вышелъ въ сосѣднюю комнату и, минуты двѣ спустя, привелъ съ собою В—ича, которому и передалъ свое мѣсто въ партіи... Такъ какъ я съ В—ичемъ со времени исторіи съ его горничной даже не кланялся, то и здѣсь, во время игры, наши отношенія были очень неловки и натянуты... Я уже поглядывалъ, кому бы передать свою игру, и даже обратился къ тому же Г—еу, который, побывавъ дома, успѣлъ уже вернуться опять въ гости и сидѣлъ, праздный, около нашего стола; но Г—еу отказался играть.

— Вы, можетъ быть, считаете унизительнымъ для себя играть со мною? крайне нахально спросилъ меня Б—ичъ.

Я отвѣтилъ, что это для меня безразлично.

— Зато я, продолжалъ вызывающимъ и наглымъ тономъ Б—ичъ, имѣю честь играть съ особою V-го класса...

Совершенно вѣжливо я попросилъ его оставить мой классъ въ покоѣ и продолжать, или, наконецъ, закончить игру...

Но не прошло и десяти минутъ, какъ Б—ичъ, придравшись къ какому-то моему ходу, началъ громкій скандалъ... Я оглянулся кругомъ, отыскивая глазами хозяина, чтобы пригласить его вмѣшаться въ дѣло и прекратить исторію, но о. Никиты нигдѣ не было. Видя, что хозяина нѣтъ, я хотѣлъ позвать его, но Б—ичъ, взявъ меня за руку, крикнулъ:

— Разсчитайтесь сначала, такъ какъ вы въ проигрышѣ!..

Я вырвалъ руку и хотѣлъ-было все-таки уйти, но Б—ичъ сталъ мнѣ на пути и съ словами: «Такъ вы, милостивый государь, хотите уйти не расплатившись? вотъ же вамъ за это!» и съ этими словами, внезапно ударилъ меня...

Я былъ такъ пораженъ нанесеннымъ мнѣ оскорбленіемъ, что ни-

Библиотека "Руниверс"

шился силъ, какъ, иногда, человѣкъ лишается чувствъ... Когда я немного опомнился и пришелъ въ себя, то, первымъ дѣломъ, бросился къ Б—ичу, но онъ отбросилъ меня отъ себя и, затѣмъ, прошелъ въ боковую комнату хозяина, служившую спальной. Я схватилъ-было лежавшій на столѣ обѣденный ножъ, но въ это время почувствовалъ, что меня кто-то схватилъ за руку,—оказалось, что это былъ хозяинъ дома, который и отнялъ отъ меня ножъ... Я тотчасъ-же ушелъ домой; на дворѣ наступали уже сумерки...

По моимъ понятіямъ, всосаннымъ, такъ-сказать, съ молокомъ матери, для меня было лишь два выхода: или дуэль, или самоубійство,— и я остановился, пока, на первомъ...

Со мною въ жизни былъ ранѣе только одинъ случай, когда я былъ оскорбленъ публично, словами; это было въ 70-хъ годахъ, въ Петербургѣ, въ существовавшемъ тогда клубѣ художниковъ: ко мнѣ пристадъ, совершенно пьяный, «литераторъ», какой-то морской офицеръ М—овъ, писавшій фельетоны въ тогдашнихъ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ началъ упрекать меня за полемику, которую я имѣлъ когда-то съ литераторомъ Курочкинымъ, оказавшимся другомъ этого фельетониста... Въ виду невмѣняемости нападавшаго, я оставилъ тогда его выходку безъ всякаго вниманія. Но теперь дѣло было иное...

Я тотчасъ же написалъ письмо къ новому управляющему графа Л—ва капитану З—кому, съ которымъ въ послѣднее время видѣлся чуть не ежедневно и очень сошелся, и попросилъ его зайти немедленно ко мнѣ, «по очень нужному дѣлу»... Къ сожалѣнію, посланный мой не засталъ дома г. З—каго и оставилъ мое письмо его прислугѣ.

Я не спалъ всю ночь... Обрушившееся несчастіе было такъ велико и неожиданно и главное незаслуженно, что я былъ первое время совершенно имъ подавленъ.

На-утро, раньше всѣхъ, ко мнѣ явился полицейскій надзиратель Ш—скій, ѣздившій наканунѣ въ Литинъ, и сдѣлалъ мнѣ наглое и оскорбительное предложеніе: онъ изъявлялъ готовность составить протоколъ, что я оскорбленъ былъ при исполненіи служебныхъ обязанностей.

— Вы могли быть у о. Никиты по дѣламъ службы,—началъ-было онъ, но я его перебилъ и выпроводилъ отъ себя безъ всякой церемоніи.

Затѣмъ, пріѣхали «два Аякса»—какъ называли очень дружныхъ между собою мирового посредника и судебнаго слѣдователя, изъявить сочувствіе «горю», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтили мнѣ, какъ-бы вскользь, что я могу «усадить Б—ича въ литинскій острогъ мѣсяца на два, на

Библиотека "Руниверс"

три», такъ какъ оскорбленіе было причинено при многолюдномъ собраніи. Къ счастію, и эти господа удалились отъ меня очень скоро, а между тѣмъ, З—каго все еще не было, и я страшно боялся, ну, какъ онъ, догадавшись въ чемъ дѣло, захочетъ уклониться, не вмѣшиваться «въ исторію» и не явится совсѣмъ?..

Вдругъ, новый стукъ калитки... Смотрю—является старикъ С—скій, отецъ молодаго человѣка, служащаго въ конторѣ графа и занимающагося, въ то же время, корреспонденціями въ кіевскія газеты.

— Что вамъ угодно? спрашиваю.

Отецъ корреспондента конфузится, но все-таки, вижу, очень внимательно присматривается ко мнѣ... Затѣмъ заявляетъ, что ему нужно получить какую-то справку изъ моей канцеляріи.

— Такъ вы бы и шли въ канцелярію!—съ сердцемъ уже говорю ему, хорошо догадываясь въ чемъ дѣло: его просилъ сынъ, корреспондентъ, «провѣрить происшедшій инцидентъ», такъ какъ въ Хмѣльникѣ циркулировали уже слухи, что между мною и Б—ячемъ вышла драка, во время которой я его ранилъ, будто-бы, ножомъ, а онъ мнѣ проткнулъ вилкою щеку. Выпроваживаю и этого посѣтителя очень нелюбезно...

Такъ прошелъ почти весь день. Приходилъ письмоводитель съ дѣлами, но я не сталъ уже ими заниматься... Наконецъ, слышу, подъѣхалъ чей-то экипажъ, хлопнула калитка,—и показался добрѣйшій З—кій... У меня отлегло отъ сердца.

— Простите! началъ онъ:—вчера еще получилъ ваше письмо, но не могъ явиться къ вамъ раньше, такъ какъ долженъ былъ выѣхать сегодня, чуть-свѣтъ, по экстренному дѣлу, на Войтовецкій сахарный заводъ... Ахъ, разбойникъ! втораго уже судью губитъ, сталъ-было онъ отчитывать Б—ича, но я прервалъ его и перешелъ прямо къ дѣлу, попросивъ быть моимъ секундантомъ, то-есть, идти сейчасъ же къ моему обидчику, вызвать его, отъ моего имени, на дуэль и затѣмъ войдти въ соглашеніе относительно условій этой дуэли съ тѣмъ лицомъ, которое онъ отъ себя укажетъ. Внимательно выслушавъ меня, З—кій покачалъ только безнадежно головою.

— Знаю я этого Б—ича давно и очень хорошо, сказалъ онъ мнѣ: едва ли онъ выйдетъ на дуэль... Я, конечно, пойду къ нему и передамъ все то, что вы мнѣ поручаете; но врядъ ли изъ этого что нибудь будетъ...

— Да идите же, ради Бога, идите! умолялъ я его...

Онъ отправился. Прошло болѣе часа, пока онъ возвратился. По его разстроенному и блѣдному лицу я видѣлъ уже, что миссія его не имѣла никакого успѣха.

— Это, просто, негодяй первой степени! заговорилъ З—кій: вѣдь

Библиотека "Руниверс"

онъ меня продержалъ болѣе получаса въ залѣ, пока ко мнѣ вышелъ...

— Что же онъ вамъ сказалъ-то, отвѣтьте, ради Бога!

— А вотъ что-съ: «я, говоритъ, признаю только одну дуэль—на кулакахъ... и прошу васъ оставить меня въ покоѣ! И судьѣ скажите то же самое, чтобъ онъ меня не тревожилъ больше присылкою своихъ секундантовъ; не то, я найму пьяныхъ мѣщанъ, и его поколотятъ на улицѣ... Я вѣдь богаче его и имѣю чѣмъ заплатить за это!.. [1]).

— И онъ смѣлъ сказать это?

— Даю вамъ честное слово.

Я съ грустію увидѣлъ, что больше говорить съ З—скимъ, а равно и просить его было не о чемъ,—и мы разстались съ очень тяжелымъ чувствомъ въ душѣ...

Были почти уже сумерки, и южный іюльскій вечеръ быстро надвигался... Мое рѣшеніе созрѣло быстро и безповоротно: я положилъ идти сейчасъ же, съ револьверомъ въ карманѣ, одному, въ квартиру Б—ича и тамъ заставить его принять мой вызовъ...

Я написалъ коротенькую записку—какъ бы предсмертную—на всякій случай и положилъ ее на свой письменный столъ, на самое видное мѣсто. Затѣмъ, написалъ вторую коротенькую записку—о количествѣ имѣющихся у меня на рукахъ казенныхъ денегъ—и вложилъ ее въ желѣзный сундучекъ, принадлежавшій камерѣ; сунулъ туда также, почти машинально, имѣвшееся у меня кое-какое столовое серебро, мои золотые часы и бывшія у меня наличныя деньги—около двухъ-сотъ рублей... Въ этихъ сборахъ и приготовленіяхъ прошло, можетъ-быть, минутъ 15... Затѣмъ, я вошелъ въ дѣтскую, гдѣ уже спали мои сыновья—мальчики 9-ти и 7-ми лѣтъ—перекрестилъ ихъ и тихонько поцѣловалъ... Наконецъ, снявъ со стѣны заряженный револьверъ, положилъ его въ карманъ, вышелъ изъ дому и быстрыми шагами направился къ квартирѣ моего оскорбителя, отстоящей отъ меня всего черезъ пять домовъ...

Былъ душный іюльскій вечеръ и уже почти темно. Я шелъ, помню, очень скоро. Недалеко отъ дома меня встрѣтила моя умная и добрая дворовая собака и радостно бросилась мнѣ на грудь, такъ какъ я не видѣлъ ее и не ласкалъ цѣлый день... Дорогою со мною столкнулся какой-то еврей, и я нечаянно такъ крѣпко задѣлъ его плечомъ, что онъ что-то проворчалъ мнѣ вслѣдъ... Но вотъ я очутился, наконецъ, у квартиры Б—ича и быстро поднялся по ступенькамъ крыльца...

---

[1]) Я долженъ оговориться, что какъ эти показанія г. З—скаго, такъ равно и все вообще изложеніе моего „дѣла“, я заимствую изъ подлиннаго слѣдствія и изъ напечатанныхъ въ свое время судебныхъ отчетовъ.

Библиотека "Руниверс"

Двери были заперты. Въ сѣняхъ, я видѣлъ, было совершенно темно. Я позвонилъ...

— Кто тамъ?—раздался голосъ жены Б—ича и въ то же время, не ожидая моего отвѣта, она отперла дверь.

— Это я,—громко сказалъ я ей и тотчасъ же прошелъ дальше. Она ахнула и побѣжала-было за мною, желая, очевидно, опередить меня, но это ей не удалось: почти прыжками перешелъ я двѣ комнаты и въ третьей увидѣлъ Б—ича, сидящаго за чайнымъ столомъ, безъ жилета и сюртука. Я остановился прямо противъ него, шагахъ въ пяти. не болѣе. Правая рука моя невольно опустилась въ правый карманъ верхняго пальто, гдѣ лежалъ револьверъ...

— Сейчасъ у васъ былъ мой секундантъ, Ч. И. З—скій, сказалъ я, и вы отказались принять вызовъ... Правда это?

Б—ичъ, не вставая со стула, принялъ вызывающую позу и проговорилъ:

— Да, отказался, потому что, по правиламъ, должны быть д в а секунданта съ каждой стороны... Голосъ его дрожалъ, и онъ былъ блѣденъ. Изъ его отвѣта я понялъ, что онъ труситъ и поэтому лжетъ...

— Вы этого н е г о в о р и л и З—скому, сказалъ я, да это и вздоръ: вотъ, теперь, у насъ и совсѣмъ нѣтъ секундантовъ, а между тѣмъ мы съ вами будемъ сейчасъ стрѣляться, по жребію. Берите револьверъ!

— Убирайтесь отъ меня къ чорту!—проговорилъ Б—ичъ, вставая со стула и желая, очевидно, броситься на меня. Я сейчасъ людей позову,—и онъ шагнулъ прямо на меня...

Я моментально вынулъ револьверъ и, почти не цѣлясь, выстрѣлилъ.

Позади меня раздался вопль его жены, которая затѣмъ бросилась въ сѣни, выскочила на крыльцо и стала кричать: «Убиваютъ!.. Караулъ!..»

Я выстрѣлилъ такъ неожиданно для Б—ича, что онъ совсѣмъ растерялся и схватился рукою за столъ... Я подумалъ, что промахнулся (потомъ оказалось, что пуля попала ему въ ногу), и, поднявъ револьверъ, прицѣлился вновь—и выстрѣлилъ... Крики на крыльцѣ стали еще болѣе отчаянными...

Когда дымъ разсѣялся, то я увидѣлъ, что Б—ичъ держится лѣвою рукою за грудь, и догадался, что онъ раненъ... Вдругъ онъ, наклонивъ голову внизъ, бросился на меня, ударилъ меня со всего размаха въ грудь головою, обхватилъ меня руками,—и мы оба упали на полъ... Мы пролежали въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ, пока, наконецъ, въ комнату стали набираться люди, прибѣжавшіе изъ сосѣднихъ домовъ и съ улицы на отчаянные крики жены Б—ича... Тогда

Библиотека "Руниверс"

мы оба поднялись съ полу, на которомъ такъ и остался мой револьверъ. Я сѣлъ на близъ стоящій стулъ и, взглянувъ на Б—ича, увидѣлъ на лѣвой сторонѣ его груди, пониже сердца, на шелковой цвѣтной рубашкѣ, большое красное пятно, къ которому онъ прикладывалъ руку... Ко мнѣ подошелъ сынъ моего добраго знакомаго, доктора И—скаго, взялъ меня подъ руку и вывелъ на улицу, а затѣмъ и къ себѣ въ домъ, находившійся vis-à-vis. Тамъ дали мнѣ выпить воды, я отдохнулъ нѣсколько минутъ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ отправился, не заходя домой, къ судебному слѣдователю Г., который жилъ на новой квартирѣ, за рѣкою Бугомъ. Но стоустая молва, какъ оказалось, давно уже успѣла опередить меня, и я на самомъ мосту черезъ Бугъ встрѣтился съ Г. лицомъ къ лицу: онъ спѣшилъ къ мѣсту событія, «для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей»... Я разсказалъ ему, въ нѣсколькихъ словахъ, о происшедшемъ событіи и затѣмъ отдалъ себя, какъ говорится, въ руки правосудія...

Я не спалъ подъ-рядъ двѣ ночи и три дня и ничего почти не ѣлъ... Докторъ прописалъ мнѣ какія-то наркотическія капли, я ихъ принималъ, но онѣ не дѣйствовали.

Наѣхала масса властей: исправникъ, товарищъ прокурора, всѣ новые судьи—принимать отъ меня должность, и многіе другіе. Какъ только я пришелъ въ себя, тотчасъ же послалъ прошеніе въ министерство объ увольненіи меня отъ службы; въ то же время написалъ, подробно, въ Петербургъ лицу, рекомендовавшему меня на должность, и искренно извинялся, что, по милости злой судьбы, не оправдалъ его надеждъ и рекомендацій...

Затѣмъ, для меня начался рядъ нестерпимыхъ мученій и униженій: отъ меня, вдругъ, отвернулись всѣ тѣ, которые, лишь нѣсколько дней назадъ, заискивали предо мною и были мнѣ всѣмъ обязаны,—какъ, напримѣръ, судебный приставъ Д., бывшій мелкій адвокатъ, назначенный на должность по моей просьбѣ. По своему общественному положенію, я былъ все-таки п е р в ы м ъ лицомъ въ этомъ городишкѣ, и вдругъ сталъ какъ-бы послѣднимъ... Въ мой домъ слѣдователь не отпустилъ меня; для домашняго же ареста, которому я былъ подвергнутъ, для меня нанята была, на мой счетъ, квартира въ концѣ города, гдѣ и караулили меня мѣстные десятскіе, являвшіеся иногда въ нетрезвомъ видѣ...

Когда увидѣлся со мною товарищъ прокурора, то прежде всего взялъ съ меня обѣщаніе, что я «ничего надъ собою не сдѣлаю». Затѣмъ, сталъ объяснять смыслъ 416-й статьи устава угол. судопр.,—что мѣра пресѣченія, принятая относительно меня судебнымъ слѣдователемъ—домашній арестъ,—является, въ виду моего преступленія, предусмотрѣннаго 1455 ст. улож. о наказаніяхъ, очень мягкою; что

Библиотека "Руниверс"

изъ Каменца можетъ послѣдовать иное распоряженіе—о взятіи мен подъ стражу, и что «имъ всѣмъ», за эту ихъ мягкость, можетъ быть сдѣланъ порядочный нагоняй... И я совершенно напрасно пытался объяснить «имъ всѣмъ», что болѣе крутая мѣра, примѣненная ко мнѣ, явится въ данномъ случаѣ лишь ненужною жестокостью, что я имѣю семью, свой домъ и уже 40 лѣтъ на плечахъ, имѣлъ общественное положеніе, что, наконецъ, находясь подъ арестомъ, я не могу вѣдь мѣшать слѣдствію и никуда, понятно, не скроюсь; а что сажать меня, все еще пока не уволеннаго отъ службы, мироваго судью, въ тюрьму было бы въ высшей степени несправедливо уже по одному тому, что въ этой самой тюрьмѣ сидятъ еще нѣсколько человѣкъ, посаженныхъ туда мною, по моимъ приговорамъ, за конокрадство... Но «они всѣ» только качали головами, какъ бы раскаиваясь, что «не посадили» меня, и все еще опасаясь «нагоняя» изъ Каменца... Они какъ-бы игнорировали всю суть дѣла, слѣдствія и свидѣтельскихъ показаній, изъ коихъ противу меня были только показанія выгнаннаго мною со службы судебнаго пристава Г—еу и его жены, да показанія «батюшекъ»... Всѣ же остальные свидѣтели допускали устроенную мнѣ «засаду»—слѣдовательно, снимали съ меня, такъ-сказать, бо́льшую половину моей вины.

Задѣтый за живое, отсидѣвъ подъ домашнимъ арестомъ почти пятнадцать мѣсяцевъ и освобожденный, затѣмъ, все еще до разбора дѣла, на поруки съ отвѣтственностью всего въ пятьсотъ рублей (словно по истеченіи 15-ти мѣсяцевъ мое преступленіе и отвѣтственность за него умалились!..), я, попавъ лѣтомъ 1882 года въ Петербургъ, написалъ, подъ свѣжимъ еще чувствомъ испытанной неволи, нѣсколько большихъ статей въ фельетонномъ отдѣлѣ «Новаго Времени», подъ заглавіемъ «Законъ и жизнь», гдѣ, по мѣрѣ моихъ силъ, знаній и опыта, указывалъ на многіе недостатки нашего предварительнаго слѣдствія [1]), упирая, главнымъ образомъ, на злоупотребленія судебныхъ слѣдователей своимъ правомъ «сажать въ тюрьму»... Между прочимъ, я указывалъ на порядки, существующіе въ этихъ случаяхъ въ Америкѣ, и привелъ одинъ чрезвычайно интересный и характерный фактъ—въ поученіе нашимъ слѣдователямъ: какъ былъ отпущенъ судьею, на честное слово, къ своему племени индѣецъ, приговоренный, за убійство бѣлаго, къ смертной казни, и какъ потомъ этотъ самый индѣецъ прискакалъ, на взмыленномъ конѣ, на городскую площадь, гдѣ его уже поджидали судьи, палачъ и народъ: быстро соскочивъ съ коня, онъ подошелъ къ приготовленному для него гробу,

[1]) Статьи эти я потомъ продолжалъ писать въ „Недѣлѣ“, подъ общимъ заглавіемъ „Изъ судебныхъ дѣлъ“.

Библиотека "Руниверс"

легъ въ него для примѣрки и, затѣмъ, спокойно отдалъ себя въ руки палача...

За время «нахожденія подъ домашнимъ арестомъ», мнѣ довелось испить до дна горькую чашу «подсудимаго» и познать, во всей полнотѣ, черную людскую неблагодарность... Но въ то время, какъ русскіе люди поѣдали, изводили и принижали другъ друга, я встрѣтилъ горячее, искреннее сочувствіе съ такой стороны, откуда всего менѣе могъ ожидать его,—со стороны поляковъ, а также и тѣхъ немногихъ нѣмцевъ, которые проживали въ Хмѣльникѣ, и даже со стороны нѣкоторыхъ евреевъ, съ которыми мнѣ довелось познакомиться за послѣднее время. Многія изъ этихъ лицъ навѣщали меня въ моемъ невольномъ уединеніи и всячески старались ободрить. Часто, также, навѣщалъ меня и мой землякъ священникъ В—скій, привѣтливый и кроткій образъ котораго запечатлѣлся въ моей памяти на-вѣки. Точно также мнѣ было несказанно пріятно услышать отзывъ о моемъ «дѣлѣ» кіевскаго генералъ-губернатора М. И. Черткова, который вскорѣ же, въ августѣ, ревизуя Подольскую губернію, заѣхалъ въ Литинъ, и видя, что ему представляются лишь т р о е участковыхъ судей, спросилъ въ присутствіи всѣхъ:

— Развѣ здѣсь только три участка?

— Четвертый мировой судья еще не назначенъ, ваше высокопревосходительство,—отвѣчали ему:—эту должность занималъ г. Захарьинъ.

— Ахъ, да, знаю!—отвѣчалъ генералъ и затѣмъ, прибавилъ: Это не преступленіе... а несчастіе.

ГЛАВА XV.

Моя отставка. — Письмо N***. — Занятія въ неволѣ. — Выздоровленіе Б—ича.—Новый судебный слѣдователь и новая „волокита“. — Нужда.—Обвинительный актъ.— Первая поѣздка въ Литинъ на судъ.—Мой защитникъ и его свита.—Вторая поѣздка на судъ въ Винницу. — Тайное путешествіе въ Кіевъ.—Еще двѣ оттяжки моего дѣла.—Освобожденіе изъ-подъ ареста.—Моя поѣздка въ Петербургъ.—Отсутствіе вида и возня съ полиціей.—Личное обращеніе къ министру юстиціи.—Случайная встрѣча съ N*** и пріемъ у него. — Измѣна „защитника“. — Судъ и оправданіе.

Въ концѣ августа я получилъ «приказъ» изъ министерства юстиціи, коимъ я увольнялся отъ службы, с о г л а с н о п р о ш е н і ю, а затѣмъ, получилъ изъ Петербурга отъ г-на N*** и отвѣтъ на свое письмо. Онъ писалъ мнѣ, что я хорошо сдѣлалъ, поспѣшивъ его обо всемъ

Библиотека "Руниверс"

увѣдомить; далѣе въ письмѣ говорилось: «Вижу, что при возникшемъ столкновеніи положеніе ваше было трудно: вамъ слѣдовало держать себя спокойнѣе, а вамъ пришла несчастная мысль, будто вы защищаете честь русскаго имени... Что дѣлать! — Надо теперь выдержать и поплатиться за то, что недостало характера въ рѣшительную минуту. Но не предавайтесь отчаянію, мало ли что̀ приноситъ жизнь! и впереди есть еще время поправить то, что теперь испорчено. Совѣтую вамъ смотрѣть спокойнѣе на нынѣшнее свое положеніе и, не оправдывая себя, искать выхода изъ своего положенія: выходъ еще не запертъ».

Это письмо дало мнѣ силы, нравственную бодрость и мужество: я увидѣлъ, что впереди есть еще надежда и возможность воротить себѣ свое общественное положеніе и свободу и всѣ тѣ «права», которыя были унесены такъ внезапно, въ одно мгновеніе, словно налетѣвшимъ порывомъ бури... Я вскорѣ принялся за занятія, но уже не за тѣ служебныя, которымъ отдавалъ все свое время до происшедшаго со мной событія: я рѣшилъ перечитать Библію, съ которой былъ знакомъ лишь въ дѣтствѣ и въ школѣ. Затѣмъ, я принялся перечитывать Шекспира, бывшаго у меня въ русскомъ переводѣ подъ редакціей Гербеля; при этомъ нѣкоторыя древне-историческія драмы великаго драматурга, какъ напр., «Коріоланъ», «Тимонъ Аѳинскій», «Юлій Цезарь» и «Антоній и Клеопатра», я читалъ параллельно съ имѣвшимися у меня «Жизнеописаніями» Плутарха, случайно пріобрѣтенными въ Москвѣ, у Сухаревой башни. Окончивъ Шекспира, принялся за Шиллера,—и такимъ образомъ, понемногу, втянулся въ занятія и въ трудъ, и прежняя тоска и апатія стали исчезать...

Главное для меня спасеніе, какъ я хорошо понималъ, заключалось въ томъ, чтобы наказанный мною обидчикъ былъ живъ. На этотъ счетъ до меня доходили самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія: одинъ день говорили, что ему лучше, на другой — хуже... Онъ умолялъ жену пригласить для операціи Н. И. Пирогова, жившаго всего въ 70-ти верстахъ, предложивъ ему крупный кушъ за труды; но это приглашеніе, какъ разсказывали, почему-то не устроилось, и Б—ичи удовлетворились тѣмъ, что великій хирургъ лишь осмотрѣлъ его рану; а затѣмъ, пригласили какого-то отставнаго военнаго лекаря, жившаго по близости, въ селѣ, у своего брата, священника. Ногу раненаго залечили скоро, но съ пулей въ груди лекарь ничего не смогъ подѣлать, то-есть не извлекъ ее изъ раны, и она такъ и осталась тамъ навсегда. Затѣмъ, Б—ичъ, какъ мнѣ сообщали, переѣхалъ для леченія въ Кіевъ. Съ его отъѣздомъ изъ Хмѣльника, власти нашли возможнымъ перевести меня изъ наемной квартиры въ мой домъ; ранѣе же это оказывалось, по ихъ мнѣнію, неудобнымъ: думали, что я восполь-

Библиотека "Руниверс"

зуюсь близостью квартиры Б—ича и пожелаю повидаться съ нимъ еще разъ...

Въ это же самое время, въ Хмѣльникъ прислали новаго судебнаго слѣдователя, какого-то очень молодаго человѣка, который и принялъ отъ бывшаго слѣдователя «дѣло» обо мнѣ, еще не законченное слѣдствіемъ. Новый слѣдователь началъ производить чуть не все слѣдствіе съ и з н о в а: началась «доставка» меня въ его камеру и новые мнѣ допросы, было приступлено къ снятію плана квартиры Б—ича, испытанію силы боя револьвера, при чемъ, слѣдователь пригласилъ «экспертовъ», ружейныхъ охотниковъ, которые и стрѣляли, въ моемъ присутствіи, въ доску, въ цѣль. Я понималъ, что юный слѣдователь просто хочетъ «показать себя», поважничать немножко передъ хмѣльничанами и поломаться надо мною... Онъ дошелъ до того, что хотѣлъ-было вытребовать изъ Кіева Б—ича, для дачи ему очныхъ ставокъ со мною—«въ видахъ разъясненія (какъ онъ говорилъ) взаимныхъ противорѣчій въ показаніяхъ», но, къ счастію, ему кто-то помѣшалъ совершить эту нелѣпость; тѣмъ не менѣе мое дѣло долго лежало въ его камерѣ безъ нужды, а потомъ уже, направившись къ прокурору и по дальнѣйшимъ инстанціямъ, такъ-таки и не попало въ декабрьскую сессію окружнаго суда, пріѣзжавшаго въ Литинъ, и было отложено до весны. Вотъ тутъ-то, на самомъ дѣлѣ, мнѣ и довелось испытать многія произвольныя и совершенно безотвѣтственныя распоряженія, продѣлываемыя судебными слѣдователями во время производства ими предварительныхъ слѣдствій. Если уже со мною, человѣкомъ, отчасти знавшимъ все-таки наши законы, продѣлывались всѣ эти опыты и эксперименты, то что же могъ продѣлать, напримѣръ, этотъ же самый слѣдователь съ человѣкомъ совсѣмъ темнымъ и беззащитнымъ и гдѣ могъ остановиться и до какой безпредѣльности могъ дойти произволъ такого человѣка?..

Не помогла мнѣ въ этомъ случаѣ и печать, долго потомъ удивлявшаяся безконечной процедурѣ моего дѣла. Въ газетахъ «Голосъ» и «Страна» и въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ, кіевскихъ и одесскихъ, появились корреспонденціи, посланныя С—скимъ, офицеромъ А—вымъ и секретаремъ винницкаго съѣзда мировыхъ судей г. С—скимъ, но это—увы!—не подвигало моего дѣла впередъ; но я все-таки былъ глубоко благодаренъ этимъ господамъ за то, что они представили мое дѣло въ настоящемъ его видѣ и свѣтѣ, и что они засвидѣтельствовали о томъ, что я, дѣйствительно, пользовался отъ окружающаго меня населенія нѣкоторымъ уваженіемъ

Не заставила долго ждать себя и нужда. Такъ какъ служба мировымъ судьею, а особливо въ послѣдніе мѣсяцы, когда мнѣ приходилось работать во всѣхъ участкахъ одному, отнимала буквально все мое время, то я поневолѣ прервалъ мои литературныя сношенія и занятія,

Библиотека "Руниверс"

а возстановлять ихъ теперь съизнова, перепискою съ петербургскими редакціями, за двѣ тысячи верстъ, было неудобно,—и я, пока, не могъ разсчитывать на этотъ заработокъ; а между тѣмъ надо было не только жить, но еще подумать о приглашеніи «защитника». Въ это-то жуткое и тяжелое для меня время находились люди, которые имѣли жестокость и безстыдство, пользуясь моимъ положеніемъ, вымогать у меня «взаймы»! Къ стыду, все это были русскіе люди, чиновники же, отъ которыхъ я, такъ или иначе, могъ теперь зависѣть. И вотъ мнѣ пришлось распродавать понемножку свое имущество, книги, а затѣмъ пришлось продать и самый домъ и перебраться, по-прежнему, въ глиняную мазанку съ земляными полами.

Время шло: наступила и прошла осень, началась зима. Я уже давно имѣлъ у себя обвинительный актъ, составленный тѣмъ самымъ товарищемъ прокурора Д., съ которымъ, ранѣе, такъ часто приходилось дѣлить труды, досугъ и хлѣбъ-соль. Обвиненіе противу меня формулировалось очень серьезное—въ покушеніи на убійство... Пріѣзжавшее въ Литинъ отдѣленіе окружнаго суда такъ и не вызвало меня. Наступилъ, наконецъ, май и я получилъ повѣстку, извѣщавшую, что мое дѣло назначено къ разсмотрѣнію. Поѣхалъ я туда, но, оказалось, напрасно: Б—ичъ, пріѣхавшій-было тоже въ Литинъ, не пошелъ на судъ, такъ какъ адвокатъ Андреевскій (редакторъ газеты «Заря»), котораго онъ пригласилъ для предъявленія противу меня на судѣ гражданскаго иска, не явился почему-то въ Литинъ,—и дѣло было отложено. Зато, приглашенный мною защитникъ, кіевская знаменитость того времени, явился, и мнѣ, тогда же, довелось съ нимъ познакомиться. Это былъ человѣкъ съ недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ, бывшій еврей Лейба, превратившійся при крещеніи въ Льва. Но человѣкъ этотъ былъ безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, страшный циникъ и хвастунъ; вся его дѣятельность—да, кажется, и вся жизнь—исходила изъ единственнаго девиза, бывшаго для него и догматомъ, и принципомъ: «безнравственна—только неудача»!

Пріѣхавъ въ Литинъ и найдя всѣ немногія гостиницы города переполненными, я занялъ маленькій и низенькій нумерокъ въ еврейскомъ заѣздномъ домѣ, въ мансардѣ. Вотъ въ эту-то конурку и пожаловалъ ко мнѣ важный и знаменитый Левъ, въ сопровожденіи своего «помощника»... Такъ какъ, по уговору, я долженъ былъ уплатить ему, за защиту, триста рублей («.....это потому только, что ваше дѣло исключительное», писалъ онъ мнѣ: «а я никогда такого малаго гонорара не беру»), то и поспѣшилъ вручить ему, въ видѣ задатка, сто рублей, сунувъ ассигнацію осторожно «въ руку», какъ платятъ врачу; но онъ спокойно поднесъ бумажку къ своимъ очкамъ, взглянулъ на нее и также спокойно положилъ въ жилетный карманъ...

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ уже онъ сѣлъ и минутъ пять разспрашивалъ у меня подробности «происшедшаго инцидента»....

Когда онъ, послѣ несостоявшагося суда, уѣхалъ изъ Литина, а я еще сидѣлъ въ нумерѣ и ждалъ «распоряженія» насчетъ своей особы, то ко мнѣ явился содержатель гостиницы, гдѣ останавливался мой защитникъ, и подалъ мнѣ счетъ:

— Они, уѣзжая, приказали подать *вамъ*,—такъ какъ они были здѣсь по вашему дѣлу.

Я взялъ счетъ и былъ чрезвычайно изумленъ его пространностью: оказалось, что мой защитникъ пріѣзжалъ на судъ не только съ помощникомъ, но и съ двумя еще помощницами, какими-то кіевскими «двумя барышнями», какъ пояснилъ мнѣ хозяинъ....

— Да что же онѣ дѣлали, эти барышни?—полюбопытствовалъ я.

— Кушали, гуляли, вино пили, наивно отвѣчалъ, пожимая плечами, еврей, мой старый литинскій знакомый....

Хотя мой защитникъ и просилъ судъ въ Литинѣ запретить Б—ичу, на будущее время, продѣлывать «такія штуки», т. е., пріѣхать въ тотъ городъ, гдѣ назначено къ разбору дѣло, и не пойдти на судъ, но это нисколько не помѣшало ему продѣлать ту же самую «штуку» и въ слѣдующій разъ, когда, спустя два мѣсяца, мое дѣло было назначено въ Винницѣ: онъ опять пріѣхалъ, но на судъ не пошелъ; это, какъ оказалось, онъ продѣлалъ уже умышленно, чтобы помучить меня продолжительностью «домашняго ареста» и ожиданія, такъ какъ онъ не сомнѣвался, что я буду оправданъ. Вслѣдствіе этого, мой защитникъ ходатайствовалъ передъ судомъ о приводѣ Б—ича къ разбору дѣла, въ слѣдующій разъ, чрезъ полицію; а я, въ то же время, просилъ судъ объ освобожденіи меня изъ-подъ ареста, съ поручительствомъ въ суммѣ по усмотрѣнію суда. Но мое ходатайство не было уважено судьями, а относительно Б—ича состоялось постановленіе въ желательномъ смыслѣ,—и, такимъ образомъ, совершилось довольно невѣроятное и, конечно, никогда небывалое qui pro quo въ практикѣ уголовнаго судопроизводства: подсудимый является на судъ самъ, добровольно, а потерпѣвшаго и гражданскаго истца приведетъ полиція, силою... Я все-таки, получивъ отказъ объ освобожденіи, сталъ хлопотать о переводѣ меня, по крайней мѣрѣ, изъ Хмѣльника въ Винницу—во избѣжаніе неудобствъ поѣздокъ своихъ на судъ, каждый разъ за нѣсколько десятковъ верстъ, въ сопровожденіи тѣлохранителей..... Это мое ходатайство было вскорѣ уважено, и я освободился и отъ тяжелой жизни въ Хмѣльникѣ, и отъ дежурствъ у меня пьяныхъ десятскихъ.

Винницкимъ исправникомъ оказался очень порядочный и любезный человѣкъ г. Т—овъ; онъ прислалъ ко мнѣ, на п о с т о я н н о е дежурство, одного изъ своихъ десятскихъ, простаго, милаго и честнаго солда-

Библиотека "Руниверс"

тика Ивана, который вскорѣ сдѣлался и моимъ стражемъ, и слугою, и компаньономъ въ одиночествѣ. Въ это время у меня появились и литературные заработки: я списался съ двумя еженедѣльными петербургскими изданіями—съ газетами «Недѣля» покойнаго П. А. Гайдебурова и «Страною» Л. А. Полонскаго—и сталъ понемножку туда пописывать; пользуясь при этомъ почти полною свободою: я выходилъ изъ своей квартиры, купался въ Бугѣ и гулялъ за городомъ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый.

Однажды, мнѣ встрѣтилась крайняя необходимость быть въ Кіевѣ. Я хотѣлъ-было уѣхать съ вѣдома наблюдающихъ за мною властей, но получилъ отказъ: «если угодно, то поѣзжайте на свой страхъ и рискъ», было мнѣ отвѣчено: «мы не хватимся васъ д в а д н я... Но если васъ узнаетъ дорóгою кто-нибуть изъ литинскихъ, или хмѣльницкихъ властей, то дѣло будетъ плохо»... Несмотря на такой отвѣтъ, я все-таки рѣшилъ ѣхать, объявивъ своему Ивану, что уѣзжаю на два дня, «на охоту».... Справился я съ росписаніями поѣздовъ и къ вечернему, почтовому, былъ уже въ винницкомъ вокзалѣ. Смотрю—свѣтъ страшный повсюду, такъ что и немыслимо было войти въ залъ I-го и II-го класса, и даже весь III-ій классъ былъ освѣщенъ слегка; идти взять билетъ—и то было рискованно: надо было подходить къ кассѣ, у которой пропасть народу, и горитъ, по бокамъ, нѣсколько лампъ... Обошелъ я вокзалъ кругомъ, и вижу въ залѣ II-го класса знакомаго акцизнаго чиновника: «ну, думаю, дѣло совсѣмъ плохое!—узнаетъ онъ меня»... Вдругъ, мнѣ пришла счастливая мысль: я вернулся въ полутемный залъ III-го класса и обратился къ первому встрѣтившемуся мнѣ жандарму:

— Послушайте, унтеръ-офицеръ! возьмите мнѣ, пожалуйста, билетъ до Кіева; я вамъ дамъ на чай. Тамъ дожидаться надо, а мнѣ некогда.

— А вамъ какого класса? спросилъ онъ.

— Да третьяго, отвѣтилъ я, рѣшивъ ѣхать именно въ этомъ классѣ, гдѣ и темнѣе, и людиѣе. Вотъ, вамъ деньги, а сдачу возьмите себѣ.

Черезъ пять минутъ билетъ былъ у меня въ рукахъ, а еще черезъ десять пришелъ одесскій поѣздъ, и я, не заходя совсѣмъ въ вокзалъ, вошелъ въ вагонъ III-го класса, выбралъ себѣ мѣсто въ уголку, совсѣмъ въ тѣни и преблагополучно добрался до Кіева; поѣздъ пришелъ туда рано утромъ, я пробылъ въ городѣ весь день, а вечеромъ выѣхалъ обратно. На другой день, съ разсвѣтомъ, я былъ уже въ Винницѣ и на своей квартирѣ. Иванъ встрѣтилъ меня и, лукаво улыбаясь, спросилъ:

— Чи пошанцовáло пану на полевáньѣ?

— Ничего себѣ, говорю, вотъ, какъ видишь: все хорошо....

Библиотека "Руниверс"

Дѣло мое было назначено вновь, въ третій уже разъ, въ сентябрѣ, въ той же Винницѣ, и вновь было отложено: на судъ не явилась, по болѣзни, свидѣтельница г-жа Г—ву, а такъ какъ ея показаніе было однимъ изъ немногихъ—противу меня, то обвинитель Д—скій, находя показаніе неявившейся свидѣтельницы существенно важнымъ, просилъ отложить дѣло, и судъ, несмотря на всѣ домогательства моего защитника и на мои личныя просьбы, дѣло отложилъ...

Я вновь тогда принялся за хлопоты о своемъ освобожденіи, разсчитывая переѣхать въ Кіевъ, гдѣ въ то время основывалась новая газета «Трудъ», редакторъ которой—de facto—А. А. Русовъ приглашалъ меня къ постоянному сотрудничеству; я послалъ министру юстиціи прошеніе, въ которомъ умолялъ его, какъ генералъ-прокурора, вступиться въ мое исключительное дѣло и освободить меня изъ-подъ ареста, въ которомъ держатъ меня уже 14 мѣсяцевъ, освободить съ поручительствомъ, или же, наконецъ, съ представленіемъ залога, по усмотрѣнію суда; но къ глубокому моему прискорбію, я не получилъ даже отвѣта—хотя бы въ видѣ отказа—на свое обращеніе. Тогда, по совѣту добрыхъ людей, безъ которыхъ, извѣстно, не живетъ свѣтъ, я взялъ медицинское свидѣтельство отъ городоваго врача, удостовѣряющее, что мнѣ необходимо леченіе у окулистовъ, въ Кіевѣ, и обратился съ своимъ новымъ ходатайствомъ въ одесскую судебную палату, которая вскорѣ же и освободила меня, предложивъ лишь представить поручительство въ суммѣ 500 рублей,—такъ дешево оцѣнена была случайность моего «уклоненія отъ суда», и слѣдуетъ лишь изумляться, ради чего же не могли освободить меня ранѣе, продержавъ въ неволѣ почти 15 мѣсяцевъ, изъ которыхъ 13—въ городѣ Хмѣльникѣ были дѣйствительнымъ, тяжелымъ арестомъ [1]).

Поручитель за меня живо нашелся: секретарь мѣстнаго съѣзда мировыхъ судей, добрѣйшій В. Н. С—скій, обратился къ своему знакомому, одному польскому дворянину и домовладѣльцу города Винницы, который очень любезно и согласился «поручиться» за меня въ томъ, что я по первому требованію явлюсь на судъ.

Когда я узналъ о своей свободѣ, то испыталъ чувство необыкновенной радости и глубоко и искренно раскаявался и сожалѣлъ о томъ,

---

[1]) Уже по появленіи настоящихъ моихъ записокъ въ печати въ „Русской Старинѣ", я узналъ, что въ „Журналѣ юридическаго общества" за этотъ годъ, въ апрѣльской книжкѣ, въ статьѣ „О личномъ задержаніи", авторъ, въ числѣ прочихъ доказательствъ совсѣмъ ненужной жестокости судебныхъ слѣдователей, вспоминаетъ, между прочимъ, и о моемъ дѣлѣ,—справедливо изумляясь, зачѣмъ это потребовалось содержать меня, въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ, подъ арестомъ, когда я въ мѣстѣ совершенія преступленія занималъ должность судьи, имѣлъ свой домъ и семью?!.

Библиотека "Руниверс"

что самъ, будучи судьею, приговаривалъ къ неволѣ и «арестамъ» другихъ людей!...

Я тотчасъ же уѣхалъ въ Кіевъ и сталъ сотрудничать въ тамошнихъ газетахъ. Между прочимъ, я написалъ цѣлый рядъ статей въ газетѣ «Заря»—«Въ ожиданіи реформы мѣстнаго управленія», гдѣ довольно прозрачно указывалъ на всю нравственную распущенность подольской администраціи и полиціи... Спустя семь лѣтъ, я убѣдился, что статьи мои были приняты горячо къ сердцу и къ свѣдѣнію: спрошенная однимъ «отдѣломъ», подольская администрація воспользовалась удобнымъ случаемъ дать обо мнѣ самый неблагопріятный отзывъ, который, впрочемъ, нисколько мнѣ не повредилъ.

Въ декабрѣ мое дѣло было назначено, въ четвертый по счету разъ, опять въ Винницѣ же; но мой адвокатъ не могъ пріѣхать, такъ какъ онъ защищалъ въ это время, въ какомъ-то глухомъ городѣ Кіевской губерніи, нѣсколькихъ евреевъ, обокравшихъ церковь; въ Винницу же онъ далъ знать, какъ-бы изъ Кіева, что по болѣзни прибыть не можетъ... Я поѣхалъ въ Винницу одинъ, и мое дѣло было отложено еще разъ... Разсерженные представители Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда положили, какъ мнѣ передали, назначить мое дѣло вновь не ранѣе какъ черезъ годъ, хотя одинъ я былъ всего менѣе виноватъ въ этихъ откладываніяхъ и одинъ я всѣхъ болѣе страдалъ отъ этихъ волокитъ... Я сначала не повѣрилъ этой угрозѣ, но затѣмъ, когда прошла вся зима и вся весна и наступило, наконецъ, лѣто, а о назначеніи моего дѣла къ слушанію не было ни слуха, ни духа и на мое новое обращеніе по этому поводу въ министерство юстиціи я не получилъ опять-таки никакого отвѣта, то, не долго думая, рѣшился на крайнюю и немножко отважную мѣру—ѣхать въ Петербургъ и обратиться лично къ г. министру юстиціи съ просьбою: приказать суду назначить и покончить мое многострадальное и безконечное дѣло.

Лѣтомъ 1882 года пріѣхалъ я въ Петербургъ, не бывъ здѣсь болѣе пяти лѣтъ. За это время умерли уже многіе литераторы, съ которыми я былъ хорошо знакомъ, такъ что я иногда ходилъ по городу какъ по кладбищу... Вскорѣ же я нашелъ себѣ здѣсь литературныя работы: въ «Новомъ Времени», какъ уже упоминалъ, я писалъ очерки того уголовнаго судопроизводства, которое было въ то время такъ близко моему сердцу... Въ газетѣ «Страна» и въ «Живописномъ Обозрѣніи» я тоже имѣлъ небольшія, но постоянныя работы и кое-какъ боролся съ нуждою...

Наконецъ, собравшись съ духомъ, я направилъ свои стопы на Малую Садовую (Екатерининскую) улицу, въ домъ министерства юстиціи, гдѣ тоже не былъ давно. Все успѣло измѣниться за это время: министръ былъ другой, прежнихъ знакомыхъ лицъ почти никого не было; даже пріемныя комнаты и тѣ были уже перенесены въ другое мѣсто;

Библиотека "Руниверс"

два-три лица встрѣтились старыя, но ихъ едва можно было узнать, такъ какъ они, вслѣдствіе послѣдовавшаго разрѣшенія, обросли бородами. Я записался у дежурнаго — и сталъ ожидать. Пріемные дни теперь были строго опредѣлены и не было уже прежнихъ напрасныхъ томленій: въ назначенный день и часъ г. министръ вышелъ въ пріемную и сталъ обходить просителей, — каждаго внимательно и любезно выслушивая. Дошла очередь и до меня.

— Что вамъ угодно?

— Я бывшій мировой судья Литинскаго уѣзда Подольской губерніи такой-то, проговорилъ я...

По лицу г. министра пробѣжала легкая тѣнь, и онъ, сдвинувъ брови, видимо, старался что-то припомнить... Я поспѣшилъ придти къ нему на помощь.

— Я, отстаивая свою поруганную честь, имѣлъ несчастіе попасть подъ-судъ въ городѣ Хмѣльникѣ...

Министръ тотчасъ же вспомнилъ:

— Да, помню... Ваше дѣло, значитъ, окончено?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще... Я, собственно, затѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы обезпокоить ваше высокопревосходительство моимъ ходатайствомъ: приказать разсмотрѣть, наконецъ, мое дѣло Каменецъ-Подольскому окружному суду... Вотъ, уже два года какъ оно все откладывается...

Лицо г-на министра выразило чувство гораздо бо́льшее, чѣмъ изумленіе.

— Какимъ же образомъ вы могли попасть сюда, въ Петербургъ?— спросилъ меня г. министръ.

— Я освобожденъ отъ ареста, и глубоко обязанъ за эту милость одесской судебной палатѣ.

Г-нъ министръ нѣсколько секундъ помолчалъ; затѣмъ его лицо приняло свое обычное доброе выраженіе.

— Хорошо!—проговорилъ онъ: — я справлюсь... и перешелъ, затѣмъ, къ просителю, стоявшему со мною рядомъ; лица же, сопровождавшія его, долго еще оглядывались на меня...

Прошло нѣсколько недѣль, и я получилъ повѣстку подольскаго окружнаго суда, приглашающую меня явиться на 27-е октября въ городъ Литинъ, къ разбору моего дѣла.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Петербурга на судъ простой случай помогъ мнѣ увидѣться снова съ г. N., которому я былъ такъ много обязанъ въ своей жизни. Въ то время, о которомъ я теперь разсказываю, онъ стоялъ на такой высотѣ государственной лѣствицы, что я не имѣлъ духу и рѣшимости обезпокоить его, тѣмъ болѣе, что считалъ себя передъ нимъ, хотя и безъ вины, а все же виноватымъ, такъ какъ именно онъ и рекомендовалъ меня на службу въ министерство юстиціи.

Библиотека "Руниверс"

Иду я, однажды, по Невскому и только что свернулъ за уголъ на Екатерининскій каналъ, какъ вдругъ начался страшный, проливной дождь: я шелъ безъ зонта и безъ калошъ,—и рѣшилъ взойти въ первый попавшійся подъѣздъ, переждать дождь... Такой подходящій подъѣздъ какъ разъ и случился мнѣ на пути: смотрю—надъ нимъ небольшая, но изящная вывѣска, гласящая, что здѣсь «канцелярія добровольнаго флота». Я поднялся на двѣ ступеньки парадная подъѣзда и сталъ подъ зонтъ, выступавшій надъ панелью; въ это время, слышу, швейцаръ отворяетъ дверь на улицу и говоритъ:

— Карета вашего высокопревосходительства выѣзжаетъ,—и въ это самое время, дѣйствительно, со двора, изъ-подъ арки, выѣзжала изящная карета, но безъ лакея. Стоя спиною къ дверямъ, я совершенно машинально взглянулъ на экипажъ, какъ вдругъ кто-то назвалъ меня... Смотрю: передо мной стоитъ N., для котораго и подавалась эта карета. Лицо его тотчасъ же приняло озабоченное, почти страдальческое выраженіе, и онъ, покачивая головою и поминутно вздыхая, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ: давно ли я въ Петербургѣ, зачѣмъ пріѣхалъ, въ какомъ положеніи находится мое «дѣло», и пр. Дождь лилъ какъ изъ ведра, карета стояла у подъѣзда, а у дверцы кареты, въ застывшей позѣ, стоялъ швейцаръ и ожидалъ...

— Зайдите ко мнѣ, проговорилъ N., направляясь къ каретѣ: я пріѣзжаю изъ Петергофа по понедѣльникамъ и субботамъ.

Я воспользовался, конечно, милостивымъ приглашеніемъ N. и въ первый же его пріемный д е н ь направился къ нему. Онъ жилъ на одной изъ центральныхъ улицъ Петербурга, въ роскошномъ казенномъ домѣ-особнякѣ. Меня встрѣтилъ дежурный чиновникъ и, внимательно оглянувъ мой черный с ю р т у к ъ, спросилъ по какому я дѣлу?.. Я сказалъ, что пришелъ «по личному приглашенію» его высокопревосходительства, и чиновникъ, записавъ мою фамилію, попросилъ войти въ пріемную. Смотрю: нѣсколько статскихъ и военныхъ генераловъ въ мундирахъ и звѣздахъ, нѣсколько человѣкъ въ вицъ-мундирахъ и фракахъ, нѣкоторые изъ нихъ съ докладами, и двѣ-три дамы. Пріемная свѣтлая и высокая съ цѣльнымъ ковромъ во всю комнату, съ мягкою мебелью, съ книжными шкапами по стѣнамъ. Вдругъ дверь, ведущая, какъ оказалось, въ кабинетъ сановника, растворилась, оттуда вышелъ какой-то свитскій генералъ, а вслѣдъ за нимъ въ двери показалось лицо самого N.

— Анна Григорьевна!—громко крикнулъ онъ.

Со стула поднялась немолодая уже дама, вся въ черномъ, и пошла на зовъ. Многіе, находившіеся въ пріемной, поинтересовались узнать, кто это?.. Дежурный чиновникъ объяснилъ, что эта дама—вдова писателя Достоевскаго, надъ дѣтьми котораго была опека...

Послѣ г-жи Достоевской входили въ кабинетъ генералы и другія

Библиотека "Руниверс"

чиновныя лица по приглашеніямъ дежурнаго. «Ну, думаю, не придется мнѣ дождаться своей очереди»,—такъ какъ для пріема былъ назначенъ всего одинъ часъ, который уже и подходилъ къ концу... Но я ошибался: когда всѣ болѣе важные посѣтители перебывали уже въ кабинетѣ, то оттуда раздался обычный электрическій звонокъ; туда вошелъ и тотчасъ же вышелъ дежурный и направился ко мнѣ.

— Пожалуйте, васъ просятъ.

Я вошелъ въ кабинетъ...

— Такъ ваше приключеніе еще не окончилось?..—этимъ вопросомъ встрѣтилъ меня г. N.

Я разсказалъ, что хлопоталъ уже въ министерствѣ о скорѣйшемъ окончаніи.

— Передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ Литинъ, зайдите ко мнѣ опять, сказалъ онъ въ концѣ разговора, своимъ добрымъ и ласковымъ голосомъ.

И я, передъ поѣздкою на «страшный судъ», зашелъ къ N. еще разъ и еще разъ слышалъ его добрыя, ободряющія слова ко мнѣ, человѣку для него совершенно чужому, котораго онъ лишь встрѣчалъ когда-то въ жизни... Онъ сдѣлалъ еще болѣе: далъ мнѣ, съ написаннымъ текстомъ, свою карточку:

— Если васъ обвинятъ, тогда передайте это предсѣдательствующему въ судѣ: я прошу о снисхожденіи къ вамъ—въ предѣлахъ возможнаго, конечно.

Къ счастію, мнѣ не пришлось воспользоваться этою карточкою.

Теперь мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ объ окончаніи моего несчастнаго дѣла, такъ непріятно завершившаго мою судейскую дѣятельность въ Подоліи.

Уѣзжая изъ Петербурга въ Литинъ, я нарочно заѣхалъ въ Кіевъ и остановился тамъ на одинъ день, чтобы повидаться и условиться съ своимъ адвокатомъ. Къ ужасу своему, я его не нашелъ въ Кіевѣ: онъ уѣхалъ въ Волынскую, кажется, губернію—тоже «защищать» кого-то... Въ его квартирѣ мнѣ сказали, чтобы я былъ спокоенъ, что онъ хорошо освѣдомленъ о времени разбора моего дѣла и непремѣнно явится на судъ въ Литинъ. Я уѣхалъ изъ Кіева совершенно обнадеженный и, за день до разбора дѣла, явился въ Литинъ—къ крайнему удовольствію того добрѣйшаго человѣка, который за меня «поручился»... Прошелъ затѣмъ этотъ день, наступилъ и прошелъ другой день, наканунѣ суда, а моего защитника нѣтъ какъ нѣтъ... Наконецъ, поздно уже вечеромъ, въ нумеръ гостиницы, гдѣ я остановился, вошелъ совершенно незнакомый мнѣ рослый и красивый брюнетъ съ еврейскимъ типомъ лица и отрекомендовался моимъ «защитникомъ»... Оказалось, что крещеный адвокатъ-еврей прислалъ, вмѣсто себя, некрещенаго адвоката-еврея, обманувъ меня, такимъ образомъ, еще разъ...

На другой день состоялся, наконецъ, и судъ, на который явился

Библиотека "Руниверс"

и Б—ичъ уже въ мундирѣ волочисской таможенной стражи, куда онъ поступилъ въ это время на службу.

Я не буду говорить о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя я пережилъ въ этотъ день, т. е. въ тѣ, собственно, девять или десять часовъ, которые потребовались для разбора дѣла... На бѣду, мой защитникъ оказался очень неважнымъ криминалистомъ и довольно слабымъ ораторомъ; онъ, какъ я узналъ послѣ, былъ довольно извѣстенъ въ Кіевѣ какъ цивилистъ—въ гражданскихъ процессахъ,—но отнюдь не какъ защитникъ въ уголовныхъ дѣлахъ, — онъ сильно тянулъ разборъ дѣла, предлагая свидѣтелямъ совсѣмъ излишніе вопросы, выясняя вовсе ненужные эпизоды и событія, такъ что я, чтобы сократить свои собственныя мученія и пытки на судѣ, а также и напрасныя томленія присяжныхъ, отказался отъ допроса нѣсколькихъ, вызванныхъ мною, свидѣтелей, показанія которыхъ не были для дѣла особенно важны.

Рѣчь товарища прокурора была очень обдумана, но нисколько не убѣдительна, такъ какъ вся она была построена на измышленной имъ неправдѣ—что я, именно хотѣлъ убить моего оскорбителя. Въ дѣйствительности же, когда я шелъ къ Б-ичу, то совсѣмъ не думалъ объ убійствѣ; я лишь зналъ и чувствовалъ одно—что одинъ изъ насъ долженъ умереть, а кто именно—не рѣшалъ и не могъ знать заранѣе... Рѣчь эта, построенная на лживомъ представленіи разыгравшейся прокурорской фантазіи, сильно возмутила меня, оскорбила и раздражила. Окончилъ Д. свою рѣчь хотя и эффектною, но чужою фразою, о томъ, что убійство-де всегда убійство, совершено ли оно разбойникомъ на большой дорогѣ, или Шарлотою Кордэ!..

Отвѣтъ моего малоспособнаго защитника былъ такъ безцвѣтенъ и слабъ, что я лишь глубоко сожалѣлъ о томъ, что дозволилъ ему говорить... Поэтому мнѣ, въ своемъ послѣднемъ словѣ, пришлось поневолѣ сказать какъ бы цѣлую защитительную рѣчь, основанную на тѣхъ дѣйствительныхъ событіяхъ, которыя, начавшись въ моей камерѣ, привели меня потомъ въ квартиру Б—ича съ револьверомъ въ рукѣ... Въ концѣ моего «слова» я довольно искусно пустилъ парѳянскую стрѣлу въ своего обвинителя:—«Г-нъ прокуроръ, сказалъ я, изволилъ приравнять мое прикосновеніе къ убійству французскою дѣвушкою Шарлотою Кордэ знаменитаго кровопійца революціи Марата... Но, во-первыхъ, гг. присяжные, въ моемъ дѣлѣ не можетъ быть и рѣчи объ «убійствѣ», такъ какъ мы всѣ, благодаря Бога, остались живы и здоровы, а во-вторыхъ, какая же я Кордэ?!. И какое же, наконецъ, можетъ быть сходство между ужаснымъ, но все-таки убѣжденнымъ террористомъ Маратомъ и поручикомъ россійскаго таможеннаго вѣдомства Б—ичемъ?!..

Публика и присяжные, относившіеся ко мнѣ во все время процесса очень сочувственно, прослушали внимательно мое «слово»,—и мнѣ

Библиотека "Руниверс"

такимъ образомъ, пришлось еще разъ говорить публично въ томъ самомъ залѣ, гдѣ я много разъ, по обязанности судьи, «докладывалъ» дѣла и гдѣ самъ же часто и предсѣдательствовалъ... Но только роли были уже не тѣ: тогда я говорилъ какъ власть имѣющій, а теперь передъ многочисленною любопытною публикою, собравшеюся въ этотъ залъ изъ Литинскаго и сосѣднихъ уѣздовъ, стоялъ и говорилъ несчастный «подсудимый», успѣвшій за эти два года томительнаго ожиданія суда посѣдѣть и сгорбиться...

Послѣ меня обычное напутствіе (или резюме) присяжнымъ говорилъ, какъ водится, предсѣдатель. На мое счастье, эту обязанность исполнялъ П. И. Кашневъ, замѣчательно даровитый и безпристрастный человѣкъ, отличавшійся большимъ тактомъ и умѣньемъ вести засѣданіе: его резюме было такъ объективно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ ясно и подробно разъясняло присяжнымъ ихъ обязанности по данному дѣлу, что мнѣ оставалось лишь отъ всей души благодарить Провидѣніе за то, что главное руководженіе въ моемъ дѣлѣ выпало на долю такого добросовѣстнаго и рѣдкаго по таланту представителя магистратуры.

Когда уже было окончено все судоговореніе, и присяжные вышли въ совѣщательную комнату, то я—какъ ни странно это—не почувствовалъ уже никакого страха ожиданія: такъ уже, значитъ, я намучился за этотъ день, что мои нервы какъ бы одеревенѣли совсѣмъ и притупились... Мое сердце стало усиленно биться лишь тогда, когда изъ комнаты присяжныхъ раздался роковой звонокъ, и, съ одной стороны, вошли въ залъ судьи, а съ другой—стали входить, гуськомъ, присяжные... Впереди шелъ С—скій, съ отвѣтнымъ листомъ въ рукахъ; голова его была опущена внизъ, лицо—чрезвычайно серьезно, и онъ, видимо, избѣгалъ взглянуть на публику, или на меня, и это сильно и какъ-то вдругъ меня встревожило... Я окинулъ глазами остальныхъ 11 человѣкъ, чинно проходившихъ на свои мѣста, и вижу, что прямо на меня, въ упоръ, смотритъ улыбающееся лицо молодаго польскаго пана, зятя моего знакомаго; онъ тотчасъ же сдѣлалъ мнѣ едва замѣтный и только одному мнѣ понятный знакъ головою и глазами, говорящій, что я былъ оправданъ... И я уже спокойно слѣдилъ за процедурою передачи вопроснаго листа въ руки предсѣдателя и за возвращеніемъ этого листа обратно къ старшинѣ... Затѣмъ С—скій прочелъ вопросъ, поставленный судомъ: виновенъ ли я, имя-рекъ, въ томъ, что, придя вечеромъ, 28-го іюля 1880 года, въ квартиру отставнаго поручика Б—ича, причинилъ ему двѣ огнестрѣльныя раны съ цѣлью причинить смерть?—и затѣмъ, громко, на весь залъ, при мертвой тишинѣ, царившей въ публикѣ, проговорилъ: «нѣтъ, не виновенъ»... Но едва только онъ успѣлъ произнести эти послѣднія слова, какъ въ залѣ раздался оглушительный взрывъ рукоплесканій, продолжавшійся нѣсколько минутъ... Напрасно г. Кашневъ звонилъ въ свой предсѣда-

Библиотека "Руниверс"

тельскій колокольчикъ: всѣ в и д ѣ л и, что онъ звонитъ, но, за шумомъ, никто н е с л ы ш а л ъ этого звонка, и аплодисменты приговору присяжныхъ продолжались по-прежнему... Вдругъ, я вижу, что предсѣдатель, безполезно продолжая звонить, оборачивается за свое кресло и укоризненно качаетъ головою какъ оказалось, по адресу той публики, принадлежавшей къ чинамъ министерства юстиціи — судебные слѣдователи, пристава, нотаріусы, и пр.,—которые размѣстились на нарочито поставленныхъ для нихъ стульяхъ, за судейскими креслами и, тоже, аплодировали... Это привѣтствовали мое о п р а в д а н і е,— и я былъ, въ это время, безконечно счастливъ и до глубины души благодаренъ всей этой, въ большинствѣ незнакомой, мнѣ публикѣ, выразившей, такимъ образомъ, и с в о е мнѣніе по моему дѣлу. Б—пчъ, какъ мнѣ потомъ говорили, дожидался приговора присяжныхъ у самыхъ выходныхъ дверей и, какъ только услышалъ, что я оправданъ, тотчасъ же вышелъ изъ зала и скрылся. Я его никогда уже болѣе не видѣлъ въ моей жизни.

Затѣмъ, многіе подходили и поздравляли меня... И тутъ, въ этомъ залѣ, спустя 2 года и 3 мѣсяца послѣ того, какъ совершилось со мною страшное несчастіе, я въ первый разъ встрѣтился и говорилъ съ нѣкоторыми моими прежними знакомыми—чиновниками съѣзда, помѣщиками и адвокатами... Въ это время, вдругъ провозшелъ одинъ эпизодъ, слегка меня смутившій, выкинутый моимъ защитникомъ: какъ только стихли аплодисменты, и взоры публики устремились опять на меня, сказавшаго присяжнымъ: «благодарю васъ, господа!»—нахальный, рослый еврей подскочилъ ко мнѣ, крѣпко обнялъ — и нѣсколько разъ поцѣловалъ... Впрочемъ, этотъ озадачившій меня іудейскій поцѣлуй человѣка, котораго я лишь наканунѣ увидѣлъ въ первый разъ въ жизни и который только «путалъ» мое дѣло на судѣ, былъ мною скоро забытъ.

Прямо изъ зала суда я направился на телеграфную станцію, откуда и послалъ сообщенія о своемъ оправданіи всѣмъ близкимъ мнѣ людямъ.

Такимъ образомъ, мое «приключеніе», благодаря Бога, окончилось, и я былъ торжественно оправданъ. Но для поступленія вновь на государственную службу этого оправданія было еще недостаточно: у меня все-таки оставался формуляръ, въ которомъ значилось, что я судился за покушеніе на убійство... По моей просьбѣ, тогдашній г. министръ юстиціи призналъ возможнымъ сдѣлать всеподданнѣйшій докладъ,—и по соизволенію государя императора, судимость изъ моего формуляра была совершенно исключена.

Но тѣни отъ этого благополучно избытаго мною несчастія долго еще ложились на мою послѣдующую жизнь и службу...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Какимъ образомъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій приходился племянникомъ царю Ивану Васильевичу IV Грозному.

Извѣстно, что князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій приходился племянникомъ царю Ивану Васильевичу Грозному, который самъ его такъ и называетъ, когда сватался за него, въ 1547 году, старшую дочь князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго.

Является вопросъ, какимъ образомъ князь Иванъ Ѳедоровичъ приходился царю племянникомъ?

Въ «Зерцалѣ россійскихъ государей» Т. Мальгина, изданіе 1789 г., упоминается о двухъ внучкахъ великаго князя Ивана Васильевича III—Анастасіи и Еленѣ Петровнахъ, дочеряхъ казанскаго царевича Петра Ибрагимовича, изъ которыхъ первая показана женою князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго, а вторая—супругою князя Василья Васильевича Шуйскаго.

Царевичъ Петръ Ибрагимовичъ, принявъ святое крещеніе, женился въ 1505 году на сестрѣ вел. кн. Василія Ивановича IV—великой княжнѣ Евдокіи Ивановнѣ. Онъ неоднократно сопровождалъ великаго князя въ походахъ, а въ 1521 году оберегалъ Москву, въ отсутствіе великаго князя, когда послѣдній, по случаю нападенія крымцевъ и казанцевъ, удалился въ Волокъ собирать полки.

Изъ этого видно, что у царевича Петра Ибрагимовича было двѣ дочери, двоюродныя сестры царя Ивана Грознаго, и что старшая изъ нихъ, Анастасія, была матерью князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ, въ XVII томѣ древней Россійской Вивліоѳики Новикова, изд. 1791 г, въ статьѣ: «Правленіе царя Ивана Васильевича», значится:

Подъ годомъ 1538. «6-го іюня. Бракосочетаніе князя Василья Васильевича Шуйскаго съ княгинею Анастасьею, племянницею великаго князя и дочерью Петра царевича».

Подъ годомъ 1540. «17-го декабря. Скончалась княгиня Анастасія, племянница великаго князя Василья Ивановича, дочь царевича Петра и супруга князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго».

Основываясь только на этихъ послѣднихъ свѣдѣніяхъ, можно было бы предположить, что у царевича Петра Ибрагимовича была лишь одна дочь, которая, вышедъ сперва замужъ за князя Василья Васильевича Шуйскаго и скоро овдовѣвъ (въ дѣйствительности такъ и было, потому что онъ умеръ чрезъ полгода послѣ свадьбы), вступила въ бракъ во второй разъ съ княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Мстиславскимъ.

Но такое предположеніе было бы крайне ошибочно, такъ какъ опровергается совершенно другими фактами.

По заявленію Н. М. Карамзина, т. VIII стр. 32, первенствующій бояринъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, «желая утвердить себя на высшей степени трона свойствомъ съ государемъ, женился на ю н о й сестрѣ Іоанновой, Анастасіи, дочери Петра, казанскаго царевича».

Если Анастасія въ 1538 году была юною, лѣтъ 17, то она должна была родиться въ 1521 году.

Между тѣмъ у Н. М. Карамзина же, томъ VII стр. 89, говорится, что великій князь Василій Ивановичъ принялъ къ себѣ литовскаго князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго и выдалъ за него дочь сестры своей Анастасію. Въ примѣчаніи же 294 находимъ, что: «Мстиславскій выѣхалъ къ намъ въ іюлѣ 1526 года, а въ 1529, 23-го августа, былъ уже супругомъ Анастасіи, дочери Петра царевича. Въ данной имъ тогда записи онъ клянется быть вѣрнымъ государю и не сноситься въ Литвѣ съ отцемъ своимъ, княземъ Михаиломъ Ивановичемъ». Въ этой записи (см. 3 томъ, стр. 63, древней Вивліоѳики Новикова), князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій излагаетъ, между прочимъ, что великій государь Василій далъ за него свою сестричку (т. е. племянницу) княжну Настасью.

Согласно вышеприведеннымъ даннымъ, можно придти къ положительному убѣжденію, что казанскій царевичъ Петръ Ибрагимовичъ, отъ супруги своей великой княжны Евдокіи Ивановны, дочери Ивана III, имѣлъ двухъ дочерей; что старшая изъ нихъ, Анастасія, вышла замужъ въ 1529 году за князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго, а вторая, Анастасія же (или Елена), которая была значительно моложе своей сестры (во время бракосочетанія первой ей было около 8 лѣтъ), отдана была въ супружество за князя Василія Васильевича Шуйскаго.

Библиотека "Руниверс"

Въ прежнее время нерѣдко давали своимъ сыновьямъ или дочерямъ одинаковыя имена. Такъ, въ семействѣ Ховриныхъ мы видимъ у Владиміра Григорьевича четыре сына, и всѣ носятъ одно и тоже имя Иванъ; для отличія же другъ отъ друга имѣютъ прозвища: Иванъ Казакъ, Иванъ Голова, Иванъ Третьякъ, Иванъ Четвертакъ. При подобномъ обычаѣ и обѣ дочери царевича Петра могли носить одно имя — Анастасіи.

Отъ брака старшей дочери съ кн. Ѳедоромъ Михайловичемъ Мстиславскимъ былъ сынъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, который былъ женатъ на Иринѣ, старшей дочери князя Горбатаго-Шуйскаго.

Отъ брака же младшей дочери царевича Петра съ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Шуйскимъ была дочь Марѳа, которая вышла впослѣдствіи замужъ за князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго.

II.

Есть ли основаніе предполагать, что окольничій Романъ Юрьевичъ Захарьинъ, прадѣдъ царя Михаила Ѳедоровича, былъ женатъ два раза.

Въ «Русской Старинѣ», къ августовскому нумеру 1878 года, приложена родословная нынѣ царствующаго дома: Романовы-Юрьевы-Захарьины, съ XIII в. по 1655 г., составленная Г. И. Студенкинымъ.

Въ примѣчаніи 9-мъ къ этой родословной, по поводу свадьбы великаго князя Василія IV Ивановича съ княжною Еленою Васильевною Глинскою въ 1526 году, на которой присутствовала Варвара, жена Юрьева, авторъ родословной задаетъ себѣ вопросъ: чья именно жена была эта Варвара? Въ основаніи своихъ разсужденій онъ приводитъ выдержки изъ разряда свадебнаго (Рос. Вивліоѳика XIII, 15): «Да съ ними-жъ быти въ свахахъ..... да Юрьевѣ женѣ Малова Варварѣ». «А за столомъ сидѣти боярынямъ..... да Юрьевѣ женѣ Захарьина Варварѣ».

Считая обѣ эти Варвары за одно и то же лицо, г-нъ Студенкинъ совершенно основательно доказываетъ, что она не могла быть женою главныхъ представителей тогда фамилій Юрьевыхъ-Захарьиныхъ—Михаила Юрьевича, Григорья Юрьевича и Василья Михайловича, такъ какъ имена женъ этихъ лицъ извѣстны; что она не могла быть женою и Ивана Михайловича, такъ какъ онъ не занималъ виднаго мѣста при великокняжескомъ дворѣ, и что она еще менѣе могла быть женою Никиты Романовича (Варвара Ивановна Ховрина), который въ то время, если и родился, то былъ еще ребенкомъ и не могъ слѣдовательно быть женатымъ. Поэтому составитель родословной дѣлаетъ, по его мнѣнію, почти

Библиотека "Руниверс"

вѣрное предположеніе, что эта Варвара была первою женою Романа Юрьевича, который могъ называться Малымъ въ отношеніи брата своего Михаила Юрьевича, начавшаго службу за 30 лѣтъ раньше 1526 года.

Прежде всего приведемъ болѣе подробный текстъ изъ брачной церемоніи и затѣмъ уже поставимъ, съ своей стороны, нѣсколько вопросовъ, на которые и постараемся отвѣтить.

Въ разрядѣ свадебъ читаемъ: «А съ великія княгини быть со стороны дружкамъ: князю Михайлѣ Васильевичу Горбатому со княгинею, да съ ними-жь быти въ свахахъ князь Ивановѣ Шуйскаго княгини Авдотьѣ, да Юрьевѣ женѣ Малова Варварѣ».

« А за столомъ сидѣти боярынямъ князь Ѳедоровѣ Ивановича Бѣльскаго княгинѣ Аннѣ, да князь Семеновѣ Холмскаго княгинѣ Марьѣ, да Юрьевѣ женѣ Захарьина Варварѣ, да Петровѣ женѣ Яковлева Аннѣ, да Михайлова женѣ Юрьева Иринѣ».

Передъ нами представляется теперь картина иная, нежели та, какая являлась на основаніи краткихъ только выдержекъ. Невольно возникаютъ слѣдующіе вопросы: если обѣ эти Варвары были однимъ и тѣмъ же лицомъ, то почему онѣ называются различно: сперва Малова, а почти вслѣдъ за симъ Захарьина? Почему изъ свахъ только Варвара удостоивается великой чести сидѣть за столомъ съ другими знатнѣйшими боярынями? Почему жена не занимавшаго видное положеніе лица, если допустить, что она была супруга Романа Юрьевича, могла попасть среди знатныхъ боярынь, да еще сѣсть выше жены Михаила Юрьевича, который былъ несравненно старше и важнѣе своего брата?

Обыкновенно за столомъ удостоивались сидѣть только самыя именитыя боярыни, тогда какъ въ свахи назначались болѣе молодыя. Такъ и въ настоящемъ случаѣ за столомъ мы видимъ: а) вдову князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго Анну, которая, какъ дочь родной тетки великаго князя Василья IV Ивановича княгини Анны Васильевны Рязанской, была ему двоюродной сестрою; б) вдову князя Семена Даниловича Холмскаго Марью, потомка Тверскихъ удѣльныхъ князей и находившагося въ свойствѣ съ великимъ княземъ Васильемъ IV, такъ какъ родной его братъ, князь Василій Даниловичъ, женатъ былъ на родной его сестрѣ, великой княжнѣ Софіи Ивановнѣ; в) вдову Петра Яковлевича (вѣроятно Захарьина), который умеръ въ 1522 году и былъ сыномъ боярина и воеводы Якова Захарьевича при великомъ князѣ Иванѣ III и г) жену Михаила Юрьевича Захарьина, близкаго великому князю человѣка. Такимъ образомъ за столомъ сидятъ или родственницы великаго князя, или жены дворцовыхъ сановниковъ, которые пользовались его особеннымъ расположеніемъ. И это вполнѣ понятно, такъ какъ разводъ съ первою супругою Соломоніею Сабуровой и женитьба на чуждой Москвѣ

Библиотека "Руниверс"

княжнѣ Еленѣ Глинской далеко не вызывали общаго сочувствія, и многіе были недовольны этимъ бракомъ.

Михаилъ Васильевичъ Горбатый, которому вмѣстѣ съ его женою назначено было быть дружками со стороны великой княгини, былъ тогда уже старый боярин, возведенный въ это званіе еще въ 1531 году. Что касается до свахъ, то мужъ старшей изъ нихъ, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, еще не былъ тогда бояриномъ, будучи пожалованъ въ это званіе лишь въ 1531 году.

Принявъ всѣ эти обстоятельства въ соображеніе, можно придти къ заключенію, что двѣ упоминаемыя въ свадебномъ разрядѣ Варвары были разныя лица.

Варвара Юрьева жена Малова, по всей вѣроятности, и была вдовою Юрія Дмитріевича Малаго (траханіотъ), умершаго въ 1513 году и занимавшаго должность казначея. Другая же Варвара, жена Юрьева-Захарьина, надо полагать, была вдовою боярина Юрія Захарьевича, умершаго въ 1504 году, намѣстника новгородскаго, который былъ воеводою во многихъ походахъ при Иванѣ III и участвовалъ какъ воевода сторожеваго полка въ знаменитой битвѣ на берегахъ Ведроши въ 1500 году, окончившейся блистательною побѣдою надъ литовцами. Хотя Юрій Захарьевичъ, какъ извѣстно, былъ женатъ на Иринѣ Ивановнѣ Тучковой, но онъ могъ овдовѣть и жениться во второй разъ. Во всякомъ случаѣ такое предположеніе болѣе согласуется съ обстоятельствами и именами, показанными въ разрядѣ великокняжеской свадьбы, нежели умозрительное заключеніе составителя родословной.

III.

Можно ли допустить предположеніе, что дьякъ Василій Григорьевичъ Захаровъ принадлежалъ къ роду Захарьиныхъ-Юрьевыхъ.

Въ примѣчаніи 2-мъ къ родословной «Романовы-Юрьевы-Захарьины», помѣщенной въ августовской книжкѣ журнала «Русская Старина» за 1878 годъ, составитель ея Г. И. Студенкинъ, приводя перечень лицъ, носившихъ фамиліи Юрьевыхъ и Захарьиныхъ, или Захаровыхъ, которыхъ онъ, совершенно правильно, не считаетъ принадлежащими къ поколѣнію Андрея Ивановича Кобылы, останавливается, однако, на двухъ дьякахъ Ивана Грознаго—Васильѣ и Яковѣ Григорьевичахъ Захаровыхъ. Видя въ нихъ двухъ братьевъ, онъ ставитъ вопросъ—не были ли они сыновьями Григорія Юрьевича Захарьина, такъ какъ са-

Библиотека "Руниверс"

мое положеніе ихъ, близкое къ царю, могло быть послѣдствіемъ родства ихъ съ Романовыми-Юрьевыми-Захарьиными?

На этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, можно отвѣтить только отрицательно. Хотя дьяки, въ XVI вѣкѣ, и начинаютъ пріобрѣтать большое вліяніе на дѣла и значеніе ихъ постепенно усиливается, но уваженіемъ они не пользовались; среди бояръ они возбуждали не только ненависть, но и презрѣніе, такъ какъ, будучи неродовитыми, со словомъ дьякъ связывалось понятіе объ отсутствіи родословной чести; при спорахъ о мѣстничествѣ, противныя стороны даже укоряли иногда обоюдно дьячествомъ, какъ очень низкою должностью. При такихъ понятіяхъ въ то время о дьякахъ, можно ли предполагать, чтобы двоюродные братья царицы Анастасіи Романовны рѣшились занять подобную должность.

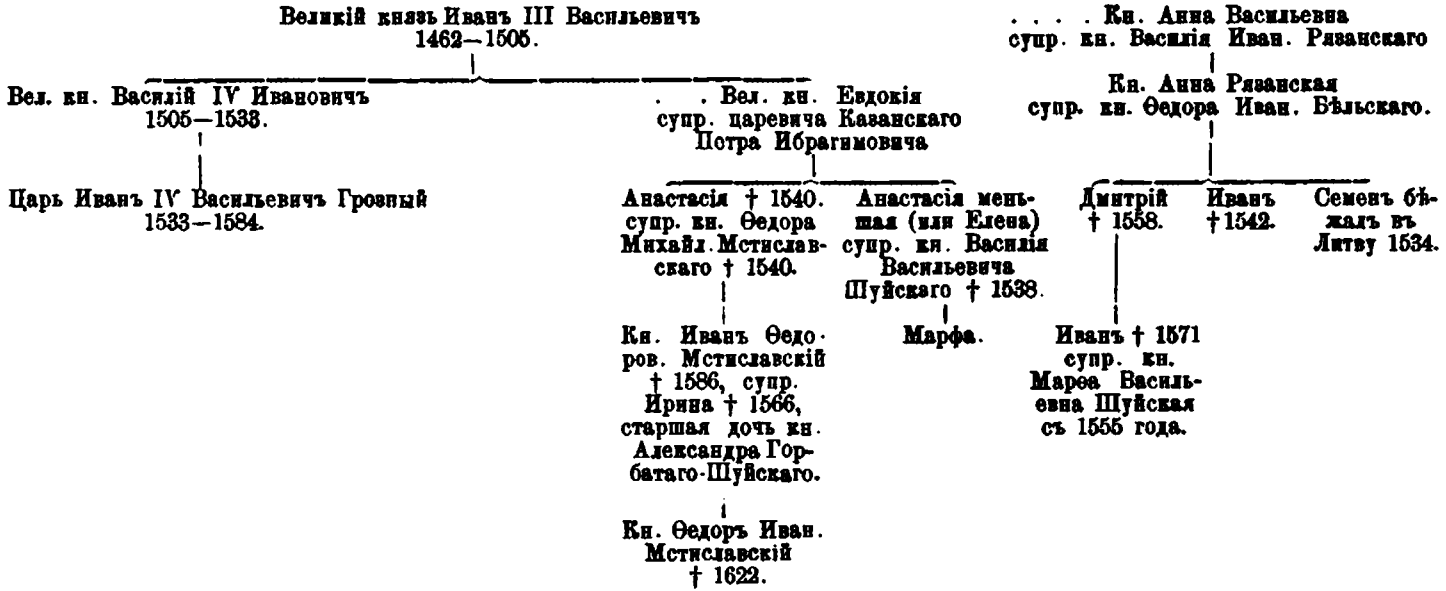
Лучшимъ доказательствомъ, какъ ненавидѣли дьяковъ вообще и какъ съ ними при случаѣ распоряжались, служитъ возмутительный поступокъ князя Василья Васильевича Шуйскаго съ извѣстнымъ дѣльцомъ великаго князя Василья IV Ивановича—Ѳедоромъ Мишуринымъ; этому несчастному, измученному предварительно воинами, раздѣтому, обнаженному, безъ всякаго суда, отсѣкли голову на плахѣ предъ городской тюрьмою.

Обращаясь къ вопросу о происхожденіи дьяка Василья Захарова, который своимъ разслѣдованіемъ о буйствѣ новгородскихъ пищальниковъ въ 1546 году подъ Коломною возбудилъ страшный гнѣвъ царя Ивана Грознаго, послѣдствіемъ котораго была казнь, обвиненныхъ въ тайномъ подстрекательствѣ мятежа — князя Ивана Кубенскаго и Воронцовыхъ,—мы можемъ привести изъ 17-го тома древней Россійской Вивліоѳики Н. Новикова, слѣдующее показаніе:

21 іюля 1546 г. «Въ Коломнѣ отсѣкли голову боярамъ,—князю Ивану Кубенскому, Ѳедору Воронцову и Василію Михайлову сыну Воронцову, по ложному доносу любимца Василья Григорьевича сына Сахарова Гнильева, который старался отомстить имъ за прежній ихъ поступокъ».

Изъ этого видно, что фамилія этого дьяка была не Захаровъ, а Сахаровъ-Гнильевъ, а потому онъ никакимъ образомъ не можетъ принадлежать къ роду Юрьевыхъ-Захарьиныхъ. Г. М.

Библиотека "Руниверс"



*

Библиотека "Руниверс"

Блюститель нравственности.

Рапортъ Казанскаго губернскаго прокурора Овцына Министру Юстиціи.

17-го марта 1813 г.

«Въ печатной афишкѣ извѣщена казанская публика, что, съ позволенія начальства, марта 16-го числа, въ воскресенье, г. Девотто и г. Роба даютъ на здѣшнемъ театрѣ спектакль на канатѣ, въ прыжкахъ, позитурахъ и квилибрахъ, а также въ сальтоморталныхъ скачкахъ; дѣвица Шталь будетъ плясать на столѣ англійскій танецъ, а по окончаніи спектакля будутъ плясать по цыгански малолѣтнія дѣти. Разсуждая, что мнѣ одному осталось средство напомнить о неприличности цыганскихъ при публикѣ плясокъ въ настоящее время великаго поста, я, коль скоро о послѣдовавшемъ дозволеніи начальства сдѣлалось мнѣ извѣстно, относился, до начатія спектакля, къ здѣшнему полиціймейстеру Симанову, что цыганскія пляски въ нынѣшнее время противны нашей религіи и самой, какъ не безъизвѣстно, высочайшей государя императора волѣ, почему и просилъ полиціймейстера о семъ предварительно доложить г начальнику губерніи, не благоугодно ли будетъ упомянутую пляску отмѣнить. Тѣмъ не менѣе, пляска эта вчерашняго числа состоялась, а полиціймейстеръ Симановъ, на отношеніе мое, сегодня отвѣтилъ, что, по докладу его, г. гражданскій губернаторъ приказать изволилъ пляску ту не воспрещать.

«Я поставляю обязанностію о неприличномъ увеселеніи въ великій постъ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства».

На рапортѣ написано: «Докладывано», но дальнѣйшихъ распоряженій не послѣдовало.

Сообщилъ **А. В. Безродный.**

Библиотека "Руниверс"

Русскій путешественникъ прошлаго вѣка за границею.

(Собственноручныя письма А. С. Шишкова 1776—1777 г. г.).

1776 годъ [1]).

13.

2-го ноября.

Ни о чемъ тебя увѣдомить не могу, кромѣ, что на сихъ дняхъ обѣдали мы у здѣшняго губернатора, который живетъ весьма недурно; были у одного полковника на балѣ, также нѣсколько вечеровъ проводили на конверзаціяхъ и въ театрѣ. Впрочемъ, скука больше имѣетъ участія въ нашихъ дѣлахъ, нежели удовольствіе. Недавно былъ я въ жидовской синагогѣ, куда жиды собираются Богу молиться: она пространна и внутри хорошо украшена. Служба ихъ отправляется чудны̀мъ образомъ: премножество жидовъ собравшися иные сидятъ и кричатъ, другіе ходятъ въ шляпахъ какъ на рынкѣ, а посрединѣ, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, попъ въ бѣлой одеждѣ читаетъ громко на распѣвъ, и видно тутъ ни молчанія, ни слушанія, ни благочинія не требуется. — Еще тебѣ скажу, что мы вчерашній день проводили довольно весело: на фрегатъ «Павелъ» званы были обѣдать гостя, которые просидѣли тутъ до самой ночи, и какъ между оными были четыре дѣвушки, то мы послѣ обѣда позвали музыкантовъ и танцовали съ ними до самаго ихъ разъѣзда. Впрочемъ, сюда съ нашими товарами, которые должны привезены быть изъ Англіи и Голландіи, еще не бывали, и скоро-ли мы отселѣ отпра-

[1]) См. „Русскую Старину“, 1897 г., іюнь.

Библиотека "Руниверс"

вимся, никто не знаетъ. Твой другъ желаетъ тебѣ всякаго удовольствія. Прости.

14.

4-го ноября.

Сегодня день моего дневанья, или очередь терпѣть скуку: всѣ мои товарищи поѣхали на берегъ; одинъ остался я на цѣлый день на фрегатѣ. Ты можешь вообразить себѣ, что мнѣ одному сидѣть не весело. Музыка не можетъ меня занимать, потому что я ни на чемъ играть не умѣю; книгъ со мною также нѣтъ, слѣдовательно къ провожденію времени остается мнѣ только ходить, сидѣть, лежать и думать: что все вообще весьма утѣшаетъ мало. Между тѣмъ, ходя взадъ и впередъ по каютѣ, увидѣлъ я на столѣ чернильницу и перо: мысль мнѣ пришла начать къ тебѣ писать и тѣмъ провести часть времени. Сыскалъ я бумагу и думалъ долго, о чемъ бы тебя увѣдомить, но, не имѣя ничего новаго, напослѣдокъ разсудилъ описать тебѣ вчерашнюю комедію, которую здѣсь играли въ театрѣ, и которая довольно мнѣ понравилась.

Прежде увѣдомлю тебя о здѣшнихъ комедіантахъ: они нанимаются отъ содержателя театра на нѣкоторое время, по прошествіи котораго на мѣсто ихъ приходитъ другая труппа, а сіи отъѣзжаютъ въ другое мѣсто для представленія на томъ театрѣ; такимъ образомъ они перемѣняются. Содержатель смотря по труппѣ полагаетъ цѣну за входъ въ театръ, которая обыкновенно бываетъ невелика, ибо за четверть рубля можно видѣть лучшую оперу, и то платятъ только одни благородные да иностранцы, а простой народъ пускаютъ за пять копѣекъ и меньше. Посему думать можно, что содержателямъ театра не великій бываетъ доходъ, а комедіантамъ и того еще меньше, хотя они всякой день почти обязаны что нибудь представлять. Между прочимъ для перваго актера положенъ одинъ вечеръ, который собственно принадлежитъ ему, и о которомъ онъ за день или за два чрезъ печатные листки предувѣдомляетъ общество. Во время же онаго садится онъ при входѣ въ театръ за столъ, имѣя предъ собой большое серебряное блюдо, на которое входящіе кладутъ деньги кто сколько захочетъ, и сіи собранныя деньги получаетъ онъ себѣ, не удѣляя изъ того никому ничего. Сегодня вечеръ перваго актера, но я по несчастію лишенъ удовольствія видѣть его торжествующаго надъ кучею денегъ и желанія присовокупить ему маленькую частицу къ его доходу, хотя онъ съ великимъ почтеніемъ вчера вручилъ намъ всѣмъ по билету. Теперь опишу тебѣ содержаніе вчерашней комедіи, которое было слѣдующее:

Библиотека "Руниверс"

Одинъ англичанинъ, по имени Вильсонъ, содержатель суконнаго завода, былъ человѣкъ довольно богатый, но богатство его состояло не въ наличности,—онъ торговалъ, и обращеніемъ денегъ пріумножалъ капиталъ свой. При жизни еще покойной жены своей принялъ онъ къ себѣ въ домъ одну несчастную вдову съ дочерью, которыя нѣкогда претерпѣли кораблекрушеніе, однако были спасены и, по пріѣздѣ въ Лондонъ, пристали у него въ домѣ и тутъ жили! Вдова сія называлась Сонбриджи, а дочь Фанни. Нѣкто знатный лордъ, именемъ Арсей, увидя Фанни, въ нее влюбился и показывалъ ей особливыя ласки; но онъ не завсегда жилъ въ городѣ, а удалялся иногда въ свои деревни. По прошествіи нѣкотораго времени, жена Вильсонова умерла, оставя послѣ себя двухъ маленькихъ дѣтей, сына и дочь, которыхъ при смерти поручила она Сонбриджиной дочери, прося ее вмѣсто себя быть имъ матерью, а мужа своего увѣщевала жениться на сей любви достойной дѣвицѣ. Вильсонъ, оплакавъ память жены своей и привыкши завсегда видѣть молодую Фанни, не могъ больше сопротивляться ея прелестямъ и почувствовалъ къ ней сильнѣйшую горячность, что происходило также и въ сердцѣ Фанниномъ. Госпожа Сонбриджи была о томъ увѣдомлена и обѣщала дочь свою за него выдать. Въ такомъ положеніи были дѣла ихъ, какъ въ одно время Вильсонъ, отлучившися изъ своего дома, пробылъ цѣлыя сутки за городомъ, и по возвращеніи своемъ провѣдалъ, что лордъ Арсей пріѣхалъ въ Лондонъ и приходилъ разговаривать съ госпожею Сонбриджею. Вѣдомость сія смутила его, онъ страшился, чтобъ сей знатный соперникъ не былъ ему предпочтенъ. Безпокойство его еще болѣе умножилося, когда Сонбриджа, пришедъ, показала ему письмо, которое писалъ къ ней лордъ Арсей, и въ которомъ онъ увѣдомляетъ ее, что несмотря на неизвѣстность Фаннинаго рожденія, о которомъ онъ не желаетъ болѣе освѣдомляться, предпріялъ онъ чрезъ два дня на ней жениться и повергнуть съ собою къ ногамъ сея красавицы всѣ свои титла, знатность и богатство, заключая тѣмъ, что онъ послѣ такого его предложенія надѣется несомнѣнно получить отъ нихъ согласный со своими желаніями отвѣтъ, и что послѣ сего, конечно, не станутъ онѣ болѣе помышлять о страсти Вильсоновой къ молодой Фанни. Прочитавъ сіе письмо, вздохнулъ Вильсонъ и печальнымъ голосомъ спрашивалъ Сонбриджу, что она сдѣлать намѣрена. Рѣшеніе уже сдѣлано, отвѣчала Сонбриджа, и сіе письмо понуждаетъ меня къ скорѣйшему исполненію такого дѣла... Какъ! перервалъ Вильсонъ, и Фанни могла безъ труда на то согласиться? Конечно, безъ труда, продолжала Сонбриджа, для того, что она соединяется съ такимъ человѣкомъ, котораго она любитъ, который равномѣрно любитъ ее. Потомъ, примѣтя горесть Вильсонова, не захотѣла больше оставлять его въ заблужденіи, сказавъ, что онъ самый тотъ супругъ, котораго она дочери

Библиотека "Руниверс"

своей назначаетъ. Легко можно себѣ вообразить радость Вильсонова, сими словами въ немъ произведенную! Торжествующъ надъ знатнымъ толь соперникомъ, получа все желаемое, бросился было онъ благодарить ее наичувствительнѣйшимъ образомъ, но она, перервавъ его ласкательства, сказала, что имѣетъ нужду открыть ему нѣкоторую тайну, и чтобъ онъ успокоившись ее выслушалъ. Тогда разсказала она ему, что она родилась въ Дублинѣ отъ родителей довольно достаточныхъ, но которые напослѣдокъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ сдѣлалися бѣдными, и которыхъ лишилася она еще въ самой молодости своей. По смерти отца своего жила она у дяди, который напослѣдокъ хотѣлъ ее выдать за одного богатаго негоціанта замужъ, но въ самое то время пріѣхалъ туда нѣкто шотландскій лордъ Фалиландъ. Они другъ съ другомъ имѣли случай увидѣться и полюбить одинъ другого страстно. Напослѣдокъ сей лордъ увезъ ее въ свой домъ съ обѣщаніемъ на ней жениться, но какъ сіе не могло быть сходственно съ знатною его породою, и притомъ не смѣлъ онъ огорчить старика-отца своего, то принуждена была Сонбриджа полагаться на одни увѣренія Фалиланда и довольствоваться одною надеждою на будущее время, что съ перемѣною обстоятельствъ лордовыхъ перемѣнится и участь ея. Однако она въ томъ обманулася, ибо скоро услышала, что онъ женится на одной знатной дѣвицѣ и посылается губернаторомъ въ Ямайку. Сія вѣдомость была ужаснѣйшимъ для Сонбриджи ударомъ: плодъ любви ихъ, рожденная тогда Фанни, еще болѣе умножала печаль своей матери, напоминая несчастнымъ бытіемъ своимъ невѣрность ей отцовскую и плачевное состояніе, въ какомъ онъ ихъ оставилъ. Но чтобъ разсказать покороче, то довольно сего вѣдать, что Фалиландъ, женившись, уѣхалъ въ Ямайку уже двадцать лѣтъ тому назадъ, однако же онъ, живучи тамъ, иногда провѣдывалъ о Сонбриджѣ, и въ послѣдній разъ прислалъ ей нѣкоторое довольное число денегъ. Что касается до нея, то послѣ многихъ приключеній, бывшихъ послѣ того съ нею, наконецъ жила она въ домѣ у сего Вильсона, какъ я прежде о томъ упоминалъ, и теперь разсказала ему тайную свою повѣсть, примолвя къ тому: ты теперь знаешь и мое несчастное состояніе и рожденіе Фаннино. Разсуждай самъ. Ежели злополучная сія повѣсть никакой въ мысляхъ твоихъ не дѣлаетъ перемѣны, продолжай любить ея, но когда страсть сія покажется тебѣ предосудительною чести твоей, такъ разорви сей союзъ. Избирай для себя благое. По крайней мѣрѣ я имѣю долгъ, прежде наступленія брака, тебя о томъ увѣдомить. Вильсонъ послѣ сихъ ея словъ съ горячностію старался увѣрить ея, что почтеніе, которое онъ къ нимъ обѣимъ имѣетъ, есть священное и никакими посторонними обстоятельствами не нарушаемое. Такимъ образомъ они разстались. Скоро потомъ Вильсонъ и Фанни вѣчнымъ совокупленіемъ утвердили пламень свой, и казалося, что желаніямъ ихъ ничего болѣе

Библиотека "Руниверс"

недоставало. Между тѣмъ, грозная буря, поднявшись, затмила всю ихъ свѣтлую радость. Вильсонъ чрезъ банкротство другихъ потерялъ все свое богатство и сдѣлался бѣднѣйшимъ человѣкомъ. Сонбриджа и Фанни отдали всѣ свои деньги и алмазы въ заплату тѣхъ векселей, по коимъ съ него взыскивали; но недовольно было сего, напослѣдокъ велѣно было описать весь его домъ и со всѣми находящимися въ оном вещами, для продажи и заплаты по оставшимся векселямъ. Тогда можно сіе представить сколь безмѣрна была Вильсонова горесть. Явленіе сіе возбуждало во всѣхъ немалую жалость. Несчастныя дѣти невиннымъ своимъ присутствіемъ, вопросами и слезами наносили ему печаль жесточайшую; Фанни тѣмъ болѣе поражала чувствительное сердце его, чѣмъ болѣе въ сіе время показывала ему горячности; ибо себя поставлялъ онъ виновникомъ ея злополучія, отвлекши отъ счастливаго состоянія, въ которомъ бы она была, вышедъ за лорда Арсея замужъ. Сими и симъ подобными ежечасно терзаяся мыслями, наконецъ, приведенъ онъ былъ въ отчаяніе, и принялъ намѣреніе броситься въ р. Темзу, написавъ напередъ два письма, одно къ Фанни, а другое къ Арсею; въ первомъ просилъ, чтобъ она по лишеніи его немедленно вышла за лорда сего замужъ и была матерью оставшимся его дѣтямъ; а во второмъ увѣдомлялъ Арсея о несчастіи своемъ, принудившемъ его лишиться жизни, и просилъ, чтобъ онъ, женяся на Фанни, былъ покровителемъ несчастныхъ сиротъ ея пасынковъ. Исполнивъ сіе, пошелъ онъ во время ночи отдавать письма на почту, чтобъ назавтра отнесли ихъ къ кому они были надписаны, и потомъ броситься въ Темзу.

На семъ любопытномъ мѣстѣ знать о судьбинѣ Вильсоновой кончилося четвертое дѣйствіе сей драмы, но вообрази себѣ, какъ удивлены были зрители, когда актеръ, игравшій Вильсонову роль, въ самое то время вышелъ увѣдомлять публику, какая завтра будетъ комедія! Правда, что здѣшніе зрители къ тому уже привыкли, ибо здѣсь часто случается, что и въ срединѣ трагедіи актеры сіе дѣлаютъ, будучи въ царскомъ одѣяніи, да и не могутъ иначе, какъ не въ срединѣ выходить, потому что зрители никогда конца не дожидаются; но для меня и многихъ къ сему не привыкшихъ весьма сіе показалось странно. Между тѣмъ, какъ я мысленно приготовлялся обвинять сего актера и сердился, что онъ смѣшалъ мои мысли и вывелъ изъ заблужденія глаза, которые уже было привыкли мечтать его себѣ подлиннымъ Вильсономъ и заставляли душу мою соболѣзновать о его состояніи и любопытствовать о его судьбинѣ,— между тѣмъ, говорю, оправдалъ онъ сей некстати выходъ свой слѣдующею къ зрителямъ рѣчью, весьма для него кстати (надобно при этомъ вспомнить, что сіе было наканунѣ того дня, въ который собираемыя отъ зрителей деньги принадлежатъ собственно ему). Вильсонъ сталъ не-

Библиотека "Руниверс"

счастливъ, говорилъ онъ, лишился вдругъ всего своего имѣнія и повергнулся въ крайнюю нищету, будучи однакожъ добродѣтеленъ и честенъ. Вы видѣли чрезмѣрную горесть его и отчаяніе. Можетъ статься, жалостнымъ состояніемъ своимъ и горестными печаль его изобразующими знаками возбудилъ онъ соболѣзнованіе въ чувствительныхъ вашихъ сердцахъ: итакъ, окажите надъ нимъ человѣколюбіе ваше завтра вечеру, искупите его щедротою своею изъ долговъ и заставьте сими утѣшаться мыслями, что онъ умѣлъ угождать вашему вкусу, и проч. Такимъ образомъ проговорилъ представитель Вильсона, желая тѣмъ пріумножить свой доходъ, и я думаю, что за сію предисловію наклали ему рубля полтора лишнихъ: больше нельзя полагать въ разсужденіи щедроты здѣшнихъ зрителей, которыхъ при томъ же въ театрѣ не весьма много собирается, исключая партеровъ, набитыхъ всякаго рода подлымъ народомъ, который пустому хохочетъ и аплодируетъ также чему-нибудь глупому, и какъ по большому ихъ числу и доходъ отъ нихъ собирается больше, то кажется и актеры всѣ стараются угождать сбродному ихъ вкусу, для того на здѣшнее представленіе не весьма пріятно смотрѣть. Теперь доскажу конецъ драмы.

Вильсонъ, будучи въ крайнемъ отчаяніи, пошелъ броситься въ рѣку Темзу, но прежде отдалъ на почтѣ письмо къ Фанни, чтобъ вручили ей оное завтра поутру, однако почтарь отнесъ его въ то же самое время, и открытіе сего письма поразило чрезвычайно всѣхъ домашнихъ Вильсоновыхъ; они тотчасъ бросились его повсюду искать. Между тѣмъ Фалиландъ, по смерти жены своей возвратившійся паки въ Лондонъ, старался провѣдать о Сонбриджѣ и о своей дочери, но услышалъ, что онѣ, ѣдучи на суднѣ изъ Дублина, претерпѣли кораблекрушеніе и погибли въ морѣ. Такимъ образомъ, почитая себя убійцею и виновникомъ всего ихъ злополучія, вознамѣрился онъ избавиться смертію отъ терзающихъ его мыслей, и въ то же самое время приближался къ мосту чрезъ рѣку Темзу, въ которое и Вильсонъ, дабы, повергнувшись съ онаго, обрѣсти себѣ покой на днѣ сея рѣки. Оба сіи несчастные, избравшіе себѣ единое мѣсто гробомъ, въ темнотѣ ночной другъ на друга находятъ и съ удивленіемъ останавливаются. Фалиландъ, удержавъ Вильсона, который хотѣлъ у него вырваться изъ рукъ, спрашиваетъ, какой онъ человѣкъ, зачѣмъ находится ночью на этомъ мѣстѣ, и заключаетъ по смущеннымъ его отвѣтамъ, что конечно нашелъ онъ человѣка въ равныхъ съ собою обстоятельствахъ, который за тѣмъ же пришелъ на это мѣсто, зачѣмъ и онъ самъ. Любопытство рождается въ немъ, и онъ, увѣдомивъ напередъ сего незнакомца о своемъ одинакомъ съ нимъ намѣреніи, проситъ и клянется не отпустить его прежде, покуда не разскажетъ онъ ему причинъ, побудившихъ его на такую крайность: послѣ того обѣщается уме-

Библиотека "Руниверс"

реть съ нимъ вмѣстѣ. Вильсонъ, не могши напослѣдокъ сопротивляться усильному его прошенію, или лучше сказать принужденію, разсказываетъ ему несчастныя свои обстоятельства. Тогда Фалиландъ подвигнутый симъ на жалость, говоритъ ему, что онъ имѣетъ довольный достатокъ, и какъ онъ принялъ непремѣнное намѣреніе умереть, а наслѣдниковъ послѣ него никого не остается, то не можетъ онъ употребить на лучшее сего своего богатства, какъ на искупленіе Вильсоново: «прими сей даръ отъ руки тебѣ незнакомой, продолжалъ онъ, возвратися къ твоимъ домашнимъ, искупи себя отъ долговъ, не оставляй вдовою жену и сиротами дѣтей твоихъ, поди, живи съ ними благополучно. Не благодари меня за сіе благодѣяніе благодари случай, который, можетъ статься, ниспослали тебѣ сами небеса для избавленія невинности отъ страданія. Завтра по утру получишь ты право на мое имѣніе». Вильсонъ, удивленный сими словами великодушнаго лорда, стоялъ долгое время безмолвенъ: сильное чувствованіе радости отняло у него почти употребленіе языка. Между тѣмъ вдругъ показалися люди на улицѣ съ возженными факелами, кого-то ищущіе. Сіи были Сонбриджа и Фанни со своими домашними. Увидя Вильсона съ великимъ восклицаніемъ бросилися онѣ всѣ къ нему на шею, рыданіемъ и слезами изъявляя радость и печаль свою. Фалиландъ, тронутый симъ жалкимъ зрѣлищемъ, отвратился отъ нихъ и проливалъ слезы. Тогда Вильсонъ, обнимая то любезную свою Фанни, то мать ея, сказалъ имъ: «мы благополучны, сей добродѣтельный незнакомецъ, сей другъ несчастныхъ, сей избавитель и благодѣтель мой, хочетъ безпримѣрнымъ своимъ великодушіемъ извлечь насъ изъ сея бездны горестей, въ которую низринулъ я васъ моимъ несчастіемъ. Ахъ, любезная мать, и ты, дражайшая супруга, бросимся къ ногамъ его возблагодарить за толикое намъ благодѣяніе!» Фалиландъ по сихъ словахъ обращается къ нимъ, и какое для него видѣніе! Онъ зритъ у ногъ своихъ Сонбриджу, сей предметъ желаній и причину мученій своихъ, едва не повергнувшихъ его во гробъ! Оба они встрѣчаются устремленными быстро взорами, познаются между собою и, по произнесеніи съ сильнымъ движеніемъ духа именъ другъ друга, остаются безгласными въ объятіяхъ одинъ другого! Послѣ того опамятовавшися Сонбриджа увѣдомляетъ его, кто таковы ему Фанни и Вильсонъ, которыхъ великодушнымъ поступкомъ своимъ хотѣлъ избавить онъ отъ злополучія и бѣдствій. Новая радость и новыя чувствованія родительской горячности объемлютъ тогда духъ Фалиландовъ: имена супруги, дочери и зятя стократно съ восторгомъ вылетаютъ изъ устъ его; и на послѣдокъ, изгнавъ лютую печаль, торжествуетъ свѣтлая радость надъ сердцами всѣхъ составляющихъ сіе благополучное семейство. Такимъ образомъ кончилася драма и сегодняшнее твое письмо. Прощай.

Библиотека "Руниверс"

15.

8-го ноября.

Вчера случилося съ нами сперва странное, а потомъ весьма смѣшное приключеніе, о которомъ намѣренъ я тебя увѣдомить.—Послушай: былъ я поутру въ этотъ день на фрегатѣ «Павлѣ» и остался тамъ обѣдать. Между тѣмъ какъ садилися за столъ, пришли сказать капитану, что два какіе то иностранца желаютъ съ нимъ говорить. Онъ велѣлъ ихъ пустить къ себѣ въ каюту. Они, вошедъ и увидя насъ готовыми садиться за столъ, стали въ неблаговременномъ приходѣ своемъ извиняться, а какъ услышали, что капитанъ приглашаетъ ихъ вмѣстѣ съ собою за столъ, то съ благодарностію отозвалися отъ того тѣмъ, что уже они обѣдали, прося при томъ для нихъ не безпокоиться, а только позволить имъ послѣ стола переговорить наединѣ съ господиномъ капитаномъ. Такимъ образомъ мы сѣли за столъ, и они по сторонамъ стола. Одинъ изъ нихъ былъ собою высокъ съ превеликимъ краснымъ пятномъ на щекѣ и одѣтъ въ байковый сюртукъ, а другой низокъ ростомъ и на немъ изрядная парочка платья дикаго цвѣту. Малорослый въ продолженіе обѣда разговаривалъ съ нами довольно, а товарищъ его сидѣлъ, не говоря ни слова, и казался быть весьма смутенъ. По окончаніи стола вышли мы всѣ вонъ, оставя ихъ однихъ съ капитаномъ. Не прошло больше четверти часа какъ пришелъ къ намъ капитанъ съ видомъ весьма удивительнымъ и сказалъ, что одинъ изъ сихъ двухъ чужестранцевъ, а именно высокій ростомъ, есть нѣмецкій принцъ и кавалеръ прусскаго ордена Чернаго орла, что онъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ скрываетъ имя свое и проситъ у него на суднѣ хотя на одинъ день прибѣжище. Вѣдомость сія привела насъ всѣхъ въ удивленіе, и я уже начиналъ раскаиваться, что, сидя за столомъ, не такъ на него смотрѣлъ пристально. Тотчасъ любопытство мое понудило меня итти въ каюту посмотрѣть не сей алмазъ подъ коркою, и какъ я туда вошелъ, притворившись будто ничего о томъ не знаю, то онъ спросилъ у меня по-французски не подначальникъ ли я на этомъ суднѣ? Я, сказавъ ему о себѣ, примолвилъ, что я не хорошо умѣю по-французски, а притомъ спросилъ, не говоритъ ли онъ по-нѣмецки. О! это мой природный языкъ, отвѣчалъ онъ скоро, и мнѣ пріятно видѣть человѣка, съ которымъ я говорить на ономъ могу. Вскорѣ потомъ, по краткихъ нѣсколькихъ учтивостяхъ, вступили мы въ дальнѣйшіе съ нимъ разговоры, и онъ, ни мало не скромничая, разстегнувъ сюртукъ, показалъ мнѣ звѣзду Чернаго орла и открылся, что онъ брауншвейгскій принцъ, что, будучи по нѣкоторому учиненному имъ убійству гонимъ отъ своего отца, ищетъ

Библиотека "Руниверс"

укрыться отъ гнѣва и поисковъ его, что онъ только лишь пріѣхалъ сюда изъ Генуи, гдѣ его ночью совсѣмъ ограбили и едва не убили; что отецъ его всячески старается, чтобъ онъ убитъ былъ, обѣщая тому деньги, кто сіе сдѣлаетъ; что, зная каковы итальянцы, не списавшись сперва съ какимъ нибудь консуломъ, опасается онъ сойти на берегъ, чтобъ и здѣсь не приключилось ему подобнаго несчастія какъ въ Генуѣ; и на послѣдокъ, что для сей самой причины проситъ онъ на нѣсколько часовъ дать ему прибѣжище на семъ суднѣ. Послѣ сего увѣдомленія повелительнымъ образомъ оборотившись къ своему товарищу, велѣлъ ему итти къ англійскому или французскому консулу и о себѣ котораго нибудь изъ нихъ осторожно увѣдомить, что сей принявъ съ покорнымъ видомъ, тотчасъ туда и отправился. Оставшися одинъ разговаривалъ онъ съ нами долго, благодарилъ за пріемъ, показывалъ себя чувствительно за то обязаннымъ и обѣщалъ по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, куда онъ ѣхать отселѣ намѣренъ, отозваться обо всѣхъ наиблагодарнѣшимъ образомъ нашему тамъ послу. Какія побудительныя къ оказанію всевозможныхъ услугъ слова, и какая лестная надежда! Уже иные мечтали себя счастливыми чрезъ то: какого гостя Богъ послалъ, коль радостно видѣть имя свое въ записной его книжкѣ!—Нѣсколько часовъ спустя потомъ возвратился малорослый посланникъ и донесъ его свѣтлости принцу, что ни англійскаго, ни французскаго консула не нашелъ дома, и домашніе, гдѣ они, не знаютъ, а къ другимъ консуламъ онъ безъ его приказанія итти не смѣлъ. Потомъ поговорили они другъ съ другомъ нѣчто по-испански, послѣ чего принцъ сидѣлъ долго время безмолвенъ, и будто вдругъ вышедъ изъ глубокой задумчивости, началъ проклинать участь свою, княжество и рожденіе. Малорослый покусился было сказать ему еще что-то по-испански, но онъ, перебивъ рѣчь его, надѣлъ шляпу и, отъ часу разгорячался, бранилъ отца, Италію, весь свѣтъ, и напослѣдокъ казалося выступалъ изъ разума, ибо просилъ двухъ пистолетъ и шпагу, чтобъ итти на берегъ со всѣми драться. Такой гнѣвъ его удивилъ насъ весьма, и мы не понимали, въ какихъ чудныхъ находится онъ обстоятельствахъ. Напослѣдокъ мало-по-малу усмирившись, выпросилъ онъ бумаги и написалъ къ англійскому консулу письмо, которое хотѣлъ посылать съ этимъ своимъ малорослымъ служителемъ, приказывая непремѣнно дождаться консула или провѣдать, гдѣ онъ находится, и отдать ему сіе письмо; но сей отвѣчалъ, что уже поздно, и когда по захожденіи солнца запрутъ въ гавани ворота, то ему не можно будетъ возвратиться назадъ. Тогда принцъ, подумавъ немного, сталъ просить, чтобъ ему позволено было ночевать на этомъ суднѣ, извинялся притомъ въ безпокойныхъ просьбахъ своихъ, обнадеживалъ благодарностію и говорилъ, что симъ ему сдѣлано будетъ величайшее

Библиотека "Руниверс"

одолженіе. Какъ не склониться на такую просьбу, которой слѣдствіе обѣщаетъ такъ много? Хотя капитанъ сперва и не соглашался на сіе позволить, опасаясь не попасть бы чрезъ то въ какія нибудь хлопоты, однакожъ по совѣту прочихъ и моему напослѣдокъ согласился. Итакъ принцъ остался тутъ ночевать, а служитель его посланъ былъ съ приказаніемъ на другой день поутру возвратиться съ отвѣтомъ консульскимъ. Продолжая отъ часу далѣе разговоръ нашъ съ принцемъ и удушая такъ сказать его любопытствомъ нашимъ, напослѣдокъ примѣтили мы въ словахъ его великую несогласицу, хвастовство и противурѣчіе самому себѣ, особливо когда онъ сказалъ, что въ Генуѣ убили бывшихъ при немъ двухъ человѣкъ и ограбили его на сто тысячъ червонныхъ; что онъ изъѣздилъ весь свѣтъ подъ именемъ одного графа, прославился на многихъ войнахъ и сидѣлъ три года у алжирцевъ въ полону, дивился напослѣдокъ, что намъ имя его толь громкое не извѣстно по вѣдомостямъ. Такія и симъ подобныя слова принудили меня о свѣтлости его немножко усумниться, однакожъ не смѣлъ я дѣлать ему такихъ вопросовъ, которые бы явно показали ему мое сомнѣніе. Между тѣмъ, примѣчая отъ часу болѣе нелѣпости въ его рѣчахъ, спросилъ я, для чего не объявитъ онъ прямо о своемъ достоинствѣ, по которому, конечно, приняли бъ его здѣсь согласно съ онымъ. «Я больше опасаюся ласки итальянцевъ, нежели грубости, отвѣчалъ онъ.—Сіи люди мнѣ извѣстны, они меня учтиво примутъ, но подъ видомъ учтивости проводятъ меня къ отцу моему, чего я больше самой смерти опасаюся». Сей отвѣтъ подозрѣніе мое нѣсколько обезоружилъ. Послѣ сего старался онъ изобразить себя человѣкомъ любящимъ роскошь и веселье, а отца своего по нѣкоторымъ обстоятельствамъ весьма на него злобнымъ и не могущимъ терпѣть такихъ въ сынѣ своемъ качествъ; сказывалъ, будто наученіемъ его два раза уже подносили къ нему ядъ, но онъ отъ того предостереженъ былъ своими друзьями.—Дальніе наши съ нимъ разговоры показали намъ его весьма несвѣдущимъ ни о чемъ, отчего мое подозрѣніе опять увеличилося; тогда попросилъ я, чтобъ онъ для памяти написалъ имя свое на бумагѣ, что онъ казалося съ удовольствіемъ исполнилъ и ту записочку мнѣ отдалъ. Послѣ того принесъ я къ нему нѣмецкій календарь и просилъ, чтобъ онъ мнѣ въ ономъ показалъ имя свое. Сіе неожидаемое имъ предложеніе привело его въ явное смущеніе, однакожъ онъ, будто желая удовольствовать мое любопытство, сталъ пересматривать календарь и, рывшися въ немъ долгое время, напослѣдокъ сказалъ, что нѣтъ ли у меня итальянскаго календаря, а въ этомъ онъ имени своего не находитъ; и видя, что я хочу еще больше любопытствовать, старался этотъ разговоръ какъ нибудь замять. Между тѣмъ накрытъ былъ столъ и насъ позвали ужинать. За столомъ сидя, онъ

Библиотека "Руниверс"

ѣлъ мало, а пилъ много, и говорилъ, что онъ за ужиномъ имѣетъ привычку больше пить нежели ѣсть. По окончаніи стола, посидѣвъ немного, стали всѣ ложиться спать, а я поѣхалъ кочевать на свой фрегатъ. Капитанъ просилъ меня, чтобъ поутру поранѣе съѣздить къ одному недавно сюда изъ Мальты пріѣхавшему маркизу, который былъ въ нашей службѣ, и, разсказавъ ему о семъ приключеніи, спросить у него совѣта. Я обѣщалъ сіе сдѣлать, и поутру рано, пошедъ къ маркизу, увѣдомилъ его обо всемъ случившемся подробно. Онъ разсмѣявшися подалъ мнѣ вѣдомости и сказалъ, чтобъ я прочиталъ въ нихъ то, чему онъ только лишь теперь смѣялся. Въ нихъ пишутъ изъ Генуи объ одномъ принцѣ и кавалерѣ Чернаго орла, который, пріѣхавъ туда подъ симъ именемъ, былъ согласно съ названіемъ своимъ принятъ и забралъ было въ долгъ нѣкоторое число денегъ у купцовъ, но какъ вскорѣ открылося, что онъ не что иное какъ самозванецъ и обманщикъ, то отняты у него назадъ деньги, и онъ, будучи безчестнымъ образомъ выгнанъ изъ города, отправился въ Ливорну. По сему портрету уже легко можно было узнать подлинника. Выпрося вѣдомости сіи у маркиза, пошелъ я въ трактиръ, въ которомъ нанималъ для себя комнату, и въ которомъ жилъ еще живописецъ пруссакъ, человѣкъ весьма ревностный словопреніемъ защищать свое отечество. Пришедъ туда, нашелъ я живописца сего разговаривающаго съ хозяиномъ о семъ новомъ приключеній, о которомъ они частію уже увѣдомлены были. Оба они утверждали, что это конечно, самозванецъ и плутъ, и что за два года предъ симъ одинъ бездѣльникъ съ краснымъ на щекѣ пятномъ, которое онъ такъ искусно умѣлъ замазывать, что иногда оно было видно, а иногда нѣтъ, сидѣлъ въ Пизской тюрьмѣ; такъ надобно думать, что это онъ самый. Я, желая утвердить ихъ въ мнѣніи семъ, показалъ имъ записочку и вѣдомости, сказывая притомъ, что онъ называется роднею прусскаго короля и носитъ Чернаго орла звѣзду на кафтанѣ: «такъ тебѣ бы, какъ пруссаку, продолжалъ я, обращаясь къ живописцу, надлежало за сіе горячо вступиться и запретить ему сколько можно имя государя твоего злоупотреблять». Нельзя изобразить, какую на пруссака досаду произвели въ немъ слова сіи, особливо когда уже онъ ясно видѣлъ его плутомъ и въ томъ обмануться не опасался. Онъ сталъ просить меня усильно, чтобъ отвезти его на судно и показать ему обманщика сего, который осмѣливается носить на себѣ звѣзду Чернаго орла, а какъ мнѣ сего только и хотѣлося, чтобъ посмѣяться и посмотрѣть храбрости его надъ принцемъ, то согласился тотчасъ на сію просьбу и взялъ его съ собою. Мы, пріѣхавъ туда, провѣдали, что капитанъ съѣхалъ на берегъ и велѣлъ послѣ себя сказать принцу, чтобъ онъ искалъ для своего пребыванія другаго мѣста, гдѣ ему угодно, и сіе судно пожаловалъ бы оставить: и такъ онъ со своимъ

Библиотека "Руниверс"

малорослымъ посланникомъ собирался ѣхать долой. Между тѣмъ живописца ввелъ я въ каюту и началося славное сіе дѣйствіе, которое послѣ того снабдило насъ смѣхомъ на цѣлую недѣлю. Живописецъ, коль ни храбъ былъ, однако же сперва приступалъ съ робостію, на послѣдокъ, увидя того нѣсколько сбившагося въ словахъ, началъ отъ часу болѣе разгорячаться, глаза у него засверкали, голосъ возвысился, лице покраснѣло, губы задрожали, и вскорѣ потомъ сего знаменитаго принца, на толь многихъ войнахъ прославившагося и всю почти вселенную изѣздившаго, простой живописецъ сей преобратилъ въ плута и обманщика! За такую славную побѣду вмѣсто лавровъ надѣли мы на него шляпу, и велѣли ему, взявъ подъ руки, свести долой со фрегата разжалованнаго имъ принца сего, который хотя провождаемъ былъ всеобщимъ смѣхомъ, однако же, ни мало не краснѣя, шелъ весьма бодро, далъ капитанскимъ людямъ червонецъ, и казалося отнюдь не терялъ надежды быть тѣмъ же дѣйствующимъ лицемъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Коль великую перемѣну сдѣлало съ иными несчастное сіе паденіе принца! Сладкая надежда ихъ превратилася въ отчаяніе, заставляющее краснѣть, услуги остался безъ воздаянія и надобно было во слѣдъ ему хотя внутренно кричать: «пожалуй по пріѣздѣ твоемъ въ Парижъ не показывай посланнику именъ нашихъ въ записной твоей книжкѣ».

16.

19-го ноября.

Сегодня получилъ я отъ одного изъ моихъ пріятелей съ «Сѣвернаго орла», письмо, которое при семъ и тебѣ сообщаю. Оно состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Нашедъ идущее въ Ливорну судно, не хочу я упустить сего случая, чтобъ не увѣдомить тебя о всемъ нашемъ походѣ. Разставшись съ вами, зашли мы въ Портъ-Ферайо и, не входя въ гавань, дали знать фрегатамъ нашимъ, чтобъ они изъ оной выступили, однако не скоро ихъ дождалися, ибо они, бывъ тамъ привязаны веселостію, какъ тяжелыя птицы весьма лѣниво съ мѣстъ своихъ поднималися. Напослѣдокъ, соединившись съ ними, начали мы продолжать путь нашъ. Въ Мальтійскомъ каналѣ подхватила насъ противная буря, которая весьма долго продолжалась, и «Наталія» въ сіе время съ нами разлучилася, такъ что и понынѣ отъ мимоходящихъ судовъ еще никакого о ней извѣстія не имѣемъ. Подходя къ Архипелагу крѣпкіе и противные вѣтры не допустили насъ обойти островъ Сиригу, и такъ лавируя нѣсколько дней вблизи онаго, напослѣдокъ принуждены мы были зайти въ Портъ-Мадонъ. Сей городъ лежитъ на полуостровѣ Морѣ между горо-

Библиотека "Руниверс"

дами Навариномъ и Коровною. Суда становятся тутъ между нимъ и островомъ Сапіенцею, который прикрываетъ ихъ отъ вѣтровъ со стороны восточной. Крѣпость Мадонская построена венеціанами, а нынѣ находится подъ владѣніемъ турокъ. Она стоитъ на низкомъ мѣстѣ подлѣ самой воды, и видъ имѣетъ четвероугольника, хотя съ моря плывущимъ судамъ кажется треугольникомъ. Предмѣстіе оной въ прошедшую войну нашими разорено и по сію пору еще не исправлено. Позади оной горы, на крѣпости находятся двадцать четыре нашихъ пушки, которыя отъ насъ турками подъ симъ городомъ взяты, а больше всего, къ сожалѣнію нашему, есть еще тутъ мѣсто, на которомъ погребено триста россійскихъ воиновъ. Спустя нѣсколько часовъ пришелъ туда же турецкій военный фрегатъ, называемый «Родосъ». Онъ отсалютовалъ намъ изъ пяти пушекъ, на что мы отвѣтствовали ему равнымъ числомъ. Капитанъ послалъ къ нимъ лейтенанта поздравить ихъ съ благополучнымъ приходомъ, которому въ честь выпалили они по пріѣздѣ и по отъѣздѣ изъ двухъ пушекъ, и прислали съ нимъ подарокъ, изъ котораго досталася мнѣ баранья нога и десять лимоновъ; а ежели ты умножишь сіе числомъ офицеровъ нашихъ, такъ будетъ весь подарокъ. Фрегатъ сей посланъ былъ отъ капитанъ-паши къ Маніотамъ уговаривать ихъ платить гарасъ, или подать, султану, въ чемъ, сказываютъ, ему и удалось. Маніоты же сіи суть христіане и живутъ, или лучше сказать, разбойничаютъ въ Морѣ между горами; впрочемъ они не находятся подъ игомъ турокъ и не платятъ султану подати, но имѣютъ своего юргу или старшину, который живетъ въ Портъ-Витулѣ. Городскіе турки пріѣзжали къ намъ въ гости, однако и чашки кофею у насъ не выпили, потому что нынѣ у нихъ рамазанъ или постъ, въ который они днемъ ничего не пьютъ, не ѣдятъ и табаку не курятъ, а ночью все сіе дѣлать могутъ. Увидя турки портретъ великаго князя, сожалѣли, что онъ овдовѣлъ, но едва успѣли показать мы имъ портретъ Петра Великаго, какъ они всѣ съ великимъ восклицаніемъ подбѣжали его разсматривать: такъ слава государя сего громка даже и между непросвѣщенными народами! На другой день вѣтеръ намъ сдѣлался благополучный, и такъ мы съ турецкимъ фрегатомъ пошли вмѣстѣ въ путь, однако онъ недолго дѣлалъ намъ сотоварищество и вскорѣ отъ насъ отлучился. Вступя въ Архипелагъ, сдѣлался вдругъ сѣверные крѣпкіе вѣтры, которые принудили зайти насъ въ островъ Аржентеру, который такъ называется по находящейся тамъ серебряной рудѣ. Гавань въ оном весьма изрядная и отъ вѣтровъ довольно прикрытая островомъ Милою и еще другимъ маленькимъ островкомъ. Вошедъ въ нее ночью, нашли мы тутъ стоящій на якорѣ линейный корабль, который потомъ во всю ночь, какъ намъ видно было, суетился привести себя въ готовность, къ сраженію, что подало намъ причину брать предосторожности. На послѣдокъ при разсвѣтаніи дня, будучи онъ въ на-

Библиотека "Руниверс"

стоящемъ боевомъ положеніи, поднялъ красный флагъ. Мы сочли его алжирцомъ и тотчасъ приготовились сами къ сраженію. Между тѣмъ для лучшаго свѣдѣнія, точно ли онъ непріятельское хочетъ начать съ нами дѣйствіе, послали мы къ нему офицера. Шлюпка наша, приставая къ кораблю, вдругъ отворотила отъ оного прочь,—сіе подало намъ причину почесть его точнымъ непріятелемъ, и для того тотчасъ подняли мы фрегату «Григорію» сигналъ приготовиться къ бою. Однако же все было сіе тщетно. Корабль этотъ былъ турецкій, и шлюпка для того отворотила прочь, что у нихъ съ правой стороны на корабль не входятъ, а должно объѣзжать на лѣвую. Вскорѣ возвратился посланный туда офицеръ и привезъ такія же какъ и прежнія къ намъ гостинцы, а спустя нѣсколько времени корабль сей отсалютовалъ намъ изъ пяти пушекъ, и мы отвѣтствовали ему равнымъ числомъ. Послѣ того ѣздили мы къ нимъ въ гости и были весьма ласково приняты, курили по обыкновенію табакъ и пили кофій. Не могу тебѣ описать какъ безпорядочно у нихъ все на кораблѣ. и какіе они худые мореходцы! Лѣность, невѣжество и любовь къ покойному житію суть три ядовитыя для мореплаванія вещи, а у нихъ-то они и являются въ самой высшей степени. Мы нашли корабль ихъ вотъ въ какомъ состояніи: во-первыхъ, капитанская каюта была не чиста, и по сторонамъ дверей стояли матросскія ружья, а каютъ-компанія разгорожена не обтесанными досками на премножество маленькихъ каютъ. На шканцахъ у гротъ-мачты лежали разныхъ калибровъ ядры, складенныя безпорядочно въ кучу; подъ шканцами была кофейная лавка. Въ нижней палубѣ между банокъ стояли лошади и коровы, а бараны бѣгали по всей палубѣ на волѣ. Въ банкахъ построены были въ два ряда нары, на люкахъ рынокъ, гдѣ всячину продаютъ, и такъ было грязно, что мы ходя забрызгали чулки. Теперь я не удивляюсь, что они далеко въ морѣ на корабляхъ своихъ ходить не могутъ, а дивлюся тому, какъ они и по близости ходятъ, не теряя часто и жизнь свою и судовъ. Впрочемъ корабль сей подаренъ имъ отъ французовъ и называется «Лафермъ». Нашъ и Григорьевскій капитаны ѣздили къ нимъ въ гости: по пріѣздѣ и по отѣздѣ палили они имъ въ честь по девяти пушекъ. Потомъ пріѣзжалъ къ намъ ихъ турецкій капитанъ подъ своимъ бейскимъ (ибо онъ былъ бей или князь по нашему) флагомъ. Мы палили ему по пріѣздѣ и по отѣздѣ изъ пяти пушекъ. Во время рожденія луны, когда кончился рамазанъ ихъ, произвели они также не малую пальбу, въ чемъ и мы имъ дѣлали товарищество. Такимъ образомъ вмѣсто ядеръ на счетъ смертоубійства, пострѣляли мы холостыми зарядами на счетъ удовольствія.

Библиотека "Руниверс"

17.

15-го ноября.

Приключеніе съ нашимъ принцемъ тѣмъ, сказываютъ, кончилося, что онъ, странствуя еще нѣсколько времени здѣсь по судамъ, напослѣдокъ уѣхалъ въ Тунисъ, а какія тамъ будутъ его успѣхи, о томъ желалъ бы я знать. Надобно думать, что наконецъ не избѣжать ему ненависти отцовской, которая повидимому для него во всемъ свѣтѣ разсѣяна, и когда-нибудь свѣтлости его ложной быть на висѣлицѣ. Оставимъ сіе. На сихъ дняхъ ходили мы для прогулки въ монастырь, называемый Монте-Негро, который лежитъ отъ Ливорны верстахъ въ шести на весьма высокой горѣ, и можетъ почитаться въ числѣ хорошихъ зданій. Внутри храма находятся нѣсколько большихъ мраморныхъ столбовъ, не мало живописныхъ картинъ, богатый жертвенникъ и явленной образъ Богоматери. Съ горы сей видимая окрестность кажется весьма прекрасною. Оттуда пріѣхали мы уже въ нанятыхъ коляскахъ, потому что устали и день къ полудню сдѣлался жарокъ. Впрочемъ, скука наша умножилася католическимъ постомъ, которымъ всѣ веселости здѣсь пресѣклися, а скоро умножится еще больше походомъ, котораго мы съ-часу-на-часъ ожидаемъ, ибо одно уже судно съ товарами нашими пришло, а другое сказываютъ идетъ.

18.

27-го ноября.

Напослѣдокъ ожидаемое судно съ нашими товарами пришло, и мы, оставя Ливорискую гавань, вытянулись на рейдъ. День похода нашего весьма близокъ, и скоро мы должны будемъ съ Италіей разстаться. Ежели бъ теперь былъ мѣсяцъ май и путь нашъ назначенъ въ Россію, то бы разлука сія больше была веселая, нежели скучная, но какъ нынѣ въ исходѣ ноябрь, и притомъ идемъ мы въ Турцію, то признаться надобно, что отшествіе отселѣ не весьма насъ увеселяетъ. Суровость зимнихъ непогодъ, свирѣпство моря, трудъ и неизвѣстность притомъ нашего похода дѣлаютъ мнѣ часто непріятныя воображенія, которыми иногда противъ воли моей мысли мои наполняются. Скука моя ведетъ меня къ жалобамъ, которыя, можетъ статься, иной назоветъ малодушіемъ, особливо тотъ, который слѣдуетъ строго сему ученію мудрости, что во время благополучія должно всегда передъ очами имѣть несчастіе, а во время неблагополучія—счастіе, дабы въ первомъ случаѣ не ослѣплятся безопасностію, а во-второмъ не унывать отъ излишняго видѣнія;

*

Библиотека "Руниверс"

или тотъ, который, находяся самъ въ благоденствіи, весьма нерадиво преклоняетъ слухъ свой къ жалобамъ другихъ, не вразумѣвается въ нихъ и не дѣлаетъ себѣ изъ оныхъ тѣхъ жалкихъ видовъ, которые-бъ могли сердце его подвигнуть къ соболѣзнованію: сіи два рода людей оба, мнѣ кажется, удаляются отъ человѣчества, хотя первый изъ нихъ лучше послѣдняго, и я вмѣстѣ съ нимъ признаю, что пространное воображеніе о состояніи нашемъ только въ благополучіи служитъ намъ благомъ, а въ непріятныхъ обстоятельствахъ великимъ зломъ, ибо представляетъ завсегда разуму такое изображеніе, которое, не принося никакого удовольствія сердцу, только увеличиваетъ скучное его чувствованіе; но какъ можно больному забыть о своей болѣзни, хотя бы то и лучше было, чтобъ онъ о ней забылъ, или въ скукѣ находящемуся—о скукѣ своей, хотя бы такое забвеніе служило къ его спокойствію? Принуждать себя къ терпѣнію можно, а чтобъ въ принужденіи не терпѣть, того нельзя, потому что у насъ есть сердце. Первый изъ нихъ сей строгій судія, и второй тотъ жестокосердный человѣкъ, не хотящій съ высоты радостей сердца своего свести къ огорченію другихъ,—оба они иначе разсуждать будутъ, ежели судьба заставитъ ихъ когда-нибудь страдать. Оба они подобно мнѣ станутъ роптать, унывать, сѣтовать, и тягость скучнаго состоянія своего по мѣрѣ горести увеличивать воображающимися неотступно мечтами. Такъ, напримѣръ, я теперь въ чрезвычайной скукѣ, ходя взадъ и впередъ ночью одинъ по судну, не чувствительно представляю себѣ пространный городъ, въ которомъ вижу тамъ собраніе, тамъ веселость, тамъ пиршество, тамъ дружескую бесѣду, тамъ... словомъ всѣ утѣхи, которыми восхищается юность и утѣшается старость; но положимъ сего бъ не было, продолжаю я думать, по крайней мѣрѣ человѣкъ тамъ видитъ множество людей, слышитъ новости, перемѣняетъ мѣсто, скуку свою разбиваетъ чѣмъ хочетъ, чтеніемъ книгъ, разговорами, прогулкою, однимъ словомъ—имѣетъ тысячу способовъ къ утѣшенію себя: здѣсь я ничего того не имѣю, но долженъ находить себя нѣсколько мѣсяцевъ заключеннымъ на маленькомъ суднишкѣ, быть на пространномъ морѣ игрою сердитыхъ вѣтровъ, не видѣть ничего кромѣ ярыхъ волнъ и угрюмыхъ небесъ, трудиться непрестанно почти безъ отдохновенія, терпѣть всякое безпокойство, дождь, холодъ, безсонницу, и напослѣдокъ ежеминутно опасаться погибели.—Какъ можно, такъ сказать, глядя на всѣ сіи страшныя воображенія, стараться дѣлать ихъ себѣ пріятными или, по крайней мѣрѣ, такими, чтобъ суровость ихъ не досаждала твоему взору? Ежели возможно сіе, то я оставляю сіе великаго духа людямъ, а что до меня касается, то признаюся тебѣ чистосердечно, что иногда въ одинъ часъ два раза скажу: «о мореплаваніе! ты развѣ можешь только понравиться людямъ камен-

Библиотека "Руниверс"

нымъ, или по какой-нибудь иной побуждающей ихъ къ тому причинѣ окаменѣлымъ!»

19.

9-го декабря.

Въ продолженіе сихъ двухъ недѣль походъ нашъ былъ довольно благополученъ; погода всегда была тихая и благопріятная, что̀ не весьма часто случается на морѣ зимою. Нѣкоторыя тучи наносили на насъ иногда сильный вѣтеръ и съ молніею, но онѣ проходили скоро, не разрушая почти спокойствія воды морской. Напослѣдокъ вчера ночью, идучи при посредственно крѣпкомъ благополучномъ вѣтрѣ, увидѣли мы огонь, который чрезъ каждые почти полчаса выбрасываетъ изъ себя небольшой каменный островокъ, называемый Стромбулъ. Сей островокъ со многими себѣ подобными другими лежитъ неподалеку отъ Сициліи и служитъ проходящимъ въ ночное время судамъ вмѣсто маяка. Увидя сей огонь, привели мы фрегатъ къ вѣтру и начали тутъ дожидаться дня, по разсвѣтѣ котораго прошли сіи островки, но не дошедъ нѣсколько до самаго пролива, получили тишину вѣтра, въ которой и теперь еще находимся, не вѣдая, черезъ часъ или черезъ недѣлю судьба позволитъ намъ войти въ гавань.

20.

19-го декабря.

Напослѣдокъ пришли мы въ Мессину, гдѣ услышали, что «Сѣверный Орелъ» нѣсколько дней тому назадъ прошелъ въ Ливорно. Онъ думалъ насъ найти еще тамъ, однакожъ такъ неудачно было его расположеніе, что онъ и на дорогѣ съ нами не встрѣтился. Напослѣдокъ, сдѣлавъ понапрасну сей вояжъ, возвратился онъ третьяго дня сюда. Я по просьбѣ моей съ фрегата «Констанціи» перешелъ опять на него, и мы теперь, вышедъ уже изъ гавани, стоимъ всѣ въ готовности отселѣ отправиться, что я думаю завтра конечно сдѣлается. Описавъ тебѣ начало и конецъ сихъ дней, надобно нѣчто мнѣ увѣдомить и о срединѣ оныхъ. Прошедъ мудренымъ здѣшнимъ проливомъ, который островъ Сицилію раздѣляетъ отъ Калабрическаго высокаго берега, и въ которомъ теченія всегда бываютъ быстрыя, вошли мы въ превеликую весьма здѣшнюю гавань. Идущая подлѣ оной длинная на-

Библиотека "Руниверс"

бережная, на которой находятся нѣсколько воздвигнутыхъ королевскихъ монументовъ и высокихъ уже состарившихся домовъ, издали являла намъ нѣчто обѣщающее о семъ городѣ. Но простоявъ послѣ того сутки въ карантинѣ и получа на другой день позволеніе итти въ городъ, потеряли мы прежнее наше о немъ мнѣніе, ибо нашли въ ономъ строеніе неправильное, премножество узкихъ и неравныхъ переулковъ, также и великую нечистоту. Главные жители, послѣдуя видно обыкновенію испанскому, любятъ величавость и пышность и водятъ передъ собою человѣкъ по пятнадцати скороходовъ, одѣтыхъ весьма чудными образомъ, которымъ и весь экипажъ ихъ соотвѣтствуетъ: простой же народъ чрезмѣрно лѣнивъ, неопрятенъ и склоненъ весьма къ праздности и ко всякимъ плутовствамъ. По пріѣздѣ нашемъ были мы, по рекомендаціи объ насъ нѣкоторымъ живущимъ тутъ иностраннымъ купцамъ, весьма ласково отъ нихъ приняты, ходили къ нимъ часто по вечерамъ сидѣть, и въ собесѣдованіи нѣсколькихъ весьма изрядныхъ и учтивыхъ людей провождали довольно весело наше время. Были въ театрѣ на оперѣ-комикъ, но ни театръ, ни актеры похвалы не заслуживаютъ, зрителей однако же было много и по одеждѣ довольно порядочны. Впрочемъ, городъ сей подверженъ частымъ землетрясеніямъ, которыя причиняетъ ему не подалеку отъ него лежащая огнедышащая гора Везувій, гдѣ по баснословію Вулканъ имѣетъ свою кузницу. Прости. Пожелай завтра намъ благополучнаго плаванія.

21.

29-го декабря.

По отшествіи изъ Мессины, вѣтеръ намъ служилъ такой благополучной, что мы на третій день прошли островъ Сапіенцу, потомъ Морейской мысъ Матапанъ, и послѣ того увидѣли островъ Сиригу и Сириготту, между которыми входятъ изъ Средиземнаго моря въ Архипелагъ. Но какъ сначала сѣверо-восточный крѣпкій вѣтеръ не позволялъ намъ обойти островъ Сиригу, то и принуждены мы были въ виду онаго лавировать; и какъ сіе было уже ночью, то въ разсужденіи сего и сдѣланъ былъ отъ насъ другимъ фрегатамъ сигналъ, чтобъ каждый изъ нихъ, не смотря на насъ, держалъ по способности своимъ путемъ. «Констанція», бывъ выше насъ на вѣтрѣ, спустилась и пошла въ Архипелагъ. Вскорѣ послѣ того вѣтеръ перемѣнился позволилъ и намъ за нею слѣдовать. Фрегатъ «Павелъ» разлучился съ нами еще при выходѣ изъ Мессины, а «Санктъ-Павелъ» также въ сію ночь отъ насъ отсталъ, и такъ одни мы на завтрѣе вечеру пришли въ проливъ между

Библиотека "Руниверс"

Аѳинскимъ мысомъ, подлѣ полуострова Морея и острова Лонгою, гдѣ положили свой якорь. Въ семъ мѣстѣ назначено было рандеву фрегатамъ, изъ которыхъ «Констанція», пошедъ напередъ насъ, не бывала еще и по сію пору, что немало насъ удивляетъ, «Санктъ-Павелъ» пришелъ на другой день, а «Павелъ» черезъ два дня. Сей послѣдній, догнавъ насъ при входѣ въ Архипелагъ и взявъ островъ Ариготту за Сиригу, для обхода котораго, вмѣсто чтобъ лежать на востокъ и подниматься отъ часу къ сѣверу, онъ держалъ между востокомъ и югомъ, который путь велъ его прямо на Кандію, такъ что, ежели бы луна въ сію ночь не возсіяла по ихъ счастію и не показала имъ грубую ихъ ошибку, то бы конечно погибли они на каменьяхъ, лежащихъ неподалеку отъ сего великаго острова. На морѣ множество людей могутъ сдѣлаться жертвою невѣжества одного человѣка.

1777 годъ.

22.

8-го января.

Поздравляю тебя съ наступившимъ новымъ годомъ и желаю, чтобъ ты оный съ несравненно большею веселостію началъ, нежели мы, стоящіе здѣсь въ пустомъ мѣстѣ и упражняющіеся въ заготовленіи дровъ и воды, въ хожденіи по горамъ и въ стрѣляніи дроздовъ, которыхъ здѣсь великое множество. Вотъ сколь краткихъ словъ къ описанію себя требуютъ всѣ наши утѣхи. Что касается до здѣшняго мѣста, то, пріѣхавъ сюда и сошедъ на берегъ, не нашли мы ничего, кромѣ пустой греческой церкви, построенной на подобіе нашей часовни, въ которой написанные на стѣнахъ образа исчерчены всѣ насѣчкою хулительныхъ словъ руками учтивыхъ французовъ, и нѣкоторыхъ мраморныхъ уже развалившихся столбовъ, которые показывали, что въ древнія времена стоялъ тутъ какой-нибудь городъ или строеніе. Верстахъ въ двадцати или немного болѣе отъ сего мѣста, находится славный въ прежнія времена городъ Аѳины, въ которомъ весьма мнѣ хочется побывать, но не знаю, удастся ли то въ разсужденіи обстоятельствъ и краткаго времени, которое остается намъ еще здѣсь стоять, хотя живущій тамо греческій епископъ и обѣщалъ прислать къ намъ для сего лошадей. На сихъ дняхъ ѣздилъ я на шлюпкѣ смотрѣть нѣкоторыя остатки древняго зданія, стоящаго верстахъ въ пятнадцати отселѣ на вершинѣ одной горы. Сіи остатки состоятъ изъ двѣнадцати толстыхъ и довольно высокихъ мраморныхъ столбовъ, которые цѣлы еще, а прочее все разрушено такъ, что и лежащихъ отъ того каменьевъ уже немного осталось. Кругомъ сего зданія шелъ, какъ видно, валъ или стѣна каменная, позади

Библиотека "Руниверс"

которой было строеніе. Оно лежитъ въ разсужденіи окружающихъ оной горъ и моря на весьма неприступномъ мѣстѣ, почему надобно думать, что то было или какое-нибудь училище или храмъ, посвященный какому-нибудь богу. Оттуда, прельстясь ясностію дня, которой по нашему называться могъ теплымъ весеннимъ, пошелъ я пѣшкомъ назадъ, но воображаемой мною трудъ въ перехожденіи сего пути гораздо легче былъ подлиннаго, ибо, вымѣривъ горъ около пятнадцати весьма крутыхъ, ноги мои очень долго послѣ того чувствовали сей походъ; и какъ я теперь опасаюся, чтобъ и съ руками моими того жъ не сдѣлалось отъ многаго писанія, что съ ногами отъ долгаго хожденія, то и оставляю сіе письмо до другаго времени. Желаю тебѣ въ семъ годѣ лучшее имѣть благополучіе, а мнѣ скорое съ тобою свиданіе. Прости.

23.

„ “ января.

На первое имѣю тебя увѣдомить, что я противъ чаянія моего и желанія перешелъ съ фрегата «Сѣвернаго Орла» на «Павелъ», на мѣсто нѣкоторыхъ бывшихъ недовольными тамо офицеровъ и перешедшихъ оттуда на другіе фрегаты. Отколѣ бѣгутъ люди, туда, конечно, итти непріятно, и какое удовольствіе быть въ такомъ состояніи, о какомъ писалъ я тебѣ во второмъ моемъ письмѣ. Признаться надобно, что сія перемѣна весьма бы меня огорчала, если-бъ напротивъ того не утѣшало то, что сей фрегатъ пойдетъ въ Константинополь, а «Сѣверный Орелъ» можетъ быть тамъ не будетъ; и такъ я симъ выиграю то, что удастся мнѣ побывать въ семъ городѣ.

Послѣ собственныхъ моихъ обстоятельствъ приступаю опять теперь продолжать наши общія. Пошедъ отъ острова Лонги, или изъ порта Мадры, гдѣ мы стояли, и продолжая путь нашъ по Архипелагу, на третій день пришли мы къ острову Тенедосу, который лежитъ неподалеку отъ первыхъ крѣпостей турецкихъ, называемыхъ Дарданеллы. Находящееся тутъ купеческое подъ россійскимъ флагомъ судно встрѣтило насъ обыкновеннымъ изъ пушекъ поздравленіемъ: сіи суда суть нашихъ переселенцевъ грековъ, купечествующихъ по Черному морю съ Константинополемъ и Архипелагомъ. Вѣтеръ, сдѣлавшися намъ противенъ, принудилъ насъ тутъ положить якорь. На другой день съѣхали мы на берегъ и пошли въ лежащей на семъ островѣ городокъ, Тенедосъ же называемой: въ немъ обитаютъ турки пополамъ съ греками. Самъ онъ нечистъ и построенъ по обыкновенному манеру турецкому довольно худо. Находится тутъ комендантъ

Библиотека "Руниверс"

турецкій и патріархъ греческій. Входя въ оной опасалися мы непріязненности турокъ, какъ ненавидящихъ всѣхъ христіанъ, а особливо насъ, ставшихъ имъ весьма непріятными въ прошедшую войну, однако, напротивъ, мы увидѣли отъ нихъ къ себѣ довольную ласковость. Между прочимъ случилося съ нами слѣдующее приключеніе, показывающее нѣсколько характеръ турокъ. Ходя по городу захотѣлося намъ посмотрѣть ихъ какое-нибудь жилище, и для того зашли мы въ кофейный домъ, похожей на нашу деревенскую избу съ пригородкою впереди, въ которомъ находился очагъ или каминъ, и почти во весь полъ не очень высоко настланы были доски или нары, гдѣ на разостланныхъ коврахъ сидѣли турки, изъ которыхъ иной молился Богу (потому что они на всякомъ мѣстѣ молятся, и еще моются, гдѣ только имъ случится), другой разговаривалъ, а третій пилъ кофе или курилъ табакъ. Они приняли насъ довольно ласково, поднесли намъ тотчасъ трубки съ табакомъ и противъ обыкновенія своего кофе съ сахаромъ, а что и того чудиѣе, не взявъ съ насъ за сіе денегъ, подарили еще намъ двѣ трубки и нѣсколько апельсиновъ. Желая отплатить имъ сію ласку, позвали мы нѣкоторыхъ изъ-нихъ къ себѣ на корабль, и хотя мы не думали, чтобъ они въ разсужденіи повдняго уже времени къ намъ поѣхали, однако же двое изъ-нихъ на то согласились. Оба они были люди молодые, нарядно одѣтые, и по своему обыкновенію вооруженные серебрянымъ ножемъ и пистолетами. Ѣдучи на шлюпкѣ разговаривали они съ нами весьма дружески, называли по-русски браткою, подчивали насъ изъ табакерокъ своихъ нѣкотрымъ душистымъ составомъ мазать усы, что у нихъ въ употребленіи, и одинъ изъ-нихъ сказывалъ, что хотя онъ во время завоеванія нашими острова Лемноса почти все свое имѣніе тутъ потерялъ, однакожъ любитъ русскихъ болѣе, нежели собственныхъ своихъ единоземцевъ. По пріѣздѣ на корабль подарили мы ихъ нѣкоторыми бездѣлицами, которыхъ они принять не хотѣли, не отдаря насъ нѣсколькими плодами. Размѣнявшись такимъ образомъ подарками, подчивали мы ихъ кофеемъ и потомъ виномъ, котораго они сперва, въ разсужденіи запрещенія по Алкорану своему, пить не хотѣли, но когда мы назвали оное щербетомъ или по нашему лимонадомъ, то они будто обманувшись во вкусѣ начали пить, и потомъ сами попрашивать, чтобъ оное имъ чаще подносили. Разгорячась нѣсколько симъ напиткомъ, сдѣлались они гораздо смѣлы и вольны, такъ какъ бы они были уже изъ давняго времени короткіе намъ друзья. Сидятъ до самой полуночи, такъ что стали уже дѣлаться намъ въ тягость. Всячески старалися мы показать имъ, что время уже ѣхать домой, и что они довольно у насъ погостили, однакожъ они, отнюдь того не примѣчая, спрашивали еще у насъ, для чего мы съ ними не веселимся. Примѣтя такую ихъ недогадливость, принуждены мы были сказать, что сей же часъ велѣно намъ сниматься съ

Библиотека "Руниверс"

якоря: однако и тѣмъ ихъ не выжили. Одинъ изъ нихъ, вышедъ наверхъ и возвратясь опять въ каюту, сказалъ, что это не правда, при этомъ вѣтрѣ сниматься намъ съ якоря не для чего. Потомъ принуждены мы были ясно сказать, что пора имъ ѣхать, потому что нашимъ шлюпкамъ послѣ полуночи въ городъ ѣздить не велѣно. «Такъ вы завтра насъ отвезете, сказалъ изъ нихъ одинъ, а сегодняшнюю ночь мы погуляемъ; зачѣмъ же вы звали насъ, когда веселиться съ нами не хотите». Словомъ, сіи гости напослѣдокъ такъ сдѣлались нахальны, что мы не зная, что съ ними дѣлать, почти насильно посадили ихъ на шлюпку и отвезли велѣли въ городъ, послѣ чего уже съ ними не видалися. Вѣжливость и учтивство суть именно турбамъ не знакомыя, а вмѣсто оныхъ господствуетъ у нихъ раболѣпство, и гдѣ онаго нѣтъ, тамъ у нихъ и вѣжливости быть не можетъ: отъ сего они съ равномѣрными себѣ, или отъ которыхъ они не зависятъ, въ обхожденіи весьма просты, и мнѣ кажется, что меньше всего извѣстны имъ притворство и лицепріятіе.

24.

“ января.

Снявшись отъ Тенедоса и прошедъ первыя Дарданеллы вошли мы въ каналъ, соединяющій Архипелагъ съ Мраморнымъ моремъ, и потомъ, продолжая плыть симъ каналомъ и подошедъ ко вторымъ Дарданелламъ, легли опять на якорь. Сіи четыре турецкія крѣпости суть главнѣйшая ограда Константинополю со стороны Архипелага или Бѣлаго моря: первыя двѣ изъ нихъ находятся при самомъ входѣ въ каналъ, одна на европейской, другая на азіатской сторонѣ, и разстояніе между собою имѣютъ довольно великое, такъ что сомнительно, будутъ ли доставать ядра, когда итти по самой срединѣ между оными, хотя нѣкоторыя пушки у нихъ тутъ низко отъ воды и безъ лафетовъ положены весьма большія. Неподалеку отъ первой европейской крѣпости, называемой Селтирбаръ, которая лежитъ противу старой азіатской, называемой Кумка, находится вновь построенная турками при помощи французовъ батарея Саунъ-дериси. Она стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ и имѣетъ на своихъ платформахъ довольно пушекъ. Продолжая каналомъ идти къ сѣверовостоку и перешедъ версть около тридцати пяти, подойдешь къ другимъ двумъ крѣпостямъ, изъ которыхъ европейская называется Калитбасаръ, а азіатская Ченакали; вообще же именуются онѣ вторыми Дарданеллами. Между сихъ разстояніе гораздо уже, нежели между первыхъ, и притомъ выдавшейся къ сѣверу позади азіатской крѣпости съ отмелью мысъ Ренголь дѣлаетъ проходъ сей весьма труднѣйшимъ перваго. Вода

Библиотека "Руниверс"

въ семъ каналѣ течетъ завсегда въ Бѣлое море и притомъ съ немалою силою. По положеніи якоря первую вѣдомость услышали мы, что «Констанція» прошла уже въ Константинополь. Присланный оттуда переводчикъ пріѣхавъ сказалъ намъ, что и мы скоро туда же проведены будемъ. Впрочемъ слухъ здѣсь носится о возгорающейся паки у насъ войнѣ съ турками, и «Сѣверный Орелъ» беретъ въ разсужденіи сего великую предосторожность, такъ что онъ всякую минуту готовъ къ оборонѣ. Непріятно, правда, при такихъ слухахъ итти намъ въ Константинополь, но какъ теченіе дѣлъ государственныхъ подвержено бываетъ великимъ перемѣнамъ, то хотя сіи слухи кажутся и не ложными на этотъ разъ, однакожъ впередъ легко могутъ сдѣлаться ложными.

25.

28-го января.

Разставшись съ «Сѣвернымъ Орломъ» у вторыхъ Дарданеллъ, пошли мы въ Константинополь, но вѣтеръ не позволилъ намъ идти далѣе городка называемаго Галиполи, противъ котораго поверставшись легли мы на якорь, на которомъ лежимъ еще и теперь, дожидаясь благополучнаго вѣтра. Городокъ сей не имѣетъ въ себѣ ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ что нынѣ находится въ немъ въ заточеніи великій визирь, впадшій въ немилость султанскую, какъ то съ ними часто случается, и предъ недавнемъ временемъ смѣненный отъ своего мѣста. Турки къ намъ и здѣсь очень ласковы: четвертаго дня, позвалъ насъ главный городка сего таможенный къ себѣ въ гостя. Мы пріѣхали къ нему въ назначенное отъ него время въ девять часовъ поутру, и по пріѣздѣ нашли его сидящаго съ нѣкоторыми турками въ одной открытой со всѣхъ сторонъ свѣтличкѣ, куда пригласилъ онъ насъ и, посадя на лежащія кругомъ подушки, велѣлъ подать обыкновенное ихъ подчиваніе, табакъ и кофе. Проведя тутъ часа полтора въ разговорахъ, позвалъ онъ насъ къ себѣ въ домъ обѣдать. Сей домъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ горенокъ, по ихъ обыкновенію убранныхъ и раздѣленныхъ на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой живетъ онъ самъ, а во второй гаремъ его или жены съ дѣтьми, къ которымъ кромѣ его входить никто не можетъ. Вскорѣ послѣ нашего къ нему прихода, принесли небольшой столикъ или, лучше сказать, жестяной круглый подносъ на ножкѣ, на который ставили по одному кушанью, изъ которыхъ первое было вареное мясо на подобіе худаго фрикассе, второе жареная рыба, третье жареное мясо, четвертое каймакъ или молочное кушанье, приготовленное съ сахаромъ весьма изрядно, и пятое дессертъ состоящій изъ разныхъ турецкихъ конфектъ.

Библиотека "Руниверс"

Все сіе за неупотребленіемъ ложекъ и вилокъ принуждены мы были такъ, какъ и они, ѣсть руками. Хозяинъ во время стола, противъ алкорана своего, велѣлъ подать вина, и между тѣмъ какъ подчивалъ насъ, самъ пилъ втрое больше, и скоро сдѣлался изрядно пьянъ. Проведя такимъ образомъ нѣсколько часовъ послѣ стола въ шутливыхъ разговорахъ, пошли мы прогуливаться кругомъ города, и уже подъ вечеръ, пріятельски съ ними простившись, поѣхали на свой фрегатъ. Третьяго дня ѣздили мы прогуливаться на азіатскій берегъ въ мѣстечко, называемое Чардакъ, которое лежитъ почти противъ Галиполи; тутъ нѣкто одинъ порядочный турокъ, увидя насъ проходящихъ мимо его дома, выслалъ своего арапа просить насъ къ себѣ, и по приходѣ нашемъ оказалъ намъ столько учтивства и ласки, что ниже отъ просвѣщеннаго европейца не можно болѣе сего требовать. Подобные сему поступки, признаться надобно, что упрекаютъ меня въ несправедливомъ о нихъ мнѣніи, и кажется, нынѣ начинаю я лучше о нихъ думать, нежели прежде. Сегодня съ нѣсколькими своими товарищами обѣдалъ у насъ тотъ таможенный турокъ, у котораго мы обѣдали, и посидѣвъ долго, поѣхалъ отъ насъ уже подъ вечеръ. Новостей больше нѣтъ. Прости.

26.

9-го февраля.

Третьяго числа сего мѣсяца вѣтеръ намъ сдѣлался благополучный, котораго не упуская снялись мы съ якоря и стали продолжать путь нашъ въ Константинополь. Но какъ въ здѣшнемъ каналѣ некрѣпкіе вѣтры завсегда бываютъ перемѣнны, то и насъ они часто принуждали перемѣнять курсы, напослѣдокъ ночью послѣ маловѣтрія нашедшій вдругъ крѣпкій вѣтеръ, надѣлавъ намъ много и шуму и работы, приневолилъ положить якорь. По утру на разсвѣтѣ, при снятіи съ якоря, увидѣли мы фрегатъ «Григорій», идущій къ намъ на встрѣчу. Поспѣшеніе чтобъ не упустить благополучный вѣтеръ, не допустило насъ послать къ нимъ шлюпку, разспросить о новостяхъ, и любопытство наше осталось неудовольствованнымъ. Напослѣдокъ, прошедъ островъ Марморъ, лежащій посрединѣ сего небольшаго моря, по имени его названнаго Мармор-нымъ, шестаго числа по утру предъявился глазамъ нашимъ Стамбулъ или Царьградъ, лежащій на семи холмахъ, который не вдругъ представляется взору, когда приходишь къ оному съ моря, но по частямъ открывается: сперва покажется на европейской сторонѣ часть Стамбула, простирающаяся отъ крѣпости семи башенъ, гдѣ содержатся военноплѣнники, до того сѣверо-восточнаго мыса, на которомъ стоитъ храмъ

Библиотека "Руниверс"

Софіи, и неподалеку отъ онаго Сарай или дворецъ султанскій, окруженный лѣсомъ и садами, такъ что онаго почти не видно; а на сторонѣ же азіатской—часть берега идущаго отъ Калхидоніи до Скутари. Помянутый мысъ прикрываетъ прочія части города, сливаясь съ западнымъ азіатскимъ мысомъ. Когда станешь проходить оба оные мыса, оставя проливъ Чернаго моря въ правой и входя въ находящуюся губу на лѣвой рукѣ, тогда откроется вторая часть Стамбула, вторая часть Скутари и лежащая противъ оныхъ по другую сторону черноморскаго канала населенная гора, которой вершина именуется Пера, гдѣ живутъ европейскихъ дворовъ посланники, средняя часть Галата, гдѣ также многіе христіане обитаютъ, и низменности оной Топхана, то есть литейная съ пушечнымъ заводомъ, и Далмабакчи, мѣсто для прогулки изрядное, неподалеку отъ котораго находится султанскій загородный дворецъ. Городъ сей, при подходѣ нашемъ къ оному съ моря, показался мнѣ удивительно обширнымъ, разметаннымъ, и по своему азіатскому строенію, на подобіе клѣтокъ, такою деревнею, въ которой между превеликими кучами изрядныхъ крестьянскихъ свѣтлицъ стоятъ индѣ толстыя каменныя церкви. Не видно въ немъ ни огромности, ни пышности, ни простоты пріятной, но нѣкая дикость и пестрота, не могущая нравиться очамъ, привыкнувшимъ смотрѣть на великолѣпіе европейскихъ городовъ. Что касается до положенія мѣста, то оно дѣйствительно весьма прекрасное, да и всѣ мѣста отъ самыхъ Дарданелъ до Константинополя видъ имѣютъ хорошій. Вошедъ въ губу или гавань, увидѣли мы стоящіе подлѣ берега наши фрегаты: «Наталію», «Санктъ Павелъ», «Констанцію» и еще пришедшую изъ Чернаго моря шкуну, къ которымъ скоро потомъ и мы присоединившись составили число россійскихъ судовъ пять. По пріѣздѣ нашемъ сюда и по радостномъ свиданіи съ нашими товарищами, услышали мы отъ нихъ много новостей, о которыхъ я теперь же тебя увѣдомлю.

Извѣстно, что всѣ наши фрегаты шли подъ именемъ купеческихъ судовъ въ Константинополь, остерегались какъ возможно, чтобъ не показать никакого виду воинскаго, прятали пушки, никто не надѣвалъ мундировъ и назывались купцами. Но хотя бы можно такимъ образомъ обмануть турокъ, однако не обманешь зоркіе глаза враждующей вамъ зависти. Распространили немедленно слухъ, что многіе наши корабли идутъ въ Архипелагъ: турки начали брать тайно предосторожности. Между тѣмъ потребовали отъ нихъ деньги, которыя должны они заплатить намъ по трактату за прошлую войну, а въ то же самое время предложили о пропускѣ нашихъ фрегатовъ, пришедшихъ уже тогда къ Дарданеламъ. Первое, сказываютъ, было отказано, я другое позволено. Какъ же скоро фрегатъ «Наталія» и «Григорій» показались въ Константинополь, то можно ли было увѣрить, что они купе-

Библиотека "Руниверс"

ческія суда, а не военные фрегаты? Турки возымѣли тотчасъ подозрѣніе, а зависть, безъ сомнѣнія, старалась тогда въ нихъ оное умножить, и къ тому же еще пришла вѣдомость о перемѣнѣ крымской и что наши войска находятся на границѣ: всѣ тогда возопіяли на суда наши, и можно сказать, что они въ то время были въ самыхъ нѣдрахъ зависти и злобы, отъ которыхъ всякаго себѣ вреда ожидать долженствовали. Министръ подозрѣвалъ каждаго и былъ въ превеликой нерѣшимости, что́ предпринимать и какимъ образомъ успокоивать озлившуюся на насъ Порту, которая уже, сказываютъ, вознамѣривалась отобрать рули у нашихъ судовъ; а по сему слуху приготовлялись уже они въ случаѣ нападенія дѣлать оборону. Чернь турецкая между тѣмъ говорила, что сіи суда суть зажигательные брандеры, а люди на оныхъ набраны такіе, которые осуждены были на смерть, и чтобъ избавиться отъ казни, пошли изъ отчаянія зажигать Константинополь. При такихъ страшныхъ слухахъ представь себѣ обстоятельства наши! Слабыми силами двухъ почти не вооруженныхъ фрегатовъ, находящихся въ рукахъ толь многочисленнаго и озлобленнаго на нихъ народа, не могли помогать ни разумъ, ни искусство, ни сама тогда смутившаяся политика. Надлежало или погибнуть, или со стыдомъ смотрѣть, какъ будутъ у судовъ отнимать рули; но сего послѣдняго конечно бы россіяне сдѣлать не допустили, развѣ бы съ ними учинилося первое.

Между тѣмъ для отвращенія сихъ угрожающихъ слѣдствій и для показанія точнаго виду купеческаго, дабы утишить нѣсколько гнѣвное на насъ подозрѣніе, позволили фрегату «Григорію» наняться и пойти въ Салоникику и другіе города за рожью; туркъ велѣно было принимать какъ возможно ласковѣе. И такъ отъ часу начала потухать сія буря, и мы, пришедъ со своимъ фрегатомъ, уже страшныхъ сихъ обстоятельствъ не застали, а только о нихъ услышали. Сегодня же составляли мы свиту нашего министра, которому давалъ аудіенцію новый верховный визирь. Церемонія была слѣдующимъ образомъ: поутру въ девять часовъ собрались мы въ домъ къ министру, оттуда, въ богатомъ парадѣ и съ великимъ числомъ народа въ провожаніи янычаръ, пошли съ нимъ на пріуготовленныя для насъ шлюпки, которыми плывучи по гавани составляли изрядную фигуру. По переѣздѣ на другую сторону въ Стамбулъ подведена была къ нему богато убранная лошадь, на которую онъ сѣлъ, и которую два янычара вели подъ поводъ, а мы слѣдовали за нимъ пѣшкомъ до самаго визирскаго двора. Пришедъ въ покои нашли мы въ оныхъ человѣкъ около двухъ сотъ изрядно одѣтыхъ турокъ, которые всѣ были слуги великаго визиря. Министра нашего встрѣтилъ драгоманъ или переводчикъ, который сѣвъ разговаривалъ съ нимъ около четверти часа. Потомъ перевели насъ въ другую комнату, куда вскорѣ пришелъ, ведомый двумя турками подъ

Библиотека "Руниверс"

руки и одѣтый въ большую желтую шубу, великій визирь, провождаемый куреніемъ разныхъ душистыхъ порошковъ. По входѣ онаго всѣ находящіеся турки во все горло прокричали ему три раза нѣкоторыя поздравительныя слова, послѣ чего, откланявшись нѣсколько, сѣлъ онъ и посадилъ нашего министра, который черезъ переводчика сказалъ ему обыкновенную поздравительную рѣчь, что онъ радуется толикихъ достоинствъ мужа видѣть на сей великой степени, и что какъ миръ и тишина есть главное благополучіе народовъ, то надѣется онъ въ особѣ его находить попечителя о сохраненіи оныхъ и проч. Визирь въ отвѣтѣ своемъ изъявилъ ему также миролюбивое государя своего желаніе, присовокупя къ сему, что какъ человѣку дана жизнь для того, чтобъ онъ жилъ на свѣтѣ то паче всего надлежитъ ему стараться сохранять оную, не искать войною смерти и проч. По окончаніи сихъ взаимныхъ рѣчей подали курительные порошки и кофе—визирю въ золотыхъ сосудахъ съ каменьями, а министру нашему просто въ золотыхъ; насъ же въ сіе время дарили турецкими конфектами. Послѣ всѣхъ сихъ обрядовъ, разставшись съ визиремъ пошли мы возвратнымъ путемъ домой; пришедъ обѣдали министра и потомъ разошлись кому куда было надобно.

27.

15-го марта.

Слухи о войнѣ нашей съ турками не только здѣсь не умолкаютъ, но умножаются отъ часу, а потому и пропускъ судовъ нашихъ въ Черное море кажется быть весьма сомнителенъ. Мы провождаемъ время довольно скучно, не по однимъ только симъ непріятнымъ обстоятельствамъ, но такъ сказать и по всему прочему. Главное увеселеніе наше состоитъ въ томъ, что каждое воскресенье вечеромъ бываемъ у министра нашего, куда собираются всѣ перскіе жители и проводятъ время играніемъ въ карты или танцованіемъ. Весьма забавно смотрѣть на сіе собраніе по причинѣ различности одѣяній какъ женскихъ такъ и мужскихъ; изъ которыхъ иные одѣты по-гречески, переводчики по-турецки, а прочіе всѣ по разности земель разными европейскими образами. На сихъ дняхъ для осматриванія города ходили мы въ Стамбулъ подъ провожаніемъ одного янычара, котораго прежде, нежели пойдутъ туда, обыкновенно берутъ съ собою, для того чтобъ не быть обижену наглостію какого нибудь бѣшенаго турка или турчанки. Ибо какъ въ самомъ Константинополѣ или Стамбулѣ изъ христіанъ никто не живетъ, да притомъ и не часто ходятъ туда, то нерѣдко случается, что идучи одинъ по городу, а особливо хорошо одѣвшись, попадешь на такихъ женщинъ,

Библиотека "Руниверс"

которыя тебя или обругаютъ или осмѣютъ. Также часто случается, что ребятишки бросаются каменьями, называя всякаго христіанина гяуромъ, то есть невѣрнымъ. Такія и симъ подобныя нахальства, сказываютъ, были весьма употребительны прежде нашей войны съ ними, а нынѣ вообще примѣчено всѣми, что они сдѣлалися послѣ войны меньше въ подобныхъ случаяхъ безразсудными. Такъ какъ во внутрь мечетей ихъ входить нельзя, то удовольствовалися мы видѣніемъ храма святыя Софіи съ наружности. Оный обширенъ и видомъ нѣсколько похожъ на наши соборныя церкви, прочія турецкія мечети построены на подобіе онаго, и нѣкоторыя украшены нарядно мраморомъ и столпами.. Каждый государь старается у нихъ въ память по себѣ оставить поставленную имъ мечеть, которая чтобъ называлася именемъ его; да и простой народъ ревнителенъ весьма къ строенію мечетей, и для того оныхъ въ Константинополѣ великое множество [1]).

---

[1]) Къ сожалѣнію дальнѣйшихъ писемъ редакція въ своемъ распоряженіи не имѣетъ.

Поправка.

Въ статьѣ: „Къ вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ", помѣщенной въ Іюньской книжкѣ „Русской Старины", замѣчены слѣдующія опечатки:

На стран. 615, въ строкѣ 16 сверху, вмѣсто напечатаннаго: „или несомнѣнно часто видѣлись-бы, то" должно стоять: „они несомнѣнно часто видѣлись-бы, и"

На стран. 617, въ строкѣ 14 сверху вмѣсто „1833" надо „1830" г.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

Библиотека "Руниверс"

рами кротости, обратился къ строгости и почти безчеловѣчно позволяя себѣ даже бить великаго князя линейками, ружейными шомполами и пр.

Великія князья, какъ только вставали утромъ съ постели, такъ почти сейчасъ же принимались за военныя игры; у нихъ были оловянные и фарфоровые солдатики, ружья алебарды, гренадерскія шапки, деревянныя лошади, барабаны, трубы и пр. Игры эти, по словамъ барона М. А. Корфа, рѣдко были миролюбивы: почти всякій день случались или ссора, или даже драка. Въ дальнѣйшемъ изложеніи баронъ Корфъ перечисляетъ предметы, которымъ обучались въ это время великіе князья; кромѣ того здѣсь сосредоточены свѣдѣнія о томъ, какъ проводили они время, о состояніи ихъ здоровья, о костюмахъ и пр.

Третій періодъ,—отрочество и юношество императора Николая I,—начался съ разлуки съ нѣсколькими любимыми и дорогими лицами. Императрица Марія Ѳедоровна признала за благо удалить отъ своихъ младшихъ сыновей прежнихъ товарищей ихъ игръ; Панаевъ, Адлербергъ и Ушаковъ были опредѣлены въ Пажескій корпусъ, а прочіе—въ другія казенныя заведенія. Чтобы устранить дѣтей своихъ даже отъ всякихъ зрѣлищъ военныхъ и тѣмъ, по ея мнѣнію, оживить дремавшее въ нихъ до тѣхъ поръ расположеніе къ наукамъ, она пыталась удалиться съ ними въ Гатчину и тамъ продолжать ихъ воспитаніе. Она желала даже отправить ихъ въ Лейпцигскій университетъ, но этому воспротивился императоръ, которому пришло на мысль образовать въ Царскомъ Селѣ лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи. Лицей былъ открытъ, но великіе князья помѣщены въ него не были; образованіе ихъ велось подъ руководствомъ императрицы.

Недостатокъ мѣста препятствуетъ намъ остановиться подробнѣе на этомъ періодѣ жизни Николая Павловича, въ продолженіе котора и онъ,—по словамъ барона Корфа, сохранилъ всю ту строптивость и стремительность характера, всю ту же настойчивость и желаніе слѣдовать одной собственной своей волѣ, которыя, уже и въ предъидущій періодъ, давали столько заботы его воспитателямъ, и съ возрастомъ эти качества даже еще болѣе усиливались. Особенные успѣхи великій князь оказалъ въ рисованіи и съ учителемъ этого предмета, профессоромъ Шебуевымъ, былъ въ пріязненныхъ и близкихъ отношеніяхъ, которыя сохранилъ и впослѣдствіи, уже будучи императоромъ.

Кромѣ разсмотрѣннаго нами біографическаго очерка первыхъ годовъ жизни Николая Павловича, въ 98 томѣ Сборника обращаетъ на себя вниманіе извлеченіе изъ современныхъ записокъ статсъ-секретаря барона Корфа, гдѣ говорится объ участіи императора въ совѣщательныхъ собраніяхъ. Здѣсь сообщаются болѣе подробныя свѣдѣнія о слѣдующихъ комитетахъ: 1) конца 1835 года—по поводу постройки желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ; 2) 1841 г.—о средствахъ къ покрытію дефицита въ государственной росписи на 1841 г; 3) 1841-го же года—о кредитныхъ билетахъ для сохранныхъ казенъ и заемнаго банка; 4) 1842 г.—объ устройствѣ питейныхъ сборовъ; 5) 1843 г.—о замѣнѣ государственныхъ ассигнацій другими денежными представителями; 6) 1844 г.—объ устройствѣ сословія дворовыхъ людей. Далѣе помѣщены отчеты министерствъ за 25-ти лѣтіе царствованія императора Николая Павловича и алфавитный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.

Н. К-ш-ъ.

Maisonnette du czar Pierre le Grand à Zaandam. Домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ 1697—1896.

Въ августѣ мѣсяцѣ текущаго года исполнится 200 лѣтъ со времени перваго посѣщенія голландскаго городка Заандама царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Извѣстно, что на здѣшней верфи будущій преобразователь Россіи изучалъ кораблестроеніе, подготовляясь „прилать,—по словамъ поэта,—

мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля“.

Поэтому нельзя не привѣтствовать счастливой мысли нашего вице-консула въ Амстердамѣ А. Е. Ловягина издать альбомъ, подъ приведеннымъ заглавіемъ, въ которомъ помѣщены снимки со всего того, что напоминаетъ о Петрѣ въ Заандамѣ.

Изящно изданный, въ малую 8-ку, альбомъ заключаетъ въ себѣ: четыре страницы текста—краткаго описанія домика на русскомъ, голландскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, десять страницъ иллюстрацій или двадцать прекрасныхъ рисунковъ, воспроизводящихъ портреты и картины, находящіеся въ домикѣ (изъ послѣднихъ особенно выдается картина, представляющая Петра на постройкою ботика и въ то же время диктующаго какой-то указъ своему секретарю), изображенія внутренняго и внѣшняго вида этого памятника въ разныя эпохи его существованія и, наконецъ, двѣ страницы автографовъ августѣйшихъ особъ, въ разное время посѣтившихъ эту „бѣдную хижину“, надъ которою, по выраженію другого поэта,

„Летаютъ ангелы святые“

и въ которой „родилась

Великая Россія“.

Г. А. Воробьевъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою. За границу ОДИННАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Циверлинга (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

— —

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1896 по **9** рублей.

Библиотека "Руниверс"